This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

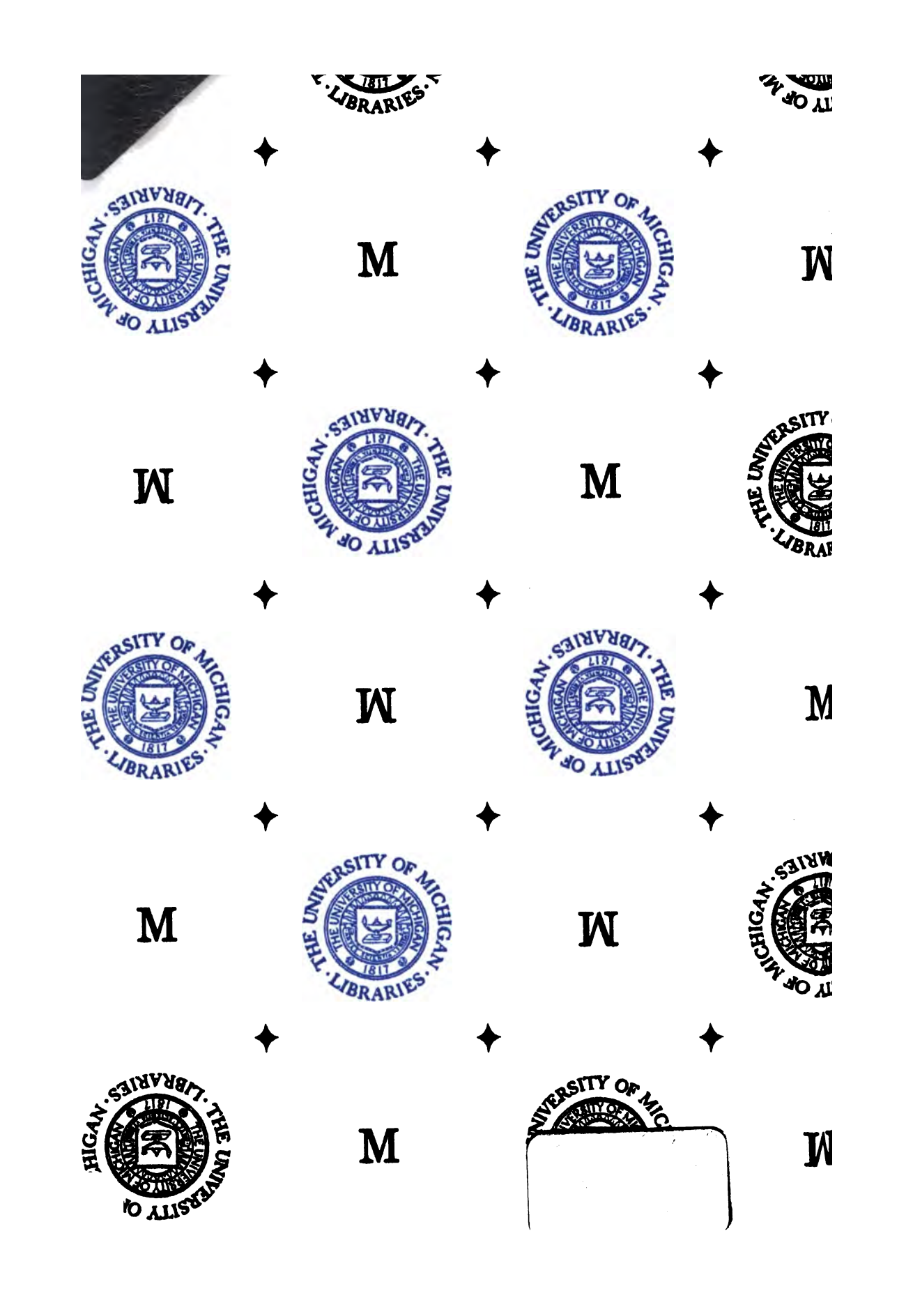
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

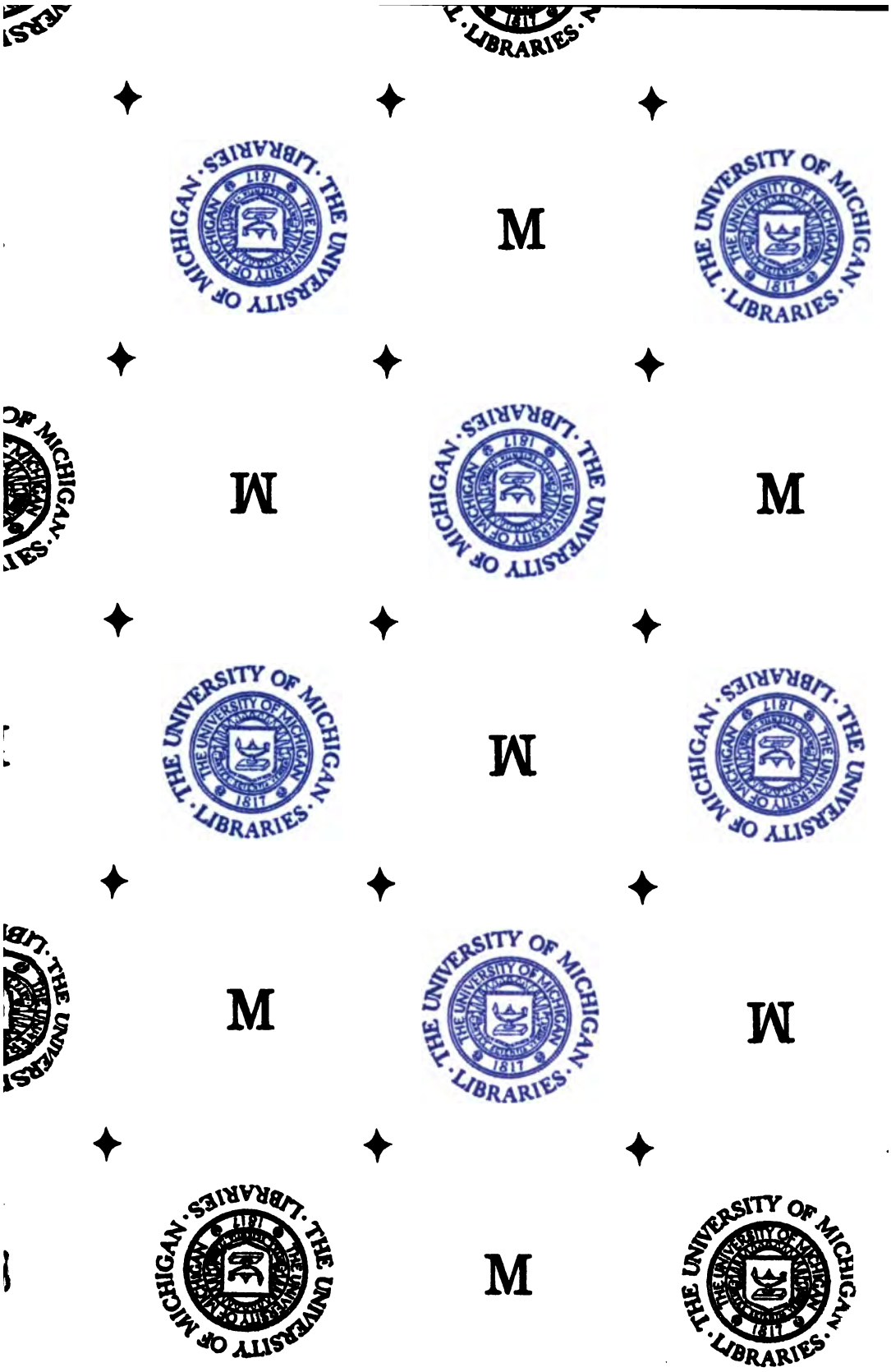
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

B 861,685


THE UNIVERSITY OF MICHIGAN · LIBRARIES · 1817


THE UNIVERSITY OF MICHIGAN · LIBRARIES · 1817
M

Н. А. НЕКРАСОВЪ

А. Н. Пыпина

СЪ ТРЕМЯ ПОРТРЕТАМИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28
1905

891.78
N420
P97
1905

3393

Stacks
21-72
035342 93

Настоящая работа была напечатана первоначально въ „Вѣстникѣ Европы“ 1904. Къ письмамъ Некрасова къ И. С Тургеневу, полученнымъ отъ Тургенева, мы могли прибавить здѣсь еще одно, отъ января 1850 года (№ 7, *bis*). Затѣмъ, въ концѣ книги, присоединенъ „Библіографическій обзоръ литературы о Некрасовѣ съ его смерти“. Этотъ обзоръ составился изъ моихъ личныхъ замѣтокъ, дѣланныхъ въ разное время безъ спеціальной библіографической цѣли: онъ не былъ совершенно полонъ, но я не предпринималъ особыхъ дополненій, потому что въ настоящее время могъ указать отмѣченную далѣе книгу г-жи Мезіеръ, гдѣ читатель найдетъ еще нѣсколько библіографическихъ свѣдѣній.

Въ нѣсколькихъ случаяхъ приведены извлеченія изъ посмертныхъ отзывовъ о личности и поэзіи Некрасова.

Думаемъ, что обзоръ этой литературы будетъ не лишенъ серьезнаго интереса для тѣхъ, кто еще не рѣшилъ себѣ давно поставленнаго спора о поэ-

зіи Некрасова. Въ приведенныхъ отзывахъ (вмѣстѣ съ „историко-литературными справками“) указаны мнѣнія за и противъ; но горячія сочувствія, которыя слышатся донынѣ отъ людей самаго послѣдняго поколѣнія, не видѣвшаго непосредственно дѣятельности Некрасова (упомянемъ Бобрищева-Пушкина, г. Розанова, г. Бальмонта), эти сочувствія являются свидѣтельствомъ, котораго не могутъ миновать критика и исторія литературы.

Къ настоящему изданію прибавлены еще три характерные портрета Некрасова: исполненные (въ первыхъ семидесятыхъ годахъ) въ фотографіяхъ Бергамаско, Деньера и Левицкаго, они воспроизведены здѣсь, съ великою точностію, въ фототипіи г. Вильборга.

А. П.

Октябрь, 1904.

Н. А. НЕКРАСОВЪ

НѢСКОЛЬКО ВОСПОМИНАНІЙ.

...Въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ я познакомился съ редакціей „Современника“. Раньше я бывалъ на „четвергахъ“ Краевскаго, гдѣ собиралось много литературныхъ людей; но меня особенно интересовалъ литературный кругъ „Современника“, гдѣ можно было видѣть, въ числѣ болѣе или менѣе близкихъ друзей редакціи, самыхъ крупныхъ писателей того времени. Представлялась и небольшая литературная работа, для меня очень не лишняя. Впослѣдствіи я довольно сблизился съ редакціей „Современника“; мнѣ нерѣдко случалось бывать въ ближайшемъ кружкѣ, который собирался у Некрасова за его обѣдами или ужинами.

„Отечественныя Записки“ и „Современникъ“ представляли тогда какъ бы два враждебныхъ лагеря. Исторіи, касавшіеся того времени, давали иногда не совсѣмъ вѣрное освѣщеніе этихъ отношеній и, напримѣръ, объясняли эту вражду только чисто „коммерческой“ конкурренціей двухъ изданій. Это не совсѣмъ вѣрно или даже совсѣмъ невѣрно, потому что здѣсь не замѣчена одна

Н. А. НЕКРАСОВЪ

А. Н. Пыпина

СЪ ТРЕМЯ ПОРТРЕТАМИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28
1905

Н. А. НЕКРАСОВЪ

А. Н. Пыпина

СЪ ТРЕМЯ ПОРТРЕТАМИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28
1905

ніе было скудное; между тѣмъ онъ желалъ поступить въ университетъ... Онъ не стѣснялся своихъ бѣдственныхъ воспоминаній и разсказывалъ, напримѣръ, какъ онъ съ грѣхомъ пополамъ учился латыни, необходимой для экзамена, у какого-то учителя изъ семинаристовъ, который принималъ его въ халатѣ, подпоясанный полотенцемъ, и урокъ шелъ за штофомъ водки; этого учителя онъ, впрочемъ, хвалилъ, это былъ человѣкъ не глупый и училъ хорошо. Изъ этого ничего потомъ не вышло, потому что для дальнѣйшаго ученья вообще было слишкомъ много препятствій. „Петербургскіе углы“, которые Некрасовъ описывалъ впослѣдствіи, были извѣстны ему по наглядному собственному опыту. Такимъ образомъ, эта тяжкая и элементарная сторона жизни была однимъ изъ первыхъ и довольно продолжительныхъ опытовъ, какіе пришлось ему извѣдать и которые, конечно, не могли не оставить своего трудно изгладимаго слѣда...

Но въ молодомъ человѣкѣ, такъ тяжело испытуемомъ судьбою, жило тѣмъ не менѣе рѣшеніе не покориться этой судьбѣ, пріобрѣталось реальное знаніе жизни; закалялся сильный характеръ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и грубѣлъ...

Какъ я сказалъ, я почти въ одно время познакомился съ тѣмъ и другимъ журналомъ. У Краевскаго собиралось по четвергамъ довольно многолюдное литературное и артистическое общество, очень разнообразное—тутъ были всего больше писатели, но бывали также художники, актеры, важные чиновники; въ тѣ годы Краевскій былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ, какъ бы „представителей печати“. Здѣсь, напримѣръ, я видѣлъ въ первый разъ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго (еще въ концѣ сороковыхъ годовъ

онъ помѣстилъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ знаменитую статью „О колебаніи цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи“ — это было замѣчательное, хотя по обстоятельствамъ времени очень прикрытое указаніе на ненормальность крѣпостного права); здѣсь бывалъ В. В. Самойловъ; здѣсь я въ первый разъ познакомился съ И. Ѳ. Горбуновымъ, котораго тогда вывезъ изъ Москвы Островскій, и который уже на первыхъ порахъ производилъ большой эффектъ и имѣлъ успѣхъ въ разныхъ слояхъ петербургскаго общества; здѣсь бывалъ Писемскій, Д. В. Григоровичъ и пр.; бывали наконецъ и мои знакомцы по изслѣдованіямъ въ старой литературѣ; гости обыкновенно разбивались на отдѣльные кружки... Понятно, что этотъ кругъ представлялъ очень много интереса для меня, вчерашняго студента, уже начавшаго „литературныя изученія“; бывало много неизвѣстныхъ мнѣ раньше любопытныхъ людей, сообщались литературныя и общественныя новости,—между прочимъ, въ это время готовился, а потомъ и совершился, столѣтній юбилей Московскаго университета, еще небывалое до тѣхъ поръ научно-литературное торжество; происходилъ финалъ Крымской войны.

Совсѣмъ иного характера былъ кружокъ „Современника“. Тамъ не было „журфикса“, на который могла собираться многолюдная и случайно соединявшаяся толпа. Сходился только опредѣленный, ближайшій кружокъ, который обыкновенно и соединялся въ одномъ общемъ разговорѣ... Въ первый разъ, когда я видѣлъ Некрасова, онъ жилъ въ домѣ, еще недавно сохранявшемся въ томъ же видѣ на углу Загороднаго проспекта и Звенигородской улицы. Здѣсь у него я встрѣтилъ въ первый разъ И. С. Тургенева.

При этомъ первомъ знакомствѣ съ кружкомъ редакціи „Современника“ я уже достаточно зналъ принадлежавшихъ къ нему лицъ по ихъ литературнымъ трудамъ и репутаціи;—уже впередъ этотъ кружокъ имѣлъ для меня самый живой интересъ. Дѣйствительно, здѣсь собрались самыя лучшія силы тогдашней литературы — притомъ не въ случайной встрѣчѣ по журнальнымъ дѣламъ (какъ это бывало въ редакціи „Отечественныхъ Записокъ“), а въ сознательномъ единеніи, которое внушалось общими литературными взглядами и задачами, сродствомъ художественнаго вкуса и взаимной оцѣнкой,—и это единеніе переходило въ дружескія отношенія; многихъ (какъ, напримѣръ, Тургенева, Григоровича, Анненкова, Боткина) связывало дружество еще со временъ Бѣлинскаго. Въ литературномъ отношеніи „Современникъ“ безъ сомнѣнія былъ лучшимъ журналомъ того времени. Здѣсь начались и продолжались „Записки Охотника“ Тургенева, оставшіяся самымъ замѣчательнымъ его произведеніемъ; помѣщались повѣсти Григоровича (другія, второстепенныя вещи его, какъ „Проселочныя дороги“ и т. п., помѣщались въ „Отечественныхъ Запискахъ“); здѣсь появлялись произведенія Гончарова, Дружинина, художественно-критическія статьи В. Боткина; въ дружескихъ отношеніяхъ съ редакціей былъ П. В. Анненковъ; далѣе, Ег. П. Ковалевскій, В. П. Гаевскій, братья Жемчужниковы и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что писатель, котораго можно было справедливо назвать писателемъ-художникомъ, долженъ былъ гораздо больше тяготѣть къ редакціи „Современника“, чѣмъ къ „Отечественнымъ Запискамъ“. Въ послѣднихъ для такого писателя былъ только одинъ матеріальный вопросъ—вопросъ напечатанія повѣсти, романа и т. д.

и гонораръ; здѣсь, напротивъ, онъ могъ быть увѣренъ въ интересѣ цѣлаго кружка къ самому произведенію, его художественному значенію и общественному смыслу; въ случаѣ успѣха, онъ могъ ожидать искренняго сочувствія, а также и критики, внушаемой опытнымъ вкусомъ,— того и другого всегда жаждетъ писатель-художникъ, серьезно относящійся къ своему труду. Эти отношенія чувствовались и впослѣдствіи, когда я ближе видалъ редакцію „Современника“ и убѣждался, что это было дѣйствительно такъ.

Кромѣ названныхъ лицъ, здѣсь встрѣчались и другіе извѣстные писатели того времени: бывалъ Писемскій, Я. П. Полонскій; ни тотъ, ни другой не были, сколько припоминаю, частыми посѣтителями; позднѣе, едва ли не послѣ извѣстныхъ статей Добролюбова, бывалъ А. Н. Островскій.

Характеры лицъ были довольно разнообразны; но въ цѣломъ это былъ безъ сомнѣнія лучшій литературный кругъ того времени. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ кругу въ извѣстной степени чувствовалось превосходство надъ обычною массой тогдашней литературы. И это не было лишено основанія: за этимъ кругомъ стояло славное преданіе Бѣлинскаго и сороковыхъ годовъ; высокая степень дарованій, литературнаго вкуса и опыта. Къ этому чувству превосходства присоединилось вѣроятно и нѣкоторое, уже не зависѣвшее отъ литературы, барство. Кружокъ могъ напоминать слова г-жи Сталь, что въ Россіи нѣсколько „gentilshommes“ занимается литературой [1]). Бо́льшею

[1]) Дальше увидимъ, что Фетъ, отчасти примыкавшій къ этому кругу, съ нѣкоторой гордостью утверждалъ, что тогдашняя литература была „дворянская“—онъ скорбѣлъ, что потомъ въ эту литературу вошли „разночинцы“, а изъ прежнихъ дѣятелей многіе измѣнили „дворянскимъ интересамъ“ (во время освобожденія крестьянъ).

частью, это были люди именно дворянскаго круга, съ ещё привычными тогда его чертами;—послѣднія принимались и другими, у которыхъ дворянское барство замѣнялось барствомъ купеческимъ, какъ, напримѣръ, у В. П. Боткина.

Самымъ сильнымъ по таланту и самымъ крупнымъ по литературному значенію (до Л. Н. Толстого) въ этомъ кругу былъ несомнѣнно Тургеневъ; по уму и общественному пониманію едва ли не превосходилъ всѣхъ Некрасовъ. Нѣкоторыя особенности этихъ двухъ характеровъ бросились мнѣ въ глаза, когда я увидѣлъ ихъ обоихъ, придя въ первый разъ къ Некрасову. Некрасовъ заговорилъ просто, прямо о дѣлѣ; обо мнѣ онъ зналъ раньше. Съ Тургеневымъ у меня дѣлъ никакихъ не было; мое имя онъ зналъ и былъ любезенъ, но съ нѣкоторымъ, правда, едва замѣтнымъ тономъ покровительства,—быть можетъ, такой тонъ казался ему естественнымъ относительно молодого человѣка, впервые вступавшаго въ литературную жизнь. Эта черта извѣстнаго, хотя и прикрываемаго, высокомѣрія иныхъ прямо раздражала. Она дѣйствительно бывала иногда замѣтна и слѣдовательно неумѣстна, и я не сомнѣваюсь, что она, на-ряду съ другими подобными чертами характера, была въ числѣ тѣхъ мотивовъ, которые, несмотря на значительную долю благодушія, уже вскорѣ стали создавать холодное отношеніе къ Тургеневу—отъ „Современника“ половины пятидесятыхъ годовъ до „Отечественныхъ Записокъ“ временъ Салтыкова въ семидесятыхъ. Тургеневъ въ кружкѣ Некрасова былъ интересный собесѣдникъ, между прочимъ, по обширному знанію европейской литературы. Здѣсь въ ровень съ нимъ стоялъ А. В. Дружининъ, который, впрочемъ, особенно увлекался

тогда и послѣ „британской“ литературой. Бывшій гвардейскій офицеръ, кажется, довольно богатый человѣкъ, Дружининъ держалъ себя англійскимъ джентльменомъ, строго корректнымъ во внѣшности и манерахъ; при всей этой немного искусственной и, по-англійски, холодной манерѣ, онъ былъ очень хорошій человѣкъ,—не даромъ изъ „британской“ словесности онъ вычиталъ идею литературнаго фонда и былъ первымъ иниціаторомъ нашего учрежденія этого имени. Боткинъ только по временамъ жилъ въ Петербургѣ и тогда бывалъ частнымъ посѣтителемъ Некрасова. Когда мы видѣли его здѣсь, время дружбы съ Бѣлинскимъ давно миновало; характеръ не мало измѣнился въ сторону дѣловыхъ интересовъ и пріемовъ; онъ былъ тогда главнымъ руководителемъ богатой фирмы. Повидимому издавна принадлежала ему свойственная его практической дѣятельности сухость; онъ не былъ привѣтливъ; изъ молодого поколѣнія онъ, кажется, не сблизился ни съ кѣмъ; въ особенности онъ считалъ себя судьей въ дѣлѣ художественной критики, и немалая опытность у него несомнѣнно была. Со старыми друзьями, какъ Некрасовъ, Тургеневъ, у него были короткія отношенія, и я припоминаю, какъ онъ дѣлалъ желчные выговоры Тургеневу за его эстетическія ошибки. Дѣло въ томъ, что Тургеневъ былъ очень податливъ на покровительство молодымъ талантамъ. Въ это время, около половины пятидесятыхъ годовъ, онъ отрекомендовалъ Краевскому одну повѣсть, о которой наговорилъ и своимъ друзьямъ въ „Современникѣ“; когда повѣсть явилась въ печати, Боткинъ прочиталъ ее и обрушился на Тургенева—какъ онъ могъ видѣть въ повѣсти какія-то достоинства, которыхъ въ ней вовсе не было, что нельзя судить такъ

легкомысленно и т. д.; Тургеневъ не находилъ оправданій. Появлялся въ кружкѣ и П. В. Анненковъ, когда еще ожидался выходъ въ свѣтъ изданія Пушкина. Бывалъ Писемскій: это былъ уже авторитетный писатель; несомнѣнно талантливый, по-своему умный, онъ не привлекалъ къ себѣ; его провинціально грубая манера, не весьма изящный костромской говоръ, который выдавался очень рѣзко, какъ будто предвѣщали, что здѣсь онъ не въ своемъ кругу. И дѣйствительно, когда впослѣдствіи онъ сталъ однимъ изъ руководителей „Библіотеки для Чтенія“ [1]), и тамъ его фельетоны, подъ грубымъ, даже нѣсколько безсмысленнымъ псевдонимомъ (трудно понять, почему выбраннымъ), проводили какую-то нелѣпо-консервативную тенденцію.

Пятидесятые годы, именно ихъ середина, были знаменательнымъ временемъ въ цѣлой новѣйшей русской исторіи, временемъ кризиса въ жизни государства и великаго перелома въ умахъ общества и даже народа. То былъ канунъ и вскорѣ начало Крымской войны. Литература переживала тяжелое время. Подъ гнетомъ цензуры трудно было сказать что-нибудь живое, стать въ какой-либо степени не то что органомъ, но хотя бы слабымъ отголоскомъ общественнаго мнѣнія. Это было то время, когда по внушеніямъ „негласнаго комитета“, который былъ настоящимъ пугаломъ литературы и самой цензуры, распространилась особенная боязнь печатнаго слова и преслѣдованіе всякаго намека на критическую мысль... Гроза была неотвратимая, и съ нею нужно было

---

[1]) Послѣ Дружинина.

считаться, чтобы сохранить существованіе журнала. Одного спеціальнаго цензурнаго учрежденія казалось мало: каждое министерство или крупное вѣдомство имѣло особыхъ цензоровъ изъ своихъ чиновниковъ, которые должны были просматривать или цѣлыя статьи, или отдѣльныя мѣста, гдѣ рѣчь касалась ихъ компетенціи. Обыкновенный цензоръ отмѣчалъ въ посылаемыхъ ему корректурахъ, что статья или отчеркнутое мѣсто должны были быть направлены къ особому цензору, того или другого вѣдомства. Сколько помню, тогда насчитывали до семнадцати подобныхъ цензуръ. Понятно, что такое положеніе вещей не представляло для редактора журнала ни удобства, ни удовольствія: во всякомъ случаѣ это была непріятная проволочка, которой старались избѣгать... Къ счастью, спеціальнымъ цензоромъ „Современника“ былъ тогда В. Н. Бекетовъ, человѣкъ болѣе или менѣе простой, довольно благодушный и благожелательный. Конечно, самъ находясь подъ ферулой, онъ не могъ уступать и не уступалъ своихъ цензорскихъ обязанностей, но, по крайней мѣрѣ, онъ не былъ мелоченъ и не прибавлялъ къ обязанностямъ оффиціальнымъ личной придирчивости и каприза. Я много разъ встрѣчалъ его за обѣдами или ужинами Некрасова... Настроеніе литературнаго круга, который я видѣлъ здѣсь и въ нѣкоторыхъ иныхъ кружкахъ, было довольно странное: прежде всего это было, конечно, настроеніе подавленное; трудно было говорить въ литературѣ даже то, что говорилось еще недавно, въ концѣ сороковыхъ годовъ. По распоряженіямъ негласнаго комитета даже отбирались нѣкоторыя книги прежняго времени, напр., „Отечественныя Записки“ сороковыхъ годовъ; славянофиламъ просто запрещали писать, или представлять въ цензуру какія-

нибудь свои статьи; оставались возможны только темные намеки или молчаніе. Въ кругу „Современника“ передавались текущія новости разнаго рода, цензурные анекдоты, иногда сверхъестественные, или шла незатѣйливая пріятельская болтовня, какая издавна господствовала въ холостой компаніи тогдашняго барскаго сословія,—а эта компанія была и холостая, и барская. Нерѣдко она попадала на темы совсѣмъ скользкія. Въ это время Дружининъ писалъ въ „Современникѣ“ цѣлые шутовскіе фельетоны подъ заглавіемъ: „Путешествіе Ивана Чернокнижникова по Петербургскимъ дачамъ“—для развлеченія читателя, да и собственнаго. Въ это время создавались творенія знаменитаго Кузьмы Пруткова, которыя также печатались въ „Современникѣ“, въ особомъ отдѣлѣ журнала, и въ редакціи „Современника“ я въ первый разъ познакомился съ однимъ изъ главныхъ представителей этого сборнаго символическаго псевдонима, Владиміромъ Жемчужниковымъ. Въ то же время, когда писались творенія Кузьмы Пруткова, пріятельская компанія, которую онъ собою представлялъ, отчасти аристократическая, продѣлывала въ Петербургѣ различныя практическія шутовства, о которыхъ, если не ошибаюсь, было говорено въ литературѣ по поводу Кузьмы Пруткова. Это не были только простыя шалости беззаботныхъ и балованныхъ молодыхъ людей; вмѣстѣ съ тѣмъ, бывало здѣсь частью инстинктивное, частью сознательное желаніе посмѣяться въ удушливой атмосферѣ времени. Самыя творенія Кузьмы Пруткова какъ бы хотѣли быть образчикомъ серьезной, даже глубокомысленной, а также скромной и благонамѣренной литературы, которая ничѣмъ не нарушала бы строгихъ требованій „негласнаго комитета“. Знаменитая пьеса „Фантазія“ должна была пред-

ставлять просто скромную шутку, безъ признака какой-нибудь тенденціи; но и „Фантазія“, и мудрые афоризмы Кузьмы Пруткова, историческіе анекдоты, басни и проч., все это было сплошное шутовство, гдѣ, однако, при нѣкоторомъ вниманіи мелькала какая-то неопредѣленная насмѣшка: въ литературу введенъ былъ писатель, который очевидно былъ каррикатурой,—тупоумный или одурѣлый чиновникъ, который считалъ себя и мудрымъ, и благонамѣреннымъ. По странной случайности, около этого времени заѣхалъ въ Петербургъ мелкій провинціальный чиновникъ, хлопотать о своихъ дѣлахъ. Это былъ нѣкто Аѳанасій Анаевскій, извѣстный тогда въ литературѣ также, какъ во времена Пушкина извѣстенъ былъ Александръ Анѳимовичъ Орловъ,—авторъ цѣлаго ряда небольшихъ книжекъ, совсѣмъ серьезныхъ по намѣренію автора, но чудовищныхъ по своей нелѣпости,—какъ бы прототипъ Кузьмы Пруткова; книжки носили, напримѣръ, такія названія: „Энхиридіонъ любознательный“, „Жезлъ“, „Экзалтаціонъ и 9 музъ“, „Мальчикъ, взыгравшій въ садахъ Тригуляя“, и т. п.

Такое тяжелое положеніе угнетало не только литературу, но и все серьезное общество,—при наступавшихъ событіяхъ нельзя было отдохнуть одною шуткою, прикрытою насмѣшкою надъ самой цензурой, и въ концѣ концовъ протестъ противъ этого подавленія общественной мысли высказался въ особой, рукописной литературѣ, уже не считавшей нужнымъ искать дозволенія цензуры. Въ канунъ и въ теченіе Крымской войны эта рукописная литература обильно разрослась и распространилась въ спискахъ, ходившихъ по рукамъ и съ жадностью прочитываемыхъ. Въ большинствѣ случаевъ это были весьма серьезныя „записки“, трактовавшія о тѣхъ вопросахъ, какіе въ

тревожную пору грозившей войны волновали общество, и для которыхъ не было мѣста въ обыкновенной литературѣ... „Записки“ говорили объ общемъ политическомъ положеніи вещей, о массѣ внутреннихъ неурядицъ—испорченности и подкупности администраціи и суда, о безсиліи правительственной власти искоренить злоупотребленія при господствѣ оффиціальной лжи („все обстоитъ благополучно“) и при вынужденномъ молчаніи общественнаго мнѣнія, усиленно подавляемаго... Кромѣ записокъ по общему вопросу нашей внутренней жизни, были спеціальныя записки, напр., о состояніи суда, администраціи (были даже цѣлыя большія сочиненія), о невозможныхъ абсурдахъ цензуры и т. д. Наконецъ, ходили по рукамъ стихотворенія, вызванныя войной, или чисто патріотическія („Вотъ въ воинственномъ азартѣ—Воевода Пальмерстонъ“), или такія, гдѣ патріотизмъ выражался протестомъ противъ домашнихъ неустройствъ и испорченности (стихотворенія Хомякова: „Тебя призвалъ на брань святую“, и противовѣсъ этому „Раскаявшейся Россіи“; или извѣстное тогда стихотвореніе не названнаго автора: „Меня поставилъ Богъ надъ русскою землею“)... Многое изъ этой рукописной литературы издано было потомъ за границей въ „Голосахъ изъ Россіи“. Авторы, конечно, предпочитали умалчивать свои имена; но извѣстно было, что одна изъ самыхъ значительныхъ записокъ причадлежала Грановскому; многое написано было Погодинымъ; были работы Ив. Аксакова... Теперь многое изъ потаенной литературы стало болѣе или менѣе извѣстно; цѣлые трактаты посвящены изображенію цензуры Николаевскихъ временъ; издано многое изъ переписки того времени,—и вотъ, напримѣръ, подобранныя недавно г. Барсуковымъ изъ того времени,

слова знаменитаго историка, писателя, отличительной чертой котораго было мудрое спокойствіе мысли. „Приходилось, — писалъ С. М. Соловьевъ въ эпоху Крымской войны, — расплатиться... за полную остановку именно того, что́ нужно было болѣе всего поощрять, чего, къ несчастію, такъ мало приготовила наша Исторія, именно самостоятельнаго и общаго дѣйствія, безъ котораго самодержецъ, самый геніальный и благонамѣренный, остается безпомощнымъ, встрѣчаетъ страшныя затрудненія въ осуществленіи своихъ добрыхъ намѣреній. Нѣкоторые утѣшали себя такъ:—тяжко! всѣмъ жертвуется для матеріальной силы; но по крайней мѣрѣ мы сильны. Россія занимаетъ важное мѣсто, насъ уважаютъ и боятся. И это утѣшеніе было отнято, въ доказательство, что духъ есть иже живитъ, плоть—ничто же пользуетъ, въ доказательство гибельности матеріализма, въ доказательство того, что сила и матерія—не одно и то же“ [1]).

Мы сдѣлали это отступленіе, чтобы напомнить настроеніе общества въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, въ эпоху Крымской войны,—и дать понятіе, въ какія условія поставлена была дѣятельность журнала, если бы онъ не хотѣлъ остаться чуждъ настроеніямъ и исканіямъ общества.

Въ тяжелыхъ условіяхъ времени, для журнала, который въ концѣ сороковыхъ годовъ начатъ былъ дѣятельностью Бѣлинскаго, невозможно было думать о непосредственномъ продолженіи начатаго Бѣлинскимъ. На ту минуту не было и людей, которые были способны къ юношескому энтузіазму Бѣлинскаго,—мы увидимъ дальше,

[1]) Барсуковъ, „Жизнь и труды Погодина“, XIII, стр. 20. Въ этой же книгѣ г. Барсукова сообщены любопытныя свѣдѣнія о политическихъ запискахъ Погодина, ходившихъ по рукамъ въ эпоху Крымской войны.

что̀ сталось съ его ближайшимъ другомъ Боткинымъ (который, впрочемъ, и никогда не былъ близкимъ участникомъ журнальной работы). Но такъ или иначе, завѣтъ Бѣлинскаго не изсякъ совсѣмъ. Высоко ставилось дѣло литературы; съ дѣломъ литературы само собою соединялось (у болѣе серьезныхъ людей) и предполагалось извѣстное нравственное достоинство и общественная обязанность. Въ журналѣ соединились лучшія литературныя силы; къ нему примыкали и нѣсколько замѣчательныхъ людей другой области, ученые и публицисты. Въ первое время журнала въ немъ работалъ Кавелинъ; присылали свои труды С. М. Соловьевъ, А. Н. Аѳанасьевъ, И. Е. Забѣлинъ; много работалъ Владиміръ Милютинъ; одно время усерднымъ сотрудникомъ былъ Ушинскій и т. д. Въ 1853 къ блестящей плеядѣ Тургенева, Гончарова, Григоровича присоединилось имя, или, на первое время, три буквы, которыя тотчасъ привлекли всеобщее вниманіе. Эти буквы были Л. Н. Т. „Дѣтство“, „Отрочество“, „Юность“ и вскорѣ затѣмъ „Севастопольскіе разсказы“ поставили гр. Л. Н. Толстого въ первомъ ряду русскихъ писателей. О немъ самомъ пока знали только по слухамъ и въ первый разъ въ литературныхъ кругахъ увидѣли его въ 1856 году, когда, послѣ севастопольской осады, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ; его приняли съ распростертыми объятіями...

Въ этомъ характерѣ журнала, и въ этомъ составѣ редакціи вступилъ въ „Современникъ“ Н. Г. Ч. и, года черезъ два потомъ, Добролюбовъ. Положеніе вещей было таково. На первый разъ вступленіе Н. Г. Ч. въ редакцію не произвело на членовъ кружка особеннаго впечатлѣнія,— но уже вскорѣ, при всемъ согласіи основныхъ стремленій

къ успѣхамъ литературы, сказалась весьма существенная разница въ пониманіи ея общественнаго значенія. Различіе этихъ оттѣнковъ восходило къ различію понятій теоретическихъ и общественно-историческихъ. Дальше увидимъ, что это были двѣ различныя школы и два поколѣнія: младшее поколѣніе (въ данномъ случаѣ) было именно несравненно болѣе воспріимчиво къ тѣмъ тревожнымъ стремленіямъ общественнаго мнѣнія, какія выше мы указывали словами С. М. Соловьева. Имя Ч-го, впрочемъ, было извѣстно. Въ 1855 году произвела нѣкоторое впечатлѣніе его диссертація: „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности", и исторія, которая съ ней произошла. Дѣло въ томъ, что диссертація представлена была (на степень магистра) по каѳедрѣ А. В. Никитенка; диссертація была своего рода протестомъ противъ господствовавшей эстетической рутины и искала болѣе простой, реальной, жизненной постановки вопроса о „прекрасномъ" и объ искусствѣ. Никитенко, которому предстояло разсмотрѣть, потомъ принять или отвергнуть диссертацію его университетскаго слушателя,—гдѣ шла рѣчь именно о нѣмецкихъ теоріяхъ эстетики,—не былъ человѣкъ ученый, но онъ былъ человѣкъ умный. Надо думать, что самъ онъ (понимавшій эстетику по переводамъ и разсказамъ о теоріяхъ Гегеля) не совсѣмъ раздѣлялъ, или даже совсѣмъ не раздѣлялъ взглядовъ Ч-го; но онъ совершенно понималъ, что сложный и трудный теоретическій вопросъ можетъ допустить самыя различныя точки зрѣнія, что самая многосторонность и противорѣчивость сужденій можетъ только служить болѣе глубокому дальнѣйшему рѣшенію, и въ этомъ смыслѣ (единственно правильномъ) онъ не имѣлъ противъ диссертаціи никакихъ

возраженій. Она была имъ припята (это было главное); затѣмъ, съ формальной стороны, состоялся диспутъ, прошедшій обычнымъ образомъ, причемъ авторъ не оказывался побѣжденнымъ, и дѣло казалось рѣшеннымъ; но затѣмъ оно должно было идти на утвержденіе министра. Здѣсь началась какая-то темная исторія. Тогда объясняли ее такъ, что о диссертаціи прослышалъ извѣстный И. И. Давыдовъ [1]); прочитавши книжку, онъ вывелъ заключеніе, что это отступленіе отъ принятыхъ (гегеліанскихъ) эстетическихъ теорій есть вольнодумство: послѣднее въ то время усиленно преслѣдовалось, и Давыдовъ (нѣкогда профессоръ Московскаго университета), управлявшій тогда педагогическимъ институтомъ, нашелъ нужнымъ проявить и здѣсь свое усердіе. Говорили, что онъ отправился къ министру (это былъ тогда А. С. Норовъ) и втолковалъ ему объ опасномъ проявленіи вольнодумства. Въ концѣ концовъ рѣшеніе факультета не получило утвержденія министра. Конечно, это не было однимъ изъ почетныхъ фактовъ въ исторіи русскаго просвѣщенія и его министерства. До вступленія въ редакцію „Современника“, Ч-го могли знать и по нѣкоторымъ статьямъ его, какія раньше являлись въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и указывали, между прочимъ, на серьезную научную образованность автора. Это былъ молодой писатель, въ какомъ редакція могла нуждаться: человѣкъ съ большими свѣдѣніями, разнообразной начитанностью, отличавшійся большой энергіей и быстротою работы.

Первыя его работы были характерны, новы, и съ первыхъ шаговъ опредѣлили и его общее направленіе, и

[1]) Объ немъ писано было не мало; особенно характерны разсказы въ „Дневникѣ“ Никитенка и въ „Жизни Погодина“, г. Барсукова.

его отношеніе къ тому, что̀ творилось въ тогдашней литературѣ и что̀ волновалось въ общественной жизни. Одной изъ этихъ работъ были извѣстные „Очерки Гоголевскаго періода“: они опредѣляли историческій моментъ, къ которому привело предшествовавшее развитіе нашей литературы и которымъ, по мнѣнію автора, долженъ былъ опредѣляться ея дальнѣйшій путь. Это былъ оригинально и живо написанный ретроспективный взглядъ на недавнее прошлое русской литературы, подкрѣпленный характерными подробностями ея исторіи, взглядъ, который указывалъ, какими путями складывалось общественное значеніе литературы, что̀ было ею пріобрѣтено въ ея тяжелыхъ условіяхъ, особливо въ условіяхъ неразвитости большинства общества, и что̀ было пріобрѣтено ею какъ великій результатъ, обязательный для дальнѣйшихъ дѣятелей русской литературы, которые съумѣли бы понять свой истинный долгъ, лично нравственный и общественный. Пересмотрѣвъ различныя направленія „Гоголевскаго періода“, которыя были постепенными стадіями литературнаго сознанія, авторъ очерковъ приходилъ къ писателю, на которомъ сосредоточивались его сочувствія: это былъ критикъ „Гоголевскаго періода“, котораго въ началѣ этой работы еще нельзя было назвать по имени: цензура еще не пропускала имени Бѣлинскаго. „Очерки“ имѣли то великое достоинство, что они въ первый разъ ярко и опредѣленно возстановили какъ бы боязливо забытую и умолчанную, если не оставленную, традицію Бѣлинскаго. „Очерки“ въ первый разъ представили, насколько лишь было возможно, великое значеніе этого писателя. Изданія его еще не было—оно стало появляться лишь съ конца пятидесятыхъ годовъ. Чтобы войти въ

эпоху, надо было перерывать груды старыхъ журналовъ, выдѣлять статьи Бѣлинскаго (всего чаще не подписанныя), перечитывать остальную массу тогдашней литературы, словомъ, производить ту сложную работу, которая потомъ была значительно облегчена изданіемъ его сочиненій. Самая личность Бѣлинскаго до извѣстной степени объяснялась для автора живымъ преданіемъ въ средѣ людей „сороковыхъ годовъ“. Если не ошибаюсь, не мало онъ почерпнулъ изъ разсказовъ П. В. Анненкова. Въ томъ кругѣ это былъ, вѣроятно, человѣкъ наиболѣе способный серьезно оцѣнивать цѣлое явленіе личности и дѣятельности Бѣлинскаго. Извѣстно, что впослѣдствіи, долго спустя, Анненковъ оставилъ очень цѣнныя воспоминанія объ эпохѣ Бѣлинскаго. На ту пору Анненковъ, повидимому, не рѣшался на подобное дѣло: онъ былъ для этого слишкомъ остороженъ и опасливъ: но, видимо, его и тогда влекло къ реставраціи той эпохи, и въ 1858 вышла его извѣстная біографія Станкевича,—написанная въ нѣсколько туманномъ, теоретическомъ стилѣ, который бывалъ тогда выбираемъ имъ намѣренно, съ одной стороны, чтобы отвязаться отъ цензуры, а съ другой—и для того, чтобы пріучать читателя вникать въ серьезное изложеніе.

Въ это же время та же мысль объ общественномъ значеніи художественной литературы была высказана Ч—мъ въ другой формѣ. Въ третьей книгѣ „Современника“ 1855 г. былъ помѣщенъ разборъ книжки: „Новыя повѣсти. Разсказы для дѣтей“. Книжка эта сама по себѣ не интересна, говорилъ критикъ, но она послужила поводомъ къ слѣдующему случаю. Книжку собрались читать дѣти, для которыхъ она была предназначена — пятеро племянниковъ и племянницъ одной почтенной те-

тушки, возрастомъ отъ тринадцати до восьми лѣтъ. Въ дѣтской книжкѣ, по обыкновенію, преподавались полезныя нравоученія и, между прочимъ, внушалось, какъ дурно быть неблагодарнымъ. Въ результатѣ юные читатели сообразили, что они должны быть благодарны старшимъ, которые сочинили для нихъ повѣсти, и въ благодарность они, маленькіе читатели, должны сочинить повѣсти для старшихъ. Рѣшеніе принято было въ особенности по убѣжденію Петруши, который „былъ одаренъ замѣчательною силою ума“. У тетушки были гости, а дѣти принялись за писаніе повѣстей. Къ концу вечера повѣсти были готовы, и тетушкѣ надо было заявить гостямъ о предстоящемъ чтеніи. Нѣкоторымъ изъ гостей показалось нелѣпымъ слушать ребяческія повѣсти; другіе, напротивъ, заинтересовались ими. Въ концѣ концовъ прочитано было пять повѣстей (въ статьѣ передано ихъ содержаніе), каждая затѣмъ подверглась критикѣ гостей. Началось съ повѣсти восьмилѣтней Полины: „Пять лѣтъ“. Повѣсть вообще понравилась. „Какой прекрасный слогъ!— говорили критики изъ гостей, — какіе нѣжные, тонкіе штрихи! Какъ вѣрно понятъ, какъ художественно воспроизведенъ характеръ Надины! Послѣдняя сцена безукоризненно художественна!“ Таковъ былъ общій голосъ гостей. „Нѣкоторые прибавляли, однако, что въ повѣсти мало непосредственности; что рефлексія вредитъ таланту, и что даровитая (восьмилѣтняя) Полина должна болѣе заботиться о непосредственности и — если можно такъ выразиться — дѣвственной свѣжести образовъ; что иначе рефлексія сгубитъ ея талантъ. Одна дама даже находила въ повѣсти Полины тенденцію: затаенную мысль, и была этимъ очень недовольна“, и т. д.

Разсказъ девятилѣтняго Ванички: „Старый воробей“, былъ нѣсколько похожъ на повѣсть Полины и также очень понравился критикамъ: „всѣ нашли, что характеръ Свирцова нарисованъ мастерскою рукою; нѣкоторые даже прибавили: „вотъ истинный *герой нашего времени*, разоблаченный отъ фальшивой Лермонтовской драпировки“. Нашлись даже господа, которые рѣшили, что по развитію мысли въ художественномъ отношеніи они не сравнивають, обращая вниманіе преимущественно на мысль, которая душа повѣсти—что по развитію мысли Ваничка стоитъ выше Лермонтова; они хотѣли-было прибавить, что это не доказываетъ еще превосходства Ваничкина таланта надъ талантомъ Лермонтова, а только то, что наше время далеко ушло впередъ отъ Лермонтовской эпохи; но этихъ словъ уже почти нельзя было разслушать: едва послышалось выраженіе „мысль есть душа произведенія“, какъ двадцать голосовъ закричали: „а художественность? она главное. Вы забываете художественность; мысль безъ художественности ничего не значитъ“... Въ азартѣ даже не замѣтили защитники художественности, что та мысль, о которой дерзнули заикнуться ихъ противники, чрезвычайно пустовата, такъ что обращать вниманіе на ея присутствіе или ея отсутствіе рѣшительно не стоитъ“, и т. д.

Одинъ изъ младшихъ братьевъ, Боренька, прочиталъ разсказъ „Черная долина“ (La vallée noire) съ эпиграфомъ изъ Жоржъ-Занда: „Oh! que j'aime cette vie calme et douce“. Повѣсть была изъ русской народной жизни [1]).

---

[1]) Повѣсть начиналась такъ:

„У пастуха Ивана есть падчерица Марья. Однажды вечеромъ, стирая бѣлье на живописной рѣчкѣ (см. „Jeanne“ Жоржъ-Занда), она слышитъ

„По поводу этой повѣсти опять былъ довольно жаркій споръ“ — о томъ, можетъ ли простонародный бытъ дать содержаніе для художественнаго произведенія. „Нѣкоторые говорили: не можетъ; имъ возражали:—можетъ, и представляли, какъ неопровержимый примѣръ, только-что прочитанную повѣсть; но, прибавляли почти всѣ защитники, только высокая художественность, до которой возвышается Боренька, только она и маскируетъ внутреннюю бѣдность содержанія; иные, впрочемъ, не допускали „такихъ узкихъ понятій“ и предполагали, что для двухъ-трехъ повѣстей простонародная жизнь можетъ дать содержаніе, несмотря на свое однообразіе и даже пустоту. Одинъ голосъ, напротивъ того, утверждалъ, что только простонародный бытъ и можетъ дать истинное содержаніе для русскаго таланта, потому что только въ оренбургскомъ краѣ сохранились русскіе элементы въ неподдѣльномъ видѣ. Но всѣ были согласны въ высокомъ художественномъ достоинствѣ Боренькиной повѣсти и до чрезвычайности восхищались удивительно глубокому знакомству Бореньки съ простонародною жизнью и дивному его искусству владѣть народнымъ языкомъ“ и т. д.

Шутка была довольно безобидная,—и, можетъ быть, авторъ на этотъ разъ хотѣлъ избѣжать и цензурныхъ затрудненій; но мысль была совсѣмъ серьезная. Авторъ хотѣлъ сказать, что художественной литературѣ пора выйти изъ тѣхъ узкихъ рамокъ, въ которыя она себя за-

---

подлѣ себя вздохъ — это Ѳедоръ, который служитъ батракомъ на сосѣднемъ пчельникѣ; Ѳедоръ подходитъ къ ней, и почесывая въ затылкѣ смотритъ на нее.

— Чаво не видалъ, глаза-те уставилъ?—не безъ наивнаго кокетства спрашиваетъ Марья, слегка краснѣя.

— Эхъ, Машутка, больно тея полюбилъ-то!..“ и т. д.

ключила, не считать своимъ единственнымъ сюжетомъ безразличныя романическія исторіи или анекдоты, и напротивъ, обратиться къ серьезному изображенію общественной жизни и ея условій. Напомнимъ, что совершенно подобное высказывала тогда же славянофильская критика (въ „Московскомъ Сборникѣ“) именно относительно Тургенева—что онъ былъ очень мало интересенъ, когда разсказывалъ свои исторіи о „любвяхъ“, и что, напротивъ, сразу сталъ крупнымъ писателемъ, когда коснулся настоящей жизни—въ „Запискахъ Охотника“. Въ произведеніяхъ Григоровича (какъ „Рыбаки“) также указывался излишекъ слащавой манерности, перенятой изъ сельскихъ разсказовъ Жоржъ-Занда [1])... Словомъ, эта шутка говорила, или хотѣла напомнить правду; эту правду можно было понять и признать, вспомнивъ Бѣлинскаго, вникнувъ въ являвшіяся тогда „Записки Охотника“, или уже вскорѣ, встрѣтивъ произведенія Салтыкова,—но писатели (они же и друзья „Современника“), узнавшіе себя въ рецензіи дѣтской книжки, были повидимому очень раздражены. Не припомню подробностей, но изъ писемъ Тургенева можно видѣть, что уже вскорѣ по вступленіи новыхъ лицъ въ редакцію „Современника“ у Тургенева и его друзей начинается и все больше растетъ непріязненное, наконецъ крайне враждебное отношеніе къ Некрасову — его винили въ томъ, что онъ изъ-за разсчета допустилъ въ журналъ людей черствыхъ и лишенныхъ художественнаго вкуса, и къ нимъ враждебныхъ. Въ это самое время авторъ „разсказовъ изъ народнаго быта“ излилъ свою досаду въ повѣсти (напечатанной въ „Отече-

[1]) Незадолго передъ тѣмъ была написана Григоровичемъ „Смедовская долина“—прототипъ „Черной долины“ (La vallée noire).

ственныхъ Запискахъ"), гдѣ въ шуткѣ, похожей на пасквиль, изобразилъ непріятнаго критика, сдѣлавши его, между прочимъ, пьяницей...

Это столкновеніе, вызванное шуткой, и которое, повидимому, могло бы ограничиться личной непріязнью, простиралось однако гораздо дальше, именно на самый складъ литературныхъ и общественныхъ взглядовъ. Та и другая сторона имѣли одну основу своихъ стремленій— идеи сороковыхъ годовъ, которыя для обѣихъ, безъ сомнѣнія, сторонъ совмѣщались въ преданіи Бѣлинскаго. Но одна, повидимому поглощенная художественными интересами, разъ намѣченными, относилась какъ будто равнодушно къ дальнѣйшему развитію завѣтовъ Бѣлинскаго. Другая, напротивъ, видѣла въ этомъ дальнѣйшемъ развитіи прямую задачу литературы. Это преданіе напоминали „Очерки Гоголевскаго періода" и указывали, что становилось задачей литературы послѣ дѣятельности Гоголя, какъ это объяснялъ уже и Бѣлинскій... Какъ дальше увидимъ, это различіе взглядовъ выразилось въ томъ, что писатели стараго кружка вознамѣрились именно поддерживать „Пушкинское" направленіе *противъ* „Гоголевскаго". Это было, конечно, весьма прискорбное недоразумѣніе... Некрасовъ понималъ эту новую точку зрѣнія и этотъ новый порывъ литературы; но то и другое остались мало понятны его друзьямъ, и для нѣкоторыхъ совсѣмъ непонятны. Новое литературное поколѣніе съ своей стороны платило Некрасову своими симпатіями (иногда, можетъ быть, нѣсколько преувеличенными), — потому что въ его поэзіи находило сродные ему мотивы общественнаго чувства; и именно въ эти годы являлись нѣкоторыя изъ самыхъ яркихъ его стихотвореній... Такимъ обра-

зомъ, здѣсь естественнымъ образомъ возникало взаимное пониманіе,—когда у старыхъ друзей „Современника“ относительно новаго поколѣнія была только нетерпимость, нѣсколько высокомѣрная, потомъ крайне враждебная. Некрасовъ не воспротивился шутливой рецензіи дѣтской книжки: онъ не былъ такъ молодушенъ, чтобы возстать противъ нея (сущность ея, отдѣленную отъ шутки, онъ могъ вполнѣ понять, и съ ней соглашаться),—зато въ кругу старыхъ друзей его начали считать измѣнникомъ [1])...

Но еще гораздо больше возбудилъ къ себѣ вражды Добролюбовъ. Это былъ въ особенности представитель

---

[1]) Въ рецензіи вообще выражалась мысль о недостаткѣ серьезнаго содержанія въ тогдашней повѣствовательной литературѣ и критикѣ, когда уже Бѣлинскій указывалъ для повѣсти необходимость „дѣльности“.

Относительно повѣстей „изъ народнаго быта“ рецензія особенно требовала большей простоты и удаленія фальшивой идеализаціи, намекая на нѣкоторыя повѣсти Григоровича. Для провѣрки этого взгляда любопытно сличить съ нимъ выводы, къ которымъ приходитъ (черезъ пятьдесятъ лѣтъ) современная историко-литературная критика.

По поводу сочиненій В. А. Слѣпцова новѣйшій литературный историкъ замѣчаетъ:

„Идеализація мужика имѣетъ свою длинную исторію.

„Поэзія XVIII-го вѣка, выросшая на болотѣ крѣпостныхъ отношеній, любила изображать прикрашенныхъ пейзанъ, пляшущихъ и поющихъ во славу добраго барина и мирно процвѣтающихъ подъ эгидою его власти.

„Подсахаренные, а то и совсѣмъ засахаренные „мужички“ Григоровича и его послѣдователей являются внуками этихъ пейзанъ.

„Даже въ „Запискахъ Охотника“ чувствуется эта идеализація, хотя бы и сведенная до минимума благодаря художественному чутью ихъ автора. Въ подобной идеализаціи далеко не все и не всегда обстояло благополучно“...

И дальше критикъ передаетъ впечатлѣнія, какія между прочимъ и могли представляться автору рецензіи 1855 года.

...„За этой идеализаціей иногда прятались отъ слишкомъ тяжелыхъ впечатлѣній дѣйствительности; ею замѣняли живое, настоящее дѣло на пользу „меньшаго брата“ выплачивали этою дешевою платою своей „долгъ“ ему; въ ней часто не было настоящаго уваженія къ человѣческому достоинству идеализируемаго; создавая фантомъ и поклоняясь ему, кадили

молодого поколѣнія и дѣйствительно самый молодой во всемъ кружкѣ; человѣкъ съ сильнымъ умомъ и затѣмъ остроумный, онъ при самомъ вступленіи на литературное поприще питалъ уже сильно возбужденные общественные интересы, которые именно въ это время поднялись въ обществѣ, какъ этого не бывало раньше. Съ этой точки зрѣнія онъ относился и къ тому, что̀ видѣлъ въ ту минуту въ литературѣ и литературныхъ нравахъ. Къ представителямъ литературы онъ прилагалъ ту суровую требовательность, какая по его взгляду подобала жизненнымъ вопросамъ, стоявшимъ передъ русскимъ обществомъ въ кризисѣ данной исторической минуты. Его отталкивало легкомысліе, примѣровъ котораго онъ видѣлъ массу въ литературѣ и какое ему случалось видѣть даже въ кругу корифеевъ, и онъ не былъ нрава уступчиваго... Самъ Тургеневъ пишетъ, что если старшій другъ Добролюбова былъ „змѣя“, то Добролюбовъ—„змѣя очковая“: говорилось это въ видѣ шутки, но шутка была, какъ видимъ, очень острой формы, а въ существѣ была и не шуткой. Некрасовъ, какъ умный человѣкъ, не могъ не оцѣнить этого сильнаго дарованія и не думалъ уступать старымъ пріятелямъ, которые въ концѣ концовъ вооружались противъ Добролюбова [1]); ихъ нападенія казались ему вѣроятно мелочными, а иногда онѣ были и просто несправедливы... Не обошлось и безъ прямыхъ маленькихъ столкновеній, которыя, кажется, переполнили чашу [2]). Въ первой по-

прежде всего себѣ, своей прозорливости и своей „гуманности“... (Русская Мысль“, 1903, кн. IV, стр. 156).

Авторъ рецензіи, быть можетъ, неосторожно коснулся этой психологической струны, и Григоровичъ отвѣтилъ ругательствами.

[1]) Ср. разсказы Панаевой-Головачевой, въ ея воспоминаніяхъ.

[2]) Я не былъ свидѣтелемъ того, что̀ говорится далѣе,—потому что

ловинѣ 1858 минуло десять лѣтъ со смерти Бѣлинскаго. Старые друзья и ученики хотѣли почтить его память, и кружокъ собрался на поминальный обѣдъ въ ресторанѣ; сочли нужнымъ пригласить и молодого человѣка. Послѣдній могъ ожидать на поминкахъ услышать отъ очевидцевъ и друзей какія-нибудь воспоминанія о замѣчательномъ человѣкѣ; но вмѣсто того услышалъ обычную пріятельскую застольную болтовню, — на его свѣжее чувство она подѣйствовала раздражающимъ образомъ. На другое утро собесѣдники получили стихотвореніе, посвященное вчерашней бесѣдѣ. Добролюбовъ, ничего не говоря, пришелъ утромъ къ Некрасову, также получившему стихотвореніе. Некрасовъ, конечно, узналъ автора и—понялъ его; но другіе пришли въ раздраженіе...

Никакого личнаго столкновенія или пререканія тутъ не было, но столкновеніе нравственное было въ упоръ, и оно было весьма характерно. Приводимъ упомянутый разсказъ М. А. Антоновича.

„Покойный Н. А. Некрасовъ разсказывалъ намъ, что друзья, ученики и почитатели Бѣлинскаго, люди сороковыхъ годовъ, ежегодно устраивали обѣды въ память Бѣлинскаго. На одномъ изъ этихъ обѣдовъ, въ пятидесятыхъ годахъ, присутствовалъ и Добролюбовъ. Вѣроятно, это и былъ „пышный обѣдъ“, на которомъ, кромѣ „мудрыхъ бесѣдъ“, лилось еще что-нибудь и участники котораго горячились изъ-за бѣднаго брата, разгоряченные или воспоминаніемъ о Бѣлинскомъ, или чѣмъ-нибудь другимъ. Словомъ, этотъ обѣдъ и его участники произвели на Добро-

---

жилъ тогда за границей, но слышалъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, а теперь объ этомъ есть обстоятельное свидѣтельство М. А. Антоновича, о чемъ далѣе.

любова такое впечатлѣніе, что онъ въ негодованіи прибѣжалъ домой, излилъ свое негодованіе въ горячихъ стихахъ и немедленно разослалъ анонимно эти стихи наиболѣе выдающимся участникамъ обѣда. Въ числѣ другихъ это стихотвореніе получилъ и Н. А. и, по его словамъ, сразу же догадался, кто авторъ его; да притомъ Добролюбовъ не скрывался передъ нимъ и самъ признался ему во всемъ. Н. А., конечно, и не подумалъ обидѣться на присланное ему стихотвореніе; но другіе извѣстные литераторы сильно обидѣлись и, узнавъ, что авторъ стихотворенія Добролюбовъ, ужасно разсердились на него и говорили, что „этотъ мальчишка самъ не понимаетъ Бѣлинскаго“. И съ этого времени вообще началось охлажденіе между литераторами сороковыхъ годовъ и Добролюбовымъ“...

У г. Антоновича сохранилось стихотвореніе Добролюбова, писанное его рукой и повидимому относящееся къ тому случаю, о которомъ разсказывалъ Некрасовъ. Утверждать это положительно г. Антоновичъ не рѣшается, но весьма возможно, что стихотвореніе относится именно сюда. Стихотвореніе озаглавлено: „На тостъ въ память Бѣлинскаго, 6-го іюля 1858 г.“: 6-е іюля было, вѣроятно, днемъ именинъ Бѣлинскаго, такъ какъ въ этотъ день бываетъ св. Виссаріона. Въ воспоминаніяхъ г. Антоновича приведена „часть“ этого стихотворенія. Отрывокъ начинается такъ:

„И мертвый живъ онъ между нами
И плачетъ горькими слезами
О поколѣньи молодомъ,
Святую вѣру потерявшемъ,
Холодномъ, черствомъ и нѣмомъ,
Передъ борьбой позорно павшемъ“...

И въ концѣ отрывка читаемъ:

„Не разъ я въ честь его бокалъ
На пьяномъ пирѣ поднималъ
И думалъ: „только! только этимъ
Мы можемъ помянуть его!
Лишь пошлымъ тостомъ мы отвѣтимъ
На мысли свѣтлыя его!..“ и т. д. [1]).

Понятно, что при такомъ настроеніи всякое разнорѣчіе во взглядахъ принимало у раздраженной стороны прямо враждебный характеръ. Историки, пытавшіеся изображать эти отношенія, грубо ошибались, когда принимали буквально показанія одной раздраженной стороны (какъ это было недавно); они хотѣли отвергать и заявленіе, сдѣланное въ самомъ „Современникѣ“, о разницѣ литературныхъ взглядовъ новой редакціи журнала съ Тургеневымъ;—чтобы увидѣть, какъ несостоятельны эти отрицанія, довольно взглянуть собраніе писемъ Тургенева, другое собраніе писемъ друзей стараго кружка въ воспоминаніяхъ Фета: обильная (даже слишкомъ) коллекція бранныхъ выраженій противъ новаго направленія журнала не говорила о согласіи „литературныхъ взглядовъ“...

Какое же въ дѣйствительности было положеніе Некрасова въ этомъ раздорѣ? Если принять буквально всѣ отзывы Тургенева, Фета и пр., роль Некрасова была относительно ихъ какая-то предательская: онъ удерживалъ въ редакціи лицъ, непріятныхъ старымъ друзьямъ, а послѣднихъ увѣрялъ, что ужасно ихъ любитъ... Нѣкоторые историки и рѣшали вопросъ категорически противъ Некрасова—на основаніи отзывовъ Тургенева, Фета и пр., но въ сущности наобумъ...

---

[1]) „Р. Мысль“ 1898, декабрь; второй отдѣлъ, „Воспоминанія по поводу чествованія памяти В. Г. Бѣлинскаго“, стр. 9—11.

Вражда между прежними друзьями бываетъ обыкновенно самая раздражительная и ядовитая. Такъ было и здѣсь—со стороны враговъ Некрасова, потому что съ его стороны не видимъ такого озлобленія. Прежде всего, отзывы Тургенева и его друзей выражали, конечно, ихъ личное мнѣніе, и въ этомъ смыслѣ историкъ и можетъ приводить его; но было бы слишкомъ поспѣшно заключать, что это мнѣніе было совсѣмъ правильное. Напротивъ, это мнѣніе очень часто было предвзятое, внушенное раздражительной нетерпимостью, иногда мелочной, которая была, къ сожалѣнію, въ характерѣ Тургенева, по свидѣтельству самихъ его ближайшихъ друзей. Напримѣръ, Тургеневъ [1]) не однажды говоритъ о „штукахъ“ Некрасова, состоявшихъ въ томъ, что, не принимая чью-нибудь статью въ журналъ, онъ ссылался на „сотрудниковъ“, которые, по его словамъ, этого не желали. Эта ссылка была, по утвержденію Тургенева, только „штукой“; въ дѣйствительности, эта ссылка могла быть совершенно справедлива, потому что, разъ предоставивши сотрудникамъ участіе въ веденіи журнала, Некрасовъ не могъ не слышать ихъ мнѣній; взгляды во многихъ отношеніяхъ бывали иные, чѣмъ прежде, и люди были иногда вовсе не уступчивые,—какъ прежде, напримѣръ, Добролюбовъ, впослѣдствіи Елисеевъ или Салтыковъ... Скажемъ даже больше: Некрасовъ—въ томъ, что Тургеневъ называлъ его „штуками“ („я ихъ знаю“),—вовсе не прятался за „сотрудниковъ“; въ дѣйствительности ему просто приходилось иногда уступать имъ. Дѣло въ томъ, что въ общемъ Некрасовъ соглашался съ основнымъ характеромъ

[1]) Въ дальнѣйшихъ письмахъ къ Фету.

ихъ понятій, но во многихъ частностяхъ, вѣроятно, съ инымъ не соглашался; инымъ, быть можетъ, даже нѣсколько тяготился, но предпочиталъ уступать мнѣніямъ сотрудниковъ, чѣмъ начинать раздоръ. Прибавимъ еще, что въ послѣдніе годы онъ вообще былъ какъ будто утомленъ и меньше работалъ для журнала, чѣмъ въ первые годы, когда на немъ лежала почти вся тяжесть дѣла. Источникомъ заблужденія Тургенева было именно то, что Тургеневъ зналъ эту прежнюю журнальную работу Некрасова, но онъ не зналъ послѣдующаго хода дѣла; въ прежнее время Некрасовъ былъ главный хозяинъ и главный работникъ въ журналѣ; потомъ болѣзнь и пребываніе за границей прервали его постоянную работу по журналу, а потомъ, вернувшись, значительную долю этой работы прямо передалъ сотрудникамъ. Ч—ій и Добролюбовъ оба много работали, и Некрасовъ очень цѣнилъ ихъ труды по самому существу.

Здѣсь, а не въ какихъ-нибудь журнальныхъ мелочахъ, и заключалась основная причина раздора. Въ „Очеркахъ Гоголевскаго періода“ подробно изученъ былъ ходъ развитія новѣйшей русской литературы и указано было то ея великое пріобрѣтеніе, что она становилась художественнымъ выраженіемъ живой общественной дѣйствительности. Высшимъ выразителемъ этого момента художественнаго развитія представлялся Гоголь; одушевленнымъ критическимъ истолкователемъ его былъ Бѣлинскій. Было совершенно естественно, и вмѣстѣ чрезвычайно любопытно и поучительно, понять сознательно этотъ историческій моментъ, въ которомъ заключалось и указаніе на дальнѣйшій трудъ, предстоявшій для дѣятелей русскаго художества и критики. Естественно также, что критика

не ограничивалась только чисто-эстетическими соображеніями, но все болѣе обращалась на эту общественную сторону, и когда стало нѣсколько возможно, вопросы общественные стали господствующимъ интересомъ. Извѣстно, что Бѣлинскій въ послѣдніе годы его дѣятельности именно искалъ для литературы этого реальнаго общественнаго содержанія, и то направленіе молодыхъ литературныхъ поколѣній, которое казалось новымъ, въ сущности было развитіемъ мыслей и стремленій Бѣлинскаго.

Друзья стараго кружка редакціи этого не понимали. Изъ дальнѣйшихъ сопоставленій мы увидимъ, что новая критика была имъ непріятна; „политика“, т.-е. вопросы общественные, была неинтересна; „разные экономическіе вопросы“ (а рѣчь шла объ освобожденіи крестьянъ) просто невразумительны. Словомъ, интересы молодыхъ поколѣній,—тѣ самые, которые подняты были въ тревожную пору Крымской войны и волновали лучшую часть общества,—были какъ будто чужды старымъ друзьямъ, когда, напротивъ, для молодыхъ поколѣній это были интересы животрепещущіе.

Но то, что̀ было чуждо или нелюбопытно старымъ друзьямъ, было Некрасову вполнѣ понятно,—и нетрудно было человѣку, нѣсколько воспріимчивому къ общественнымъ вопросамъ, понять, въ годы кризиса Крымской войны, общественное возбужденіе; понять, что оно должно было быть тѣмъ сильнѣе въ поколѣніяхъ молодыхъ, всегда наклонныхъ къ идеализму и еще не успѣвшихъ зачерствѣть въ рутинѣ себялюбія и самодовольствѣ. Некрасовъ съумѣлъ понять идеалистическое настроеніе, представителями котораго были два новые сотрудника журнала. Съ другой

стороны основою дружескихъ отношеній съ ними была собственная дѣятельность Некрасова: въ эти самые годы его поэзія получила тотъ характеръ, который и самъ Тургеневъ, не признававшій его поэзіи, призналъ въ своемъ отзывѣ (въ декабрѣ 1856) о первомъ его сборникѣ: „а Некрасова стихотворенія, собранныя въ одинъ фокусъ,—жгутся". Такъ и принимало ихъ въ особенности молодое поколѣніе, искавшее наконецъ въ литературѣ какого-либо отвѣта на свои общественно-идеалистическія мечты и порывы. Здѣсь была прочная почва для взаимнаго пониманія. Некрасовъ видѣлъ интересъ первыхъ работъ своихъ новыхъ сотрудниковъ и естественно могъ имъ сочувствовать. Онъ видѣлъ, что въ общественномъ настроеніи начинается переломъ,—котораго давно надо было ожидать,—и что литература, чтобы сохранить свой давній историческій смыслъ, должна удовлетворить нравственнымъ требованіямъ общества. Взаимное пониманіе выразилось въ томъ, что въ „Современникѣ" основанъ былъ тогда новый отдѣлъ—„Замѣтки о журналахъ", который доставлялъ поводъ касаться различныхъ вопросовъ, затронутыхъ литературой, и становился публицистикой. Замѣтки ведены были Ч—мъ, но (вначалѣ, сколько и я помню) иногда съ близкимъ участіемъ Некрасова: есть страницы, начатыя однимъ и продолженныя другимъ [1]). Некрасовъ такимъ образомъ непосредственно зналъ новое направленіе, и во многомъ сполна раздѣлялъ его: безъ сомнѣнія онъ понималъ значеніе и своевременность „Очерковъ Гого-

[1]) В. П. Горленко, въ статьѣ о литературной дѣятельности Некрасова (въ „Отеч. Запискахъ" 1878, декабрь) приписалъ „Замѣтки о журналахъ" сполна Некрасову, но это совсѣмъ невѣрно. Подробнѣе объяснимъ это дальше.

левскаго періода", понималъ упомянутый шуточный разборъ дѣтской книжки, понималъ колкое стихотвореніе Добролюбова послѣ поминальнаго обѣда и т. п., видѣлъ, что тутъ есть правда, и вовсе не раздражался... Онъ сознавалъ, что болѣе вѣрными хранителями преданія Бѣлинскаго были не собесѣдники поминальнаго обѣда, а люди новаго поколѣнія.

Очевидно, что Некрасову было не трудно придти къ этимъ впечатлѣніямъ и заключеніямъ; но этого не могло понять, и помириться съ этимъ, большинство старыхъ друзей. Имъ представилось, что это только разсчетъ и потомъ измѣна старымъ друзьямъ; когда при этомъ Некрасовъ продолжалъ высказывать имъ дружескія чувства, это считали лицемѣріемъ и обманомъ. Взглянувъ на дѣло проще, не трудно видѣть, что для человѣка спокойнаго разница взглядовъ, собственно теоретическихъ, нисколько не вызывала надобности забыть дружескія отношенія, существовавшія многіе годы. Несомнѣнно опять, что Некрасовъ въ этомъ случаѣ вовсе не лицемѣрилъ, и когда онъ старался сглаживать возникавшія столкновенія, онъ оберегалъ старыхъ друзей, въ душѣ считая ихъ раздражительность неумѣстною и мотивы—мелочными. Всего больше онъ былъ привязанъ къ Тургеневу, и объ этой привязанности онъ говорилъ мнѣ въ послѣдніе дни своей жизни, когда я навѣщалъ его и когда, въ минуты облегченія своихъ страданій, онъ обращался къ воспоминаніямъ о старыхъ временахъ.

Самъ Тургеневъ, не безъ значительнаго вліянія нѣкоторыхъ своихъ друзей прежняго кружка, съ этими новыми участниками журнала не сблизился. Предубѣжденіе, съ которымъ встрѣтили ихъ старые друзья редакціи, впо-

слѣдствіи только увеличивало недовѣрчивость и подозрительность. Дальше увидимъ, что въ глазахъ прямолинейнаго Фета новые участники редакціи были прямо люди не ихъ круга (по его мнѣнію, у насъ „вся художественно-литературная сила сосредоточивалась въ дворянскихъ рукахъ"); это были „разночинцы"... Дѣйствительно, у этихъ лицъ не бывало деревень, они не „покупали поваровъ" по тысячѣ рублей, не имѣли понятія о дворянскихъ потѣхахъ, игрѣ, охотѣ и т. д.; съ ними отпадала значительная доля занимательной пріятельской бесѣды и препровожденія времени. Старые друзья (напр. Боткинъ, Фетъ) не видѣля только, что эти „разночинцы" были широко образованные люди, иногда образованнѣе ихъ самихъ, и между прочимъ горячо преданные серьезнымъ интересамъ литературы; старые друзья, напр. Боткинъ, прямо говорили даже, что совсѣмъ не понимаютъ вопросовъ политико-экономическихъ и подобныхъ, которые, однако, становились тогда серьезными общественными вопросами... Тургеневъ, въ этомъ случаѣ и вообще, былъ гораздо болѣе просвѣщенный человѣкъ, чѣмъ его друзья; но при первой встрѣчѣ съ новымъ литературнымъ поколѣніемъ и онъ недостаточно отдавалъ себѣ отчета въ складѣ мысли и иастроеніи людей этого поколѣнія. Ему видѣлись сухость и желчь; но поддавшись своей нервной нетерпѣливости (если не сказать: нетерпимости), онъ не хотѣлъ вникнуть въ настоящую подкладку настроенія... Едва-ли сомнительно, что изображая, впослѣдствіи, Базарова, Тургеневъ (хотя бы и имѣлъ въ виду другой живой оригипалъ, какъ говорятъ) вложилъ въ это изображеніе нѣкоторыя черты Добролюбова: Базаровъ, въ собственномъ представленіи Тургенева, былъ натура почти герои-

ческая, суровая, честная и непреклонная [1]), но и съ чертами грубыми, не весьма симпатичными... Подобнымъ образомъ Тургеневъ относился на первый разъ къ молодому женскому поколѣнію: онъ съ пренебреженіемъ говоритъ о будущихъ женщинахъ-медикахъ [2]),—но потомъ онъ умѣлъ съ глубокой симпатіей изображать женщинъ молодого поколѣнія въ „Нови“ и въ „Стихотвореніяхъ въ прозѣ“. Странно сказать, что Тургеневъ пренебрежительно говорилъ даже о первыхъ произведеніяхъ Салтыкова [3]), которыми впослѣдствіи неизмѣнно восхищался. Мы увидимъ дальше, что Тургеневъ, въ концѣ концовъ, вступилъ въ то литературно-общественное движеніе, начало котораго, на переломѣ отъ сороковыхъ годовъ, онъ встрѣтилъ такъ непріязненно. Его друзья изъ стараго кружка уже вскорѣ перешли прямо въ лагерь обскурантовъ.

---

[1]) Такъ онъ представлялъ его нѣсколько позднѣе.

[2]) Фетъ, Воспоминанія, II, 15.

[3]) Письма,—отъ марта 1857, стр. 50. Примѣчаніе къ этому письму опоставляетъ этотъ первый неблагосклонный отзывъ Тургенева о Салтыковѣ, съ позднѣйшими статьями Писарева. Но, по мотивамъ, между этими отзывами общаго мало, или совсѣмъ нѣтъ.

...ЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ СПРАВКИ.

...о времени вступленія въ „Современникъ" ...рудниковъ, старый пріятельскій кружокъ от... враждебно не только къ этимъ сотрудни... къ самому Некрасову. На него посыпались ... укоризны—въ журнальной аферѣ, ради ко... будто бы бросилъ и прежнихъ друзей, про... на новыхъ сотрудниковъ, которые, по его ...ли выгоднѣе...

...ствительности, это сближеніе Некрасова съ ...рудниками происходило гораздо проще, есте... достойнѣе.

...вимся на этомъ кружкѣ, который заслуживаетъ ...я, какъ замѣчательный въ разныхъ отноше... ...зодъ нашей новѣйшей литературной исторіи. ...именно любопытный эпизодъ—смѣны сороко... ...съ пятидесятыми, смѣны ихъ настроеній. Мнѣ ...ривелось отчасти видѣть и знать факты и по... ...къ какъ цѣльное изображеніе эпохи еще слиш... ...жно и частью затруднительно, ограничуе...

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ СПРАВКИ.

Итакъ, со времени вступленія въ „Современникъ“ новыхъ сотрудниковъ, старый пріятельскій кружокъ отнесся крайне враждебно не только къ этимъ сотрудникамъ, но и къ самому Некрасову. На него посыпались безконечныя укоризны—въ журнальной аферѣ, ради которой онъ будто бы бросилъ и прежнихъ друзей, промѣнявъ ихъ на новыхъ сотрудниковъ, которые, по его разсчету, были выгоднѣе...

Въ дѣйствительности, это сближеніе Некрасова съ новыми сотрудниками происходило гораздо проще, естественнѣе и—достойнѣе.

Остановимся на этомъ кружкѣ, который заслуживаетъ разсмотрѣнія, какъ замѣчательный въ разныхъ отношеніяхъ эпизодъ нашей новѣйшей литературной исторіи. Это былъ именно любопытный эпизодъ—смѣны сороковыхъ годовъ пятидесятыми, смѣны ихъ настроеній. Мнѣ самому привелось отчасти видѣть и знать факты и людей, но такъ какъ цѣльное изображеніе эпохи еще слишкомъ сложно и частью затруднительно, ограничусь нѣ-

сколькими иодробностями, заимствуя ихъ по возможности изъ собственныхъ показаній этихъ лицъ, въ ихъ воспоминаніяхъ и письмахъ,—чтобы устранить какое-либо произвольное освѣщеніе... Этихъ собственныхъ показаній не такъ много, но въ нихъ находятся характерныя черты, рисующія время и настроенія. Таковы воспоминанія, и особливо письма Тургенева, собранныя послѣ его смерти [1]). Таковы воспоминанія Д. В. Григоровича [2]); воспоминанія Фета [3]); о болѣе раннемъ времени—воспоминанія Ив. Ив. Панаева [4]); отъ ранняго и болѣе поздняго времени—воспоминанія А. Я. Панаевой-Головачевой [5]); воспоминанія и письма П. В. Анненкова [6]), и др.

Въ оцѣнкѣ отношеній, какія мы встрѣчаемъ въ этомъ эпизодѣ литературныхъ столкновеній и вражды, благоразуміе повелѣваетъ принимать показанія враждующихъ сторонъ съ извѣстной осторожностью и не ставитъ всякое лыко въ строку: въ пріятельскихъ письмахъ, сплошь и рядомъ, мысли, впечатлѣнія, отзывы о людяхъ высказываются съ дружеской откровенностью, въ сильныхъ выраженіяхъ, — которыхъ тотъ же человѣкъ не рѣшился бы употребить передъ большой аудиторіей въ печати,—оче-

[1]) Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева. 1840—1883 г. Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Спб. 1885.

[2]) Полное собраніе сочиненій Д. В. Григоровича. Приложеніе къ журналу „Нива“. Спб. 1896, т. XII: „Литературныя воспоминанія“.

[3]) Мои воспоминанія. 1848—1889. А. Фета. Двѣ части. М. 1890. Книга чрезвычайно любопытна, какъ по собственнымъ разсказамъ Фета, такъ и по множеству приведенныхъ въ ней писемъ, особенно Тургенева, В. П. Боткина, гр. Л. Н. Толстого.

[4]) Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ. Спб. 1876.

[5]) Русскіе писатели и артисты. 1824—1870. Спб. 1890.

[6]) Анненковъ и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка 1835—1885 годовъ. Спб. 1892.

видно, надо различать минутныя впечатлѣнія, не всегда принимать выраженіе буквально, и т. п. Такимъ образомъ можно впередъ принять извѣстную оговорку относительно подобныхъ свидѣтельствъ,—она и дѣйствительно оказывается необходима, потому что тѣмъ же лицамъ и о томъ же приходилось иногда говорить впослѣдствіи иначе, т.-е. брать свои слова назадъ;—но при всемъ томъ эти откровенныя рѣчи въ дружескихъ письмахъ имѣютъ свою серьезную важность: когда онѣ повторяются въ одномъ постоянномъ тонѣ, онѣ становятся важны какъ оттолосокъ настроенія данной минуты, какъ первыя впечатлѣнія новыхъ явленій общественныхъ и литературныхъ.

Дѣйствительно, какъ увидимъ, старый дружескій кружокъ съ перваго раза отнесся враждебно къ этимъ новымъ явленіямъ, — хотя временами чувствовалъ инстинктивно ихъ естественность и законность. Но господствующимъ отношеніемъ осталась въ этомъ старомъ кружкѣ странная непріязнь...

Старый кружокъ „Современника“ образовался по непосредственному преданію сороковыхъ годовъ. Для всѣхъ почти безъ исключенія (кромѣ, кажется, Фета) былъ еще недавно высокимъ личнымъ авторитетомъ — Бѣлинскій. Еще въ началѣ сороковыхъ годовъ Бѣлинскій сочувственно встрѣтилъ первые труды Некрасова [1]), и послѣдній (факты увидимъ далѣе) вѣрнѣе всѣхъ остальныхъ друзей кружка успѣлъ понять и сохранить преданіе Бѣлинскаго — несмотря даже на то, что въ кружкѣ влія-

[1]) Въ запискахъ Панаевой-Головачевой, стр. 102—202; подтвержденіе этому — въ письмѣ Бѣлинскаго къ Кавелину, приведенномъ въ статьѣ Д. А. Корсакова, „Р. Мысль“, 1892, кн. 1: „Изъ литературной переписки Кавелина“, стр. 121.

тельнымъ лицомъ былъ самый давній и близкій другъ Бѣлинскаго, В. П. Боткинъ, мало дѣятельный писатель, но человѣкъ съ значительнымъ образованіемъ, большимъ литературнымъ опытомъ. Отношенія Тургенева къ Бѣлинскому извѣстны. Бѣлинскій привѣтствовалъ и первые труды Д. В. Григоровича, А. В. Дружинина, Панаева. Извѣстны также отношенія къ Бѣлинскому П. В. Анненкова. Близокъ къ Бѣлинскому былъ даже не-литературный пріятель кружка, добродушный и остроумный М. А. Языковъ.

Въ этомъ кружкѣ, вообще тѣсномъ, особенная дружба соединяла Тургенева и Фета, потомъ — Фета и Боткина, когда послѣдніе еще породнились женитьбой Фета на М. П. Боткиной. Основой дружбы были общіе эстетическіе интересы, а потомъ и общая Тургеневу, Фету и Боткину вражда къ новому направленію „Современника“. Въ письмахъ Тургенева и воспоминаніяхъ Фета (сохранившаго въ нихъ и большое число писемъ) чрезвычайно любопытно слѣдить ихъ взгляды на возникавшее новое направленіе литературныхъ интересовъ, въ которыхъ все больше сказывалось увлеченіе общественными вопросами.

Для послѣдующаго вспомнимъ, что эти годы были именно кануномъ, а потомъ самой той эпохой, за которой утверждается теперь имя „эпохи великихъ реформъ“. Очевидно было, что новыя стремленія молодыхъ литературныхъ поколѣній были именно въ тѣсной нравственной связи съ ожидаемой эпохой реформъ; и, къ удивленію, мы видимъ, что старый кружокъ не видѣлъ этого, и мало того, относился къ новому настроенію литературы прямо недоброжелательно...

Приводимъ нѣсколько фактовъ изъ воспоминаній и

писемъ этого дружескаго круга. Особенно обстоятеленъ въ своихъ личныхъ воспоминаніяхъ Фетъ; и въ данномъ случаѣ онъ также даетъ немало характерныхъ сообщеній. Когда Фетъ вошелъ въ этотъ кружокъ (въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ), онъ встрѣтилъ здѣсь, кромѣ Некрасова и Панаева, В. П. Боткина, Тургенева, Дружинина, Григоровича, Лонгинова, Анненкова, Языкова, Ег. П. Ковалевскаго. Это была дружеская компанія съ очень живыми литературными интересами [1]). Самъ Фетъ нашелъ здѣсь самое дружеское гостепріимство: имъ была уже издана, въ 1850, книжка стихотвореній, которыя очень цѣнились. Естественно, что Некрасовъ желалъ имѣть его стихотворенія и для журнала и предложилъ ему сразу очень хорошія условія. Въ стихотворномъ отдѣлѣ журнала Некрасовъ желалъ вообще давать только хорошія вещи, на что вкусъ у него былъ, какъ и вообще въ дружескомъ кружкѣ; здѣсь съ большимъ сочувствіемъ приняты были стихотворенія Ѳ. И. Тютчева, и Тургеневъ гордился, что онѣ получены были „Современникомъ“ при его посредствѣ [2]). Въ это время Некрасовъ былъ заинтересованъ также стихотвореніями Ивана Аксакова и предлагалъ сдѣлать ихъ изданіе [3]).

Фетъ приводитъ образчикъ литературныхъ интересовъ кружка. Когда онъ вернулся изъ Петербурга въ свой

[1]) Фетъ, Воспом. I, стр. 32—40, 126, 128.

[2]) Фетъ, I, 134, 135.

[3]) Фетъ говоритъ (I, 37) о „бурѣ негодованія“ со стороны Некрасова, когда стихотворенія Фета, по ободренію Тургенева, въ это же время явились и въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Но буря объясняется просто: самъ Фетъ здѣсь же разсказываетъ, что только-что передъ тѣмъ онъ уговорился съ Некрасовымъ отдавать стихотворенія въ его журналъ, и Некрасовъ, цѣнившій его стихи, естественно могъ быть недоволенъ, какъ редакторъ, когда уговоръ былъ тутъ же нарушенъ.

полкъ (стоявшій въ Балтійскомъ краѣ), онъ получилъ въ письмѣ Тургенева коллективное предложеніе: „Некрасовъ, Панаевъ, Дружининъ, Анненковъ, Гончаровъ — словомъ, весь нашъ дружескій кружокъ вамъ усердно кланяется. А такъ какъ вы пишете о значительномъ улучшеніи вашихъ финансовъ, чему я сердечно радуюсь, то мы предлагаемъ поручить намъ новое изданіе вашихъ стихотвореній, которыя заслуживаютъ самой ревностной очистки и красиваго изданія, для того чтобы, имъ лежать на столикѣ всякой прелестной женщины. Что вы мнѣ пишете о Гейне? Вы выше Гейне, потому что шире и свободнѣе его“.—„Конечно,—говоритъ Фетъ,—я усердно благодарилъ кружокъ, и дѣло въ рукахъ его подъ предсѣдательствомъ Тургенева закипѣло“ [1]).

Некрасовъ названъ на первомъ планѣ не случайно: онъ былъ не только главный редакторъ журнала и человѣкъ со вкусомъ, но и самый предпріимчивый изъ пріятелей („разсчета“ здѣсь не могло быть, потому что изданіе должно было быть дѣломъ самого Фета). Издательство давно привлекало Некрасова: въ первое время онъ издавалъ книги для легкаго чтенія („Петербургскій Сборникъ“, „Физіологія Петербурга“ и др.), затѣмъ онъ сдѣлалъ первое изданіе стихотвореній Тютчева, предпринялъ съ Гербелемъ изданіе русскаго Шекспира; нашелъ даже возможнымъ издать при „Современникѣ“ „Исторію восемнадцатаго вѣка“, Шлоссера. Выше упомянуто, что ему хотѣлось быть издателемъ стиховъ Ивана Аксакова; онъ хотѣлъ побудить къ изданію и Фета.

Итакъ, „дружескій ареопагъ“ принялся пересматривать

---

[1]) Тамъ же I; 104; выше, стр. 40.

стихотворенія Фета. „Почти каждую недѣлю, — пишетъ Фетъ,—стали приходить ко мнѣ письма съ подчеркнутыми стихами и требованіями ихъ исправленій. Тамъ, гдѣ я несогласенъ былъ съ желаемыми исправленіями, я ревностно отстаивалъ свой текстъ, но по пословицѣ: „одинъ въ полѣ не воинъ“,—вынужденъ былъ соглашаться съ большинствомъ, и изданіе изъ-подъ редакціи Тургенева вышло на столько же очищеннымъ, насколько и изувѣченнымъ. Досаднѣе и смѣшнѣе всего была долгая переписка по поводу отмѣны стиха:

„На суку извилистомъ и чудномъ“.

„Очень понятно, что высланные мною скрѣпя сердце три-четыре варіанта оказались непригодными, и наконецъ Тургеневъ писалъ; „не мучьтесь болѣе надъ стихомъ: „на суку извилистомъ и чудномъ“. Дружининъ растолковалъ намъ, что фантастическая жаръ-птица и на плафонѣ и въ стихахъ можетъ сидѣть только на извилистомъ и чудномъ суку рококо. И мы согласились, что этого стиха трогать не надо“ [1]).

Эта забота о стилѣ и художественности дружескихъ твореній была трогательна и характеристична. Въ другомъ мѣстѣ Фетъ разсказываетъ:

„Тургеневъ радовался окончанію одъ Горація [2]) и самъ вызвался провѣрить мой переводъ вмѣстѣ со мною изъ строки въ строку. Споровъ и смѣху по этому поводу у насъ возникало не мало. Между прочимъ, въ XXI одѣ книги первой онъ возсталъ противъ стиха:

„На Крагѣ-ль, по веснѣ“.

---

[1]) Тамъ же 1, 104—105.

[2]) Оды переводилъ тогда Фетъ.

„Такъ какъ Горацiева Крага изгнать было невозможно, то Тургеневъ привязался къ слову—*по веснѣ*, и спрашивалъ, что̀ это тѣкое?

„Напрасно я ссылался на обычное въ устахъ каждаго русскаго выраженiе: *по веснѣ*, *по зимѣ*,—въ смыслѣ: въ весеннюю или зимнюю пору; напрасно приводилъ я ему стихъ Крылова:

„Онъ въ морѣ корабли отправилъ по веснѣ".

„Тургеневъ увѣрялъ, что ему хорошо извѣстно, что краснокожiе съ перьями на головѣ и съ поднятыми томагауками бѣгаютъ по лѣсамъ Америки, восклицая: „на Крагѣ-ль по веснѣ" [1]...

Это было, конечно, забавно. Фетъ обыкновенно отстаивалъ свой текстъ, и если очень трудно рѣшить, можно ли или никакъ нельзя употребить выраженiе „по веснѣ" и ссылаться на Крылова, переводя римскаго поэта, то, вообще говоря, Тургеневъ былъ совершенно правъ, когда думалъ, что требуется большая осторожность въ употребленiи спецiально народныхъ выраженiй при передачѣ литературныхъ произведенiй, идущихъ отъ чужихъ далекихъ вѣковъ и далекой культуры [2].—Тургеневъ придавалъ великую важность поэтическому стилю, и въ его письмахъ къ Фету разсѣяно не мало шутливыхъ, или насмѣшливыхъ, но обыкновенно правильныхъ замѣчанiй, гдѣ онъ предостерегаетъ своего друга отъ фатальнаго приближенiя къ Петрову (извѣстный виршеплетъ XVIII вѣка) или даже къ „Торжественнымъ вратамъ въ память взятiя Азова" [3]...

[1]) Тамъ же, I, 36. См. также I, 230, 275, 283.

[2]) Въ тѣ годы примѣръ подобной нескладицы данъ былъ Ордынскимъ.

[3]) Въ своихъ воспоминанiяхъ Тургеневъ разсказываетъ, что въ дѣтствѣ читалъ книги этой отдаленной старины, какъ напр. „Символы и Емблемата".—Письма Тургенева, 1885, стр. 130, 131, 261. Фетъ I, 394.

Фетъ жалуется потомъ, что изданіе, сдѣланное „подъ предсѣдательствомъ Тургенева", было изданіе „искалѣченное"; но между ними оказались и другія, болѣе существенныя разнорѣчія. Не разъ между ними шли споры объ искусствѣ. Фетъ видимо держался старыхъ романтическихъ нредставленій о полной, абсолютной независимости поэтическаго творчества... „Впрочемъ, — писалъ однажды Тургеневъ (въ февралѣ 1862),—это между нами нескончаемый споръ: я говорю, что художество такое великое дѣло, что цѣлаго человѣка едва на него хватаетъ со всѣми его способностями, между прочимъ и съ умомъ; вы поражаете умъ остракизмомъ и видите въ произведеніяхъ художества только безсознательный лепетъ спящаго. Это воззрѣніе я долженъ назвать славянофильскимъ, ибо оно носитъ на себѣ характеръ этой школы: „здѣсь все черно, а тамъ все бѣло"; „правда вся сидитъ на одной сторонѣ". А мы, грѣшные люди, полагаемъ, что этакимъ маханьемъ съ плеча топоромъ только себя тѣшишь. Впрочемъ, оно, конечно, легче, а то, признавъ, что правда и тамъ, и здѣсь, что никакимъ рѣзкимъ опредѣленіемъ ничего не опредѣлишь, приходится хлопотать, взвѣшивать обѣ стороны и т. д. А это скучно. То ли дѣло брякнуть такъ, по-военному: „Смирно! умъ, пошелъ направо! маршъ! стой! равняйсь! Художество! налѣво маршъ! стой! равняйсь!"—И чудесно! стоитъ только подписать рапортъ, что все, молъ, обстоитъ благополучно. Но тутъ приходится сказать (съ умнымъ или глупымъ, какъ по вашему?) Гете:

„Ja! Wenn es wir nur nicht besser wüssten!" [1]).

[1]) Тамъ же I, 392.

Въ письмѣ отъ октября 1863 Тургеневъ извѣщалъ Фета: „Считаю долгомъ увѣдомить васъ, что я, несмотря на свое бездѣйствіе, угобзился однако сочинить и отправить къ Анненкову вещь, которая, вѣроятно, вамъ понравится, ибо *не имѣетъ никакого человѣческаго смысла* [1]), даже эпиграфъ взятъ у васъ. Вы увидите, если не въ печати, то въ рукописи, это замѣчательное произведеніе очепушившейся фантазіи“ [2])... Къ этому спору Тургеневъ возвратился еще въ іюнѣ 1866: ...„Моя претензія на васъ состоитъ въ томъ, что вы все еще съ прежнимъ, уже носящимъ всѣ признаки собачьей старости, упорствомъ нападаете на то, что̀ вы величаете „разсудительствомъ“, но что̀ въ сущности не что иное, какъ человѣческая мысль и человѣческое знаніе... Вы видите, что нашъ „старый споръ“ еще не взвѣшенъ судьбою и вѣроятно не скоро прекратится. Въ отвѣтъ на всѣ эти нападки на разсудокъ, на эти рекомендаціи инстинкта и непосредственности, мы здѣсь на западѣ отвѣчаемъ спокойно: Wir wissen's besser; das ist ein alter Dudelsack,— и извините, отсылаемъ васъ въ школу“ [3])...

Эта переписка и разсказы самихъ друзей нерѣдко любопытнымъ образомъ вводятъ насъ въ ихъ идеи литературныя и общественныя, — и насъ нерѣдко удивляютъ ихъ колебанія и неясности, странныя въ людяхъ, повидимому унаслѣдовавшихъ преданія Бѣлинскаго.

Когда съ половины пятидесятыхъ годовъ въ литературѣ стали сказываться новыя критическія стремленія и въ составѣ самого „Современника“ явились новыя силы,—

---

[1]) Подчеркнуто Тургеневымъ.
[2]) Фетъ I, 439.
[3]) Тамъ же, II, 94—95.

встрѣченныя, какъ выше сказано, довольно непривѣтливо, а затѣмъ прямо враждебно, старымъ кружкомъ,—въ этомъ послѣднемъ различнымъ образомъ оцѣнивались особенности этого направленія и личные характеры.

Фетъ, человѣкъ въ сущности стараго вѣка, романтикъ, но и практическій дѣлецъ, по словамъ самого Тургенева крѣпостникъ, понималъ эти отношенія просто. Когда стала оказываться разница взглядовъ, Фетъ объяснялъ это съ сословной точки зрѣнія.

„Хотя въ то время...,—писалъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—вся художественно-литературная сила сосредоточивалась въ *дворянскихъ* рукахъ, но умственный и матеріальный трудъ издательства давно поступилъ въ руки *разночинцевъ*, даже и тамъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, у Некрасова и Дружинина, журналомъ заправлялъ самъ издатель... При тяготѣніи нашей интеллигенціи къ идеямъ, вызвавшимъ освобожденіе крестьянъ, сама дворянская литература дошла въ своемъ увлеченіи [1]) до оппозиціи кореннымъ дворянскимъ интересамъ, противъ чего свѣжій *неизломанный* инстинктъ Льва Толстого такъ возмущался. Что же сказать о той средѣ, въ которой возникли „Искра“ и всемогущій (?) „Свистокъ“ „Современника“, предъ которымъ долженъ былъ замолчать (?) самъ Некрасовъ. Понятно, что туда, гдѣ люди этой среды, чувствуя свою силу, появлялись какъ домой (?), они вносили и свои пріемы общежитія. Я говорю здѣсь не о родословныхъ, а о той благовоспитанности, на которую указываетъ фран-

---

[1]) Это были, напримѣръ, увлеченія Н. Милютина, Кавелина, Юрія Самарина, самого И. С. Тургенева, и т. д., и т. д.,—по мнѣнію Фета, они заслуживали осужденія за свою неосновательность?!

цузское выраженіе „enfant de bonne maison“, рядомъ съ его противоположностью“ [1]).

Противопоставленіе относилось, между прочимъ, очевидно къ тѣмъ новымъ сотрудникамъ, которые вступили тогда въ журналъ и вступили именно съ новыми взглядами и на общественныя дѣла, и на долгъ литературы, какъ голоса общественнаго мнѣнія (насколько то было возможно). Этой существенной разницы или противоположности Фетъ не хотѣлъ или не умѣлъ увидѣть. Въ тѣхъ ожиданіяхъ великой реформы, какими исполнены были лучшіе люди русскаго общества, онъ видѣлъ прискорбное увлеченіе, доходившее до „оппозиціи кореннымъ дворянскимъ интересамъ“, а эту оппозицію, по его мнѣнію, должны были только осуждать люди съ „неизломаннымъ“ инстинктомъ. — Фету не было понятно также и то, что если у тѣхъ новыхъ сотрудниковъ журнала, передъ которыми „долженъ былъ замолчать“ самъ Некрасовъ, бывала извѣстная рѣзкость мнѣній и ихъ выраженія, ее опять слѣдовало отнести (и это было бы справедливо) къ тому общему настроенію, которое стало охватывать умы послѣ испытаній Крымской войны и въ канунъ великой реформы. Со второй половины пятидесятыхъ годовъ была уже очевидна противоположность крѣпостническаго и освободительнаго направленія въ цѣломъ обществѣ. Впослѣдствіи, въ самомъ пріятельскомъ дворянскомъ кругѣ называли Фета по дружбѣ „закоренѣлымъ крѣпостникомъ“, что было и на дѣлѣ.

Старый кругъ „Современника“ былъ дѣйствительно дворянскій,—хотя не совсѣмъ въ томъ смыслѣ, какъ это

[1]) Тамъ же, I, 132.

представлялось Фету. Здѣсь бывали настоящіе баричи, не всегда для этого положенія достаточно богатые, но дѣйствительно привыкшіе ко взглядамъ и обычаямъ привилегированнаго сословія. Барское удовольствіе, охота, чрезвычайно занимаетъ, напр., Тургенева, который безпрестанно пишетъ о ней къ Некрасову и изъ Спасскаго, и даже изъ Буживаля. Фетъ съ видимымъ одобреніемъ упоминаетъ о томъ, что у Тургенева (конечно, до освобожденія крестьянъ) „былъ прекрасный крѣпостной поваръ, *купленный* имъ за тысячу рублей“ [1]). Фетъ считаетъ нужнымъ занести въ свои воспоминанія „уху“ въ англійскомъ или купеческомъ клубѣ [2]). Въ дружеской компаніи бесѣда окрашивалась довольно крупной „аттической солью“ [3]), тою самой, которая въ тѣ времена особенно потреблялась въ холостыхъ барскихъ компаніяхъ, гражданскихъ и военныхъ. Въ разныхъ случайныхъ отзывахъ Фета вполнѣ отражается манера барина старыхъ временъ, о которыхъ онъ внутренно сожалѣетъ, что онѣ прошли [4]). Была, наконецъ, у иныхъ и „наслѣдственная помѣщичья безалаберность“ въ обращеніи съ деньгами [5]). Самъ Фетъ былъ внимательный и бережливый хозяинъ, зналъ крестьянскіе

---

[1]) Тамъ же, I, 36—37. Должно, однако, объяснить, что Тургеневъ не просто „купилъ“ человѣка (людей покупали тогда, какъ лошадей или охотничьихъ собакъ); этотъ поваръ Степанъ, по собственной просьбѣ его, былъ „выкупленъ“ Тургеневымъ отъ его прежняго барина, съ которымъ, по словамъ Степана, онъ долженъ былъ „кончить плохо“. Тургеневъ, выкупивъ Степана за 800 рублей, далъ ему вольную; Степанъ просилъ его сохранить его вольную у себя, и остался у него служить по доброй волѣ. См. Письма Тургенева, стр. 58, примѣчаніе Колбасина.

[2]) Воспоминанія I, 389; II, 63.

[3]) Тамъ же I, 39.

[4]) Тамъ же I, 34, 160—161 и др.

[5]) Панаева-Головачева, стр. 361.

нравы; какъ мировой судья, умѣлъ повидимому совершать нѣчто въ родѣ Соломоновыхъ судовъ—на мудреной почвѣ народнаго пониманія (или непониманія), и, изображая испорченность мужиковъ, негодовалъ на журналы, которые не одобряли его статей „Изъ деревни", въ „Русскомъ Вѣстникѣ" [1]). Дѣло только въ томъ, что Фетъ, бывая правымъ въ частностяхъ, совсѣмъ не понималъ самой сущности дѣла, между прочимъ забывая, что̀ сдѣлало̀ мужиковъ столь грубыми, и какими условіями бывалъ обставленъ деревенскій бытъ.

Въ своихъ враждебныхъ отзывахъ о „разночинцахъ", портившихъ дворянскую литературу, Фетъ оставался вѣренъ себѣ; но эти отзывы могли бы вызвать серьезныя возраженія. Ему не пришла мысль, что въ интересахъ литературы надо было бы радоваться, что кругъ ея дѣятелей расширяется на болѣе обширный кругъ общества, чѣмъ было прежде (когда наибольшее число образованныхъ людей пріобрѣталось только въ привилегированномъ сословіи), что литература перестаетъ оправдывать слова г-жи Сталь (что „въ Россіи нѣсколько дворянъ занимается литературой"); что тѣ разночинцы, которыхъ онъ подразумѣвалъ, превышали дворянскихъ представителей кружка своимъ блестящимъ по тому времени университетскимъ образованіемъ и также объемомъ своихъ общественныхъ интересовъ,—послѣдняго, впрочемъ, не понимали ни Фетъ, ни нѣкоторые иные его друзья стараго кружка. Неосмотрительно было также, рядомъ съ обвиненіемъ въ грубости правовъ „разночинцевъ", разсказывать порядочно рѣзкія вещи о собственномъ дворянско-

[1]) Это были статьи, на которыя позднѣе обрушивался въ „Современникѣ" Салтыковъ. Воспом. I, 344.

литературномъ кругѣ: здѣсь совершались сплошь и рядомъ непріятныя столкновенія, не лишенныя порядочной грубости [1]).

Тургеневъ писалъ, однажды, Фету: „Мих. Ал. Языковъ [2]), помнится, такъ, однажды, отозвался о нашихъ давно прошедшихъ литературныхъ петербургскихъ вечерахъ: „соберутся, разлягутся [3]), да вдругъ одинъ встанетъ и, ни слова не говоря, другому черепъ долой". Наша переписка (въ 1866 году) приняла этотъ анатомическій характеръ" [4]). Анатомія была, конечно, словесная,—но однажды дѣло доходило и до настоящей, потому что являлся вопросъ о дуэли. Эти личныя столкновенія характеровъ и самолюбій намъ мало интересны; но любопытно слѣдить, въ воспоминаніяхъ и перепискѣ, тѣ взгляды литературные и общественные, которые складывались въ кружкѣ въ критическую пору половины пятидесятыхъ годовъ: наступало новое царствованіе; кончалась Крымская война; чувствовался канунъ „великихъ реформъ".

---

[1]) Напр., тамъ же, I, 106—107, 370—375, 378, 381, 384; стр. 132, (о Писемскомъ) и пр. Довольно забавно, что въ концѣ концовъ Фетъ долженъ былъ придти въ этомъ отношеніи къ весьма фатальнымъ заключеніямъ о самомъ Тургеневѣ... „Несмотря на мою тогдашнюю наивность,—говоритъ онъ,—мнѣ не разъ приходилось изумляться отношеніямъ Тургенева къ нѣкоторымъ людямъ". „Одинъ изъ разительныхъ тому примѣровъ" онъ указываетъ въ знакомствѣ Тургенева—съ Салтыковымъ... Такимъ же образомъ онъ „удивлялся связи" Тургенева съ Шевченкомъ. „Я нимало въ настоящее время не скрываю своей тогдашней наивности въ политическомъ смыслѣ (?). Съ тѣхъ поръ жизнь на многое насильно раскрыла мнѣ глаза, и мнѣ нерѣдко въ сравнительно недавнее время приходилось слышать, что Тургеневъ n'était pas un enfant de bonne maison"... (Воспом. I, 367).

[2]) Упомянутый не-литературный другъ кружка.

[3]) Зала у Некрасова уставлена была большими, мягкими турецкими диванами.

[4]) Тамъ же II, 94.

Извѣстно, что „люди сороковыхъ годовъ“, пережившіе испытанія и возбужденіе Крымской войны, привѣтствовали эту эпоху реформъ, и многіе изъ нихъ были убѣжденными и ревностными дѣятелями открывшихся преобразованій. Конецъ сороковыхъ годовъ въ болѣе образованномъ кругу общества представлялъ уже значительное возбужденіе общественныхъ интересовъ: освобожденіе крестьянъ понималось уже какъ государственная необходимость и какъ потребность нравственнаго чувства общества; сознавалась необходимость и другихъ общественныхъ преобразованій. Характернымъ выраженіемъ этого настроенія было извѣстное письмо Бѣлинскаго къ Гоголю... Этимъ настроеніемъ конца сороковыхъ годовъ, особенно живымъ въ молодыхъ поколѣніяхъ, естественно объясняется то одушевленіе, съ которымъ приняты были преобразованія новаго царствованія.

Во взглядахъ Бѣлинскаго, какъ извѣстно, въ концѣ его дѣятельности все сильнѣе высказывался интересъ къ общественному значенію литературы, именно въ направленіи прогрессивномъ. Теперь, въ кружкѣ его прежнихъ друзей, этотъ интересъ падалъ, или даже совсѣмъ извращался. Бѣлинскій уже замѣчалъ въ Боткинѣ наклонность къ чисто эстетическому смакованію и равнодушіе къ общественной сторонѣ литературы. Теперь эта наклонность развилась окончательно и превратилась въ прямо враждебное отношеніе къ тѣмъ новымъ стремленіямъ литературы, гдѣ именно общественный интересъ становился преобладающимъ.

Въ февралѣ 1866 г., Боткинъ писалъ Фету: „Я теперь испытываю на себѣ, какъ въ извѣстные періоды жизни поэтическое чувство оставляетъ человѣка или по

крайней мѣрѣ отдаляется отъ него. Тѣмъ болѣе въ извѣстныя эпохи, переживаемыя обществомъ. Для поэтическаго чувства необходимы тишина и сосредоточеніе. Но какъ найти душевную тишину и сосредоточеніе въ такое время, какое переживаемъ мы? Увы! *безсмертная эпоха русской поэзіи* прошла и Богъ знаетъ, вернется ли когда-нибудь. Даже и тѣ, которые могутъ повторять:

„Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
Высокихъ мыслей и стиховъ!“

—стали едва замѣтной кучкой, а скоро и эта кучка исчезнетъ. Поэтическая струя исчезла и изъ европейскихъ литературъ, замутила ее проклятая политика; признаюсь откровенно, всѣ эти вопросы политико-экономическіе, финансовые, политическіе — внутренно нисколько меня не интересуютъ. А здѣсь всѣ только ими и заняты. А я между тѣмъ понимаю ясно, что они составляютъ настоятельную необходимость, — да я чужой въ нихъ. Люди, вполнѣ умные въ одной сферѣ, несутъ такую дичь, когда касаются другой, и особенно эстетической, что не знаешь, что сказать“... [1]).

Трудно было бы вообразить, чтобы другъ Бѣлинскаго, хотя и увлекающійся эстетъ (таковымъ надо признать Боткина), остался совсѣмъ чуждъ тому глубокому впечатлѣнію, какое производила перспектива преобразованій. Дѣйствительно, въ февралѣ 1858, Боткинъ писалъ (изъ Рима): „Духъ захватываетъ, когда думаешь о томъ, какое великое дѣло дѣлается теперь въ Россіи. Съ тѣхъ поръ, какъ я прочелъ въ Nord рескриптъ и распоряженіе о комитетахъ, — въ занятіяхъ моихъ произошелъ

[1]) Фетъ, Воспом. II, 83.

рѣшительный переломъ, — уже ни о чемъ другомъ не думается и не читается, и постоянно переносишься мыслію въ Россію. Да, и даже вѣчная красота Рима не устояла въ душѣ, когда заговорило въ ней чувство своей родины. Да неужели вы съ Толстымъ не шутя затѣваете журналъ? Я не совѣтую, — во-первыхъ, въ настоящее время русской публикѣ не до изящной литературы, а во-вторыхъ, журналъ есть великая обуза"... [1]).

Но „духъ захватило" не на долго и не глубоко. Самое преданіе Бѣлинскаго осталось только отвлеченно-эстетическимъ.

Въ мартѣ 1860, Боткинъ еще вспоминаетъ свое идеалистическое прошлое.

„...Я успѣлъ пробѣжать статью Дружинина о Бѣлинскомъ и „Воспоминанія" о немъ Панаева въ „Современникѣ". Статья Дружинина вообще очень слаба; что касается до „Воспоминаній" Панаева, состоящихъ большею частію изъ писемъ Бѣлинскаго, то они произвели на меня такое впечатлѣніе, что я цѣлый вечеръ проходилъ точно во снѣ, забылъ идти на одинъ званый вечеръ и до перваго часа ночи бродилъ по Парижу, совершенно погруженный въ прошлое. Ты меня какъ-то упрекалъ за то, что я не скучаю, но я часто вспоминаю это „прошлое" и моя ли въ томъ вина, что въ этомъ „прошломъ" заключено все мое лучшее? Моя ли въ этомъ вина, что смерть отрываетъ отъ сердца лучшихъ людей и лучшія чувства? Нѣтъ, я не скучаю, но одинокая жизнь иногда страшно тяготитъ меня. Сдѣлаться эгоистическимъ, эпикурейскимъ старцемъ,—увы!—я не могу. Къ

---

[1]) Тамъ же I, 232.

сожалѣнію, въ этомъ снаружи высохшемъ сердцѣ сохранились всѣ прежнія юношескія стремленія, съ тою только разницей, что подъ старость человѣкъ менѣе способенъ жить въ „общемъ“, въ отвлеченномъ. Но всему этому теперь ужъ не поможешь“... [1]).

Въ январѣ 1862 Боткинъ такъ изображалъ свое нравственное настроеніе:

„...На организмѣ остались глубокіе слѣды болѣзни, напримѣръ, на глазахъ моихъ: однимъ глазомъ я вижу очень мало, а другимъ слабо; въ организмѣ нѣтъ силъ, почти постоянно чувствую себя усталымъ, а иногда и говорить трудно отъ слабости. Съ такими условіями жизнь для меня уже не прежній цвѣтущій лугъ. Но не думайте, что я упалъ духомъ или впалъ въ апатію; напротивъ, все живое прежнее словно окрѣпло во мнѣ; мнѣ кажется, что я ближе сталъ къ своей молодости и яснѣе понимаю тѣ immer grünen Gefühle, о которыхъ говоритъ Жанъ Поль. Всѣ прежніе боги сохранили ко мнѣ свою благосклонность, исключая одной Венеры; ну да съ ней я уже давно былъ въ холодныхъ отношеніяхъ. Но зато Аполлонъ, кажется, удвоилъ свою благосклонность ко мнѣ. Въ самомъ дѣлѣ способность чувствовать прекрасное не только не угасла во мнѣ, но, кажется, удвоилась. Нѣтъ, тысячу разъ неправда, что жизнь обманываетъ насъ, и что напрасно намъ даны наши лучшія стремленія. Въ пятьдесятъ лѣтъ я имѣю право говорить о нихъ уже съ увѣренностью опыта. Съ этой далекой станціи яснѣе видишь пройденный путь, яснѣе видишь своихъ истинныхъ и ложныхъ друзей. И что же! Къ

[1]) Тамъ же I, 319.

чему стремилась душа въ юности, то оказывается неизмѣннымъ; въ предчувствіи чего она находила счастіе, то и теперь даетъ ей счастіе. Неизслѣдимы тайны человѣческаго духа, и не можетъ бѣдный умъ мой проникнуть въ ихъ глубины, да я отказался уже отъ этихъ тщетныхъ усилій, отъ всѣхъ опредѣленій. Одно знаю я, что существуетъ что-то, называемое людьми мыслію, что-то, называемое поэзіей, искусствомъ, которое даетъ мнѣ величайшее счастье, и съ меня этого довольно. Знаю я, что потеря этихъ ощущеній равняется для меня смерти, и пока живы органы, которыми я могу ощущать это, я властитель безконечнаго пространства. Что мнѣ за дѣло, что человѣкъ есть въ сущности безсильный червь, который каждую минуту гибнетъ и сливается съ этою безконечною жизнію вселенной,—но пока этотъ червь существуетъ, онъ имѣетъ *способность* испытывать неизреченныя наслажденія. Что мнѣ за дѣло, что я не знаю *абсолютной* истины, но я знаю то, что́ мнѣ кажется истиной. Боже меня сохрани выдавать мое воззрѣніе за единственно истинное, но оно *хорошо* для меня, а вѣдь въ сущности всякій долженъ *дѣлать* свое счастье. Жизненная мудрость состоитъ въ томъ, чтобы обѣдать кускомъ чернаго хлѣба и ѣсть его съ наслажденіемъ, или, какъ говорятъ музыканты, производить великіе эффекты малыми средствами“ [1]).

Очень оригинальная смѣсь скептицизма и романтики. Еще разъ, любопытные проблески романтическаго настроенія сороковыхъ годовъ находимъ въ письмѣ Боткина, отъ августа 1862 изъ Берлина:

---

[1]) Тамъ же I, 386—387.

„Ясная, теплая погода и силы, возстановленныя послѣ двухъ-дневнаго отдыха, наконецъ чувство искренняго довольства, которое всегда посѣщаетъ меня, когда я касаюсь нѣмецкой почвы,—все это наполняетъ мою душу совершеннымъ счастіемъ, которое хочется раздѣлить съ вами, милые друзья. Въ Берлинѣ я чувствую себя дома, хотя я очень мало знакомъ съ нимъ“... Вечера проводилъ онъ въ театрѣ, слушая „Фауста“, „Оберона“, „Гёца Берлихингена“... „Переѣзжая изъ мутной Польши въ нѣмецкую землю, словно вступаешь въ какой-то свѣтлый край. Бѣдное славянское племя! Мы винили Гегеля за то, что онъ давалъ славянскому племени низшее значеніе противъ германскаго,—увы! всякій убѣдится въ этомъ наглядно. Цивилизація вырабатывается не идеями, а нравами (?).

„Да, здѣсь es wird mir behaglich zu Muthe; это главное отъ того, что все мое духовное развитіе связано съ Германіей. Не говоря уже о философіи, поэзіи, даже нѣмецкій комизмъ мнѣ по сердцу. Увы! наше русское такъ называемое образованіе больше клонитъ насъ къ французскимъ нравамъ, и этого жаль! Да и нравится намъ во французскомъ образованіи то, что̀ составляетъ дурныя его стороны, именно распущенность его, халатность,—это больше всего усваиваетъ себѣ русскій человѣкъ. Нѣмецкій духъ, который весь состоитъ изъ дисциплины, не по натурѣ нашей. Какъ жаль, что русскіе туристы только проѣзжаютъ Берлинъ, не вникая въ него. Только хорошія школы могутъ спасти отъ этого верхоглядства.

„Станкевичъ, Грановскій, вся моя юность клонитъ меня къ Германіи; всѣ мои лучшіе идеалы выросли здѣсь,

всѣ первые восторги музыкой, поэзіей, философіей шли отсюда. И въ этомъ не моя вина или вина моего воспитанія. Воспитывался я или, точнѣе сказать, воспитанія у меня никакого не было; вышедши изъ пансіона (весьма плохого) я ровно ни о чемъ не имѣлъ понятія. Все кругомъ меня было смутно, какъ въ туманѣ. Изъ этого періода я помню только одно: я прочелъ *Фіеско* и *Разбойниковъ* Шиллера, да еще переводы Жуковскаго изъ него же. Вотъ что впервые и навсегда сроднило меня съ Германіей. Съ чѣмъ-то сроднилось наше молодое поколѣніе? Виноватъ ли я въ томъ, что мнѣ баллады Шиллера въ тысячу разъ больше волновали сердце, нежели русскія сказки и старинныя сказанія о князѣ Владимірѣ? И вотъ на склонѣ лѣтъ своихъ я снова привѣтствую эту страну, которая впервые пробудила въ душѣ моей все, что ей до сихъ поръ дорого. Въ сущности, какъ мало мѣняется человѣкъ! Говорятъ, что старость есть возвращеніе къ дѣтству; нѣтъ, не къ дѣтству, а къ юности:

„Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ чистыхъ дней".

Чѣмъ больше вдумываюсь въ себя, тѣмъ болѣе нахожу въ себѣ то, чѣмъ былъ я въ юности; странно, и идеалы даже не измѣнились, прибавилось только resignation и терпѣнія: двѣ вещи, которыхъ не можетъ понять юность" [1]).

Боткинъ зарекался, что не можетъ стать эгоистическимъ, эпикурейскимъ старцемъ,—но въ послѣдніе годы онъ однако имъ сдѣлался. Произошло и нѣчто болѣе при-

[1]) Тамъ же I, 402—403.

скорбное: изъ романтическаго прогрессиста въ сороковыхъ годахъ, пробужденнаго къ духовной жизни „Фіеско“ и „Разбойниками“ Шиллера, въ половинѣ пятидесятыхъ онъ превратился въ обскуранта,—какъ и нѣкоторые изъ его старыхъ друзей.

Самымъ крупнымъ лицомъ этого кружка былъ Тургеневъ. (Гр. Л. Н. Толстой зналъ въ пятидесятыхъ годахъ этотъ кружокъ, гдѣ встрѣтили его съ величайшимъ сочувствіемъ, какъ автора „Дѣтства“ и пр., и „Севастопольскихъ разсказовъ“; но былъ въ этомъ кружкѣ недолго и отнесся къ нему холодно). Тургеневъ былъ едва ли не первый и не главный, кто возъимѣлъ тогда вражду къ Некрасову и новымъ сотрудникамъ журнала. Его прежнія отношенія къ Некрасову были самыя дружескія, и хотя неудовольствія относительно новаго направленія журнала начались еще около 1855—1856 года [1]), но личное дружество продолжается приблизительно до 1861 года [2]). А затѣмъ идетъ въ его письмахъ, и воспоминаніяхъ его друзей, рядъ самыхъ непріязненныхъ отзывовъ и о лицѣ, и объ его твореніяхъ [3]).

---

[1]) Въ декабрѣ 1856 г. Тургеневъ пишетъ изъ Парижа: „Что „Современникъ“ въ плохихъ рукахъ, это несомнѣнно“. Письма Тургенева, стр. 33.

[2]) Тамъ же стр. 28, 31, 45, 51, 52, 69, 88.

[3]) Тамъ же стр. 130, 131, 170, 171, 284 о стихотвореніяхъ Некрасова; о характерѣ, стр. 133, 134, 215, 222, 229, 231, 259—съ 1868 до 1875 г.; о смерти Некрасова, стр. 326, 327.

Въ „Воспоминаніяхъ“ Фетъ вторитъ Тургеневу,—I, 307, 308 (о редакторской „безцеремонности“ Некрасова), 397; II, 5—6, 82, 95, 191.

Въ декабрѣ 1877, Н. В. Гербель писалъ Фету о смерти Некрасова, которою былъ „глубоко огорченъ“, вспоминая, что былъ съ нимъ „постоянно въ дружескихъ отношеніяхъ въ теченіе цѣлыхъ 26 лѣтъ“; Фетъ замѣчаетъ на это, что „никогда не могъ опредѣлить личнаго характера“ Гербеля (котораго никогда близко не зналъ), и полагалъ, что и „самъ

Въ этихъ литературныхъ отношеніяхъ Тургенева была немалая доля каприза и нетерпимости. Въ сравнительно болѣе спокойномъ, и безпристрастномъ, настроеніи самъ Тургеневъ находилъ въ стихотвореніяхъ Некрасова извѣстную силу, которая и была въ нихъ дѣйствительно: „Некрасова стихотворенія, собранныя въ одинъ фокусъ,—жгутся", писалъ онъ въ декабрѣ 1856 нейтральному лицу [1]). За то впослѣдствіи онъ находилъ въ нихъ только одну фальшивую искусственность [2]).

Ближайшіе друзья находили въ характерѣ Тургенева этотъ капризъ и неустойчивость, соединенные съ упрямствомъ. Боткинъ,—одинъ изъ такихъ ближайшихъ друзей,—писалъ въ мартѣ 1867 Фету по поводу хозяйственныхъ столкновеній Тургенева съ дядей (Боткинъ оправдывалъ здѣсь Тургенева, когда другіе обвиняли): „Въ денежныхъ и хозяйственныхъ дѣлахъ Иванъ Сергѣевичъ положительно ничего не смыслитъ, и что еще хуже, они въ его понятіяхъ отражаются совершенно фантастически; вообще на его сужденія *фантазія* имѣетъ преобладающее вліяніе. Это существенный порокъ относительно практической жизни и дѣловыхъ отношеній, но съ другой стороны этотъ порокъ есть главное условіе его таланта. Вообще надо принимать человѣка такимъ, какой онъ есть, и разсматривать его въ его собствен-

---

Гербель не очень былъ способенъ различать основные образы мыслей отдѣльныхъ людей". II, 339, 340.

Выше упомянуто, что Фетъ замѣчаетъ подобное о Тургеневѣ: „несмотря на мою тогдашнюю наивность, мнѣ не разъ приходилось изумляться отношеніямъ Тургенева къ *нѣкоторымъ* людямъ"; это—по поводу того, что однажды при Фетѣ пришелъ къ Тургеневу М. Е. Салтыковъ! I, 367.

[1]) Письма, стр. 37.

[2]) Цитаты приведены выше.

номъ соусѣ, который можетъ быть и не по нашему вкусу, но вѣдь въ этомъ виноваты мы, а онъ не въ силахъ передѣлать его [1]). Въ письмѣ отъ апрѣля 1867, Боткинъ опять на сторонѣ Тургенева, хотя тутъ же замѣчаетъ: „ты знаешь, что я не охотникъ до характера Ивана Сергѣевича; но въ этомъ дѣлѣ онъ тысячу разъ правъ“ [2]).

Дѣло приняло, однако, весьма крутой поворотъ. Тургеневъ, чтобы кончить дѣло съ дядей (котораго раньше онъ просилъ управлять своимъ имѣніемъ, а потомъ устранилъ, и этимъ разобидѣлъ и раздражилъ), выдавъ ему значительный вексель для полученія послѣ его смерти, но дядя (Ник. Ник. Тургеневъ) подалъ векселя ко взысканію,—пишетъ Боткинъ въ августѣ 1867,—и, „какъ человѣкъ практическій, предпочелъ вѣрное сомнительному, и, по моему мнѣнію, онъ поступилъ практически. Мнѣ сказалъ объ этомъ Ив. Серг., который этого никакъ не ожидалъ. Легкомысліе и необдуманность такъ свойственны Ив. Серг., ставили его уже не равъ въ самыя затруднительныя положенія и, несмотря на свои сѣдины, онъ и теперь еще легкомысленный мальчикъ, который не знаетъ вѣса своихъ поступковъ“ [3]).

Не будемъ приводить другихъ цитатъ, гдѣ Фетомъ сохранены еще болѣе жестокіе отзывы о характерѣ Тургенева, высказанные близкими ему прежде людьми. Очевидно, это былъ характеръ живой, впечатлительный, но нерѣдко неустойчивый и несдержанный, и въ своихъ увлеченіяхъ упрямый,—что было для него не однажды

[1]) Фетъ, Воспом. II, 113.
[2]) Тамъ же II, 119.
[3]) Тамъ же II, 165.

причиной весьма непріятныхъ столкновеній,—хотя послѣднія бывали также и вызываемы. Думаемъ, что эта несдержанность, нетерпимость и самолюбивая поспѣшность въ заключеніяхъ составили немалую долю и въ его разрывѣ съ Некрасовымъ и „Современникомъ“... Должно сказать, однако, что едва ли не больше враждебности питали и высказывали В. Боткинъ и Фетъ, первый по его обычной раздражительности, а второй, вѣроятно, по дружбѣ, потому что, послѣ первой встрѣчи съ кружкомъ „Современника“ въ его прежнемъ составѣ (начала пятидесятыхъ годовъ), онъ съ журналомъ близокъ не былъ и едва ли зналъ его дѣятелей второй половины пятидесятыхъ годовъ [1]). Тургеневъ въ первое время все-таки гораздо спокойнѣе и благоразумнѣе, чѣмъ его сотоварищи, умѣлъ отнестись къ литературнымъ явленіямъ, возбуждавшимъ ихъ ненависть,—хотя къ сожалѣнію, и у него недостало спокойнаго безпристрастія.

Разрывъ Тургенева съ Некрасовымъ [2]) не ограничивался

[1]) У Тургенева онъ встрѣтился только,—какъ выше упомянуто,—съ М. Е. Салтыковымъ, и встрѣтился недружелюбно; послѣдній, около этого времени, подшучивалъ надъ его статьями „Изъ деревни“. Долго времени спустя, въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, Фетъ защищаетъ свои давнія статьи: „шила въ мѣшкѣ не утаишь, неурядицы“ (мужицкія порубки, потравы и т. п.) „привлекаютъ все большее вниманіе правительства, принимающаго противъ нихъ законныя мѣры“ (I, 344). Эти неурядицы, разстройство помѣщичьихъ имѣній, безпомощную распущенность крестьянъ и наступившее хозяйничанье кулаковъ, изобразилъ еще сильнѣе и шире Салтыковъ („Благонамѣренныя рѣчи“ и пр.).

[2]) Подробности объ этомъ читатель можетъ найти въ воспоминаніяхъ г-жи Панаевой-Головачевой. Ея разсказамъ придана, такъ сказать, беллетристическая форма (напр., въ длинныхъ разговорахъ, которые не могли быть удержаны памятью, а записаны въ то самое время едва ли были); но въ томъ, довольно многомъ, о чемъ я слышалъ также изъ другихъ источниковъ или самъ зналъ, въ этихъ воспоминаніяхъ, можетъ быть, при нѣкоторыхъ личныхъ пристрастіяхъ, много совсѣмъ справедливаго.

только личной непріязнью, но сопровождался, конечно, и различіемъ взглядовъ. У новыхъ сотрудниковъ „Современника“ осуждали ихъ сухость, рѣзкость и т. п., но осуждали и литературное направленіе. Въ это самое время въ „Современникѣ“ печатались „Очерки Гоголевскаго періода русской литературы“, гдѣ, какъ выше сказано, была въ первый разъ обстоятельно изложена судьба литературныхъ идей за время дѣятельности Гоголя, и затѣмъ, въ первый разъ объяснено значеніе критики Бѣлинскаго, въ ея содержаніи литературномъ и общественномъ. Авторъ „Очерковъ“ придавалъ великое значеніе дѣятельности Гоголя и дѣятельности его критика. По взгляду автора, художественное творчество Гоголя было историческимъ преемствомъ отъ предшествующей эпохи: дѣятельность Пушкина впервые установила у насъ и ввела въ сознаніе общества значеніе и право поэзіи, какъ свободнаго искусства; дѣятельность Гоголя, въ первый разъ истолкованная и высоко поставленная Бѣлинскимъ, прилагала это искусство съ одной стороны къ психологіи, съ другой — къ изображенію русской жизни; отсюда выростало широкое общественное значеніе и вліяніе Гоголя, потому что это изображеніе нашей дѣйствительности само собою влекло къ возбужденію общественнаго чувства...

Тургеневъ и его друзья, — друзья или великіе почитатели Бѣлинскаго,—повидимому отнеслись къ „Очеркамъ“ не совсѣмъ сочувственно, хотя предметъ долженъ бы весьма ихъ заинтересовать. Вслѣдъ за „Очерками“ они также обратились къ воспоминаніямъ о Бѣлинскомъ и къ его объясненію. Началъ Дружининъ. Онъ покинулъ тогда „Современникъ“, потому что ему предложена была редакція „Библіотеки для Чтенія“, за которую онъ и взялся. Дальше

приведемъ нѣкоторыя подробности; теперь замѣтимъ только, что въ мысляхъ самого Дружинина и въ желаніяхъ его друзей (какъ Тургеневъ, Боткинъ, Анненковъ и другіе) было, чтобы его журналъ сталъ противовѣсомъ „Современнику", т.-е. борьбой противъ новаго направленія. Изъ писемъ Тургенева видно, что Дружининъ, вообще желавшій казаться спокойно-холоднымъ и безпристрастнымъ, обнаруживалъ гораздо болѣе вражды къ этому новому направленію, чѣмъ Тургеневъ, который хотя также не сочувствовалъ „Гоголевскому" направленію, но до извѣстной степени понималъ его пользу и законность. Между Тургеневымъ и Дружининымъ и безъ того бывала разница взглядовъ. Въ письмѣ къ нему изъ Парижа, въ октябрѣ 1856, Тургеневъ пишетъ: „Я очень радъ, что мой разсказъ: Фаустъ, — вамъ понравился; это для меня ручательство: я вѣрю въ вашъ вкусъ. Вы говорите, что я не могъ остановиться на Ж.-Зандѣ; разумѣется, я не могъ остановиться на ней—такъ же какъ, напр., на Шиллерѣ; но вотъ какая разница между нами: для васъ это направленіе—заблужденіе, которое слѣдуетъ искоренить; для меня оно—не полная истина, которая всегда найдетъ (и должна найти) послѣдователей въ томъ возрастѣ человѣческой жизни, когда полная истина еще недоступна.— Вы думаете, что пора уже возводить стѣны зданія; я полагаю, что еще предстоитъ рыть фундаментъ [1]). То же самое могу я сказать о статьѣ Чернышевскаго. — Я досадую на него за его сухость и черствый вкусъ—а также

[1]) За неимѣніемъ письма Дружинина (вообще, письма къ Тургеневу еще не извѣстны, за немногими исключеніями) неясно, о чемъ идетъ рѣчь,— вѣроятно, о построеніи какого-либо общественно-нравственнаго или эстетическаго міровоззрѣнія.

и за его нецеремонное обращеніе съ живыми людьми (какъ напр. въ сентябрьской книжкѣ С—а); но „мертвечины“ я въ немъ не нахожу — напротивъ; я чувствую въ немъ струю живую, хотя и не ту, которую вы желали бы встрѣтить въ критикѣ.—Онъ плохо понимаетъ поэзію; а знаете ли, это еще не великая бѣда; критикъ не дѣлаетъ поэтовъ и не убиваетъ ихъ; но онъ нонимаетъ— какъ это выразить? — потребности дѣйствительной современной жизни — и въ немъ это не есть проявленіе разстройства печени, какъ говорилъ нѣкогда милѣйшій Григоровичъ, — а самый корень всего его существованія. Впрочемъ, довольно объ этомъ; я почитаю Ч—го полезнымъ; время покажетъ, былъ ли я правъ. — Притомъ въ „противовѣсіе“ ему будете вы и вашъ журналъ; отъ того-то я ему заранѣе радуюсь; вы помните, что я, поклонникъ и малѣйшій послѣдователь Гоголя, толковалъ вамъ когда-то о необходимости возвращенія Пушкинскаго элемента, въ противовѣсіе Гоголевскому.—Стремленіе къ безпристрастію и къ истинѣ всецѣлой есть одно изъ немногихъ добрыхъ качествъ, за которыя я благодаренъ природѣ, давшей мнѣ ихъ“ [1]).

Тургеневъ могъ написать эти слова, потому что въ спокойномъ размышленіи онъ дѣйствительно имѣлъ это достойное качество; но, къ сожалѣнію, это спокойствіе

---

[1]) Письма, стр. 25 — 26; ср. тамъ же, стр. 28 — 29. Относительно Ж.-Зандъ, между прочимъ лично съ ней познакомившись, Тургеневъ писалъ о ней въ восторженныхъ выраженіяхъ, въ іюнѣ 1876, послѣ ея смерти: „...на мою долю выпало счастье личнаго знакомства съ Жоржъ-Зандъ“... Надъ ея личностью былъ „какой-то безсознательный ореолъ, что-то высокое, свободное, героическое... Повѣрьте мнѣ: Жоржъ-Зандъ—одна изъ цаныхъ святыхъ;—вы, конечно, поймете, что я хочу сказать этимъ словомъ“ (письмо къ А. С. Суворину, тамъ же, стр. 292—294).

не однажды ему измѣняло... Журналъ Дружинина, въ минуту раздора съ Некрасовымъ и „Современникомъ", онъ встрѣчалъ съ наилучшими ожиданіями: „я убѣжденъ, что подъ вашимъ руководствомъ,—писалъ онъ Дружинину въ іюлѣ 1856,—изъ „Библ. для Чт." выйдетъ журналъ хорошій и дѣльный, хотя въ иномъ мы и не будемъ соглашаться.—Но это—ничего: въ главномъ и существенномъ и намѣренія наши, и вкусы совпадаютъ". Въ октябрѣ того же года: „Предвижу, что не во всемъ буду соглашаться съ вами, но что за бѣда! у истины, слава Богу, не одна сторона; она тоже не клиномъ сошлась — зато знаю, что многое, самое задушевное и дорогое для меня, вы выскажете такъ, что мнѣ останется только кланяться и благодарить, подобно тому, какъ я вамъ кланяюсь за статью о Пушкинѣ". Въ декабрѣ того же года: „со всѣхъ сторонъ доходятъ до меня слухи о великолѣпномъ перерожденіи „Б. для Чт."—и я рукоплещу и радуюсь". Въ этомъ же письмѣ онъ проситъ поддержать Писемскаго, какъ „сотрудника драгоцѣннаго" [1])... Позднѣе, драгоцѣнный сотрудникъ сталъ послѣ Дружинина редакторомъ этого журнала,—и не къ его пользѣ...

Но рукоплесканія продержались недолго. Въ томъ же декабрѣ 1856, получивъ новую книжку журнала, Тургеневъ пишетъ одному довѣренному лицу: „XI № „Б. для Чт." хорошо составленъ; но я больше (даже въ Дружининскомъ смыслѣ) ожидалъ отъ статьи о Бѣлинскомъ,— отъ нея вѣетъ холодомъ и тусклымъ безпристрастьемъ. Этими искусно спеченными пирогами съ „нѣтомъ"—никого не накормишь" [2]).

[1]) Тамъ же, стр. 23—25, 30.
[2]) Тамъ же, стр. 37.

Статья Дружинина не удовлетворяла и другого пріятеля. „Статья Дружинина вообще очень слаба“, писалъ Боткинъ Фету, и напротивъ, на него сильное впечатлѣніе произвели „Воспоминанія“ Панаева [1]). Впослѣдствіи, уже въ шестидесятыхъ годахъ, Боткинъ не одобрялъ писаній Дружинина въ газетѣ „Вѣкъ“: „Участіе его въ „Вѣкѣ“ безцвѣтно, и чернокнижникъ [2]), очевидно, опоздалъ десятью годами“ [3])... Не знаемъ, какъ впослѣдствіи понравилось Тургеневу управленіе „драгоцѣннаго сотрудника“ въ „Библіотекѣ для Чтенія“ или его „Взбаламученное море“; но онъ удивлялся участію Писемскаго въ „Гражданинѣ“ [4]).

Тургеневъ перенесъ свою писательскую дѣятельность въ „Русскій Вѣстникъ“. Этотъ журналъ, при своемъ основаніи, встрѣченъ былъ большими сочувствіями въ лучшихъ литературныхъ кругахъ Москвы и Петербурга и привлекъ много хорошихъ литературныхъ силъ; подшучивали надъ либеральной англоманіей журнала, но сочувствовали его направленію въ общемъ прогрессивномъ смыслѣ того времени. Однимъ изъ яркихъ выраженій его характера явились тогда „Губернскіе очерки“ Салтыкова. Впослѣдствіи характеръ журнала совершенно измѣнился: онъ сталъ въ разрѣзъ даже съ прежнимъ своимъ направленіемъ, и въ противорѣчіе съ прежними стремленіями принялъ тонъ какого-то вызывающаго консерватизма. В. Боткинъ, за нимъ—Фетъ стали ревностными поклонниками „Р. Вѣст-

---

[1]) Фетъ, Воспом. I, 319.

[2]) Извѣстный псевдонимъ Дружинина „Иванъ Чернокнижниковъ“ въ прежнихъ фельетонахъ „Современника“.

[3]) Тамъ же I, 377.

[4]) Письма, стр. 207.

ника"; къ нимъ присоединился и Тургеневъ. Передъ тѣмъ у него было нѣкоторое недоразумѣніе съ журналомъ, и онъ могъ жаловаться на „безцеремонность" „Р. Вѣстника", какъ жаловался на „безцеремонность" Некрасова [1]). Въ концѣ концовъ, въ журналѣ Каткова явились „Отцы и Дѣти".

Какъ увидимъ, у Тургенева, хотя и не на столько, какъ можно было бы желать, сохранилось спокойное безпристрастіе, которому онъ радовался, какъ своему доброму качеству; но его друзья, Боткинъ на первомъ планѣ, а за нимъ Фетъ, рвали и метали противъ новаго литературнаго направленія. Если не говорить о Фетѣ, надо удивляться, что просвѣщенные люди сороковыхъ годовъ, которые должны были теоретически и по историческимъ объясненіямъ знать о развитіи общества и литературы, не могли понять этого на живомъ явленіи. Боткинъ съ настоящимъ озлобленіемъ говорилъ о „семинаристахъ": „Слава Богу,—писалъ онъ въ октябрѣ 1862,—что журналистика наша вступила, наконецъ, на почву здраваго смысла [2]). Во всякой другой странѣ всѣ эти (?) завиральныя ученія охватываютъ только слабыя головы и политическаго значенія въ обществѣ не имѣютъ. Но у насъ, по невѣжеству, вообразили, что идти наперекоръ всему (?), значитъ быть самымъ передовымъ! Семинаристы пустили это въ ходъ" [3]). Ни Боткинъ, ни его историкъ не замѣчали, что онъ впадаетъ въ тонъ дѣйствующихъ лицъ „Горя отъ

---

[1]) Письма, стр. 40—41, въ январѣ 1857.

[2]) Т.-е. когда были запрещены „Современникъ" и „Р. Слово", и сталъ окончательно господствовать Катковъ.

[3]) Фетъ, Воспом. I, 407. См. еще тамъ же о дружбѣ съ Катковымъ Боткина и Фета, I, 429, 430, 436; II, 14,—и также II, 7, 65, 81, 82, 92.

ума", не говоря о томъ, что ссылка на „всякія другія страны" не имѣетъ историческаго смысла; наконецъ, что „идти наперекоръ всему"—былъ, между прочимъ, упрекъ, который они еще тогда дѣлали одному изъ своихъ ближайшихъ друзей [1]). — Что было бы послѣ!?

Дѣло пошло и дальше.

Нѣкогда Бѣлинскій, въ декабрѣ 1847, въ письмѣ къ Кавелину, съ негодованіемъ говорилъ о томъ, какъ одинъ благопріятель, славянофилъ, подсказывалъ цензору—смягчить въ статьѣ Кавелина его возраженія Самарину. Теперь взялись подсказывать бывшіе друзья самого Бѣлинскаго въ ихъ новѣйшемъ направленіи.

Въ 1866 году Боткинъ радовался двумъ предостереженіямъ, даннымъ „Современнику", — но и здѣсь онъ нашелъ, что у Некрасова это было „дѣломъ разсчета, спекуляціи, скандала" (?); рядомъ съ этимъ онъ уже пророчитъ зловредное направленіе „Вѣстника Европы": „Со вчерашняго дня появился новый журналъ „Вѣстникъ Европы"; — издается Стасюлевичемъ и Костомаровымъ; четыре книжки въ годъ. Онъ преимущественно посвящается историческимъ статьямъ. Костомаровъ талантливый, но умственно шаткій человѣкъ и украинофилъ. Можно полагать (!), что журналъ этотъ будетъ центромъ разныхъ разлагающихъ (?) доктринъ подъ маскою либерализма. Увы! мы дошли до такого времени,—продолжаетъ соболѣзновать Боткинъ,—когда рѣшительно некуда дѣться отъ политики;

---

[1]) Фетъ, „съ первой минуты", замѣтилъ въ гр. Л. Н Толстомъ „невольную оппозицію всему общепринятому въ области сужденій", Воспом. I, 106. Боткинъ, въ 1861, говоритъ о „хаосѣ представленій", о томъ, какъ гр. Толстой „падокъ на крайности", что онъ „не имѣетъ подъ ногами какой-нибудь твердой почвы"; тамъ же, I, 378; см. также II, 237.

подъ тѣмъ или другимъ видомъ она преслѣдуетъ всюду; для объективнаго взгляда (?!) не осталось ни одного мѣста“ [1]).

Боткинъ видимо постоянно внушалъ Фету свои идеи [2]). Фетъ, дѣйствительно, усвоилъ ихъ весьма прочно: нѣсколько лѣтъ спустя, мы читаемъ въ его Воспоминаніяхъ письмо Тургенева: „Рекомендація ваша М. Н. Лонгинову, при его отъѣздѣ изъ Орла [3]), возымѣла свое дѣйствіе: „Вѣстникъ Европы“ получилъ второе предостереженіе. То-то вы порадуетесь, когда этотъ честный, умѣренный, монархическій органъ будетъ прекращенъ за революціонерство и радикализмъ.—Извините эту немного желчную выходку, но досада хоть кого возьметъ!“ [4]).

Тургеневъ, конечно, не могъ дойти до этого прямо полицейскаго обскурантизма. Переписка съ „любезнѣйшимъ“ Фетомъ продолжается; но въ любезной формѣ Тур-

---

[1]) Фетъ, Воспом. II, 86—87. Въ томъ же мартѣ 1866, писалъ Фету Тургеневъ изъ Баденъ-Бадена: въ русской литературѣ „отраднаго мало. Самое пріятное — возобновленіе Вѣстника Европы“. Тамъ же, II, 88.

[2]) Передъ тѣмъ, въ письмѣ отъ декабря 1865 года, онъ увѣщевалъ Фета: „Да уладь ты съ Катковымъ, надо извинять недостатки въ такихъ людяхъ... Люди порядка и здравомыслія не должны ссориться, въ виду стаи собакъ, окружающей ихъ“. Тамъ же, II, 80.

[3]) Ясно, какая была рекомендація: Лонгиновъ уѣзжалъ въ Петербургъ, чтобы стать начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати.

[4]) Тамъ же, II, 279. О Лонгиновѣ еще въ письмахъ Тургенева, стр. 250.

Прибавимъ еще одну цитату. В. Боткинъ сообщилъ Тургеневу свои идеи, почерпнутыя или усовершенствованныя въ редакціи „Р. Вѣстника“. Тургеневъ отвѣчаетъ въ письмѣ отъ іюля 1863: „Твое письмо, любезный Василій Петровичъ, дышетъ патріотизмомъ“ (вѣроятно, шла рѣчь о польскомъ возстаніи и статьяхъ Каткова); „видно, что ты въ Москвѣ плавалъ въ его волнахъ. Я это вполнѣ понимаю и завидую тебѣ, но все-таки я не могу, подобно тебѣ, не пожалѣть о запрещеніи „Времени“ — журнала во всякомъ случаѣ *умѣреннаго*. Да и мнѣ, какъ старому щелкоперу, всегда жутко, когда запрещаютъ журналъ“... Фетъ, Воспом. I, 432, 433.

геневъ высказываетъ Фету свои противорѣчія все болѣе настойчиво и серьезно. Споры были давніе, но раньше спорили объ отвлеченномъ искусствѣ; теперь рѣзкое разногласіе переходитъ на реальные предметы.

Въ августѣ 1862, Тургеневъ находилъ уже, что его „carissimus", хотя поэтъ и, стало быть, служитель идеала, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, „закоренѣлый и остервенѣлый крѣпостникъ, консерваторъ и поручикъ стариннаго закала" [1]).

Тургеневъ говорилъ уже о „собачьей старости" Фета по поводу его взглядовъ на искусство [2]); потомъ онъ негодуетъ на враждебное отношеніе Фета къ только-что основавшемуся тогда Литературному фонду, которое считаетъ „возмутительнымъ" [3]). Еще позднѣе, негодуя на одну статью въ „Р. Вѣстникѣ" (противъ писаній Анненкова о Пушкинѣ!), которую считалъ клеветнической и инсинуаціонной клаузой Булгарина-redivivus, и которой какъ будто сочувствовалъ Фетъ, Тургеневъ изумляется, что его другъ утратилъ свое поэтическое и гуманное чутье, и Тургеневъ увѣренъ, что этого бы не было, еслибы Фетъ не былъ „закрѣпощеннымъ г-ну Каткову человѣкомъ"; а по поводу автора этихъ нападеній на Анненкова вспоминаетъ слова Риваролля, „qu'il fait tache sur la boue" [4]). Потомъ дошло до формальной ссоры [5]).

Отношенія съ самимъ „Р. Вѣстникомъ", съ которымъ

---

[1]) Фетъ, Воспом. I, 404.

[2]) Фетъ, Воспом. II, 94.

[3]) Тамъ же, II, 212, 246. Вражда Фета къ Литер. фонду была вообще отголоскомъ того, что онъ слышалъ: въ Москвѣ считали фондъ либеральной затѣей. Ср. къ этому замѣчаніе Боткина, тамъ же, I, 319. Боткинъ не раздѣлялъ этой вражды.

[4]) Тамъ же, II, 290; ср. II, 300.

[5]) Тамъ же, II, 300—306, 399.

Тургеневъ связалъ себя „Отцами и Дѣтьми“ и гдѣ появлялся знаменитый романъ гр. Толстого, въ концѣ завершились полнымъ разрывомъ и враждой. Въ августѣ 1871, Тургеневъ говоритъ по поводу классицизма (предлагавшагося тогда Катковымъ въ видѣ исправительной мѣры для нашихъ гимназій и университетовъ) и потомъ сводитъ рѣчь на вдохновителя *нашей* классической системы: „...Я выросъ на классикахъ, и жилъ и умру въ ихъ лагерѣ; но я не вѣрю ни въ какую Alleinseligmacherei даже классицизма, и потому нахожу, что новые законы у насъ положительно несправедливы, подавляя одно направленіе въ пользу другого. „Fair play“ — говорятъ англичане; — равенство и свобода, говорю я. Классическое, какъ и реальное образованіе должно быть одинаково доступно, свободно и пользоваться *одинаковыми* правами. Г. Катковъ говоритъ противное; но я въ жизни ненавидѣлъ только одно лицо (не его, то уже умерло, слава Богу), а презиралъ только трехъ людей: Жирардена, Булгарина и издателя Моск. Вѣдомостей“ [1]).

Тургеневъ подтвердилъ это на дѣлѣ, демонстративно, во время московскихъ Пушкинскихъ торжествъ 1880 года [2]).

Когда появились „Отцы и Дѣти“, они, какъ извѣстно, произвели очень шумное и разнородное дѣйствіе. Тургеневъ увидѣлъ, что многое могло быть понято въ романѣ различно и неблагополучно, и самъ нѣсколько разъ объяснялъ смыслъ романа и характеры дѣйствующихъ лицъ [3]).

---

[1]) Тамъ же, II, 237 и 281 (въ 1873).

[2]) Передъ тѣмъ, въ концѣ 1879, были какія-то угрозы по адресу Тургенева. См. Письма, стр. 352.

[3]) Письма, стр. 100—102, 104—107, 238, 242, 278; Фетъ, Воспоминанія, I, стр. 395—396.

Онъ былъ очень доволенъ отзывами о романѣ Ап. Майкова и Достоевскаго, и высказывалъ имъ свое удовольствіе и дружескія чувства [1])...

Въ отвѣтъ на замѣчанія Салтыкова (онѣ остаются еще не извѣстны въ печати) Тургеневъ отрекается отъ тенденціи: „Знаю одно: никакой предвзятой мысли, никакой тенденціи во мнѣ тогда не было; я писалъ наивно, словно самъ дивясь тому, что̀ у меня выходило... но я готовъ сознаться (и уже печатно сознался въ своихъ Воспоминаніяхъ), что я не имѣю права давать нашей реакціонной сволочи возможность ухватиться за кличку, за имя; писатель во мнѣ долженъ былъ принести эту жертву гражданину—и потому я признаю справедливыми и отчужденіе отъ меня молодежи, и всяческія нареканія“ [2]).

Одно изъ любопытнѣйшихъ Selbstbekenntnisse Тургенева относительно „Отцовъ и Дѣтей“ заключается въ письмѣ К. К. Случевскому, отъ апрѣля 1862: „Вся моя повѣсть,—говоритъ Тургеневъ и подчеркиваетъ эти слова,—направлена противъ дворянства, какъ передового класса“. Далѣе: „Всѣ истинные *отрицатели*, которыхъ я зналъ—безъ исключенія—(Бѣлинскій, Бакунинъ, Герценъ, Добролюбовъ, Спѣшневъ и т. д.) происходили отъ сравнительно добрыхъ и честныхъ родителей, и въ этомъ заключается великій смыслъ: это отнимаетъ у *дѣтей*, у отрицателей всякую тѣнь *личнаго* негодованія, личной раздражительности. Они идутъ по своей дорогѣ потому только, что болѣе чутки къ требованіямъ народной жизни“... [3]).

---

[1]) Письма къ Достоевскому, тамъ же, стр. 96, 107—108.

[2]) Тамъ же, стр. 278; письмо отъ января 1876.

[3]) Письма стр. 105. Ср. подобныя мысли, стр. 260 (о „дворянщинѣ“), 510 (о „нигилизмѣ“), и въ томъ же упомянутомъ письмѣ къ Салтыкову, 278.

Это вѣрное замѣчаніе, опять подтверждающее слова Тургенева о его стремленіи къ правдѣ и безпристрастію, привело бы въ крайнее негодованіе его друзей. Къ сожалѣнію, и самъ онъ, по своей чрезмѣрной впечатлительности, забывалъ объ этомъ безпристрастіи, которое, пожалуй, могло бы устранить не мало его тяготившей (и отчасти имъ самимъ созданной) вражды.

Сношенія съ Достоевскимъ опять кончились печальнымъ разочарованіемъ. Онъ самъ говоритъ однажды: Достоевскій „возненавидѣлъ меня уже тогда, когда мы были молоды и начинали свою литературную карьеру, хотя я ничѣмъ не заслужилъ этой ненависти. Но безпричинныя страсти, говорятъ, самыя сильныя и продолжительныя“... Разрывъ съ Некрасовымъ побудилъ Тургенева сблизиться съ „Р. Вѣстникомъ“ и съ журналомъ Достоевскаго „Время“. Чѣмъ кончилось съ „Р. Вѣстникомъ“, мы видѣли. Относительно второго, Тургеневъ уже въ апрѣлѣ 1871 пишетъ Полонскому: „Мнѣ сказывали, что Достоевскій „вывелъ“ меня... Что-жъ! пускай забавляются. Онъ пришелъ ко мнѣ лѣтъ 5 тому назадъ въ Баденъ не съ тѣмъ, чтобы выплатить мнѣ деньги, которыя у меня занялъ, а обругать меня на чемъ свѣтъ стоитъ — за „Дымъ“, который, по его понятію, подлежалъ сожженію отъ руки палача. Я слушалъ, молча, всю эту филиппику, и что же узнаю?— Что будто я ему выразилъ всякія преступныя мнѣнія, которыя онъ поспѣшилъ сообщить Бартеневу (Б. дѣйствительно мнѣ написалъ объ этомъ). Это была бы просто-па-просто клевета — еслибы Достоевскій не былъ сумасшедшимъ — въ чемъ я нисколько не сомнѣваюсь. Быть можетъ, ему это все померещилось. Но, Боже мой, какія мелкія дрязги!“ Въ другомъ письмѣ, отъ декабря 1872,

9c.

70-е годы.

Тургеневъ писалъ: „Достоевскій позволилъ себѣ нѣчто худшее, чѣмъ пародію; онъ представилъ меня, подъ именемъ К., тайно сочувствующимъ Нечаевской партіи. Странно только, что онъ выбралъ для пародіи единственную повѣсть, помѣщенную мною въ издаваемомъ нѣкогда имъ журналѣ,—повѣсть, за которую онъ осыпалъ меня благодарственными и похвальными письмами.—Эти письма сохраняются у меня. Вотъ было бы забавно напечатать ихъ! Но онъ знаетъ, что я этого не сдѣлаю“... [1]).

Въ одинъ изъ послѣднихъ пріѣздовъ Тургенева въ Петербургъ, данъ былъ ему большой литературный обѣдъ, на который явился и Достоевскій. Было сказано не мало привѣтствій (между прочимъ, отъ генерала Николаевскихъ временъ Дитятина, въ лицѣ И. Ѳ. Горбунова); началъ-было рѣчь и Достоевскій. Это была странная рѣчь, въ родѣ инсинуаціи—относительно общественныхъ идей Тургенева (т.-е. „либеральныхъ“): какъ будто вызывался диспутъ или производился допросъ въ духѣ „слова и дѣла“... Присутствующіе просили Тургенева не отвѣчать на эту рѣчь.

Это была еще одна горькая чаша...

За послѣднія лѣтъ двадцать литературной біографіи Тургенева, отмѣченныхъ и въ его перепискѣ, идутъ отношенія совсѣмъ иного рода, полныя ровной, неизмѣнной симпатіи. Къ 1870—1882 годамъ относятся многочисленныя письма Тургенева къ Салтыкову [2]): онѣ обыкновенно упоминаютъ и о новыхъ произведеніяхъ послѣдняго и

[1]) Письма 194, 208. Тургеневъ признавалъ несомнѣнный талантъ Достоевскаго, но объ его „Подросткѣ“ выражался (въ 1875) такъ: „...Боже, что за кислятина, и больничная вонь, и никому ненужное бормотанье и психологическое ковыряніе!!“ Тамъ же, стр. 272.

[2]) Письма, № 148, 173, 209, 210, 212, 213, 216, 217, 219, 220, 221, 225, 226, 239, 337, 342, 348, 370, 413, 432, 442.

всегда исполнены самаго теплаго сочувствія и высокой оцѣнки его таланта. Здѣсь не было мѣста ни спорамъ, ни „дрязгамъ“: очевидно, у обоихъ писателей была одна общая почва; уваженіе къ таланту,—дѣйствительно замѣчательному и въ своемъ родѣ единственному въ нашей литературѣ,—соединялось съ искреннимъ сочувствіемъ къ его общественной идеѣ. Тургеневъ возвращался къ лучшимъ преданіямъ своей ранней литературной дѣятельности; въ Салтыковѣ былъ несомнѣнно послѣдній могиканъ „Современника“.

ПИСЬМА НЕКРАСОВА КЪ И. С. ТУРГЕНЕВУ.

1847—1861.

По смерти Некрасова, въ 1877, у меня была мысль—если не составить его біографію, то, по крайней мѣрѣ, собрать, сколько было бы можно, матеріалы для его біографіи; кромѣ личныхъ воспоминаній — письма, воспоминанія другихъ лицъ, и т. д. Я зналъ Некрасова давно; очень близокъ съ нимъ я не могъ быть, — слишкомъ велика была уже разность поколѣній,—но я довольно близко его видѣлъ въ дѣлахъ журнальныхъ. Не все мнѣ было симпатично въ этомъ характерѣ; но большой умъ, многія черты поэзіи, тонкій литературный вкусъ были привлекательны,—во всякомъ случаѣ это было замѣчательное лицо, о которомъ должна быть сохранена историческая память. Собирая матеріалы, я считалъ важнымъ обратиться особенно къ Тургеневу: въ пятидесятыхъ годахъ я еще засталъ ихъ дружескія отношенія; потомъ пробывши долго, въ 1858—59, потомъ въ 1862 годахъ, за-границей, я непосредственно не зналъ, но услышалъ о раздорѣ Тур-

генева съ Некрасовымъ и вообще редакціей „Современника“; зналъ, наконецъ, о совершенномъ разрывѣ; — потомъ, многіе годы спустя, я слышалъ, въ послѣднія минуты жизни Некрасова — о нѣкоторомъ примиреніи... Я думалъ, что старая непріязнь (длившаяся десятки лѣтъ) не уничтожитъ все-таки у Тургенева доброй памяти о лучшихъ временахъ, и что интересъ историческій ему не останется чуждъ. Я не ошибся. На мой вопросъ къ нему, когда онъ былъ въ Петербургѣ, онъ отвѣтилъ мнѣ полной готовностью сообщить мнѣ матеріалъ, который у него былъ — именно письма Некрасова. Но бумаги были въ Парижѣ; пересылать ихъ почтой онъ опасался, — да и я этимъ не желалъ рисковать; онъ обѣщалъ привезти ихъ самъ, въ другой разъ. Дѣйствительно, въ послѣдній пріѣздъ его въ Россію, и въ Петербургъ, онъ привезъ съ собою пачку писемъ Некрасова и еще нѣчто другое, и предоставилъ ихъ въ мою собственность и полное распоряженіе.

Разныя обстоятельства, — между прочимъ, ожиданіе найти еще новые матеріалы, а также другія, необходимыя работы, — отвлекли меня отъ предположеннаго труда. Наконецъ, недавнія поминки о Некрасовѣ побудили меня вернуться къ своему намѣренію, и нѣкоторый досугъ позволилъ его исполнить, хотя до нѣкоторой степени.

Письма Некрасова были переданы мнѣ Тургеневымъ, сколько я думаю, не только изъ личнаго довѣрія къ моимъ трудамъ, но, можетъ быть, опять съ примирительной памятью о человѣкѣ, съ которымъ въ послѣдніе годы дѣлила его раздражительная вражда, но который нѣкогда былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ его друзей. Изданіемъ писемъ должно почтить память обоихъ писателей: оба

принадлежали къ числу наиболѣе замѣчательныхъ питомцевъ и свидѣтелей сороковыхъ годовъ.

Письма очень любопытны для характеристики того броженія, которымъ отмѣченъ конецъ сороковыхъ годовъ и начало новаго литературнаго направленія, во многомъ именно совпадавшаго съ „эпохой великихъ реформъ“. Въ приведенныхъ историческихъ справкахъ мы видѣли, какое колебаніе овладѣло кружкомъ пріятелей старой редакціи журнала: иные, какъ Боткинъ, Фетъ (иногда самъ Тургеневъ—въ раздражительную минуту) не понимали новаго направленія, которое было отголоскомъ цѣлаго общественнаго возбужденія эпохи; считая себя хранителями преданія сороковыхъ годовъ и учениками Бѣлинскаго, они, не однажды, не сознавали, что болѣе и болѣе становятся чуждыми этому преданію. У Тургенева, въ письмахъ Дружинину, мелькаетъ болѣе вѣрное пониманіе той связи, которая несомнѣнно установляла преемство отъ сороковыхъ годовъ къ новому направленію идей общественныхъ и литературныхъ; впослѣдствіи Тургеневъ долженъ былъ разочароваться даже въ своемъ ожиданіи, что Дружининъ съумѣетъ понять правильно Бѣлинскаго. Остальные друзья, Боткинъ и Фетъ, были окончательно „закрѣпощены“ Катковымъ, по выраженію Тургенева; иные, какъ Григоровичъ, были поверхностны до потери всякой памяти о своихъ прежнихъ влеченіяхъ.

Въ этомъ смыслѣ письма Некрасова получаютъ особенное значеніе: среди колебаній, и наконецъ вражды прежнихъ друзей, онъ ясно понималъ упомянутое историческое преемство двухъ поколѣній, и защищалъ новое направленіе не изъ „коммерческихъ разсчетовъ“, которые ему любятъ навязывать, а именно потому, что пони-

малъ ясно общественный смыслъ новаго направленія. Некрасовъ совершенно опредѣленно утверждалъ то, въ чемъ Тургеневъ еще нѣсколько колебался, и въ тогдашней ихъ дружеской, иногда очень рѣзкой манерѣ, указывалъ слабыя стороны въ понятіяхъ кружка, и указывалъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ именно продолжается преданіе ихъ стараго учителя. Тургеневъ и его пріятели, какъ Фетъ и Боткинъ, не могли понять новаго направленія; для Некрасова историческая связь двухъ поколѣній была совершенно ясна.

Даты писемъ не всегда обозначены, и хотя въ пачкѣ Тургенева письма были сложены повидимому въ хронологическомъ порядкѣ, но остаются нѣкоторыя неясности.

Къ этимъ письмамъ прибавляемъ еще только одно, полученное нами изъ другого источника: это—письмо Некрасова къ Тургеневу отъ января 1850 года, взятое изъ собранія писемъ Некрасова въ Московскомъ Румянцовскомъ Музеѣ. За снятіе копіи мы обязаны Павлу Конст. Симони.—Это письмо мы поставимъ подъ цифрой 7 (bis), чтобы не нарушить числа писемъ, сообщенныхъ самимъ Тургеневымъ.

---

1. [Въ началѣ 1847 г.].

Любезный Тургеневъ. Спасибо вамъ и за память объ насъ и за память о „Современникѣ“. Разсказъ вашъ я прочелъ—онъ очень хорошъ, безъ преувеличенья: простъ и оригиналенъ. Завтра дамъ его Бѣлинскому—онъ вѣрно скажетъ тоже. Кстати о Бѣлинскомъ; здоровье его также неровно какъ при васъ: то плохо, то какъ будто и ни-

чего. Впрочемъ, докторъ завѣряетъ, что рѣшительной опасности нѣтъ. Весной вѣроятно онъ поѣдетъ на воды (въ Силезію)—докторъ говоритъ, что это для него будетъ очень хорошо. Объ этомъ да объ нашихъ отношеніяхъ съ нимъ былъ у насъ на дняхъ положительный разговоръ. Я было предложилъ ему условіе, которое обезпечивало ему при хорошемъ ходѣ дѣлъ журнала, кромѣ жалованья до 5/т. асс. ежегодно во все продолженіе времени, пока издается журналъ, хоть бы почему-либо онъ и оставилъ у насъ работу. Но онъ странный человѣкъ—сказалъ, что для него будетъ лучше постепенное увеличеніе платы за его труды по мѣрѣ успѣховъ журнала, и на этомъ порѣшили. Впрочемъ, скажу вамъ, что при этомъ онъ не обнаруживалъ и тѣни неудовольствія и вообще, кажется, по этой части онъ теперь спокоенъ. На поѣздку за границу онъ рѣшился, когда я объявилъ ему, что жалованье за тѣ года, которые онъ проѣздитъ, все-таки будетъ выдано ему—и въ самомъ дѣлѣ безъ этого онъ не могъ бы ѣхать. Теперь эта мысль его занимаетъ. Тютчевъ [1]) и К° здоровы; контора ихъ идетъ недурно. „Современникъ“ продалъ уже слишкомъ сто экз. новаго изданія, и есть надежда, продастъ и еще штукъ двѣсти. Кстати: „Современникъ“ №№ 1-й и 2-й вамъ высланы и прочіе будутъ высылаться ежемѣсячно. Вашъ разсказъ („Каратаевъ“) напечатанъ во 2-й книжкѣ: онъ всѣмъ понравился очень, Бѣлинскому тоже; два-три мѣста досадно (хоть и небольшія) выкинуты, да чтожъ дѣлать! еслибъ и весь уничтожили, такъ нечему бы удивляться. Работайте коли работается, дѣло хорошее; дѣлаешь ли что, не дѣлаешь ли—

[1]) Рѣчь идетъ о Ник. Ник. Тютчевѣ.—А. П.

время все равно пройдетъ, только какъ ничего не сдѣлалъ, такъ оглянуться назадъ совѣстно; говорю по опыту—мнѣ вотъ все оглядываться совѣстно. Статья объ Нѣмецк. лит. къ 4-му № намъ будетъ крайне нужна; письмо о Берлинѣ—очень бы хорошо; Радилова я буду ждать съ нетерпѣніемъ; мнѣ эти ваши разсказы по сердцу пришлись. Собственно я прошу у васъ еще стиховъ—поторопитесь съ „Маскарадомъ"—безъ стиховъ мнѣ куда не хочется выпускать книжекъ, своихъ мало, а за Огарева на ѣняхъ съ Бѣлинскимъ мы воевали (впрочемъ въ дружелюбномъ тонѣ), и побѣда осталась за нимъ—„монологи" погибли для свѣта! Прощайте. Мнѣ весело. Очень преданный вамъ—Н. Некрасовъ.

Пишу 15-го вечеромъ, пошлю завтра.

Если Герценъ еще не уѣхалъ изъ Берлина, отвѣсьте ему три поклона.

[Приписка на оборотѣ неизвѣстной мнѣ рукой: 17 февраля стар. штиль отправлены № 1 и 2 „Современника" вмѣстѣ съ романомъ *Кто виноватъ?*].

[„Мой сосѣдъ Радиловъ"—одинъ разсказъ изъ „Записокъ Охотника"; былъ помѣщенъ вскорѣ въ 5-й книгѣ „Современника" 1847.

„Записки Охотника" начались, какъ извѣстно, съ первыхъ книгъ „Современника": „Хорь и Калинычъ" былъ помѣщенъ въ „Смѣси"; послѣдующіе разсказы—уже въ текстѣ журнала. Помѣщеніе въ „Смѣси" нѣкоторые ставили потомъ въ укоръ Некрасову, видя въ этомъ признакъ того, что онъ не умѣлъ оцѣнить произведенія Тургенева. Дѣло объясняется проще: Некрасовъ, а можетъ быть и Тургеневъ, не предвидѣлъ, что это будетъ начало цѣлой обширной серіи, а не отдѣльный случайный эпизодъ; а такіе небольшіе разсказы нерѣдко помѣщались въ „Смѣси". По тогдашнему журнальному плану, „Смѣсь" часто бывала дополненіемъ къ литературному отдѣлу, и русскому, и иностранному: здѣсь помѣщались небольшіе отдѣльные очерки, и такія переводныя вещи, не только какъ небольшіе разсказы Диккенса, но даже какъ „Правда и поэзія" Гёте, „Исторія моей жизни" Жоржа Занда и т. под.].

2.

[1847]. Спб. 26 окт.

Господа Тургеневъ и Аненковъ. Я получилъ письмо Тургенева; вопросъ о деньгахъ, кажется, ужъ для васъ, любезный Иванъ Сергѣичъ, долженъ быть рѣшенъ. Я недѣли три назадъ встрѣтилъ вашего брата, который мнѣ сказалъ, что отправилъ вамъ около трехъ тысячъ франковъ.

Я получилъ Аненкова письмо для печати — письмо превосходное и — — — написано прекраснымъ языкомъ!

Если хотите быть полезны „Современнику“ въ Парижѣ, какъ пишетъ Тургеневъ, то прежде всего напишите (кто изъ васъ хочетъ) такую статью, которую можно было бы иллюстрировать въ Парижѣ, и закажите политипажи или выберите себѣ готовые политипажи изъ французскихъ изданій, придѣлайте къ нимъ текстъ, а съ политипажей закажите такъ называемые клише и пришлите вмѣстѣ съ статьей. Все это нужно бы къ 1-мъ числамъ декабря, не позже. Тургеневъ! Вы можете подъ такого рода статьей и не подписаться; стало быть, статья можетъ быть и средней руки... Скучно писать по заказу. Знаю, да вѣдь этимъ вы меня по гробъ жизни обяжете... Нельзя ли соблазнить васъ деньгами? Что касается до нихъ, то, если будете работать, можете разсчитывать на полученіе отъ меня въ декабрѣ мѣсяцѣ и *гораздо больше*, чѣмъ вы назначили въ своемъ письмѣ: стало быть, можете дольше жить въ Парижѣ, если вамъ тамъ нравится. А „Маскарадъ“? Я вамъ скажу вѣсть, можетъ быть пріятную: я хочу издавать и на дняхъ начну: *Библіотеку русскихъ романовъ, повѣстей, записокъ и путешествій*—начну съ *Кто виноватъ*, потомъ *Обыкн. Исторія*, а потомъ, ду-

маю я *Записки Охотника* — ужъ наберется томикъ порядочный, а когда наберется другой — и другой напечатаемъ. Какъ вамъ это нравится и согласны ли вы на это? Думаю, что *да*, а условія изданія для васъ не объясняю — некогда, да и знаю, что вы будете согласны на тѣ условія, какія съ другими. А разсказы ваши такъ хороши и такой производятъ эффектъ, что затеряться имъ въ журналѣ не слѣдуетъ.

Прощайте, господа, послѣ 1-го числа напишу больше, а теперь страшно некогда, клянусь вамъ, я въ судорожныхъ хлопотахъ, и взялся за перо съ тѣмъ, чтобъ только въ двухъ словахъ увѣдомить васъ о полученіи вашихъ писемъ. Бѣлинскій здоровъ и дописываетъ большую статью для 11-ой книжки. Въ этой книжкѣ между прочимъ Тургенева „Жидъ“, безъ подписи его имени. Весь вашъ — Н. Некрасовъ.

[Въ 11-й книгѣ „Современника“ 1847, стр. 138 — 154, разсказъ Тургенева съ тремя звѣздочками вмѣсто подписи].

3.

[1847, декабрь].

Любезнѣйшій Тургеневъ. Прежде всего да будетъ вамъ извѣстно, что сего числа (11 дек. ст. ст.)—посланы вамъ триста рублей серебромъ. Затѣмъ, весь разсказъ вашъ уже у меня, — на дняхъ увижу, будетъ ли возможность помѣстить ихъ въ 1-ую книжку, ибо я отъ васъ 4-й разсказъ и желаніе о помѣщеніи ихъ въ 1-мъ № получилъ только седьмаго числа, а тогда уже были назначены и отданы (съ 1-го числа) для первой книжки повѣсть Гон-

чарова и повѣсть Даля; скоро ихъ кончатъ наборомъ и увижу, сколько изъ нихъ выйдетъ [1]).

Радуюсь, что вы работаете, только, пожалуйста, не ослабѣвайте — право, я радъ за васъ и за „Современникъ“,—на такую отличную дорогу вы попали; очевидно вы начинаете привыкать къ труду и любить его — это, другъ мой, великое счастье! Ну, а затѣмъ за таковой тонъ извините. Вотъ что не забыть бы: нашъ альманахъ скоро начнетъ печататься и къ 1-му декабрю долженъ вытти— итакъ давайте *Маскарадъ*, пожалуйста! А ужь на парижскіе политипажи я отложилъ всякую надежду; видно не видать намъ ихъ какъ ушей своихъ, — мы завербовали себѣ Степанова (что дѣлалъ статуэтки) и онъ нарисовалъ намъ нѣсколько по истинѣ отличныхъ каррикатуръ. Текстъ тоже не дуренъ; пожалуйста, давайте *Маскарадъ*, — даже если не будете имъ довольны, найдете неудачнымъ,—все таки присылайте; въ такомъ случаѣ можно напечатать безъ подписи, а онъ все-таки вѣрно на столько будетъ хорошъ, что Альманаху сдѣлаетъ пользу.

Вашихъ новыхъ разсказовъ я еще не читалъ и потому ничего не могу сказать о нихъ, Аксакова повѣсти тоже еще не читалъ, — на дняхъ все прочту — и буду писать къ Аненкову, которому кланяйтесь и скажите слѣдующее: я отъ Ник. Боткина узналъ, что каждый № „Соврем.“ обходится ему въ Парижѣ 12-ть франк. и большихъ хлопотъ. Это меня огорчило и озлило, потому что пересылка стоитъ около 20-ти руб. сер. въ годъ—и съ слѣдующей 1-й книжкой 1848 года мы ужь не будемъ посылать ему

---

[1]) Противъ всего этого отмѣтка на полѣ рукой Н. Н. Тютчева: „*вѣроятно*, будетъ напечатано“.—А. П.

черезъ брата, а прямо,—зачѣмъ онъ самъ не образумилъ насъ раньше,—что за неумѣренная деликатность! Ну, пусть извинитъ, а впредь *Соврем.* не будетъ ему стоить ни денегъ, ни хлопотъ. А если и вы пожелаете получать себѣ экз., то мы будемъ высылать, только пересылку поставимъ на счетъ.

А о себѣ скажу, что похвалы, которыми обременили вы мои послѣдніе стихи въ письмѣ къ Бѣлинскому, — нагнали на меня страшную тоску, я съ каждымъ днемъ одурѣваю болѣе, рѣже и рѣже вспоминаю о томъ, что мнѣ слѣдуетъ писать стихи и таковыхъ ужь давно не пишу. Мнѣ это подъ часъ и больно, да дѣлать нечего. Но за исключеніемъ сего живу изрядно и хотя работы много и поводовъ злиться еще больше — однако-жь привыкъ и ничего.

Читайте въ 12 № „Совр.“ *Полиньку Сакс*ъ, авторъ небывалый прежде, а каковъ, увидите [1]).

Пишите намъ, долго ли вы и Аненковъ пробудете въ Парижѣ, и куда выѣдете, а послѣдняго просите писать письма въ „Современникъ“ отвсюду, куда бы онъ ни заѣхалъ. Если наша подписка въ 1848 году будетъ хороша, то я самъ предложу ему за письма деньги, а если не хороша, то терпѣливо буду ждать такого предложенія съ его стороны. Я вижу, деликатенъ.

Кстати о деньгахъ! Твкъ какъ я желаю, чтобъ хоть вы (на котораго мы менѣе всего надѣялись) остались исключительнымъ сотрудникомъ „Современника“, то если хотите — я теперь охотно заплачу за васъ долгъ Краевскому,—напишите, сколько, и приложите письмо къ нему.—

---

[1]) Дружининъ.—А. П.

Вашему портному я заплатилъ въ свое время сполна. Прощайте, господа. Весь вашъ—Н. Некрасовъ.

11 Дек. ст. ст. 1847. Спб.

[Приписка карандашомъ рукой Н. Н. Тютчева: „Всѣ наши вамъ очень кланяются. Жму вамъ руку.—Вашъ Т.“].

4.

[1848, 12 сент.].

Любезнѣйшій Тургеневъ. Третьяго дня Аненковъ читалъ у насъ вечеромъ вашу комедію *Гдѣ тонко, тамъ и рвется*. Безъ преувеличенія скажу вамъ, что вещицы болѣе граціозной и художественной въ нынѣшней русской литературѣ врядъ ли отыскать. Хорошо выдумано и хорошо исполнено, — выдержано до послѣдняго слова. Это мнѣніе не одного меня, но всѣхъ, которые слушали эту комедію, а ихъ было человѣкъ десять, между прочимъ Дружининъ, котораго я знакомилъ съ Аненковымъ.

Замѣтилъ я (и всѣ со мной тотчасъ согласились), что немного неловка сказка о куклахъ, ибо почтеннѣйшая публика можетъ принять все это мѣсто въ самую ярыжную сторону и разразиться жеребячьимъ хохотомъ. Приведите себѣ на память это мѣсто, взгляните на него съ этой точки, — можетъ быть, вы найдете это замѣчаніе достойнымъ вниманія и сочтете нужнымъ замѣнить то мѣсто. Съ этой цѣлію я и сообщаю вамъ его.

Недавно (въ IX №) напечатали мы вашу повѣсть *Пѣтушковъ;* повѣсть эта хороша и отличается строгой выдержанностью — это мнѣніе всѣхъ, съ кѣмъ я о ней говорилъ. Мнѣ она и прежде очень нравилась, и я очень радъ, что не ошибся въ ней.

Ваши два послѣдніе присланные разсказа принадле-

жатъ къ удачнѣйшимъ въ запискахъ охотника. Вообще, другъ мой, говоря о вашихъ послѣднихъ трудахъ, приходится только хвалить и дивиться вашимъ успѣхамъ (и трудолюбію), и я умолкаю только потому, что неловко распространяться. Скажу въ кратцѣ: Вы и Дружининъ теперь два лица наиболѣе читаемые, хвалимые и любимые публикой и дѣйствительно наиболѣе замѣтные въ русской литературѣ. Герценъ и Гончаровъ, которые могли бы тягаться съ вами въ этомъ случаѣ, ничего давно не пишутъ (т.-е. первый не печатаетъ, а второй такъ заплылъ жиромъ, что точно ничего не пишетъ).

Эту часть письма мнѣ было написать легко, но теперь наступаетъ трудная. Я догадываюсь, и по одному намеку Аненкова убѣжденъ, что вы на меня сердитесь, но, другъ мой, если бы вы все знали!! Когда писать и что писать?.. О смерти Бѣлинскаго взялась написать вамъ А. П. Тютчева. Что касается до Записокъ Охотника, то въ пользу семейства Бѣлинскаго ихъ печатать нельзя: *Обыкн. Истор.* Гончарова имѣла не менѣе успѣха, но я напечаталъ ее отдѣльно и въ 8 мѣсяцевъ продалось только двѣсти экземпляровъ. Вотъ почему я молчалъ: чего-нибудь особенно важнаго написать не было, а свои ближайшія дѣла горой лежали на плечахъ. Притомъ вы знаете мою безалаберность, такъ не сердитесь же.

Теперь о нашихъ счетахъ. Денегъ у меня теперь нѣтъ и до декабря не будетъ. Но если вамъ нужно раньше— напишите, я достану и пришлю. Напишите также, вышлете вы или нѣтъ намъ до декабря еще что-нибудь изъ своихъ повѣстей,—это нужно для того, чтобъ знать, какъ распорядиться. У меня теперь два ваши разсказа и комедія. Что оставить на первый № и что напечатать въ

11 книжкѣ, которая имѣетъ для насъ тоже великую важность. Если пришлете еще разсказовъ, то я напечаталъ бы комедію въ 11 №, а разсказы всѣ, сколько ихъ будетъ, оставилъ бы на первый №. Напишите, какъ вамъ хочется. Если комедію на 11 №, то поторопитесь съ поправкой (разумѣется, если думаете сдѣлать ее).

У насъ особеннаго ничего нѣтъ. Кавелинъ перебрался теперь сюда на службу и усердно работаетъ для „Совр.“. Кстати, знаете ли вы, что редакторъ „Совр.“ нынѣ уже не Никитенко, а *Панаевъ*? Впрочемъ, вы все увидите: вмѣстѣ съ симъ посылается вамъ (на имя Герцена) „Современникъ“ (всѣ IX книгъ) и будетъ высылаться впредь— это потому мы рѣшились сдѣлать, что Аненковъ завѣрилъ насъ, что вамъ будетъ теперь интересенъ „Совр.“, чего мы, признаться, не думали.

Языковъ и Тютчевъ преуспѣваютъ понемногу съ конторой. Мы трепещемъ за наступающую подписку, ибо многія книжки журнала съ ряду были плохи и альманахъ до сей поры не вышелъ. Масловъ здоровъ и все также то появляется, то исчезаетъ. Аненковъ теперь насъ всѣхъ соединилъ и оживилъ. Дружининъ малой очень милой и не то что Иванъ Александрычъ [1]): все читаетъ, за всѣмъ слѣдитъ и умно говоритъ. Росту онъ высокаго, тощь, русъ и волосы рѣдки, лицо продолговатое, не очень красивое, но пріятное; глаза какъ у поросенка. Вотъ вамъ—коли интересно. Если интересно также, то узнайте, что я пустился въ легкую беллетристику и произвелъ, вмѣстѣ съ однимъ сотрудникомъ,—романъ въ 8-мь частей и 60 печатныхъ листовъ, который и печатается уже въ X книжкѣ.

---

[1]) Гончаровъ.—А. П.

Вотъ по причинѣ этой-то работы мнѣ и некогда было написать къ вамъ письма. Не шутя, Тургеневъ, не сердитесь пожалуйста! Вы знаете, какъ естественно и просто дѣлаются подобныя вещи, хоть издали и могутъ принять характеръ важный и непростительный.

Напишите мнѣ пожалуйста поскорѣе. Герцену поклонъ. Спасибо ему за его доброе письмо. Я плакалъ читая „Послѣ грозы“,—это чертовски хватаетъ за душу.

Будьте здоровы. Весь вашъ—Н. Некрасовъ.

Сентября 12, 1848. Спб.

[Комедія „Гдѣ тонко, тамъ и рвется“ напечатана была въ 11-й книжкѣ „Современника“ 1848].

5.

[1848, 17 декабря].

Здравствуйте, любезный Тургеневъ! Послѣдній вашъ маленькій разсказъ полученъ. Онъ и два прежніе будутъ помѣщены во 2-мъ № „Совр.“ на 1849 годъ. Три послѣдніе №№ „Современника“ выслалъ въ Парижъ всѣ вмѣстѣ въ началѣ декабря; вы ихъ, вѣроятно, ужь видѣли. Изъ комедіи вашей вымарали сказку и я замѣнилъ это мѣсто точками; дѣлать было нечего! Я старался отстоять, да напрасно. Черезъ 10 дней послѣ этого письма будетъ выслано Вамъ 300 р. сер., и подробный счетъ. Вамъ хочется знать, кто у насъ кому долженъ? Кажется, въ настоящую минуту никто никому, впрочемъ навѣрно не знаю; вотъ на дняхъ сочту. Знаю только, что уѣзжая вы остались мнѣ должны слишкомъ 1200 руб. асс., потомъ выслано Вамъ 1050, да портному заплачено 210, и напечатано вашихъ статей покуда до 15-ти листовъ—вотъ и разсчитывайте.

Напишите, какъ называется вашъ романъ, чтобы можно было объявить, если хотите дать его намъ, на что я и надѣюсь. Подписка идетъ у насъ хуже прошлаго года, чему вы конечно и не удивляетесь, видя, какъ плохъ сталъ нашъ журналъ сравнительно съ прошлымъ годомъ. А отчего плохъ? узнаете, какъ сюда пріѣдете. Мы печатали, что̀ могли. Если увидите мой романъ, не судите его строго: онъ писанъ съ тѣмъ и такъ, чтобъ было что̀ печатать въ журналѣ—вотъ единственная причина, породившая его на свѣтъ.

Комедіи вашей для Щепкина не читалъ, но слышалъ про нее. Спасибо вамъ, что не забываете „Современника“.

Весь вашъ—Н. Некрасовъ.

17 Декабря 1848. Спбургъ.

6.

[1849, 27 марта].

Любезный Тургеневъ! Я сейчасъ прочелъ ваше письмо со счетами. Сегодня у *насъ* 27 марта—я очень занятъ; черезъ пять дней пошлю вамъ всего чего Вы желаете и что будетъ нужно послать, а теперь вотъ что скажу вамъ. По тону вашего письма видно, что вы сердитесь—за что? неизвѣстно! Думаю, за то, что деньги вамъ высланы 10-ью или 15-ью днями позже чѣмъ вы ожидали. На это долженъ я вамъ сказать, что 1) у насъ запасныхъ денегъ нѣтъ, 2) что мы имѣемъ долги, 3) что если вы позволяли себѣ быть иногда должнымъ мнѣ, то почему же я не могъ позволить себѣ въ нуждѣ и въ крайности отсрочить высылку вамъ денегъ двумя недѣлями? и наконецъ 4) тотчасъ по полученіи вашего письма о деньгахъ, было мною сдѣлано распоряженіе, чтобы контора Вамъ послала

эти деньги при первой возможности — это можетъ Вамъ засвидѣтельствовать Тютчевъ, и если они немного опоздали, значитъ иначе было невозможно. Вы можетъ быть скажете, что это было въ такое время, когда у насъ не могло не быть денегъ. Точно. Но во 1-хъ, уплачивались долги по документамъ, а 2-хъ, въ нынѣшнемъ году у насъ подписка на всѣ журналы хуже, вслѣдствіе того, что газеты политическія въ интересѣ повысились, а журналы по нѣкоторымъ причинамъ стали скучны и пошлы до крайности. Такъ у Библіот. для Чт. убыло 900 подп., у Краевск. 500, у насъ 700. Дѣла наши не очень блистательны.

Вы пишете, что не знаете, нужны ли намъ ваши статьи. Это можетъ спрашивать только человѣкъ разсерженный. Еще пишете вы, что не можете ничего намъ прислать, пока мы не вышлемъ должныхъ вамъ денегъ, и съ легкимъ упрекомъ намекаете, что Краевск. далъ Вамъ впередъ! О, Тургеневъ! За что Вы такъ меня обижаете? Повѣрьте, что еслибъ Вамъ слѣдовали деньги, то я выслалъ бы ихъ безъ вашихъ напоминаній, зная до нѣкоторой степени, что Вы деньгами за границей не должны быть богаты. Но дѣло въ томъ, что вы въ своемъ счетѣ, который теперь у меня въ рукахъ, позабыли 300 р. серебр., посланные вамъ за границу въ *январѣ прошлаго года*,—такъ что всѣхъ денегъ забрано вами не 2.500 асс., но 3.500! *Жидъ* также въ счетъ не идетъ, ибо онъ достался мнѣ по прежнимъ счетамъ. Вамъ ничего не слѣдуетъ, что ясно увидите, получивъ отъ меня черезъ пять дней послѣ этого письма подробный счетъ.

Еще замѣчаніе. Вы считаете по 50 р. сер. за листъ— я противъ этого ни слова, и готовъ на будущее время платить вамъ больше, если вы пожелаете; но берите

же и съ Краевскаго по крайней мѣрѣ хоть *не меньше* чѣмъ съ насъ, ибо *онъ богаче насъ*; по отношенію листа „Отеч. Зап." къ листу „Совр." вамъ, получая съ насъ 175 р. асс. за листъ, слѣдуетъ брать съ листа „Отеч. Зап." по 225 р. асс. Это замѣчаніе дѣлаю я для вашей пользы, такъ какъ вы даете знать въ вашемъ письмѣ, что хотите работать Краевскому.

Что касается до вопроса—нужны ли намъ ваши статьи, то, кажется, нечего вамъ отвѣчать на него. Очень нужны, если только Вы еще не такъ разсердились, чтобъ имѣть желаніе не давать намъ своихъ трудовъ и сдѣлать такимъ образомъ вредъ нашему журналу...

Касательно денегъ скажу вамъ, что если, ошибшись въ счетѣ, вы ждете отъ меня высылки денегъ и разсчитываете на нихъ,—то я могу выслать вамъ 200 р. сер. впередъ (не ранѣе, впрочемъ, нашихъ первыхъ чиселъ мая) не потому, чтобъ желалъ въ этомъ случаѣ слѣдовать примѣру Краевскаго, а потому, что я всегда за особенное удовольствіе почиталъ сдѣлать что-нибудъ для васъ при малѣйшей возможности, — зная, что и Вы съ своей стороны были мнѣ полезны и можете быть полезны впредь (хоть ужъ поэтому!).

Ничего особенно новаго и пріятнаго у насъ не имѣется. Мы наконецъ выпустили второй *Иллюстр. Альманахъ*, и разсчитываемъ, что онъ поддержитъ подписку. Покуда у насъ подписчиковъ 2400 (въ прошломъ году было 3100). Разсказы ваши (изъ „Зап. Ох.") напечатаны во 2 книжкѣ; они изрядно общипаны, но все еще весьма понравились публикѣ. „Нахлѣбникъ" вашъ *не пошелъ* — этого бы не случилось, еслибъ онъ попалъ къ намъ, а теперь онъ погибъ невозвратно. Если вздумаете намъ дать что-нибудь,

увѣдомьте, къ какому времени и что именно — это меня очень интересуетъ. Прощайте! Поклонитесь Герцену.

Жду вашего отвѣта на счетъ денегъ. Не ожесточайтесь противъ стараго своего пріятеля Некрасова, который привыкъ видѣть въ васъ человѣка добра ему желающаго и самъ всегда былъ вамъ крѣпко преданъ. Ваше письмо меня огорчило не столько съ точки зрѣнія журнальныхъ дрязгъ, къ которымъ я наконецъ привыкъ, сколько съ другой.—Н. Некрасовъ.

27 марта 1849. Спбургъ.

„Современникъ“ будетъ вамъ посланъ. Брату вашему 80 р. отдали. Онъ еще не былъ у меня. Н.

[Дальше, кажется, пишетъ Н. Н. Тютчевъ]:

Хр. воскресе.

Любезнѣйшій Ив. Серг. Я такъ долго задержалъ письмо Некрасова, чтобы имѣть право написать Вамъ, что къ Вамъ отправлено все вышедшее изъ редакціи Современника за 1849 годъ.

Прежде журналы пересылала Газ. Эксп., и тогда они могли быть отправлены ежемѣсячно, но теперь это дѣлается черезъ Таможню и поэтому мы будемъ, избѣгая излишнихъ хлопотъ, высылать вамъ журналъ мѣсяца за 3.

Жена моя вамъ очень кланяется, но у нея болятъ глаза, и это лишаетъ ее удовольствія писать къ вамъ.

Въ маѣ мы ѣдемъ въ деревню на лѣто. Адресъ къ намъ будетъ—Тверск. губ. въ Кашинъ. Всѣ вамъ очень кланяются.

[Подпись трудно разобрать]..

Зиновьевъ пріѣзжалъ сюда на праздники и хвасталъ успѣхами своего д. суда.

21 апрѣля.

7.

[184⁹, 14 сент.].

Любезный Тургеневъ, крайне я радуюсь, что Вы наконецъ вразумились, что никакого поползновенія поступить съ Вами въ чемъ-нибудь непохвально я не имѣлъ, и стало быть, перестали питать ко мнѣ неблагопріятныя чувствованія. Вашъ *Завтракъ у Предв.* на дняхъ получилъ отъ пріѣхавшаго сюда Щепкина — и отдалъ въ наборъ для 10 № „Совр.“; вещь хорошая, но ваша комедія *Холостякъ* въ IX № „От. Зап.“—просто удивительно хороша, особенно первый актъ. Будьте другъ, сжальтесь надъ „Современ.“ и пришлите намъ еще Вашей работы да побольше, а мы всегдашніе ваши плательщики. Ужасно мнѣ досадно, что Вы думаете, будто „Современ.“ не получается Вами по моей безпечности! Не одинъ разъ, а двадцать разъ дѣлалъ я по этому случаю распоряженія и имѣю отъ Тютчева письменныя удостовѣренія, что къ Вамъ (или правильнѣе Герцену, *на Ротшильда)* посылается „Современникъ“.

Обратитесь же при случаѣ къ Тютчеву съ вопросомъ объ этомъ и увѣрьте его, что Вы ничего не получаете.

Покуда прощайте. Мы ждемъ Васъ сюда зимой. Признаться, пріятно было бы свидѣться. Кланяется Вамъ Панаевъ. Будьте здоровы. Душевно Вамъ преданный—Н. Некрасовъ.

14-е сентября нашего стиля. 1849. Спб.

7 (bis).

Спб. 1850 года, 9 янв. ст. ст.

Любезнѣйшій Тургеневъ, Вы я думаю приходите въ неистовое негодованіе—не получая ни письма моего, ни

денегъ, ни книгъ. Я чувствую, что виноватъ и я передъ вами даже при тѣхъ гнусныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ я находился въ послѣднее время. Обстоятельства эти суть: 1) лихорадка, которая трясетъ меня каждый вечеръ вотъ уже слишкомъ мѣсяцъ; 2) глазная боль, отъ которой только недавно избавился нѣсколько; 3) невѣроятное, по истинѣ обременительное и для крѣпкаго человѣка количество работы — честью васъ увѣряю, что я, чтобъ составить 1-ую книжку прочелъ до 800 писаныхъ листовъ разныхъ статей, прочелъ 60-ть корректурныхъ листовъ (изъ коихъ пошло въ дѣло только 35-ть), два раза передѣлывалъ одинъ романъ (не мой), разъ въ рукописи и другой разъ уже въ наборѣ, передѣлывалъ еще нѣсколько статей въ корректурахъ, наконецъ, написалъ полсотни писемъ, былъ каждый день кромѣ лихорадки боленъ еще злостью, разлитіемъ жолчи и проч. Кромѣ физическихъ недуговъ и состояніе моего духа гнусно, къ чему есть много причинъ, — обо всемъ этомъ я конечно не отписывалъ бы къ вамъ, еслибъ не надѣялся, что это смягчитъ нѣсколько ваше справедливое разъяреніе. Сегодня только выпустилъ я 1-ую книгу Соврем. на 1850 г. и теперь вздохнулъ свободнѣе; спѣшу писать къ Вамъ; впрочемъ, если я виноватъ передъ Вами, то развѣ въ долгомъ молчаніи, но никакъ не въ неотсылкѣ денегъ; ранѣе сегодняшняго дня я ихъ выслать не могъ, ибо, какія были, тѣми уплатилъ по векселямъ, а новыя не могли явиться ранѣе, какъ по выходѣ книжки, когда приносятъ деньги книгопродавцы. Что же касается до книгъ, то, прочитавши ваше письмо, я вполнѣ почувствовалъ, какъ онѣ вамъ необходимы и весьма пѣнялъ на себя, что не похлопоталъ объ этомъ. Но, Тургеневъ, у

васъ есть пріятели, менѣе занятые, такъ не очень сердитесь на меня, всѣхъ болѣе занятого, что я не сдѣлалъ этого по истинѣ очень труднаго, запутаннаго и многосложнаго дѣла. Ужь если контора Языкова и Тютчевъ, который кажется васъ очень любитъ, не могли для васъ ничего сдѣлать по этой части, тогда какъ у нихъ всѣ эти дѣла подъ рукой—то ей Богу я не виноватъ. Впрочемъ я уже писалъ вамъ, что имѣю письменное увѣдомленіе Тютчева о высылкѣ вамъ Современ. прошлаго года—совѣтую спросить у него. Въ послѣднее время по вышеписаннымъ причинамъ я ужь никакъ не могъ поправить своей неисправности, ибо рѣдко и со двора выходилъ; но теперь могу сообщить Вамъ утѣшительную вещь: пріѣхалъ сюда мой братъ, онъ малой дѣльной, вступилъ теперь въ управленіе нашей конторой и обнаруживаетъ себя въ хорошемъ свѣтѣ; ему-то поручилъ я добиться какъ отправить къ Вамъ Современ., и ежели только это возможно, то ужь теперь навѣрное черезъ недѣлю послѣ этого письма вы получите весь Совр. прошл. года и 1 № нынѣшняго; *чего бы это ни стоило*, деньги эти беру я на свой счетъ. Итакъ вы, надѣюсь, ошибетесь въ своемъ убѣжденіи, что уже не получите Современника!

При этомъ я прилагаю счетъ, изъ коего увидите, что за вами было

	186	р.	70	к. сер.
Да теперь пос.	200	„	—	„ „
Итого за вами	386	р.	70	к. сер.

Тургеневъ! Я бѣденъ, очень бѣденъ! Ради Бога вышлите мнѣ скорѣй вашу работу и сверхъ того дайте слово, что если эта работа почему нибудь не пойдетъ, то

вы первымъ вашимъ произведеніемъ послѣ этого удовлетворите мой долгъ; желать этого обѣщанія вынуждаетъ меня крайность; въ прошломъ году мы понесли огромный убытокъ; нынѣ у насъ подписка идетъ лучше, но долги у насъ большіе. Конечно вамъ все равно; вамъ денегъ могъ бы точно также дать Краевск., но выгода заставляетъ *меня* не отказать въ нихъ вамъ; только я васъ предупреждаю, что выдача этихъ денегъ для меня имѣетъ важность и что чѣмъ скорѣе вы ихъ отработаете, тѣмъ лучшее. По полученіи вашей работы я буду въ состояніи опять выслать вамъ рубл. 200 сер. впередъ,—а такъ какъ ваша комедія въ 5 актахъ, то думаю, что мы ею сквитаемся разомъ! Нуждаюсь я для 2 книжки въ хорошей вещи, но, кажется, ваша не поспѣетъ ранѣе 3-ей, а можетъ быть! Высылайте тотчасъ по полученіи письма моего. Вашъ *Завтракъ* игранъ и имѣлъ успѣхъ, но онъ ненапечатанъ — ибо одинъ изъ нашихъ ц. заупрямился; . . . . . [1] . . . . . Онъ не любитъ такихъ сюжетовъ—это его личный капризъ — . . . . . какъ скоро я получу *Студента*, то *Завтракъ* (если Вы согласны) передамъ Краевскому, и увѣренъ, что тѣ ц—ра позв. его [2].

Я вамъ моего большого письма не дописалъ—но за то надѣюсь, что вы прочтете о своихъ комедіяхъ мою же статейку въ Современ., который скоро къ вамъ поѣдетъ [3]. Будьте здоровы. Присылайте вашу вещь прямо ко мнѣ, а не черезъ Щепкина, ибо это можетъ задержать; если будетъ нужно, то ему перешлю я.—Некрасовъ.

[1]) Что-то замарано.

[2]) Т.-е.: „тѣ цензора позволятъ его“.—*А. П.*

[3]) Тургеневъ! Сказать по совѣсти мнѣ ваши разсказы нравились больше. Впрочемъ и комедіи хороши, а *Нахлѣбникъ* удивителенъ. Не напишете ли намъ послѣ *Студента* повѣсть? (Приписка Некрасова).

8.

[1851].

Любезный Иванъ Сергѣичъ!

Хотя я и мало надѣюсь, чтобъ Вы уважили мою просьбу, но такъ какъ къ ней присоединяется и Ваше обѣщаніе, то и рѣшаюсь напомнить Вамъ о „Современникѣ“. Сей журналъ составляетъ единственную, хотя и слабую и весьма непрочную, но тѣмъ не менѣе единственную опору моего существованія,—потому не удивитесь, что я уже приставалъ часто и нынѣ пристаю къ вамъ съ новою просьбою не забыть прислать намъ что̀ у васъ написано (не смѣю прибавить: или написать что̀ нибудь, буде ничего не написано) и поскорѣе: вѣрите ли, что на XI книжку у насъ нѣтъ ни строки ничего—ибо даже уже и „М. Оз.“ [„Мертвое Озеро“] изсякло. Знаю, что скучно получать такія просьбы, но еще тяжелѣе приставать съ ними къ человѣку, съ которымъ желалъ-бы совсѣмъ иначе разговаривать, но дѣлать нечего—необходимость извиняетъ меня. Я и такъ долго крѣпился и молчалъ, а теперь пришла крайняя нужда.

Я надѣюсь на вашу доброту и не прибавлю ничего болѣе.

Весь вашъ—Н. Некрасовъ.

15 сентября. Спбургъ.

P. S. Я даю вамъ обѣщаніе не печатать вашей статьи, если много вымаранъ, и продержать корректуру съ необыкновенной тщательностію.

P. S. Знаете ли, что нынѣшнее лѣто и осень около Петерб. прекрасная охота. Я между прочимъ очень много бью сѣрыхъ куропатокъ, которыхъ открылось множество

за Ораніенбаумомъ, верстахъ въ 20-ти. А какъ идетъ ваша охота? И какъ вообще вы поживаете? Полагаю, что получше моего!

[Романъ „Мертвое Озеро", Некрасова и Станицкаго (псевдонимъ А. Я. Панаевой), печатался съ января 1851-го и кончился, пятнадцатой частью, въ сентябрѣ того года].

9.

[1856 ?]. 1852 ?

8 Ноября нашего стиля.

Любезный Тургеневъ. Душевно я желалъ бы послать вамъ тотчасъ всѣ 300 р. сер., но у меня ихъ теперь нѣтъ. Вижу по письму вашему, что Вамъ не безполезны будутъ покуда и 100 р. сер. и потому посылаю ихъ; въ слѣд. мѣсяцѣ или въ два срока или разомъ вышлю остальныя.

Ваши коммисіи исполнятся на дняхъ—они замѣшкались потому, что нужно было нѣкоторыя книги выписать изъ Москвы. У меня начато къ Вамъ большое письмо о бывшемъ недавно представленіи „Холостяка" — если параличъ не хватитъ мнѣ правую руку, то клянусь честью, я его допишу и пошлю на дняхъ къ Вамъ.

Ради Бога поторопитесь съ комедіей и вышлите ее на 1-ую книжку—этимъ по гробъ обяжете, а если ужь нельзя, то не позднѣе второй. Крайне нужно! Вашъ *Завтр. у предв.* [„Завтракъ у предводителя"] подвергался сомнѣнію (ибо въ немъ дѣйствуютъ помѣщики), но теперь его позволили для сцены, и стало быть онъ попадетъ и въ печать.

Не сердитесь, что мало денегъ. Наши денежныя дѣла плохи—ждемъ поправки отъ слѣдующаго года. Помогите, другъ! Денегъ вышлю, какъ скоро будутъ.

Третій актъ вашего „Холостяка“ имѣлъ огромный успѣхъ, первый былъ принятъ хорошо, второй сухо. Прощайте.

Некрасовъ.

[О „Холостякѣ“ Тургенева на сценѣ, см. „Современникъ“ 1849, ноябрь, стр. 139—142. „Завтракъ у предводителя“ напечатанъ много позднѣе, въ „Совр.“ 1856, августъ].

10.

[1852]. 16 мая.

Любезный и милый Тургеневъ. Мы здѣсь съ Масловымъ поговорили-таки о тебѣ и теперь пишемъ къ тебѣ, въ надеждѣ, что ты будешь такъ добръ на досугѣ забросить къ намъ нѣсколько словечекъ о себѣ изъ Петербурга или изъ деревни. Я здѣсь оживаю, хотя дорога меня и измучила порядочно; охота здѣсь, кажется, будетъ чудесная [1]). Я еще отдыхаю и былъ только два раза неподалеку на тягѣ вальшнеповъ—оба раза было что̀ стрѣлять и я стрѣлялъ, да все мимо; видно, послѣ 9-мѣсячной отвычки отъ ружья благоразумнѣе начинать съ воронъ, чѣмъ съ вальшнеповъ; сегодня ѣду верстъ за десять и проведу ночь на охотѣ — мнѣ обѣщали показать токъ тетеревей. ... ... во всей красѣ и въ большомъ размѣрѣ. Мы съ Масловымъ перечитываемъ здѣсь книгу Аксакова, и я въ новомъ отъ нея восхищеніи. Дорогой я выдумалъ два стихотворенія, изъ коихъ одно будетъ, кажется, хорошо—а тебѣ его пришлю какъ кончу...

---

[1]) Жаль только, что теперь вся дичь на гнѣздахъ, остались одни закадычные холостяки, какъ говоритъ Овчинниковъ. [Прим. въ письмѣ].

Прощай. Масловъ тебѣ еще припишетъ. Напиши намъ, не полѣнись. Ѣду сейчасъ на охоту.

[Пписьмо Маслова:]

Еще за недѣлю до пріѣзда Некрасова дошли ко мнѣ слухи о непріятности, подъѣвшей тебя, милый Тургеневъ! Не зная подробностей дѣла, я сильно безпокоился за тебя и хотя, услышавъ отъ Некрасова, какъ и что было, нѣсколько успокоился, но все-таки душевно сожалѣю, что тебя постигъ этотъ казусъ. Сегодня день твоего выхода и мы, ради этого счастливаго событія, осушили бутылочку.

Пріѣздъ Некрасова доставилъ мнѣ невыразимое удовольствіе.—Ты, вѣчно странствующій, не можешь постигнуть, что значитъ свиданіе съ пріятелемъ въ глуши, въ которой полгода прожилъ въ совершенномъ одиночествѣ, и еще съ пріятелемъ изъ П—бурга, гдѣ все и всѣ меня интересуютъ! Я закидалъ его вопросами и вѣрно не далъ бы ему уснуть цѣлую ночь, еслибы онъ не былъ такой хворой. Теперь онъ вошелъ въ азартъ на счетъ охоты, мѣстами для которой остался очень доволенъ и если возвращался всегда съ пустою сумкою, то въ этомъ можетъ винить себя.—Надѣюсь, что проживя у меня, онъ поправится въ своихъ силахъ и явится на страницахъ Современника свѣжимъ и юнымъ.

Поклонись отъ меня всѣмъ, Якушкину, Языкову, Панаеву, Мухортову, Лонгинову, однимъ словомъ, всѣмъ.—Вотъ еслибы кто-нибудь изъ нихъ посѣтилъ Осьмино!

Прощай.—Весь твой Масловъ.

Напиши къ намъ, адресуя такъ: въ городъ Ямбургъ, въ имѣніе Ея Величества.

11.

[1852, 21 октября].

Любезный Тургеневъ. Спасибо тебѣ, что ты вспомнилъ меня; еще болѣе спасибо за подробныя извѣстія о твоей охотѣ нынѣшнимъ лѣтомъ; дичи этотъ годъ вездѣ мало—около Петербурга вовсе не было бекасовъ и очень мало дупелей—но все-таки ты поохотился, какъ видно, весьма хорошо. Я охотился по желѣзной дорогѣ — эта дорога какъ будто нарочно пролегаетъ черезъ такія мѣста, которыя нужны только охотникамъ и болѣе никому; благословенные моховички съ жидкимъ ельникомъ, подгнивающимъ при самомъ рожденіи, идутъ на цѣлыя сотни верстъ — и тутъ-то раздолье бѣлымъ куропаткамъ! Есть въ этой сторонѣ и тетеревъ, преимущественно мошникъ, довольно сѣрыхъ куропатокъ, но вальшнепа нѣтъ и признаковъ; бекасъ и дупель попадаются только изрѣдка. Въ три мои поѣздки туда убилъ я поболѣе сотни бѣлыхъ и сѣрыхъ куропатокъ и глухарей, не считая зайцевъ — и услыхалъ одно новое словечко, которое мнѣ очень понравилось—*пàморха*. Знаешь ли ты, что̀ это такое? Это—мелкій, мелкій, нерѣшительный дождь, сѣющій какъ сквозь сито и бывающій лѣтомъ. Онъ зовется пàморхой въ отличіе отъ *изморози*, идущей въ пору болѣе холодную. Это словцо Новг. Губ. Унылая сторона, населенная наполовину корелами, бѣдная и невѣроятно дикая—но тѣмъ лучше для нашего брата-охотника; изобрѣтеніе пороху еще не проникло сюда, и единственная охота, употребительная здѣсь—это на утокъ, посредствомъ брюха. Мужикъ идетъ по болоту и, завидѣвъ молодую утку, старается упасть на нее брюхомъ, что̀ иногда и удается ему. Не думай, что я шучу. Я это самъ видѣлъ.

Къ охотникамъ съ ружьемъ здѣсь даже оказывается явное нерасположеніе и вотъ что со мной случилось. Разъ я заблудился въ нескончаемомъ моховичкѣ съ моимъ егеремъ (здѣсь не всегда найдешь проводника); долго мы не встрѣчали ни души, чтобы спросить, какъ пройти въ ближайшую деревню Борки. Я усталъ, проголодался, взмокъ отъ поту и брелъ въ тупомъ озлобленіи на удачу — наконецъ завидѣлъ человѣческій задъ и очень обрадованный побѣжалъ къ нему. Это была баба, сбиравшая гнилые масляники (кромѣ этихъ грибовъ здѣсь другихъ не водится). Я обратился къ ней съ вопросомъ и получилъ вотъ какой отвѣтъ:

Скинь портки,
Такъ и дойдешь въ Борки.

И больше я ничего не могъ добиться отъ этой бабы, глядѣвшей на меня съ невѣроятнымъ озлобленіемъ.

Частію, мои отлучки на охоту, а болѣе — другія неблагопріятныя обстоятельства были причиною, что журналъ нашъ такъ запаздывалъ. Впрочемъ, мы это надѣемся наверстать въ послѣдніе мѣсяцы этого года. Спасибо тебѣ, что не полѣнился написать намъ свое мнѣніе о нашемъ журналѣ — мы согласны съ нимъ; дѣлай это и впредь; если не будетъ лѣнь, обрати вниманіе на повѣсть „Дѣтство“ въ IX №—это талантъ новый и, кажется, надежный. Настоящее имя его — графъ Ник. Ник. Толстой — офицеръ, служащій на Кавказѣ. Что ты думаешь объ авторѣ Ульяны Терентьевны и Якова Яковлича? Батмановъ (особенно первая половина) очень хорошъ, но какое грубое существо этотъ господинъ (т. е. авторъ)! Я думаю, ты уже прочелъ 2 часть Батманова; эта часть поразила меня своею грубостію; сцена съ фракомъ, львица—

княгиня, которая все толкаетъ мужчинъ; письмо Наумовой о пощечинахъ, съ подписью: *женщина*, которой очень хотѣлось за васъ замужъ — какъ все это нѣжно! Удивительно еще, какъ мало авторъ затрудняется въ разрѣшеніи самыхъ трудныхъ вопросовъ. Послѣ этой повѣсти . . . . . онъ мнѣ иначе не представляется какъ *литературнымъ городовымъ*, разрѣшающимъ всѣ вопросы жизни и сердца палкой! Впрочемъ, потому все это и досадно, что таланту много. Присылай свою статью о книгѣ Аксакова. Мы спрашивали о тебѣ и намъ сказано, что ты можешь писать и печатать, только г. Крыловъ (это ужь онъ для себя) замѣтилъ, что лучше, если ты будешь представлять свои произведенія *въ цѣломъ*, чтобъ можно было видѣть — идею сочиненія. Еслибъ ты намъ прислалъ разсказъ (напр.—*Переписку*)—это теперь намъ принесло бы болѣе пользы, чѣмъ цѣлый романъ другого автора.

Прощай. Я скоро буду тебѣ еще писать и пришлю тебѣ свои стихи, которые думаю помѣстить въ 1-й № „Совр.“ Панаевъ и Авдотья Яковлевна тебѣ кланяются. Здѣсь теперь Васинька. О немъ тоже напишу послѣ.— Весь твой Н. Некр.

21 октября 1852. Спб.

Пиши, голубчикъ.

[Выше, очевидна ошибка съ именемъ автора „Дѣтства“; дѣло въ томъ, что въ это же время стало въ первый разъ извѣстно и имя гр. Николая Ник. Толстого, какъ писателя].

12.

[1852].

Милый Тургеневъ. Получилъ я твое письмо. Я радъ иногда писать къ тебѣ, но я нахожусь почти постоянно

въ такомъ мрачномъ состояніи духа, что врядъ ли мои письма доставятъ тебѣ удовольствіе. Вотъ и теперь мнѣ такъ и хочется прежде всего написать тебѣ, что я золъ, что у меня въ груди кипитъ чортъ знаетъ что́ такое, а какое тебѣ дѣло до этого. Для полноты и ясности прибавлю однакожь, что здоровье мое необыкновенно скверно. Чтобъ не продолжать въ этомъ родѣ, выписываю тебѣ мои стихи, которые я думаю напечатать въ 1 № „Современника“ на 1853.

Муза.

Нѣтъ, Музы ласково поющей и прекрасной... [1])

. . . . . .

Замѣчу, что нѣкоторые стихи здѣсь измѣнены — потому, что манускриптъ я затерялъ, а память не все сохранила. Напиши, какъ тебѣ понравятся, да не замѣтишь ли чего нехорошаго? Я знаю, какъ у тебя тонокъ глазъ на эти вещи. Напиши, я успѣю еще до печати передѣлать. Сегодня выходитъ XI № „Современн.“, въ немъ ты найдешь недурную комедію въ стихахъ А. Жем-

[1]) Какъ въ извѣстномъ текстѣ, изд. 1882, стр. 19—20. Укажемъ только варіанты:

...Но рано *надъ собой почувствовалъ я* узы
Другой, не ласковой и не любимой Музы—
...Рожденныхъ для *заботъ, несчастья и трудовъ*...
..И юношескихъ лѣтъ прекрасныя мечты
По трудному пути растерянная гордость
И всетерпящая, постылая ей твердость,
Желанья и мечты, которымъ никогда
Свершиться не дано – и вѣрная бѣда;
Погибшая любовь и пр.
...Играла бѣшено моею колыбелью,
Смѣялась, плакала... и буйнымъ языкомъ
На головы враговъ звала Господень громъ!..
Чрезъ бездны темныя *Отчаянья и Зла.*

чужникова и „Снобсовъ“ Теккерея; ты конечно не будешь ими доволенъ, но мы въ восторгѣ. Масловъ живетъ въ Осьминѣ и усердно служитъ. Языковъ, Панаевъ и всѣ твои друзья тебѣ кланяются. Въ Англійскомъ клубѣ вижусь съ Алединскимъ—онъ говоритъ, что убилъ въ нынѣшнемъ году въ 6 недѣль 530 штукъ дичи. Ты его знаешь болѣе—вретъ онъ или нѣтъ? Мнѣ кажется, онъ пріятный господинъ—насколько можно быть таковымъ съ такой непоколебимой наклонностью къ гримасамъ. О Щербинѣ я съ тобой совершенно согласенъ. Прощай до слѣдующаго письма, которымъ я не замедлю.—Твой Некр.

Читай въ „Совр.“ статью объ Японіи—я рѣдко надъ чѣмъ такъ смѣялся, какъ надъ нѣкоторыми чертами этого милаго народа.

[Въ „Современникѣ“ 1852, ноябрь, помѣщена была комедія въ стихахъ „Сумасшедшій“, Алексѣя Жемчужникова.

Тамъ же, въ книжкахъ сентября—декабря, помѣщена была статья Евг. Корша: „Японія и японцы“.

О стихотвореніи Некрасова Тургеневъ отозвался вообще благопріятно—въ письмѣ къ Некрасову отъ 18 ноября 1852 („Р. Мысль“, 1902, стр. 117—118). Тамъ же,—ему чрезвычайно понравилась статья объ Японіи; но съ нѣкоторымъ ужасомъ онъ говоритъ о статьѣ Аѳанасьева. „Статью Аѳанасьева я не прочелъ; можетъ быть, она очень хороша, но у меня почему-то отъ зооморфизма и зооморфическихъ божествъ животъ подводитъ, а это нездорово въ нынѣшнее холерное время“...].

13.

[1853].

Любезный Тургеневъ. Я очень давно не писалъ къ тебѣ—извини. Во-первыхъ, я ѣздилъ въ Москву, во-2-хъ—хворалъ, въ 3-хъ былъ занятъ 1 кн. „Соврем.“. Теперь надѣюсь быть аккуратнѣе и писать раза два въ мѣсяцъ непремѣнно.

Прежде всего спасибо тебѣ за твою статью, которую я нашелъ легкою и живою насколько подобаетъ статейкѣ такого рода, а другіе находятъ даже прекрасною во всѣхъ отношеніяхъ, выражаясь такъ, что-де за что Тургеневъ ни возьмется, непремѣнно выйдетъ отличная вещь,—и это многіе.

Ты замѣтишь мѣсто, вылетѣвшее изъ статьи—я сохранилъ оригиналъ.

Получилъ ты 1 № „Совр.“ и вѣрно имъ недоволенъ, а я такъ и очень. Давно не выпускали мы такой мрачной книги. Что ты думаешь о комедіи Писемскаго? Объ остальномъ не стóитъ ни спрашивать, ни говорить. Во 2-мъ № прочти повѣсть *Рыженькая*. Новый авторъ. Не то, чтобы очень даровито, но исполнено простоты и истины, притомъ лица, при всей ихъ обыкновенности, какъ-то съ особеннымъ тактомъ очерчены. Интересно, что ты скажешь. Съ 3 книги начнемъ романъ Григоровича *Рыбаки*; кажется, романъ будетъ хорошъ.—Григоровичъ былъ здѣсь и, кажется, на дняхъ уѣхалъ. Въ замѣнъ его прибылъ Анненковъ—съ оконченной біографіей Пушкина—ничего еще о ней не знаю. Анненковъ похваляется, что Пушкинъ выйдетъ непремѣнно въ нынѣшнемъ году, но я этому рѣшите льно не вѣрю. Кстати о біографахъ. Гаевскій написалъ прекрасную статью о Дельвигѣ. А затѣмъ литер. новости—всѣ.

[Письмо Панаева:]

20 янв.

Другъ милый Иванъ Сергѣевичъ, цѣлую тебя—спасибо за статью объ Аксаковѣ, она всѣмъ нравится—пиши и присылай еще чего-нибудь. 1 № Совр.—мраченъ, да дѣлать было нечего; 2-й будетъ лучше.—Eudoxie и всѣ

наши тебѣ кланяются. M-me Viardot производитъ фуроръ въ Петерб.,—когда она поетъ—нѣтъ мѣстъ.

Въ „О. З." Галаховъ и Дудышкинъ *по заказу* Краевскаго пустили въ меня всю свою артиллерію. Прочти и помни, что не смотря на это еще живъ твой—Панаевъ.

(„Рыбаки" Григоровича печатались въ „Совр.", 1853, съ первыхъ книжекъ до сентября.)

14.

[1853, іюль].

Любезный Тургеневъ. Я часто вспоминаю о тебѣ, а сегодня наконецъ почувствовалъ желаніе, даже потребность писать къ тебѣ. Мы такъ давно не писали другъ къ другу, что я буду писать о себѣ и прошу тебя въ своемъ отвѣтѣ сдѣлать тоже. Живу я съ конца апрѣля въ маленькомъ имѣньишкѣ моего отца, которое онъ передалъ мнѣ, близь города Мурома; деревенской жизнію не тягощусь; хотя весенняя охота вездѣ бѣдна, однакожь здѣсь дичи такъ много, что не было дня, чтобъ я не убилъ нѣсколько бекасовъ и дупелей, не говоря уже объ уткахъ, которыхъ я уже и бить пересталъ; въ маѣ мѣсяцѣ убито мною 163 штуки красной дичи, въ томъ числѣ дупелей, бекасовъ, вальшнеповъ и гаршнеповъ 91 штука. Съ 15 іюля появились молодые бекасы и дупеля, но такіе стоятъ жары и столько комара и мошки, что охотиться нѣтъ возможности; противъ самаго моего дому между моимъ озеркомъ и Окой версты на двѣ въ ширину тянется лугъ, и теперь я только поколачиваю на этомъ лугу по вечерамъ перепеловъ: до нынѣшняго лѣта я въ глаза не видалъ перепела, и эта охота меня занимаетъ. Вчера вечеромъ рискнулъ пойти на болото, но былъ совершенно

изъѣденъ комарами; убилъ (не съ большимъ въ часъ) 8 бекасовъ и 3-хъ дупелей. Къ выводкамъ тетеревей и куропатокъ еще не приступалъ, но говорятъ, тетеревята у насъ уже въ пол-матки. Стрѣляю я изъ отличнаго англійскаго ружья (Пёрдэя), за которое заплатилъ несмѣтныя суммы, выигранныя впрочемъ въ одинъ вечеръ. Кстати, до тебя, кажется, дошли слухи о моихъ клубныхъ подвигахъ,—дѣйствительно, я вы(игралъ) до 9 т. сер. и еслибъ не былъ трусоватъ въ игрѣ, то могъ бы выиграть состояніе—такое везло счастье цѣлый мѣсяцъ неизмѣнно! Для полноты свѣдѣній прибавлю, что я отъ этого не разбогатѣлъ, а только легче вздохнулъ: было у меня долгу 15 т., а теперь осталось 7-мь. Впрочемъ, это въ сторону. Первая половина этого письма провалялась дня три и теперь дописывая его, я могу сказать, что дѣйствительно у насъ молодой тетеревъ уже крупенъ, ибо вчера я поднялъ четыре выводка. Но вотъ бѣда! превосходнаго моего кобеля и друга Раппо разрѣшило на задъ—и я уже не нахожу такого удовольствія въ охотѣ—на лѣсную дичь особенно—какъ прежде, ибо въ сученкѣ Діанѣ, съ которою теперь охочусь, при многихъ добрыхъ качествахъ, вовсе нѣтъ вѣжливости, столь необходимой когда собака подводитъ къ выводку. Впрочемъ, не будетъ ли объ охотѣ, развѣ попросить тебя не дивиться, что я не щадилъ весенней дичи—я пріѣхалъ съ долговременнаго голода. Отвѣчай мнѣ пожалуйста. Меня интересуетъ, что ты дѣлаешь—какъ стрѣляешь, пишешь, скучаешь, веселишься, въ какомъ духѣ обрѣтаешься. Адресуй: *Муромъ* на моеимя.—Твой Некрасовъ.

9-го іюля 1853. Сельцо Алешунино.

15.

[1853, сентябрь].

[Письмо Панаева:]

Любезный другъ Иванъ Сергѣевичъ,

Мы всѣ смертельно соскучились по тебѣ. А я не имѣю отъ тебя Богъ знаетъ сколько времени ни слуху, ни духу. Слышалъ о твоемъ романѣ отъ Арапетова и Корша; я очень бы желалъ прочесть его, но говорятъ, онъ былъ присланъ на короткое время и исчезъ изъ Пбурга.—Что ты и какъ ты? Не пишешь ли чего-нибудь другого?—Присылай, если что-нибудь есть, въ *Современникъ*—теперь, скажу по секрету—у меня цензоръ отличный, умный и благородный. Это можетъ оживить журналъ. Крыловъ умеръ отъ холеры, а послѣ его цензоровалъ Фрейгангъ два номера и исказилъ ихъ немилосердно. Всѣ *наши* тебѣ очень, очень кланяются.

Пиши къ намъ, каждая вѣсть о тебѣ намъ пріятна.—Твой И. Панаевъ.

22 сентября.

[Письмо Некрасова:].

Милый Тургеневъ, я получилъ твое письмо и душевно тебѣ за него благодаренъ. Отвѣчать на него не успѣлъ, потому что уѣхалъ изъ Владимірской деревни въ Ярославскую, къ отцу. Поохотившись тамъ (и очень пріятно), нынѣ я возвратился черезъ Москву въ Стпетербургъ и принимаюсь за свои обычныя дѣла. „Современникъ“ не то чтобы былъ хорошъ—ты вѣрно это замѣтилъ,—но авось теперь будетъ лучше: по крайней мѣрѣ есть возможность—и полная—его улучшить. Впрочемъ, объ этомъ поговоримъ на досугѣ подробнѣе; теперь много писать некогда.

Вотъ что мнѣ хотѣлось тебѣ сообщить. Въ проѣздъ мой черезъ Москву, слышалъ я отъ В(асилія) Ботк(ина) и Н. Кетч(ера) ругательства твоему роману. Эти люди таковы, что коли ругать, такъ ругать, а хвалить такъ хвалить,—и меня не удивила рѣзкость ихъ отзывовъ; но меня удивилъ выборъ судей съ твоей стороны. Какъ Б., такъ и К. очень мало понимаютъ въ этомъ дѣлѣ. Если ты разсчитывалъ, что они дадутъ прочесть твой романъ кому-нибудь, имѣющему поболѣе вкусу, то очень ошибся; никто кромѣ ихъ его не читалъ, и рѣшеніе надъ нимъ состоялось по приговору этихъ двухъ лицъ, и теперь, я увѣренъ, нѣтъ въ Москвѣ грамотнаго человѣка, который бы не зналъ уже и не повторялъ, что Тургеневъ написалъ плохой романъ. Это, конечно, не важность для тебя, но еще вопросъ, правы ли эти господа, и я прошу тебя, не какъ журналистъ, а какъ твой пріятель—пришли мнѣ этотъ романъ для прочтенія. Я не хочу этимъ сказать, что у меня больше вкусу, но мнѣ любопытно прочесть этотъ романъ, и если хочешь, я потомъ напишу тебѣ о немъ свое правдивое мнѣніе. Само собою разумѣется, что я не имѣю тутъ никакихъ журнальныхъ соображеній. Будь здоровъ. Я напишу тебѣ на дняхъ больше—Весь твой Н. Некрасовъ.

26 сентября.

[Цензоръ, смѣнившій въ „Современникѣ“ Крылова и Фрейганга, былъ В. Н. Бекетовъ.]

16.

17 Ноября, 1853.

Милый Тургеневъ, какъ ни люблю я тебя и какъ ни желаю почаще имѣть о тебѣ извѣстія, однакожь мнѣ рѣдко удается писать къ тебѣ—и это не потому, чтобъ я былъ

занятъ, а нахожусь почти постоянно въ такомъ негодномъ духѣ, что самому скверно. Кажется, приближается для меня нехорошее время: съ весны заболѣло горло и до сей поры кашляю и хриплю—и нѣтъ перемѣны къ лучшему, грудь болитъ постоянно и не на шутку; къ этому нервы мои ужасно раздражительны; каждая жилка танцуетъ въ моемъ тѣлѣ, какъ будто у нихъ вѣчный праздникъ, и мнѣ отъ этого совсѣмъ не весело, каждая мелочь выростаетъ въ моихъ глазахъ до трагедіи—и вдобавокъ—стихи одолѣли—т.-е. чуть ничего не болитъ и на душѣ спокойно, приходитъ *Муза* и выворачиваетъ все вверхъ дномъ; и добро бы съ какой-нибудь пользой, а то безъ толку,—начинается волненіе, скоро переходящее границы всякой умѣренности — и прежде чѣмъ успѣю овладѣть мыслью, а тѣмъ паче хорошо выразить ее,—катаюсь по дивану съ спазмами въ груди, пульсъ, виски, сердце бьютъ тревогу—и такъ пока не угомонится сверлящая мысль. На этомъ основаніи я себя сравниваю съ караульней, подымающей стукотню всякій разъ, какъ проѣдетъ генералъ. Зато началъ много, да что толку. Посылаю тебѣ „Филантропа“—скажи мнѣ о немъ свое мнѣніе. Этой вещи я не почитаю хорошею, но дѣльною,—можетъ быть, въ деревенскомъ единообразіи чтеніе ея доставитъ тебѣ и нѣкоторое удовольствіе хоть тѣмъ, что напомнитъ старое,—по крайней мѣрѣ я теперь вдругъ вспомнилъ наши давніе литературные толки, ту охоту, съ которою я прочитывалъ тебѣ каждое мое новое стихотвореніе, и то вниманіе, съ которымъ ты меня слушалъ. Давнія времена! Мнѣ теперь ихъ жаль!

По истинѣ, мнѣ становится грустно, какъ подумаю о скукѣ, которую ты претерпѣваешь. Предъидущее письмо

мое вызвала досада на людей, которые, можетъ быть, охолодили въ тебѣ даже охоту къ труду, разругавъ тебѣ твой романъ, — и я увѣренъ, несправедливо: въ романѣ твоемъ можетъ недоставать соразмѣрности въ построеніи, допускаю даже, что въ немъ проскользнуло что-нибудь фальшивое, но чтобъ ты могъ написать томъ дряни, этому повѣрю развѣ тогда, когда лишусь здраваго смысла — увѣренъ, что тамъ есть даже отличныя вещи—жаль, что мнѣ не удалось его прочесть. Въ Москвѣ я читалъ твой „Постоялый дворъ“ — вещь прекрасная, но выполненіе слабѣе, чѣмъ въ другихъ твоихъ разсказахъ, — какъ-то блѣдновато, думаю, потому, что ты не имѣлъ цѣли окончательно его отдѣлывать. Читалъ я *Чувства души въ высокоторж. праздникъ*. Кому бы ни принадлежали эти стихи — они превосходны. Это мое мнѣніе послѣ троекратнаго ихъ прочтенія, съ значительными промежутками. Если ты позволишь, мы бы напечатали ихъ, даже прошу объ этомъ. Вотъ тебѣ литературная новость: Майковъ написалъ небольшую поэму „Дуня-Дурочка“—это рѣшительно лучше всего, что онъ писалъ. Прощай. Напиши ко мнѣ пожалуйста поскорѣе. Будь здоровъ.—Весь твой

Н. Некр.

„Филантропа“—не успѣлъ переписать, пришлю послѣ.

Не сдѣлаешь ли чего для 1 книжки „Современника“? Что твой разсказъ *Переписка?*

17.

[1854].

Середа, утромъ 9 часовъ.—Сверхъ ожиданія доѣхалъ я до Москвы хорошо, то-есть столько имѣлъ крѣпости, что нигдѣ не останавливался и проѣхалъ всю дорогу

залпомъ — въ 27 часовъ, т.-е. прибылъ въ Москву во 2-мъ часу во вторникъ. На предпослѣдней станціи обогналъ меня ѣдущій курьеромъ сынъ кн. Меншикова—генералъ; это и заставляетъ меня писать къ тебѣ. Впрочемъ, вотъ все что̀ я узналъ. Меншиковъ, прискакавъ въ Подольскъ, пока ему запрягали лошадей, вызвалъ смотрителя и сказалъ ему: „Скажи графу (Закревскому, котораго дача Ивановское находится въ 4-хъ верстахъ отъ Подольска), что я потому не заѣхалъ къ нему, что надѣюсь поспѣть прямо къ желѣзной дорогѣ. Впрочемъ скажи, что все благополучно, слава Богу, — и новаго ничего нѣтъ“. Онъ поѣхалъ, но черезъ минуту ямщики вбѣжали къ смотрителю съ криками: „воротился! воротился!“ Смотритель выбѣжалъ (и я тоже), Мен. точно воротился; онъ сказалъ, смотря на часы: „Нѣтъ, я никакъ не успѣю къ машинѣ — и потому поѣду самъ къ графу“. Поѣхалъ, а я пошелъ пить чай. Только-что я напился и сошелъ внизъ, а ужь Мен. тутъ (успѣлъ съѣздить), ему впрягли свѣжихъ лошадей и онъ ускакалъ—на слѣдующей станціи (послѣдней къ Москвѣ) я узналъ, что онъ велѣлъ везти себя прямо на машину, разсчитывая, что ему дадутъ особый поѣздъ.—Вотъ какія новости. Судя по тому, что черезъ смотрителя никто не сталъ бы передавать важныхъ новостей, еслибъ они и были, и по тому, что кн. Меншиковъ едвали бы послалъ своего сына съ пустымъ или съ печальнымъ извѣстіемъ—я думаю, что Всемогущій послалъ новую побѣду русскому оружію, и радуюсь. Впрочемъ, ты на досугѣ въ деревнѣ можешь эти факты обдумать хорошенько — нечего покуда къ нимъ прибавить — въ Москвѣ знаютъ столько же, сколько знали мы съ тобой въ Спасскомъ.

Видно мнѣ не судьба видѣть Лонгинова. Сдѣлавъ свои дѣла, я вчера заѣхалъ во всѣ клубы—оказалось, что главный обѣдъ въ Моск. Куп. Клубѣ, по случаю новаго повара, — всѣ были убѣждены, что Лонгиновъ будетъ и я остался тутъ обѣдать,—но Лонгиновъ не явился. Бартеневъ сказалъ мнѣ, что Лонгиновъ у Шевалье, я туда — только-что уѣхалъ въ театръ, а вечеромъ-де будетъ въ Аглиц. клубѣ. Я поѣхалъ въ свой нумеръ и легъ спать, приказавъ себя разбудить въ 9-ть часовъ (чтобъ ѣхать въ клубъ). Весь трактиръ Мореля и даже мой извощикъ будили меня, говорятъ; но, видно, Лонгинову не суждено было услышать знаменитое посланіе, которое, кажется, всѣ знаютъ, кромѣ того, къ кому оно писано.—Что еще сказать тебѣ? За этою фразою обыкновенно въ письмахъ слѣдуетъ что-нибудь болѣе или менѣе нѣжное — интимное—и я не отстану. Мой голосъ ставитъ меня часто въ очень комическія или странныя положенія. Просыпаюсь сегодня—звоню, колокольчикъ оборвался, кричу—въ томъ-то и бѣда, что кричать не могу . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . Все ужь у меня уложено, а еще есть полчаса времени. Гляжу въ окно — мокро и дождь идетъ—и вспомнилъ нашу охоту. Не мудрено, что послѣ морозовъ у васъ теперь *отпустило*—прилетѣли вальдшнепы, и ты сегодня отправился ихъ бить, а я! Добрый годикъ вышелъ мнѣ нынѣче, какъ бы чортъ его скорѣе взялъ! Боюсь, что онъ меня дорѣжетъ, а впрочемъ все вздоръ:

Ничего! гони во всѣ лопатки,
Труденъ путь, да легокъ конь,
Дожигай послѣдніе остатки
Жизни, брошенной въ огонь!

Это я сочинилъ дорогой—въ утѣшеніе себѣ.—Прощай и будь здоровъ.

Тарантасъ твой, человѣкъ и подушка отправлены къ твоему брату, за все спасибо.—Твой Некр.

5 окт.

18.

9-го окт. пятн. [1854].

Я уже третій день дома. — Ничего нѣтъ новаго. Меншик. точно не привезъ никакихъ особенныхъ извѣстій. Сент-Арно умеръ, да ты это вѣрно знаешь изъ газетъ [1]).—Это политика.

Теперь пойдетъ литература. Ты вѣрно получилъ X № „Совр.“. Онъ вышелъ здѣсь 2-го числа. Но въ немъ новаго для тебя немного. Меня очень смѣшитъ мѣстами повѣсть о майорѣ Гагаганѣ, хотя въ ней есть скучныя длинноты, и вообще непостижимо терпѣніе автора, который заставляетъ лгать своего героя сто страницъ слишкомъ. Это производитъ такое же впечатлѣніе какъ лгуны въ натурѣ, но отъ лгуновъ въ жизни можно бѣжать или прогнать ихъ въ шею, а съ книжнымъ не раздѣлаешься, пока не дочтешь его вранья. Вотъ то, что Друж. именуетъ чернокнижіемъ, но нашему чернокнижію далеко до Теккереевскаго.—Проѣздомъ черезъ Москву увидалъ я у Базунова толстѣйшую книжищу съ названіемъ *Пѣсни разныхъ народовъ, пер. Берга.* Еслибъ этотъ Бергъ былъ даже . . . . . , то все-таки книга его доставила мнѣ на цѣлый день (въ дорогѣ) интересное чтеніе — и я ему благодаренъ. Этого мало: я стою на томъ, что книга хо-

[1]) Маршалъ Сентъ-Арно умеръ 29 сент. 1854, по дорогѣ въ Константинополь изъ-подъ Севастополя.—А. П.

роша и можетъ занять даже и не въ дорогѣ. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ я пошлю записку къ московскому Базунову, чтобъ онъ тебѣ ее выслалъ. Изъ нея ты узнаешь — впрочемъ мнѣ некогда много писать, но ты самъ увидишь, что кромѣ дѣльности книга имѣетъ большое литературное достоинство — въ ней встрѣчаются настоящіе перлы поэзіи. Выпишу тебѣ одну пѣсенку, самую коротенькую—*мадьярскую.*

Два милыхъ было у меня
Дороже всей родни,
Да бѣдность одолѣла ихъ—
И померли они.

Что одного-то милаго
Въ саду я положу,
Другаго я сердечнаго
Подъ сердцемъ схороню.

Полью въ саду я милаго
Съ Дунай-рѣки водой,
Полью дружка сердечнаго
Горючихъ слезъ рѣкой.

Мнѣ это кажется удивительно хорошо. Будь здоровъ.

Твой Некр.

[О книгѣ Берга Тургеневъ въ письмѣ къ Некрасову, отъ 15 октября 1854, изъ Спасскаго, говоритъ: „Было время, что я съ ума сходилъ отъ народныхъ пѣсенъ, и у меня есть различные переводы сербскихъ, мадьярскихъ, финскихъ и другихъ пѣсенъ. Это предпріятіе Берга очень полезно и хорошо, вотъ гдѣ бьютъ родники истинной поэзіи. Я тебѣ благодаренъ за мысль выслать мнѣ эту книгу"...

Но ужъ черезъ недѣлю, ближе познакомившись съ книгой, Тургеневъ въ письмѣ отъ 22 окт. 1854 очень сурово отзывается объ исполненіи... „За книгу Берга очень благодарю, хотя выборъ пьесъ сдѣланъ очень дурно, и переводъ большею частію вялъ и плохъ и даже, какъ я могу судить, невѣренъ. Французскія, напр., пѣсни—столько же народны, сколько народны досуги Кузьмы Пруткова. Это вздоръ, сочиненный очень недавно, между тѣмъ, какъ у нихъ есть славныя, старинныя пѣсни. Испанскія тоже прегадко выбраны; мнѣ кажется, Бергъ болѣе желалъ пощеголять знаніемъ всякихъ языковъ. Но мысль хороша и дѣльна и заслуживала лучшаго исполненія"...]

19.

16 окт. Спб. [1854].

Получилъ вчера твое письмо. — Гдѣ это могли оказаться у тебя гаршнепы? Все-таки вы воротились домой не съ пустомъ. Видѣлъ нашего добраго [1]): каталогъ у него былъ, да кто-то взялъ и проч., т.-е. каталога нѣтъ. Онъ жизнію доволенъ—Пушкина получилъ и на слѣдующей недѣлѣ приступаетъ къ печатанію. Я не буду много писать, потому что голова моя занята шутовскимъ сочиненіемъ, которое мнѣ хочется написать для Ералаша. 10 № „Совр.“ ты имѣешь, а XI идетъ хорошо—„Хлыщей“ Панаева пропустили безъ измѣненій и выпусковъ—пришлю тебѣ XI № какъ и X, т.-е. ты его получишь на 6-ой день послѣ выхода здѣсь. Новостей никакихъ нѣтъ, кромѣ извѣстныхъ тебѣ по газетамъ.—Здѣсь стоитъ сырая погода и можно бы еще охотиться — по улицамъ таскаютъ бекасовъ и утокъ, да мнѣ не до того. Смерть хотѣлось бы уѣхать за границу, да выросло новое препятствіе, съ которымъ не знаю справлюсь ли.—Кланяюсь Порфирію и радъ, что ему досталась хорошая жена. Посовѣтуй ему вывести скверный запахъ изъ первой его комнаты, а то мнѣ отсюда видится, какъ морщится его жена, входя въ эту комнату. Будь здоровъ. Я здѣсь немедленно по уши въѣхалъ въ хлопоты, но выношу всякія гадости съ бо́льшимъ мужествомъ, чѣмъ отъ себя ожидалъ. Ни мало не раскаиваюсь, что съѣздилъ къ тебѣ, хотя и плохо поохотился—это, кажется, укрѣпило меня. Жаль только, что мало пробылъ—даже не успѣлъ порядкомъ войти въ эту жизнь, для которой я, кажется, со-

[1]) Подразумѣвается П. В. Анненковъ.—А. П.

творенъ. Получилъ ли Сборникъ пѣсенъ? Не правда ли— стоитъ въ немъ порыться на досугѣ.—Некр.

[Рѣчь идетъ опять о книгѣ Н. В. Берга: „Пѣсни разныхъ народовъ". М. 1854. Этой книгѣ посвящена была тогда же большая статья въ „Современникѣ".]

20.

[1854]

Получилъ твое письмо — хорошо дѣлаешь, что работаешь; Григоровичъ занятъ большимъ романомъ—на него нѣтъ вѣрной надежды, и теперь уже я слезно тебя прошу написать на 1 или 2 книжку „Современника" разсказъ хоть небольшой или что ты хочешь, да чтобъ было твое имя. А то чѣмъ же мы начнемъ годъ — Дружининымъ? это самое блестящее изъ всего, что́ есть; — Писемскимъ? но онъ наворотилъ исполинскій романъ, который на авось начать печатать страшно—надо бы весь посмотрѣть. Это неряха, на которомъ не худо оглядывать каждую пуговку, а то подъ застегнутымъ сертукомъ какъ разъ окажутся штаны съ дирой . . . . . Получилъ разсказъ Основскаго. Штука обыкновенная, но тамъ есть черта (должно быть, услышанный анекдотъ) мольеровская. Какой-то подлецъ позвалъ обѣдать губернатора — тотъ явился, и положилъ свою каску на окно. „Ва— Пр — во! здѣсь дуетъ!" закричалъ подлецъ и переложилъ каску. Изъ сего слѣдуетъ, что подлость также размягчаетъ сердца, какъ и добродѣтель. Напечатаю Основскаго въ XII кн. и вышлю ему деньги (не болѣе 25 р. сер. за листъ). — *Нашъ добрый* въ сильной дѣятельности, но что это за кулацкое безвкусіе!—я ему помогаю въ выборѣ бумаги, но не я буду

виноватъ, если форматъ новаго Пушкина будетъ уродливъ и шрифтъ гадокъ—ужь эти статьи онъ рѣшилъ! Шрифтъ (тонкій и узкій) особенно для стиховъ мнѣ рѣшительно не нравится. Изданіе скоро начнется.—Кланяйся бубулькѣ. Кстати. Я увѣренъ, что эта смѣтливая сучка теперь съ гордостью думаетъ: „Наконецъ *онъ* такъ привязался ко мнѣ, что и на зиму остался *со мной* въ деревнѣ“, или что-нибудь подобное.—Твой Некр.

22 окт.

21.

6 ноября [1854].

Захлопотавшись съ XI № „Совр.“ (я тебѣ его вчера послалъ по легкой почтѣ), давно я тебѣ не писалъ. Во 1-хъ, я привелъ свои дѣла въ такое положеніе, что могу ѣхать за границу, хоть завтра, если будетъ можно. Во 2-хъ, въ чаяніи собрать нѣсколько денегъ къ отъѣзду, началъ я изрѣдко поигрывать въ картишки—и пока съ успѣхомъ; въ 3-хъ, получили письмо отъ Вас. Петр. Боткина, который говоритъ, что Баратынскій былъ пьяница, стиховъ котораго печатать не стоило, а по поводу „Отрочества“ замѣчаетъ, что таланты бываютъ благородные и неблагородные и еще что-то, такъ что по этой классификаціи выходитъ, что Гоголь-писатель былъ подлецъ, а Влад. Ив. Панаевъ благороднѣйшій дѣятель литературы. Какъ это все свѣжо! Къ этимъ литературнымъ аристократамъ причисляетъ онъ и Толстого, которымъ очень восхищается. Ты хочешь знать объ „Отрочествѣ“ — конечно, всѣ его хвалятъ, съ кѣмъ мнѣ случалось говорить, но видятъ настоящую его цѣну немногіе—вѣдь Дружининъ не дуракъ, а что онъ найдетъ для себя въ „Отрочествѣ“? Такихъ много и въ публикѣ; впрочемъ мнѣ слу-

чалось встрѣчать круглыхъ скотовъ, о коихъ я думалъ, что они ничего не читаютъ,—они заговаривали со мной объ „Отрочествѣ“,—по моему: это вѣрный признакъ успѣха, когда дураки считаютъ долгомъ говорить о томъ, до чего имъ дѣла нѣтъ. Хорошо, что ты мнѣ написалъ адресъ Толстого, — я не зналъ, куда ему послать деньги за „Отр.“ и послалъ теперь ему запросъ. — Прибылъ сюда Авдѣевъ,—и первый визитъ сдѣлалъ намъ! Будетъ сюда Писемскій. Пріѣзжай и ты.—Весь твой Некр.

[См. къ этому отзывъ о характерѣ и идеяхъ В. П. Боткина у Герцена, въ „Письмахъ К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену“. 1892, стр. 189].

22.

[1855?]

Любезный Тургеневъ. Я въ городѣ Ярославлѣ, и завтра буду въ деревнѣ. Пишу къ тебѣ только въ надеждѣ, что ты ко мнѣ напишешь, а самъ покуда ничего, кажется, не напишу. Простившись съ тобою я уѣхалъ— и скоро мнѣ дали знать, что бѣдному мальчику худо. Я воротился. Былъ на серединѣ дороги у Панаевыхъ [1]), потомъ былъ въ Петербургѣ. Бѣдный мальчикъ умеръ. Должно быть, отъ болѣзни что ли, на меня это такъ подѣйствовало, какъ я не ожидалъ. До сей поры не могу справиться съ собой. Надо же, чтобъ при моей болѣзненности еще со мной случались такія оказіи, какія со мной все случаются. Кланяйся Колбасину. Я еще къ тебѣ напишу—на дняхъ.—Твой Некр.

19 апрѣля.

Мой адресъ: въ Яросл. по Дворянской, д. Хомутова.

---

[1]) Вѣроятно, въ имѣньѣ Кр. Ал. Панаева.—А. П.

23.

[1855, 30 іюня].

Здравствуй, милый Тургеневъ — ты, о комъ я думаю часто, всегда съ пріятнымъ и никогда съ горькимъ чувствомъ. Не писалъ я къ тебѣ долго потому, что нахожусь въ какомъ-то туповатомъ и благодатномъ спокойствіи — даже лѣнь взять въ руки перо. Я занимаюсь здѣсь, по совѣту Иноземцова, питіемъ какой-то минеральной воды—впрочемъ безъ всякой вѣры въ ея цѣлебность для меня—и пью эту воду уже цѣлый мѣсяцъ. Кажется, скоро можно будетъ бросить это питье. Что тогда предприму, еще не знаю. Хочется ѣхать въ Севастополь. Ты надъ этимъ не смѣйся. Это желаніе во мнѣ сильно и серьезно — боюсь, не поздно ли уже будетъ? А что до здоровья, то ему ничто не помѣшаетъ быть столько же гнуснымъ въ Севастополѣ, какъ оно гнусно здѣсь. А оно крайне худо—и право, братъ, безъ фразы могу сказать, что едва ли не всего кислѣе въ жизни и смерти — это медленное умираніе, въ которомъ я маюсь. Болѣзнь моя сдѣлала замѣтные шаги впередъ—я кашляю, особенно по ночамъ, какимъ-то скверньйшимъ, сухимъ и звѣнящимъ кашлемъ и бѣшусь, что у моей груди, какъ на смѣхъ, только и осталось силы для произведенія этихъ противныхъ звуковъ! Куда теперь и подумать на охоту! пройду полверсты — и едва отдышусь. Это не то, что прошлаго года, когда еще по цѣлымъ днямъ я плелся за тобой, дѣлая два шага за твой одинъ. Правда, я уходилъ весь въ ноги—и никуда негодно стрѣлялъ, но все-же ходить-то хоть могъ. — Однакожь объ этомъ будетъ. Хочу тебѣ сказать нѣсколько словъ о своихъ занятіяхъ. Помнишь,

на охотѣ какъ *прошепталъ* я тебѣ начало разсказа въ стихахъ — оно тебѣ понравилось; весной нынче въ Ярославлѣ я этотъ разсказъ написалъ, и такъ какъ это сдѣлано единственно по твоему желанію, то и посвятить его желаю тебѣ [1]) съ условіемъ: вышли мнѣ о немъ свое искреннее мнѣніе; на дняхъ ты его получишь. Я уже началъ переписывать его.—Весной нынче я столько писалъ стиховъ, какъ никогда, и признаюсь, въ первый разъ въ жизни сказалъ спасибо судьбѣ за эту способность: она меня выручила въ самое горькое и трудное время. Но хорошаго написалось мало. Стихи впрочемъ слишкомъ расшатываютъ мои нервы и я теперь придумалъ для себя работу полегче, и хочу по этому поводу спросить твоего совѣта. Мнѣ пришло въ голову писать [2]) свою біографію — то есть нѣчто въ родѣ признаній или записокъ о моей жизни — въ довольно обширномъ размѣрѣ. — Скажи: не слишкомъ ли это—такъ сказать—самолюбиво? Впрочемъ, я думаю прислать тебѣ начало: тогда ты лучше увидишь, можетъ ли это быть пригодно; главное въ томъ, что эта работа для меня легка и что только увлекшись какимъ-нибудь продолжительнымъ трудомъ, буду я въ состояніи не чувствовать ежеминутно всей тягости моего существованія, которое болѣе плачевно, чѣмъ я объ этомъ говорю. И вотъ еще къ тебѣ просьба: у меня явилось какое-то болѣзненное желаніе познакомиться хоть немного съ Бёрнсомъ: ты когда-то имъ занимался, даже хотѣлъ писать о немъ: вѣроятно, тебѣ не трудно будетъ перевесть для меня одну или двѣ пьесы прозой (по своему вы-

[1]) Кстати о посвященіяхъ: Толстой посвятилъ тебѣ повѣсть *Южеръ*, которую прислалъ въ „Современникъ“. (Н. Н.).

[2]) Для печати, но не при жизни моей. (Н. Н.).

бору)—приложи и размѣръ подлинника, означивъ его какимъ-нибудь русскимъ стихомъ (ибо я далѣе ямба въ размѣрахъ ничего не понимаю)—я, можетъ быть, попробую переложить въ стихи. Пожалуйста, потѣшь меня, хоть страничку пришли на первый разъ. Я вообще азартно предаюсь чтенію и обуреваемъ съ нѣкотораго времени жаждой узнать и того и другого — да на русскомъ ничего нѣтъ, особенно поэтовъ; а если и есть, то 20—30-хъ годовъ. Въ этомъ отношеніи литература русская 20 лѣтъ назадъ была дѣльнѣе. Перечелъ всего Жуковскаго — чудо переводчикъ, и ужасно бѣденъ какъ поэтъ; воетъ, воетъ, воетъ — и не натѣнешься ни на одинъ стихъ, въ которомъ мелькнула бы грація скорби—о другомъ о чемъ-нибудь и не спрашивай! Труженическому терпѣнію, которое пригодилось ему какъ переводчику, обязанъ онъ своими оригинальными произведеніями, въ которыхъ только одно это терпѣніе и удивительно. Странно, какъ онъ — такой мастеръ переводить — не чувствовалъ слабости собственныхъ своихъ произведеній! Впрочемъ, вкусъ-то у него не совсѣмъ былъ ясенъ: сколько онъ и дряни перевелъ на ряду съ отличными вещами! Однако, нельзя не замѣтить, что многія посланія и нѣкоторыя Лицейскія годовщины Пушкина вышли прямо изъ посланій Жуковскаго; Пушкинъ бралъ у него — иную мысль, мотивъ и даже иногда выраженіе!

Слышалъ я отъ Боткина и другихъ друзей — какъ они славно провели у тебя въ деревнѣ время. Я тоже порывался къ вамъ, да былъ въ такой хандрѣ, что могъ только испортить общее веселье. И піеса, которую вы сочинили и сыграли, мнѣ пересказана. Этотъ веселый вздоръ всего лучше свидѣтельствуетъ, что вы находились

въ отличномъ состояніи духа — счастливцы! Еще я слышалъ, что ты находишься, какъ говорилось лѣтъ 15-ть тому назадъ, въ „моментѣ распаденія“ — то есть, считаешь свое писательское поприще конченымъ и себя выдохшимся!.. Стыдись, любезный другъ! Не тебѣ обижать природу или судьбу сомнѣніемъ въ своихъ силахъ и способностяхъ! Это ты не лѣнь-ли свою прикрываешь, съ которой не надѣешься справиться? Хочешь знать мое мнѣніе? Изъ всѣхъ нынѣ дѣйствующихъ русскихъ писателей ты, какъ бы сказать, обязанъ сдѣлать наиболѣе, и сложить теперь руки было бы верхъ стыдовища. Я усталъ, а то много бы хотѣлось сказать по этому случаю. Знай, что изъ всѣхъ въ Россіи писателей и читателей только одинъ человѣкъ думаетъ, что твое поприще кончено — и этотъ одинъ самъ ты. Вѣрь въ себя и пиши — вотъ въ короткихъ словахъ то, что я готовъ былъ бы доказывать на цѣлой страницѣ, еслибъ рука служила. Будь здоровъ. Желаю тебѣ хорошо охотиться. Кстати объ охотѣ: можетъ быть, отложа въ сторону Севастополь, послѣ водъ, т.-е. недѣли черезъ полторы, я отправлюсь въ деревню въ 20 верстахъ отъ Ярославля; тамъ нѣтъ холеры—и такъ, если у васъ она еще продолжается, то пріѣзжай сюда, поживи съ нами нѣсколько дней на дачѣ и поѣдемъ въ деревню вмѣстѣ; 240 верстъ отъ Москвы по шоссе. Охота тамъ отличная, домъ просторный — всѣ удобства имѣются, ради будутъ тебѣ сильно — хорошій мой пріятель Долго-Сабуровъ, страстный охотникъ (Ярославскій исправникъ), жаждетъ съ тобою познакомиться и по-охотиться. Онъ говорилъ мнѣ объ этомъ еще весной. Напиши мнѣ — если тебѣ понравится этотъ планъ, то онъ

легко можетъ быть приведенъ въ исполненіе. Будь здоровъ.—Твой Н. Некр.

PS. Колбасину кланяйся. Покуда ни у меня, ни въ Петербургѣ, нѣтъ денегъ. Въ Августѣ я буду въ Петербургѣ—и тогда добуду для него.

30 іюня, 1855.

Петровскій паркъ.

Скажи, понравятся ли тебѣ эти стихи:

Къ **.
Давно,—отвергнутый тобою,
Я шелъ по этимъ берегамъ [и т. д.] [1]).

Это тоже ярославское произведеніе. Прощай.

31 іюня [2]).

[Приписка на полѣ:]

Подумай не шутя о поѣздкѣ ко мнѣ. Я тебѣ обѣщаю превосходную охоту. Ты знаешь, что Ярославская губернія этимъ не бѣдна. — А жизнь *какъ дома*. Только вези Степана.

[Выше идетъ рѣчь, конечно, о „Рубкѣ лѣса (разсказъ юнкера)“, гр. Л. Н. Толстого. Разсказъ, посвященный Тургеневу, напечатанъ былъ въ „Совр.“ 1855, сентябрь].

24.

18 августа. Спб. [1855].

Въ этомъ же конвертѣ ты найдешь другое письмо; я его писалъ еще въ Москвѣ и забылъ послать, захворавъ лихорадкой. Лихорадка эта измѣнила мой маршрутъ—въ

---

[1]) Такъ, какъ въ печатномъ текстѣ (изд. 1879, I, стр. 145), съ варіантомъ только въ 8-мъ стихѣ: „И тайный страхъ меня смутилъ!..“—А. П.

[2]) Должно быть, 1-е іюля.—А. П.

Ярославль я не поѣхалъ, а поскорѣй въ Петербургъ, чтобъ хоть быть на мѣстѣ. Ахъ, любезный другъ! ты не можешь себѣ представить, что со мной дѣлаютъ лекаря! Вообрази только себѣ, что̀ горло у меня болитъ уже *два года*, что въ теченіи этого времени это несчастное горло разсматривали по нѣскольку разъ доктора: Пироговъ, Эккъ, Шипулинскій, Иноземцевъ съ десятью своими помощниками... и что же? Пріѣзжаю на дняхъ въ Петербургъ — зову Шипулинскаго — онъ посмотрѣлъ мнѣ въ горло — и объявилъ съ торжествомъ и радостію, что у меня ..... [1]). Это меня не обрадовало, а озлило, ибо чего-же они смотрѣли два года, что̀ я въ эти два года вытерпѣлъ, а главное, за что погибли мои легкія, которыхъ бы мнѣ хватило еще на 20 лѣтъ! А что они погибли—это трудно отрицать; ты помнишь меня осенью прошлаго года: я еще могъ ходить на охоту даже при легкомъ морозѣ, а нынѣ малѣйшая сырость меня уничтожаетъ. Шипулинскій впрочемъ возъимѣлъ надежду меня вылечить, но этой надежды я не раздѣляю ни мало.

Перейдемъ однакожь къ дѣлу. Скажу тебѣ коротко и ясно: „Современникъ“ въ плачевномъ положеніи (не въ денежномъ отношеніи—напротивъ, эта часть устроилась, и я спокоенъ; при случаѣ разскажу—какъ, но теперь же спѣшу сказать, что Вас. Ботк[инъ] явилъ себя при этомъ случаѣ въ чудномъ и невѣроятномъ блескѣ)! *Матеріалу нѣтъ!* Толстой прислалъ статью о Севастополѣ — но эта статья исполнена такой трезвой и глубокой правды, что нечего и думать ее печатать, да и на будущія его статьи объ Сев. нельзя разсчитывать, хотя онъ и будетъ при-

[1]) Совсѣмъ другая болѣзнь.—А. П.

сылать ихъ: ибо врядъ ли онъ способенъ (т. е. навѣрное неспособенъ) измѣнить взглядъ. — А Писемскій романъ свой — проданный намъ — продалъ за лишнюю тысячу Краевскому, даже не предупредивши насъ и не спрося: что-де и вы не дадите ли *столько же?* — Все это еще ничего, если ты не измѣнишь „Современнику“, но признаюсь, еслибъ не ты—то хоть закрывай лавочку—ибо съ Мих., съ Полонск. и т. под. какъ то не совсѣмъ безопасно, да и не лестно было бы пускаться въ дальнѣйшее плаваніе. Итакъ, безъ преувеличенія—явись—во имя тѣхъ 2849 человѣкъ, которые еще подписываются на „Современникъ“,—явись спасителемъ „Современника“! Любезный другъ, для этого намъ нужны двѣ твои вещи: одна на конецъ года (т.-е. въ X или XI кн.), другая на начало (т.-е. на I-ую книжку). Это, разумѣется, *меньше чего нельзя*, а если можно больше, то тѣмъ лучше. Пиши мнѣ объ этомъ и смотри на это сурьезно, какъ на одно изъ важныхъ условій поддержки „Совр.“ въ нынѣшнее трудное время.

Въ IX № „Совр.“ печатается посвященный тебѣ разсказъ юнкера: *Рубка лѣсу*. Знаешь ли, что это такое? Это очеркъ разнообразныхъ солдатскихъ типовъ (и отчасти офицерскихъ), то есть вещь донынѣ небывалая въ русской литературѣ. И какъ хорошо! Форма въ этихъ очеркахъ совершенно твоя, даже есть выраженія, сравненія, напоминающія „З. Ох.“ — а одинъ офицеръ такъ просто Гамлетъ Щ. [Щигровскаго] уѣзда въ армейскомъ мундирѣ. Но все это далеко отъ подражанія, схватывающаго одну внѣшность. — Однако у меня такая боль въ плечѣ, что не могу продолжать.—Твой Н.

25.

[1855].

Любезный Тургеневъ. Получилъ я твое письмо и обрадовался, что ты скоро пріѣдешь. Я воображалъ не увидать тебя ранѣе декабря. Ты такъ расхваливалъ *Артель* Писемскаго, что эта вещь никого не удовлетворила, въ томъ числѣ и меня. Впрочемъ, я не думаю, что на меня подѣйствовали преувеличенныя ожиданія или—что̀ также можетъ тебѣ притти въ голову — журнальныя отношенія; по крайней мѣрѣ я старался вооружиться всѣмъ безпристрастіемъ, къ какому только способенъ. Мужики точно очень хороши, но какъ тяжело читается эта вещь. Она *скучна*. Безвкусіе и претензія такъ въ ней грубо высунулись и заняли большую часть страницъ. Длиннѣйшій и ненужный *приступъ*, а потомъ предлинная — и еще менѣе нужная — *развязка*, съ попами, попадьями, убійствомъ и пошлыми деревенскими бѣдными барышнями, заслуживающими болѣе сожалѣнія и теплаго слова, чѣмъ презрѣнія, которымъ такъ самодовольно обременилъ ихъ авторъ. Но все-таки мужики отличные — вещь замѣчательная, и жаль, что хорошее въ ней перемѣшано съ мусоромъ.

Хорошо ты дѣлаешь, что везешь намъ повѣсть. „Современникъ“ вообще не совсѣмъ еще покинутъ счастьемъ; нечего было печатать въ X № (ибо Григоровичъ надулъ— не поспѣлъ); на дняхъ приходитъ ко мнѣ незнакомый юноша — изъ Одессы — съ тетрадкой солдатскихъ разсказовъ, которые онъ записалъ со словъ солдатъ раненыхъ, безпрестанно привозимыхъ въ Одессу. — Въ числѣ этихъ разсказовъ одинъ оказался удивительный. Юноша-то без-

даренъ (что̀ видно по другимъ разсказамъ), но солдатъ (Таторскій по фамиліи), разсказавшій ему о своемъ восьмимѣсячномъ плѣнѣ у французовъ (послѣ Альмы), должно быть, человѣкъ съ большимъ талантомъ—наблюдательность, юморъ, мѣткость — и бездна *русскаго*. Я въ восторгѣ. Получилъ огромную повѣсть Нарской — *Все къ лучшему;* читаю, начало хорошо.

Посылаю тебѣ мои стихи — хотя они и набраны, но врядъ ли будутъ напечатаны. Какъ-то вспомнилъ старину— просидѣлъ всю ночь и страшно потомъ жалѣлъ, — здоровья-то больше ухлопалъ, чѣмъ толку вышло. Тутъ есть дурные стихи — когда-нибудь поправлю ихъ, а мнѣ все-таки любопытно знать твое мнѣніе объ этой вещи. Прочитавъ, перешли лоскутокъ братьямъ Карповымъ.

Новая метода леченія моего попадаетъ прямо въ цѣль, но болѣзнь страшно медленно уступаетъ и уступитъ ли— Богъ вѣсть.

Будь здоровъ. — Твой Некр.

17 Сентября. Спб.

Поклонъ Колбасину. Сочинилъ ли онъ что-нибудь для „Современника“?

26.

[1856, 24 мая].

Милѣйшій Тургеневъ, Вчера видѣлъ Краснокутскаго, который мнѣ сказалъ, что ты можешь явиться или прислать кого-нибудь за полученіемъ заграничнаго паспорта. Мой паспортъ тоже готовъ, но я не ѣду покуда: два мои доктора совѣтуютъ залечить здѣсь горло, которое подается къ излеченію болѣе, чѣмъ когда-либо.—Для этого переѣзжаю на дачу—около Петергофа. Ковалевскій будетъ,

кажется, моимъ сожителемъ. Этотъ милѣйшій генералъ ходитъ по комнатѣ потупя голову и говоритъ убѣдительнымъ голосомъ: повѣрьте мнѣ, увѣряю васъ честью, худо, очень худо жить,—а я подумываю про себя: погубилъ я свою молодость, и поглядываю на потолочные крючки.

Въ карты играю—такъ, ни хорошо, ни худо; однако попродулся съ твоего отъѣзда, да вотъ скоро перестану.

Я думаю, мы выѣдемъ съ тобой за границу въ одинъ день. Напиши мнѣ, на какое именно число взялъ ты билетъ. Ты не смотри, что я не пишу, и самъ иногда напиши ко мнѣ. Вѣдь правъ Ковалевскій: очень худо жить. Я таки хандрю. Фетъ еще выручаетъ иногда безконечнымъ и плѣнительнымъ враньемъ, къ которому онъ такъ способенъ. Только не мѣшай ему, — такого наговоритъ, что любо слушать. — Онъ написалъ поэму Лишки, по моему плохую до значительной степени. Я за ней не погнался. Нѣтъ, поэмы не его дѣло.

Еслибъ Фетъ былъ немного меньше хорошъ и наивенъ, онъ бы меня бѣсилъ страшно; да, ненадломленный!

Скажи Толстому, что его послѣдняя повѣсть нравится,— мы съ Ковал. слышали много хорошихъ о ней отзывовъ. Но Теофилъ Толстой *не могъ ее дочитать до половины*— его собственныя слова. Кланяйся Толстому. Я простился съ нимъ подъ самымъ пріятнымъ впечатлѣніемъ — я замѣтилъ въ немъ весьма скрытое, но несомнѣнное участіе ко мнѣ: за это ему спасибо, а какъ журналисту онъ мнѣ усладилъ сердце въ послѣднее время много разъ.

Журналъ идетъ хорошо. Менѣе сотни осталось отъ 3400 экз. Вульфъ перенялъ твое выраженіе и, принося повѣстки, всегда говоритъ: нѣтъ, послѣдній подписчикъ еще не прозвенѣлъ. 6-я книжка не будетъ такъ плоха,

какъ ты ожидаешь, хотя комедію твою я спряталъ. Боюсь, если ты лѣтомъ ничего не сдѣлаешь, то „Совр.“ долго не видать твоего имени. За границей ты врядъ ли будешь работать.

Чудеса! Генералъ Пушкинъ на прощанье мои стихи безъ помѣтокъ сплошь велѣлъ племяннику подмахнуть. И тотъ подмахнулъ [1]).

Портретъ мой въ хорошей рамкѣ посылается на дняхъ графинѣ Толстой.

Въ Москву я врядъ ли поѣду. Идетъ леченье изрядно, такъ прерывать его нѣтъ смыслу. Отъ гнусной красноты въ горлѣ остались едва замѣтные признаки. Кабы эта гадость прошла. Пиши, будь другъ. — Некр.

24 мая 1856. Спб.

27.

[1856].

Пять дней какъ на дачѣ, подъ Рамбовымъ. Смертельно стали гадки карты—проигралъ было почти весь выигрышъ, потомъ пошло опять ладно, — въ одинъ вечеръ выигралъ болѣе тысячи рубл.—и кончилъ. Не мни, что я раздуваю въ себѣ хандру, нѣтъ; а донимаетъ она меня изрядно. Главная бѣда—нѣтъ рвенія ни къ чему, а безъ него жить плохо, я не умѣю или не люблю. Чтобы покончить эту статью, скажу тебѣ о своемъ здоровьѣ. Горло зажило — надолго ли, не знаю; осталась какая-то неловкость въ невидимой части, въ зѣвѣ; силами не крѣпокъ по прежнему; голосъ тотъ же, т.-е. не совсѣмъ возстановившійся и по временамъ измѣняющій. — Лекарство продолжаю истреблять.

[1]) Подразумѣваются М. Н. Мусинъ-Пушкинъ и Вл. Н. Бекетовъ.—А. П.

Радехонекъ былъ, какъ получилъ твое письмо. „Упи-сывай, голубчикъ!“ вотъ была моя мысль при извѣстіи о подвигахъ твоего желудка. За границу ѣдемъ, но думая о тебѣ, что-то невольно вспоминаю стихи:

Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури
Надъ нимъ лучъ солнца золотой,
А онъ мятежный проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой.

Эхъ, голубчикъ! Мало что ли тебя поломало? И каково будетъ уѣзжать? Ну да это не мое дѣло. Ничего не смѣю говорить, потому что самъ бы на твоемъ мѣстѣ поѣхалъ.

Хотѣлъ бы тебѣ еще чего нибудь написать, да не принуждать же себя, когда вдругъ стало лѣнь. Прощай. Пиши мнѣ. Я также радъ твоимъ письмамъ, какъ зимой нынче радъ былъ твоимъ посѣщеньямъ. Спасибо тебѣ.

Черезъ два дня.

Побывалъ въ городѣ. Видѣлъ въ клубѣ Теофила Толстого, который болталъ, что записки твои на дняхъ будутъ доложены государю, что ихъ непремѣнно дозволятъ. Но это я слышу уже два мѣсяца.

Видѣлся съ докторомъ. Что мнѣ дѣлать? Я сталъ рабомъ этихъ господъ. Я сказалъ ему, что беру билетъ на 21-е Іюля, а онъ мнѣ: что я ранѣе 15-го Августа не долженъ прекращать пріема пилюль и сыропу, которые-де приносятъ видимую пользу, т.-е. не могу ѣхать ранѣе 15 Августа. Кажется, должно такъ и сдѣлать, хоть очень хотѣлось бы ѣхать съ тобой. У меня припадки такой хандры бываютъ, что боюсь брошусь въ море, коли одинъ поѣду, да лихая минута застигнетъ. Этакая штука была съ однимъ моимъ пріятелемъ, который и болѣнъ-то былъ въ родѣ моего. Его звали Ферморомъ.

Хотѣлъ тебѣ послать стиховъ, что̀ написалъ въ послѣднее время, да лучше пошлю Толстому—я его сестрѣ давно обѣщалъ послать. Ты пробѣжишь у нихъ. Голубчикъ мой, очень тошно! Злюсь на себя за малодушіе, но это не помогаетъ. Погода здѣсь скверная. На дачѣ у меня холодно.

Пріѣхалъ Григоровичъ и привезъ коробъ скверныхъ сплетенъ. Гадко было слушать, до сей поры отплевываюсь.—Для „Современника“ я получилъ отличную статью отъ Берга, изъ Крыма. Плохъ и Вульфъ! Я 50 рубл. ему въ мѣсяцъ плачу именно за то, чтобы журналъ высылался аккуратнѣе, а дѣло видно идетъ все по старому. Досада. У насъ отъ 3400 экз. осталось менѣе ста. Это значитъ, что прибыло противъ прошлаго года *500 подписчиковъ!* Пиши мнѣ. Я опять усердно занимаюсь журналомъ. Думаю при себѣ еще составить 9-ую книжку — и написать объявленіе о подпискѣ на 1857 годъ, которое обсудимъ съ тобой вмѣстѣ. Прощай. Поклонись отъ меня Аѳанасью и дай ему цѣлковый. — Твой Некр.

PS. У меня до тебя вотъ какое дѣло: позволь мнѣ въ „Легк. Чт.“ напечатать *Гдѣ тонко тамъ рвется?* Это, кажется, не можетъ повредить отдѣльному изданію твоихъ драм. сочиненій, да притомъ вѣдь это изданіе ты предоставляешь мнѣ?

Еще: если будешь писать къ Ивану Аксакову, спроси его, не хочетъ ли онъ дозволить мнѣ перепечатать изъ разныхъ *Московскихъ Сборниковъ* его стихотворенія?

[„Отличная статья“ Берга есть статья „Изъ Крымскихъ замѣтокъ“ („Поѣздка въ Симферополь и пр., черты изъ жизни нашихъ бывшихъ непріятелей въ ихъ лагеряхъ и городкахъ на русской землѣ“); она была потомъ напечатана въ „Современникѣ“ 1856, августъ.]

28.

Середа, 27 [1856].

Въ субботу я проводилъ Фета за границу. У меня есть до тебя предложеніе на всякой случай. Если тебѣ все равно ѣхать тремя недѣлями позже за границу, то я—по полученіи твоего отвѣта — тотчасъ бы взялъ два билета на 12-е или 15-е Августа для себя и тебя, а твой взятый на 21-е Іюля я могъ бы сдать, что́ очень легко, и во всякомъ случаѣ взялъ бы на свою отвѣтственность.—Но это такъ на всякій случай я тебѣ предлагаю и ты конечно не станешь стѣсняться въ отвѣтѣ.

Наконецъ стало тепло. На дачѣ теперь живется съ апетитомъ. Не воображай, Бога ради, что я игралъ въ карты до одурѣлости—а теперь и вовсе не играю. Пишу длинные стишищи и усталъ. Хочу лечь спать. На дняхъ чортъ меня занесъ къ Одоевскому (живущ. въ Ораніенбаумѣ). Между прочимъ, онъ объявилъ, что получилъ отъ тебя письмо, и зачѣмъ-то вынесъ это письмо. Я какъ увидалъ руку, тотчасъ объявилъ, что рука не твоя, и тутъ только милый князь догадался, что письмо отъ стараго Вьельгорскаго (оно было безъ подписи). Дѣло же шло въ немъ о какомъ-то рыбномъ садкѣ. Но однакожь не кончилось и безъ твоего письма. Пришла княгиня и объявила, что она недавно получила отъ тебя письмо... *Прелесть какое письмо!* (ея соб. слова)... О чудачина Тургеневъ! Зачѣмъ ты писалъ .....? Будь здоровъ. Да пиши же мнѣ.

У меня на дачѣ славно. Еслибъ ты пріѣхалъ за нѣсколько дней до 21-го Іюля и пожилъ хоть день или два со мной?

[Адресовано во Мценскъ, Орловск. губерніи. Почтовый штемпель—петербургскій: 29 іюня, 1856.]

29.

[1856].

Отъ тебя нѣтъ письма изъ Берлина, но ты еще успѣешь отвѣтить мнѣ изъ Парижа на это письмо. Что Видертъ?

Я выѣзжаю 18 Авг. нашего стиля, если живъ буду. Худо то, что я простудился и два дни чувствую легкую лихорадку.

Если промедлишь написать въ Петербургъ, то будь другъ, пиши въ Венецію, на мое имя poste restante—и свой адресъ напиши и какъ поживаешь, напиши?

Я начинаю подумывать, что осенью попаду въ Парижъ недѣли на двѣ, а ужь оттуда на зиму заберусь въ Римъ.

И вообще не знаю еще, какой теперь меня тянетъ въ Венецію, а если неловко мнѣ будетъ — такъ одна надежда на тебя — уцѣплюсь обѣими руками.

Послѣ тебя ничего особеннаго не случилось. Погода скверная. Сижу одинъ на дачѣ и даже не выхожу изъ комнаты, трусость напала, какъ бы не расхвораться. Вчера сложилъ стихи, которые по краткости прилагаю.

Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья,
Не помни бурь, не помни слезъ,
Не помни ревности угрозъ.

Но дни, когда любви свѣтило
Надъ нами ласково всходило
И бодро мы свершали путь —
Благослови — и не забудь!

Что это — изрядно или плохо? По совѣсти не умѣю опредѣлить. Будь здоровъ. — Твой Некрасовъ.

PS. „Современникъ“ получилъ новое подкрѣпленіе въ Далѣ: въ слѣдствіе моего письма онъ выслалъ *20 повѣстушекъ*, такъ онъ выражается въ письмѣ, а самыя повѣстушки еще не взяты съ почты.

30 іюля. Рамбовъ.

См. на оборотѣ.

Вульфъ мнѣ объявилъ, что есть только одно средство получать „Современникъ“ тебѣ: зайди въ Париж. почтамтъ и подпишись тамъ, чтобы сюда прислали требованіе.—Впрочемъ я еще самъ съѣзжу въ Экспедицію, ибо хочу устроить, чтобы и мнѣ высылали журналъ.

30.

Берлинъ, 16/28 авг. [1856].

Милой Тургеневъ, Вотъ и я наконецъ поѣхалъ. Больше пока ничего не могу тебѣ сказать. Къ сожалѣнію у Видерта (который тебѣ кланяется) лихорадка и завтра я безъ него пускаюсь до Вѣны. Нечего дѣлать!—Онъ уныніе я далекъ, здоровье хорошо, а что будетъ впередъ, увидимъ. Напиши мнѣ въ Вѣну. Я тамъ пробуду дней 10-ть или 8-мь. Куда тебѣ писать?

Твой Некрасовъ.

31.

Римъ, 3 октября. [1856].

Милый Тургеневъ, Я писалъ изъ Вѣны къ Фету — вѣроятно, онъ тебѣ сказывалъ: желалъ бы я отъ тебя получить вѣсточку. Гдѣ ты будешь зимой? Хорошо ли живешь? Я цѣлые 8-мь дней былъ доволенъ своей судьбой—это такъ много, что я и не ожидалъ. Девятый валъ меня немного подшибъ,—но въ этомъ кромѣ моей ханд-

рящей натуры никто не виноватъ. Полагаю, что если при гнусныхъ условіяхъ петербургской жизни лѣтъ семь я могъ быть влюбленъ и счастливъ, то подъ хорошимъ небомъ, при условіяхъ свободы и безпечности, этого чувства хватило бы на 21 годъ по крайней мѣрѣ. А. Я. теперь здорова, а когда она здорова, тогда трудно пріискать лучшаго товарища для безпечной, бродячей жизни. Я не думалъ и не ожидалъ, чтобы кто нибудь могъ мнѣ такъ обрадоваться, какъ обрадовалъ я эту женщину своимъ появленіемъ. Должно быть, ей было очень тутъ солоно, или она точно меня любитъ больше, чѣмъ я думалъ. Она теперь поетъ и попрыгиваетъ какъ птица, и мнѣ весело видѣть на этомъ лицѣ выраженіе постояннаго довольства— выраженіе, котораго я очень давно на немъ не видалъ. Все это наскучитъ ли мнѣ или нѣтъ, и скоро-ли — не знаю, но покуда ничего—живется. Вотъ тебѣ очень откровенное, хотъ можетъ быть и не очень поэтическое рѣшеніе того вопроса, который меня занималъ, когда мы съ тобой прощались.

О путешествіи не умѣю ничего сказать. Не потому впрочемъ, чтобъ ровно ничего не замѣтилъ, а потому, что какъ-то самъ еще плохо довѣряю впечатлѣніямъ, которыя испытываю, и мыслямъ, которыя приходятъ въ голову. Одно вѣрно, что кромѣ природы все остальное производитъ на меня скорѣе тяжелое, нежели отрадное впечатлѣніе. Въ Феррарѣ забрелъ я въ клѣтку, гдѣ держали Тасса, и цѣлый день потомъ было мнѣ очень гадко. Вся стѣна изцарапана именами приходившихъ взглянуть на тюрьму Тасса (то-то много ему отъ этого радости!). Я не посмѣлъ нацарапать своего имени тамъ, гдѣ между прочимъ прочелъ имя Байрона, а хотѣлось.

Мнѣ очень понравилась Венеція. Тамъ я прожилъ 8 дней. Въ Римѣ я всего второй день. Сейчасъ ѣдемъ въ Фраскати. Погода удивительная, хочется зелени—думаю тамъ нанять на мѣсяцъ нѣчто въ родѣ дачи—рано еще забиваться въ городѣ въ четырехъ стѣнахъ. Впрочемъ, хорошенько не знаю еще, что сдѣлаю: можетъ быть, поживъ недѣлю или двѣ въ Римѣ—поѣду въ Неаполь — поживу тамъ, и тогда уже рѣшу — въ Римѣ или Неаполѣ просидѣть зиму. Скажи это Фету, котораго я цалую, обнимаю и жажду видѣть. Я его письмецо въ Венецію получилъ. Если ему нечего дѣлать въ Парижѣ, пусть ѣдетъ къ намъ—нечего и говорить, что мы будемъ ему ради не менѣе, чѣмъ онъ намъ. А ты? Я бы тебѣ совѣтовалъ на зимніе мѣсяца два-три пріѣхать въ Италію. Право, прожили бы ихъ недурно,—и, можетъ быть, что нибудь сдѣлали бы. Пиши мнѣ тотчасъ отвѣтъ (и Фета о томъ же прошу). Я если и рѣшусь ѣхать въ Неаполь, то дождусь здѣсь вашего отвѣта.—Послалъ ли ты *Фауста* въ Петербургъ?—Да и съ комедіями не мѣшкай. Будь здоровъ.—Твой Н. Некрасовъ.

Адресуй въ Римъ, poste restante.

32.

Римъ, 21 октября [1856].

Спасибо тебѣ за письмо, за добрыя вѣсти и за твое радѣніе о „Современникѣ“. Вмѣстѣ съ твоимъ я получилъ 2 письма—одно отъ Вульфа, другое отъ Ч—скаго; оба они воздаютъ хвалу твоей аккуратности, жалуясь въ тоже время на всѣхъ остальныхъ: и на Островскаго, и на Толстого, и на Григоровича, которые по разнымъ причинамъ или безъ всякихъ причинъ не исполнили своихъ

обѣщаній. Но вотъ что они сдѣлали: рядомъ съ твоимъ „Фаустомъ“ въ X № „Совр.“ они помѣстили „Фауста“ въ переводѣ Струговщикова,—понравится ли тебѣ это; кажется, ничего; а переводъ Стр. довольно хорошъ, и авось русскій читатель прочтетъ его на этотъ разъ, заинтересованный твоей повѣстью, которую навѣрно прочтетъ [1]). Ч — скій оправдывается въ помѣщеніи двухъ Фаустовъ тѣмъ, что нечего было печатать, и очень боится, чтобы ты не разсердился.

Я живу такъ себѣ, ни худо, ни хорошо—или вѣрнѣе, то хорошо, то худо—полосами. Совѣтъ твой жить со дня на день очень хорошъ, но я какъ-то лишенъ способности наладиться на такую жизнь; день два идетъ хорошо, а тамъ смотришь—тоска, хандра, недовольство, злость... Всему этому и есть причины и пожалуй, нѣтъ... Писать объ этомъ больше трудно, а поговорить когда-нибудь можно. Римъ мнѣ тѣмъ больше нравится, чѣмъ болѣе живу въ немъ—и я твержу про себя пришѣвъ къ несуществующей пѣсенкѣ—

Зачѣмъ я не попалъ сюда
Здоровѣй и моложе?

Да, хорошо было бы попасть сюда, когда впечатлѣнія были живы и сильны и ничто не засоряло души, мѣшая имъ ложиться. Я думаю такъ, что Римъ есть единственная школа, куда бы должно посылать людей въ первой молодости,—въ комъ есть что-нибудь не пошлое, въ томъ оно разовьется здѣсь самымъ благодатнымъ образомъ, и онъ навсегда унесетъ отсюда душевное изящество, а это человѣку понужнѣй цинизма и растлѣнія, которыми даритъ

[1]) Дальше идутъ другія чернила,—т.-е., другой присѣстъ.

насъ щедро родная наша обстановка. Но мнѣ, но людямъ подобнымъ мнѣ, лучше вовсе не ѣздить сюда. Смотришь на отличное небо — и злишься, что столько лѣтъ кисъ въ болотѣ — и такъ далѣе до безконечности. Возвратъ къ впечатлѣніямъ моего дѣтства сталъ здѣсь моимъ кошмаромъ, — вѣрю теперь, что на чужбинѣ живѣе видишь родину, только отъ этого не слаще и злости не меньше. Все дико устроилось въ русской жизни, даже манера уѣзжать за границу износивши душу и тѣло. Зачѣмъ я сюда пріѣхалъ!

Чтобъ больше жизни стало жаль...

По наклонности къ хандрѣ и къ романтизму, иногда раздражаюсь здѣсь отъ безчисленныхъ памятниковъ человѣческаго безумія, которые вижу на каждомъ шагу. Тысячи тысячъ разъ поруганная, распятая добродѣтель (или найди получше слово) и тысячи тысячъ разъ увѣнчанное зло—плохая порука, чтобъ человѣкъ поумнѣлъ въ будущемъ. Подъ этимъ впечатлѣніемъ забрался я третьяго дня на куполъ св. Петра, и плюнулъ оттуда на свѣтъ божій — это очень пошлый фарсъ—посмѣйся. Во мнѣ мало здоровой крови. Жить для себя не всякій день хочется и стоитъ (съ какой ноги встанешь съ постели)—и тогда приходитъ вопросъ: зачѣмъ же жить? Поживемъ для того, чтобъ хоть когда-нибудь кому-нибудь было полегче жить, отвѣчаетъ какой-то голосъ, очень самолюбивый голосъ! Но когда онъ молчитъ, когда нѣтъ этой вѣры, тогда и плюешь на все, начиная съ самого себя. Ахъ, милый мой Тургеневъ, какъ мнѣ понравились твои слова: „наше послѣднее слово еще не сказано“ — не за вѣру, которая въ нихъ заключается и которая можетъ

обмануть, а за готовность жить для другихъ. Съ этой готовностью, конечно, сдѣлаешь что-нибудь.

Я поджидаю Фета; сегодня уже 29 октября (письмо это начато давно), а его что-то нѣтъ. Если и поѣду въ Неаполь, то не надолго. Жить зиму буду въ Римѣ; теперешняя моя квартира не на солнцѣ; ищу другую — и возьму такую, чтобъ была лишняя комната для тебя, коли ты найдешь удобнымъ у меня поселиться. Нечего и говорить, что я обрадовался ужасно надеждѣ пожить съ тобой въ Римѣ. Не измѣняй плана, развѣ въ такомъ случаѣ, если жаль будетъ покидать m-me В. Ну тогда Богъ съ тобою—увидимся въ февралѣ—я думаю въ февралѣ быть въ Парижѣ. Здоровье мое изрядно, т.-е. я таковъ, каковъ былъ до потери голоса.—А. Я. тебя благодаритъ и кланяется. Прощай.—Твой Некр.

29 окт.

33.

7 декабря. Римъ [1856].

Я не писалъ къ тебѣ потому, что работалъ. 24 дня ни о чемъ не думалъ я кромѣ того, что писалъ. Это случилось въ первый разъ въ моей жизни—обыкновенно мнѣ не приходилось и 24 часовъ останавливаться на одной мысли. Что вышло, не знаю—мучительно желалъ бы показать тебѣ,—даже, кажется, превозмогу лѣнь, перепишу и отправлю къ тебѣ въ Парижъ. Скажи мнѣ пожалуйста правду. Это для меня важно. Право, для меня прошло время писать изъ любви къ процессу писанія—хочу знать, надо ли и стóитъ ли продолжать? — потому что впереди еще очень много труда—было бы изъ чего *убиваться*, говоря словомъ Фета. Онъ мою вещь очень

хвалитъ, но кромѣ тебя я никому не повѣрю.— Я — ты не откажешь мнѣ въ этомъ — дошелъ въ отношеніи къ тебѣ до той высоты любви и вѣры, что говаривалъ тебѣ самую задушевную мою правду о тебѣ. Заплати мнѣ тѣмъ же. Пусть не стоитъ передъ тобой призракомъ моя нетерпимость и раздражительность, которую я иногда обнаруживалъ при твоихъ замѣчаніяхъ. Правда, я не легко отказываюсь отъ того, что̀ признавалъ истиннымъ и хорошимъ, но это не отъ слѣпоты самолюбія—дѣльное слово гвоздемъ забивается въ мою голову—но мнѣ надо убѣдиться, чтобъ отказаться отъ своего. То, что̀ я тебѣ пошлю, только шестая доля всей поэмы, но отрывокъ имѣетъ цѣльность, и по немъ ты будешь въ состояніи судить. Завтра и послѣ завтра пошлю его тебѣ.

Прискорбно мнѣ было читать извѣстіе о твоемъ пузырѣ, но авось онъ уже тебя не мучитъ — ты веселъ и работаешь? Еслибъ ты зналъ, какъ мы съ Фетомъ ждемъ тебя! У насъ только и рѣчи, что о тебѣ. Смотри же, не надуй.—Ты получаешь „Современникъ“, а я до сей поры нѣтъ. Мнѣ пишутъ, что Фаустъ сильно гремитъ— въ этомъ я былъ увѣренъ. Надѣюсь, что мнѣ скоро пришлютъ „Современникъ“, и какъ я радъ буду перечитать эту повѣсть. Столько поэзіи, страсти и свѣту еще не бывало въ русской повѣсти. „Современникъ“, кажется, идетъ хорошо. Ч—скій просто молодецъ, помяни мое слово, что это будущій русскій журналистъ почище меня грѣшнаго и т. п. Напишу Панаеву, что не одинъ я бѣшусь, зачѣмъ онъ пачкаетъ „Современникъ“ стишонками Гербеля и Грекова, за что я ему написалъ на дняхъ ругательство. — Говорятъ, вышли мои стихи, и мнѣ пишутъ, будто 500 экз., присланные въ Петербургъ съ

первымъ транспортомъ, разошлись въ два дня — это похоже на пуфъ. Вульфъ, вѣрно, уже прислалъ тебѣ мою книгу. Когда ты будешь ее перелистывать, то увидишь, что я не поправилъ ничего, что ты мнѣ замѣтилъ. Это произошло оттого, что мнѣ опротивѣла рукопись, и я торопился ее сбыть.

Въ Парижѣ есть г. Делаво, желающій писать въ „Современникѣ". Закажи ему статью—нѣчто въ родѣ о современномъ состояніи французской литературы (и журналистики, пожалуй). По первой увидимъ, будетъ ли стоить печатать его статьи. Предложи ему по сту франковъ за листъ или немного болѣе—вѣдь нужно еще будетъ платить за переводъ.

Здоровье мое плоховато,—то-есть не становится лучше. Общее состояніе, кажется, даже слабѣе чѣмъ было, но мѣстныхъ гадостей нѣтъ никакихъ, кромѣ довольно большого отдѣленія мокроты. Погода здѣсь какъ у насъ въ сухую и ясную осень; бываютъ дни чисто лѣтніе. Мы съ Фетомъ отправились было на охоту, но попали неудачно— вылетъ вальшнеповъ былъ самый ничтожный, нашли всего четырехъ—убили одного. Оно и хорошо, а то бы я разлакомился. Нѣтъ, ужь лучше подожду. Природа около Рима гадость (мы доѣзжали до самаго моря).

Ч—скій проситъ меня поблагодарить тебя за нѣсколько ободрительныхъ словъ твоихъ о немъ въ письмѣ къ Колбасину. Что это однакожь за господинъ!.. Хотѣлъ бы я тебѣ показать, что онъ написалъ мнѣ по поводу выхода моей книги.

Не имѣешь ли ты извѣстія отъ Толстого. Я отвѣчалъ на его письмо, и съ тѣхъ поръ отъ него не имѣю извѣстія. — Боткинъ наконецъ написалъ мнѣ нѣсколько

строкъ. Никто не умѣетъ быть такъ неумолимо уменъ, какъ онъ, когда захочетъ, т.-е. когда найдетъ на него охота говорить правду. И такъ какъ его письмо не было слѣдствіемъ раздражительности, а, кажется, любви — то это злое письмо не пробудило во мнѣ ничего, кромѣ благодарнаго чувства. На закуску вотъ тебѣ прелестнѣйшее стихотвореніе Фета, какими и онъ не часто обмолвливается:

У КАМИНА.

Тускнѣютъ угли. Въ полумракѣ
Прозрачный вьется огонекъ,
Такъ плещетъ на багровомъ макѣ
Крыломъ лазурнымъ мотылекъ.

Видѣній пестрыхъ вереница
Влечетъ усталый тѣша взглядъ,
И неразгаданныя лица
Изъ пепла сѣраго глядятъ.

Встаютъ ласкательно и дружно
Былое счастье и печаль,
И лжетъ душа, что ей ненужно
Всего, чего глубоко жаль.

Прощай, милый Тургеневъ. Будь здоровъ. Пиши. — Некрасовъ.

34.

Римъ, 18 Декабря 1856.

Письмо твое застигло меня въ самомъ разгарѣ работы и какъ варомъ обдало. (Изъ Петербурга мнѣ объ этомъ не пишутъ). Не знаю, буду ли въ состояніи кончить работу, въ которую думалъ вылить всю мою душу, — безъ первой половины то, что́ я послалъ тебѣ, не имѣетъ того значенія, какое, я надѣюсь, получитъ вещь въ цѣломъ. Признаюсь, она мнѣ нравится. Глупый человѣкъ! Я во-

ображалъ, что можно будетъ напечатать ее. О, Тургеневъ! Зачѣмъ же жить,—то-есть мнѣ, котораго жизнь медленное, трудное умиранье. Впрочемъ, къ чёрту хандра и скуленіе. Хоть для тебя—кончу. Панаевъ неисправимъ, это я зналъ. Гроза могла миновать „Современникъ“, будь хоть ты тамъ. Такіе люди, какъ онъ, и трусятъ и храбрятся — все не къ стати. Я не меньше люблю „Севременникъ“ и себя или мою извѣстность,—не даромъ же я не рѣшился помѣстить „Поэтъ и Гражд.“ въ „Современникѣ“? Такъ нѣтъ! надо было похрабриться. Впрочемъ Панаева винить смѣшно: не гнилой мостъ виноватъ, когда мы проваливаемся!

О книгѣ моей пишутъ чудеса,—голова могла бы закружиться. Когда я писалъ къ тебѣ, я имѣлъ извѣстіе только отъ Вульфа и Ч—скаго,—чего только не было тамъ,—я даже разсердился, — но пришло письмо Панаева (къ Ав. Як.) и въ немъ тоже. — Неслыханная популярность, успѣхъ, какого не имѣлъ и Гоголь (!),—*примичный* Панаевъ, дозволившій себѣ такія выраженія, заслуживалъ хоть въ половину довѣрія, и я порадовался. Твои слова много позолотили пилюлю, которую я проглотилъ въ твоемъ письмѣ. Впрочемъ, хорошо, что ты написалъ. Я уже хотѣлъ посылать на дняхъ (до конца недалеко) мою поэму въ Петербургъ на 1 книжку. — Кончивши, начну ее портить; можетъ, и пройдетъ, если вставить пѣсколько . . . . стиховъ.

Другъ мой Тургеневъ, въ твоихъ жалобахъ на пузырь послышалась мнѣ и кольнула сердце неувѣренность, что ты пріѣдешь въ Римъ. Не сомнѣваюсь, что пузырь болитъ, но подумай окончательно, пріѣдешь ли ты? а то я пріѣду въ Парижъ,—это намѣреніе у меня было, да я оставилъ

его въ надеждѣ, что ты сюда будешь. Здѣсь воздухъ чудо — тепло какъ лѣтомъ большую часть дней (кромѣ ноября, который былъ дуренъ и холоденъ), но врядъ ли полезенъ мнѣ римскій воздухъ, — какъ подуетъ *широко*, такъ отъ волненія грудь тѣснитъ. Говорятъ, это признакъ хорошій въ больномъ, но вообще я чувствую себя слабѣе, чѣмъ когда либо, — и это, говорятъ, хорошій признакъ для начала; можетъ быть! а все-таки подсыхаю замѣтно. Работа доводитъ до изнеможенія, да ужь не брошу, не кончивъ. — Пиши мнѣ, что ты посовѣтуешь дѣлать мнѣ съ моей вещью (я пришлю тебѣ на дняхъ остальное) при теперешнихъ ценс. обстоятельствахъ. Панаевъ ничего не пишетъ и только проситъ настойчиво моихъ стиховъ для № 1-го. Будь я самъ на мѣстѣ, я бы зналъ, надолго ли подулъ tramontano и что дѣлать.

Спасибо тебѣ за разныя твои извѣстія, но что не пишешь, какъ идетъ твоя работа?—Зачѣмъ у меня нѣтъ твоихъ сочиненій! — Чортъ знаетъ, что дѣлаетъ Вульфъ! Привези ихъ въ Римъ — да и „Современникъ“. Мнѣ и видѣть его хочется и читать нечего. Пропоролъ слишкомъ 1000 страницъ „Ньюкомовъ“. Люблю Теккерея. Послѣ тебя, это любимый мой современный писатель. Хотѣлъ вычеркнуть *послѣ тебя*, но я теперь не въ такомъ духѣ, чтобъ говорить любезности. Это сорвалось—и пусть останется. Русскій характеръ, или мой лично, странно устроенъ,— когда твоя, всегда милая для меня личность со всѣмъ своимъ вліяніемъ на идущее смѣнить насъ поколѣніе стоитъ передъ мной (а это часто бываетъ), кажется, сказалъ бы тебѣ много, а станешь говорить или писать—того гляди слетитъ съ языка злостная закорючка, и доброе слово мретъ на языкѣ или зачеркивается.

Ну, прощай! За этимъ письмомъ я развлекся отъ мыслей, которыя нагнало на меня извѣстіе твое. Не хотѣлъ бы воротиться къ нимъ — но и къ поэмѣ подойти дико. Нѣтъ! и мудрый Теккерей не все еще знаетъ, онъ не бывалъ въ душѣ русскаго писателя.

Фетъ тебѣ кланяется; онъ сегодня у меня обѣдаетъ. Жаль, онъ хочетъ уѣхать 18 января; а я одинъ буду тебѣ плохой собесѣдникъ, какимъ всегда былъ, — да не испугаетъ тебя это. Здѣсь есть еще два, три человѣка. Желаю, чтобъ твое леченье шло хорошо. Дѣла сердечныя—Богъ съ ними! Когда же мы угомонимъ сердечныя тревоги? Вѣдь ты ужъ сѣдъ, а я плѣшивъ!

Плещетъ меня не поразило. Ав. Як. тебѣ кланяется, я тебя цалую и глажу.—Твой Некрасовъ.

Пиши мнѣ чаще—объ этомъ очень прошу.

35.

30 Декабря, 1856. Римъ.

Получилъ твое письмо. Спасибо за доброе мнѣніе о „Кротѣ“ и за замѣчанія на него — всѣ они дѣльны и вѣрны. Писать буду, хоть, кажется, мнѣ грозитъ что-то не совсѣмъ хорошее по возвращеніи въ Россію. Напиши— не знаешь ли ты—откуда вышла буря: отъ министерства [1]) или докладывалось выше? А можетъ, и такъ пронесетъ [2]). Мы видывали ценсурныя бури и пострашнѣе—при...— да пережили. Я такъ думаю, что со стороны ценсуры „Современникъ“ отъ этого не потерпитъ, — къ прежней

[1]) Т.-е министерства просвѣщенія, въ которомъ тогда была цензура.—*А. П.*

[2]) Это были вѣроятно опасенія за стихотвореніе „Поэтъ и Гражданинъ“.—*А. П.*

дичи все же нельзя вернуться. Иное дѣло со стороны литературной. За наступающій годъ нельзя опасаться — покуда есть въ виду и въ рукахъ хорошіе матеріалы, а что до подписки, то она будетъ несомнѣнно хороша, но жаль, если союзъ пойдетъ на разладъ [1]). . . . . При нынѣшнихъ обстоятельствахъ естественно литературное движеніе сгруппировалось около Дружинина... Какого *новаго* направленія они хотятъ? Есть ли другое—живое и честное—кромѣ обличенія и протеста? Его создалъ не Бѣлинскій, а среда, оттого оно и пережило Бѣлинскаго, и совсѣмъ не потому, что „Современникъ“ — въ лицѣ Ч—скаго—будто бы подражаетъ Бѣлинскому. Иное дѣло— можетъ быть, Ч—й недостаточно хорошо ведетъ дѣло,— такъ дайте намъ человѣка или пишите сами. Больно видѣть, что личное свое нерасположеніе . . . . , поддерживаемое Дружининымъ и Григоровичемъ, переносятъ на направленіе, которому сами донынѣ служили и которому служитъ всякій честный человѣкъ въ Россіи...

. . . . . О Дружининѣ ты думаешь вѣрно—своя рубашка къ тѣлу ближе...

И такъ, если ты не пріѣдешь сюда — я ѣду въ Па-

---

[1]) Рѣчь идетъ о планѣ Некрасова — предложить своимъ главнымъ сотрудникамъ-беллетристамъ долю въ доходахъ журнала, т.-е. сдѣлать ихъ пайщиками, на томъ условіи, что ихъ новыя произведенія будутъ помѣщаться *только* въ „Современникѣ“. „Союзъ“ и былъ заключенъ, но продержался недолго, какъ и опасался Некрасовъ... Между прочимъ, союзники оговорили себѣ право — исполнить обѣщанія, данныя *раньше* другимъ журналамъ, и изъ этого вышло, что тотчасъ по заключеніи союза, которое было указано въ объявленіяхъ „Современника“, произведенія союзниковъ посыпались въ *другихъ* журналахъ (по „обѣщаніямъ“), но отсутствовали пока въ самомъ „Современникѣ“.

Опускаемъ дальше нѣсколько строкъ, занятыхъ замѣчаніями личнаго свойства.—*А. П.*

рижъ. Жду твоего письма. Напиши, однако, сколько ты думаешь еще пробыть въ Парижѣ и вообще за границей? Чтобъ я могъ сообразить свой выѣздъ. Я все-таки желалъ бы тронуться не ранѣе февраля. — А то я было думалъ пріѣхать въ Парижъ весной — сдѣлать консиліумъ — и оттуда въ Ахенъ брать желѣзныя и сѣрныя ванны — а въ іюнѣ въ Россію.

Жаль мнѣ тебя, Тургеневъ, но посовѣтовать ничего не умѣю. Знаю я, что значитъ взволнованное бездѣйствіе— все понимаю. Оба мы равно жалки въ этомъ отношеніи.

Письмо меня утомило. Напишу еще на дняхъ. Пожалуйста не забрасывай журналовъ — хоть у тебя ихъ прочту, а мнѣ не высылаютъ, книги моей тоже.

Будь здоровъ, голубчикъ. Обнимаю тебя.—Н. Некрасовъ.

Не надо ли денегъ? У меня есть. Ав. Як. тебѣ очень кланяется.

[При одномъ изъ декабрьскихъ писемъ, 1856, изъ Рима, послана была пьеса, подъ заглавіемъ „Кротъ“ — за отзывъ объ этомъ стихотвореніи Некрасовъ благодаритъ Тургенева въ письмѣ отъ 30-го декабря 1856. Это — отрывокъ изъ напечатанной впослѣдствіи поэмы „Несчастные“ (въ изд. 1879, I, стр. 212—239). 1-й стихъ отрывка: „Межъ нами былъ одинъ; его“...; послѣдній: „Мѣшаетъ вѣчная зима“.

Въ началѣ замѣтка:

„Въ предъидущей главѣ разсказывающій излагаетъ, за что онъ попалъ въ Сибирь. Глава оканчивается тѣмъ, что онъ—вмѣстѣ съ другими, потерялъ всякую надежду, предался дикому буйству, подавляя въ себѣ всякое человѣческое движеніе“.

Варіанты, противъ изданія 1879.

. . . Обросъ онъ скоро волосами,
Сутулъ, не видѣнъ былъ лицомъ
Но и подъ *сѣрымъ* армякомъ...
. . . И покачаетъ головой.
Терпѣнья было въ немъ не мало,
Но не былъ робокъ онъ душой...
Былъ вечеръ, *время наступало*
Ложиться,—но стоналъ больной.

Куда дѣваться въ подземельи?
Кричимъ: „*умри*, мѣшаешь спать!..“
И стали въ бѣшеномъ весельи
Его мы хоромъ отпѣвать...
...Но въ комъ какъ подъ золою пламень
Таплись вѣра и любовь—
Тотъ жадно ждалъ бесѣды новой,
Съ душой *очиститься* готовой...
...Доступнаго душѣ *простой*.
...Покажетъ Русь, *какіе люди*
Подъ бурей народились въ ней.
...И смолкли вдругъ работы дня,
Улегся пахарь безъ огня...
...*Понуривъ* голову, шажкомъ,
...Воркуетъ сладко въ тишинѣ.
Да—чу! шумитъ въ концѣ селенья
Столѣтній вязъ; какъ часовой—
Старикъ не дремлетъ. Поколѣнья
Предъ нимъ проходятъ чередой—
...Любовь народная *чадитъ*...
...Нашъ братъ, *гремя* цѣпями, ссыльный...
... *Чу! гдѣ-то скрипнули* вороты
При третьей пѣснѣ пѣтуховъ.
...Слѣпой народъ *упрекъ* почуетъ..
..Бросаетъ поздніе цвѣты...
Но спитъ народъ подъ тяжкимъ игомъ,
Боится туль, не внемлетъ книгамъ.—
О Русь! когда-жъ проснешься ты
И міръ, на мѣстѣ беззаконныхъ
Кумировъ рабской слѣпоты,
Увидитъ честныя черты
Твоихъ героевъ безъименныхъ?..
О ней, о родинѣ державной,
Онъ говорить не уставалъ...
...Онъ видѣлъ слѣдъ руки Петровой
Подъ каждымъ деревомъ добра.
...Чтобъ Трудолюбецъ Вѣнценосный
Не посмѣялся въ небесахъ!..

При письмахъ этого времени вложена корректура—письма Тургенева въ редакцію „Современника“ въ отвѣтъ на обвиненіе со стороны Каткова по поводу „Фауста“—и замѣтки редакціи „Современника“. Въ корректурѣ поправки Некрасова заключаются въ смягченіи и удаленіи нѣкоторыхъ рѣзкихъ выраженій].

36.

7-го января, 1857. Римъ.

Такъ какъ тебѣ нравятся мои описанія, то вотъ тебѣ и еще одно. Такъ какъ оно составляетъ самой невинный отрывокъ изъ моей поэмы, то хочу его напечатать, если ты одобришь. Итакъ, буде оно изрядно, то отошли его къ Анненкову, чтобъ передалъ въ редакцію „Современника". Сдѣлай это поскорѣй, чтобъ попало во 2 № „Современ.", который проситъ моихъ стиховъ. Да скажи и мнѣ свое мнѣніе объ отрывкѣ—не пѣняй на эту докучливость; съ тѣхъ поръ, какъ я убѣдился, что въ твоей головѣ больше толку и вкусу, чѣмъ въ моей, какъ-то неловко печатать, не показавши тебѣ. Поэма моя засѣла, то-есть я ее кончилъ, скомкавъ и не сдѣлавъ половины того, что думалъ. Когда соберусь съ силами—перепишу и пришлю, т.-е. въ такомъ случаѣ, если не скоро увидимся. А что же — о нашемъ свиданіи? Я это время много думалъ о тебѣ, и нахожу, что тебѣ бы лучше пріѣхать въ Римъ. Это не значитъ, что мнѣ не хочется ѣхать въ Парижъ, нѣтъ, пріѣду—но вѣдь надо-же, братъ, тебѣ будетъ уѣзжать изъ Парижа. Подумай объ этомъ. Прибавлю еще, что благодѣтельная сила этого неба и воздуха точно *не фраза*. Я самъ, чортъ знаетъ, въ какой ломкѣ былъ, и теперь еще не совсѣмъ угомонился — и если держусь, то убѣжденъ, что держитъ меня благодать воздуха и пр. Впрочемъ, я ужь знаю, что сдѣлаю; совѣтую тебѣ выяснить и рѣшить — легче будетъ.

Въ февралѣ будетъ карнавалъ—конечно, этимъ тебя не заманишь, но отчего бы тебѣ не провѣтриться — пожилъ бы здѣсь со мною мѣсяцъ, а тамъ пожалуй опять

въ Парижъ, мнѣ же его не миновать. Подумай и помни, что всякая такого рода неопредѣленность изнурительна и въ результатѣ влечетъ новую бѣду—нездоровье, съ которымъ всякое душевное горе переносится еще труднѣе и мучитъ больше.

Денегъ у меня будетъ теперь довольно, и потому въ этомъ отношеніи стоитъ тебѣ только написать слово, если тебѣ своихъ не прислали. Прощай. Я все еще не получилъ ни моей книги, ни журналовъ. А какъ милъ Панаевъ! Наконецъ, на дняхъ онъ увѣдомилъ меня—вмѣсто того, чтобъ сказать въ чемъ дѣло,—что онъ ходатайствовалъ за меня у Норова... Ну, я теперь спокоенъ!... Это ужь меня разсердило.

87.

Римъ. 18 янв. 1857.

Милый Тургеневъ, что-то давненько нѣтъ отъ тебя вѣсти. Пиши; еслибъ ты зналъ, какъ радуютъ меня твои письма! Впрочемъ, я говорю — пиши, а самъ собираюсь къ тебѣ. Очень можетъ быть, что выѣду въ четвергъ 22 января. Хочу ѣхать одинъ. Передъ выѣздомъ напишу. Если раздумаю, тоже напишу, а теперь о дѣлѣ. Мнѣ прислали перечень того, что будетъ въ № 1 „Совр.“ — „Юность“ и стихи Фета, этого бы и довольно, но чтобъ изгадить книжку подмѣшано тамъ стиховъ... Что станешь дѣлать .....! Онъ не понимаетъ, что лучше выпустить въ годъ двѣ-три книжки пошлыя съ первой до послѣдней страницы, чѣмъ подмѣшивать пошлости въ каждую. Но и это не то, а вотъ что главное: какъ видно, ни Островскій, ни Григоровичъ, все-таки ничего не сдѣлали, и я умоляю тебя выслать на 2 № „Нахлѣбника“

или твою статью о Гамлетѣ. Да и вообще пора отправить драматическія сочиненія для печатанія къ Колбасину, а то выходъ затянется до лѣта и продажа пойдетъ хуже. Впрочемъ, надѣюсь объ этомъ поговорить при свиданіи. Фетъ отсюда завтра уѣзжаетъ. Скука усилится... да, уѣду. Будь здоровъ. — Весь твой Н. Некрасовъ.

38.

Римъ, ... февраля. Воскресенье [1857].

Я только третьяго дня добрался до Рима. Съ твоей точки зрѣнія, свѣтло и кротко любящей, я долженъ быть счастливъ, да признаться, и съ своей очень доволенъ. Вчера гулялъ на лугу, свѣжо зеленѣющемъ, въ виллѣ Боргезе и сбиралъ первые цвѣты! На душѣ хорошо. Справедливость однако заставляетъ сказать, что уже подъѣзжая къ Марселю, прошло у меня то тревожное и душное состояніе, въ которомъ ты меня видѣлъ послѣдніе дни, изъ чего и заключаю, что не малую роль въ находящей по временамъ на меня дури играютъ физическія причины—отъ этого однако не легче бываетъ, когда дурь найдетъ. Чувствую, я въ такіе дни могу убиться, если мысль приметъ это направленіе.—Путешествіе мое было скверно. Отъѣхавъ 6 часовъ отъ Марселя, пароходъ сталъ на якорь, буря была страшная, ровно двое сутки стояли мы на якорѣ у Ерскихъ острововъ, качало страшно. Кажется, ничего злѣе нельзя было придумать въ моемъ положеніи—однако я надулъ свою судьбу, и когда она приготовила мнѣ этотъ сюрпризъ, я уже былъ тихъ и терпѣливъ. До сей поры голова кружится—словно все еще я на пароходѣ. Ав. Як. тебѣ очень кланяется и сильно благодаритъ за депешу. Предъ-

идущій пароходъ изъ Чивита-Веккіи стоялъ у Корсики 5-ть дней—вотъ, должно быть, отчего не было писемъ. Это самый скверный мѣсяцъ на Средиземномъ морѣ. Ни одинъ рейсъ не обходится безъ приключенія, но несчастный Жиметъ тоже испыталъ разныя бѣдствія и прибылъ однимъ только днемъ ранѣе меня.—Я очень обрадовалъ А. Я., которая, кажется, догадалась, что я имѣлъ мысль отъ нея удрать. Нѣтъ, сердцу нельзя и не должно воевать противъ женщины, съ которой столько изжито, особенно когда она бѣдная говоритъ *пардонъ*. Я по крайней мѣрѣ не умѣю, и впредь отъ такихъ поползновеній отказываюсь. И не изъ чего и не для чего! Что мнѣ дѣлать изъ себя, куда, кому я нуженъ? Хорошо и то, что хоть для нея нуженъ. Да, начинать снова жить поздно, но жить мнѣ еще можно—вотъ на чемъ я остановился.

Милый Тургеневъ, право я тебя очень люблю—въ счастливыя мои минуты особенно убѣждаюсь въ этомъ. Твое положеніе теперешнее не хорошо—по послѣдствіямъ, которыя можетъ оно привесть. Живя въ Парижѣ, ты разстроиваешь себя физически; смотри, какъ бы болѣзнь не укоренилась такъ, что потомъ и уѣхавъ не вдругъ отъ нея избавишься. Вотъ главная и существенная точка зрѣнія, съ которой ты долженъ смотрѣть на вопросъ: оставаться тебѣ или нѣтъ въ Парижѣ? И ты таки подумай объ этомъ. По крайней мѣрѣ приведи въ исполненіе покуда свою мысль—съѣзди на недѣлю въ Дижонъ или куда-нибудь; это ничего не испортитъ, а можетъ помочь, да и нервы отдохнутъ и придутъ въ порядокъ. За душевную силу твою я не боюсь—ты встрепенешься! но не шути здоровьемъ. И вслѣдъ за этимъ мнѣ пришла мысль, что ты въ самомъ дѣлѣ изрядно мнителенъ, и не

глупо ли я дѣлаю, что пишу это. Но вѣдь ты самъ знаешь, что твое здоровье еще неиспорчено и я хлопочу о томъ, чтобъ ты его не испортилъ.

Ав. Як. проситъ тебѣ сказать, что ей очень помогала въ нервной боли щеки (отъ которой по сочувствію болѣло у нея все лицо) электро-магнитическая машина—всякій лекарь знаетъ, какъ ее употреблять; послѣ нѣсколькихъ опытовъ у нея тогда боль унялась на цѣлый годъ. Прощай. Цалую тебя. Поклонись Толстому и Орлову. Напишу на дняхъ, а теперь просто не могу—голова кругомъ заходила.—Некр.

PS. Я забылъ въ моемъ шкафѣ коробочку, гдѣ были 4 запонки, отъ рукавовъ 2 и отъ ман. 2, римскія—ты ихъ видалъ. Поищи ихъ, если не поздно, и спрячь. Они стоили 16 скудъ.

Письма мнѣ перешли.

Грибчикъ очень милъ, все его интересуетъ. Онъ легко знакомится и—видимо нравится людямъ, не думая о томъ. Даже англичанина какого-то пробралъ, тотъ звалъ его къ себѣ въ Лондонъ и обѣщалъ ему подарить собаку.

Здѣсь благодать—солнышко грѣетъ какъ разъ въ мѣру, тихо, тепло, свѣтло, кротко, младенчески молодое что-то въ воздухѣ—идетъ весна!

39.

Римъ, 7 апрѣля. [1857].

Я вчера воротился въ Римъ, хочу здѣсь посмотрѣть Пасху и поѣду въ Парижъ. Въ Неаполѣ прожилъ я три недѣли очень хорошо, вездѣ былъ, даже влѣзалъ на Везувій и спускался въ самый кратеръ (съ Грибчикомъ, который тебѣ кланяется,—все это время онъ былъ неразлу-

ченъ съ нами, и только третьяго дня мы разстались—онъ уѣхалъ моремъ во Флоренцію). Погода въ Неаполѣ стояла отличная—поѣздки наши (не безъ средствъ *противъ* желудка) какъ-то всѣ удавались, природа чудо (особенно Соренто)—да ты все это самъ видѣлъ; сущность въ томъ, что я провелъ время хорошо. Когда нѣтъ душевной истины и свободы, такая жизнь только и возможна,—какъ гдѣ засидишься, такъ и хуже. О работѣ я забылъ и думать—безъ вышеписанныхъ элементовъ это самый безжалостный родъ насилія изъ всѣхъ, какія мнѣ доводилось дѣлать надъ собою. А ты что? Я не писалъ тебѣ долго частію отъ лѣни, частію потому, что надоѣлъ чай тебѣ и такъ въ послѣднее время моимъ скуленьемъ, но о тебѣ хотѣлось бы знать больше. Получилъ въ Неаполѣ твое письмо, говорятъ, было и другое, да отослали въ Неаполь—а я уѣхалъ сюда. Надѣюсь, мнѣ его оттуда пришлютъ на дняхъ. Дѣла въ „Современникѣ“ поправляются—третья книжка вышла лучше двухъ 1-хъ; подписка хороша, но впрочемъ—не все ли равно? повторю и я вслѣдъ за тобою. Мало, очень мало сталъ я надѣяться на себя. Бродячая жизнь—не по моему характеру, а врядъ ли не умнѣе ли бы мнѣ было оставаться за границей какъ можно долѣе — что-то говоритъ сердцу, что тамъ будетъ еще хуже. Посмотримъ.

...Живя, умѣй все пережить.

Ворочусь, попробую, авось и съумѣю!

Въ концѣ этого мѣсяца я буду въ Парижѣ—тебя тамъ не застану, но вѣдь ты опять хоть на короткое время будешь-же въ Парижѣ? Напиши мнѣ въ Парижъ изъ Лондона poste restante хоть два слова объ этомъ

Я бы прислалъ тебѣ денегъ, для покупки мнѣ собаки и ружья. Въ Россію поѣду въ концѣ іюля. Право бы намъ съѣздить на охоту въ мою деревнишку, Влад. Губ.,—тамъ дичи-то, дичи! Кланяюсь Толстому и Орлову. Послѣдній такъ часто припоминается мнѣ съ своимъ одинокимъ, добрымъ глазомъ, что написалъ бы ему, кабы не былъ онъ князь да—и пр. Впрочемъ, въ томъ, что онъ князь—онъ, слава Богу, не виноватъ, а натура его дѣлаетъ все, что можетъ; онъ конфузится въ салонахъ, зато я увѣренъ, онъ былъ бы какъ дома за нашими обѣдами въ домѣ Степанова или Имзена—больше нельзя требовать отъ человѣка!—Застану ли я его въ Парижѣ? А Толстой? Гдѣ онъ—теперь бы ему самое время въ Италію, позже будетъ нестерпимо жарко, и теперь ужь часто душно.—Пожалуйста увидайся съ Плетневымъ и извини меня чѣмъ нибудь въ родѣ того, что въ Римъ я уѣхалъ внезапно по причинѣ какой-нибудь сверхъестественно важной.—Я обдѣлалъ стихи 30 апрѣля, вышли плохи—въ Россію пошлю, а тебѣ посылать не стоитъ. Будь здоровъ. Цалую тебя.—Некр.

PS. Я буду тебѣ писать время отъ времени, а ты вели пересылать письма въ Лондонъ.

PS. Я читалъ недавно кое-что изъ твоихъ повѣстей. Фаустъ точно хорошъ. Еще мнѣ понравился весь *Яковъ Пасынковъ* и многія страницы *Трехъ встрѣчъ*. Тонъ ихъ удивителенъ—какой-то страстной, глубокой грусти. Я вотъ что подумалъ: ты поэтъ болѣе, чѣмъ всѣ русскіе писатели послѣ Пушкина, взятые вмѣстѣ. И ты одинъ изъ новыхъ владѣешь формой—другіе даютъ читателю сырой матеріалъ, гдѣ надо умѣть брать поэзію. Написать бы тебѣ объ этомъ больше, но опять проклятая мысль—не

принялъ бы ты этого за пустую любезность! Но прошу тебя—перечти „Три встрѣчи“, —уйди въ себя, въ свою молодость, въ любовь, въ неопредѣленные и прекрасные по своему безумію порывы юности, въ эту тоску безъ тоски—и напиши что-нибудь этимъ тономъ. Ты самъ не знаешь, какіе звуки польются, когда разъ удастся прикоснуться къ этимъ струнамъ сердца, столько жившаго, какъ твое, любовью, страданьемъ и всякой идеальностью. Нѣтъ, просто мнѣ надо написать статью о твоихъ повѣстяхъ,—тогда я буду свободнѣе, я буду писать не для тебя, а для публики, и, можетъ быть, скажу что-нибудь, что—тебѣ раскроетъ самого себя какъ писателя: это самое важное дѣло критики, да гдѣ мастеръ на него? Съумѣю ли, не знаю, даже не увѣренъ, что напишу статью.

А. Я. тебѣ кланяется.

40.

22 апр. 1857.

Милый Тургеневъ. Завтра утромъ я выѣзжаю во Флоренцію и недѣли черезъ полторы буду въ Парижѣ. Очень хотѣлъ бы тебя застать. Твое письмо послѣднее только сегодня получилъ изъ Неаполя. Панаевъ, кажется, уже поправился. Я здѣсь у Оболенскаго . . . . . разсказы объ охотѣ на Кавказѣ—Н. Толстого. Авторъ не виноватъ, что это не повѣсть, но задачу, которую онъ себѣ задалъ, онъ выполнилъ мастерски и кромѣ того обнаружилъ себя поэтомъ. Некогда писать, а то я бы указалъ въ этой статьѣ на нѣсколько чертъ до того поэтическихъ и свѣжихъ, что ай-ай! Поэзія тутъ на мѣстѣ и мимоходомъ выскакиваетъ сама собою; неизвѣстно, есть ли у автора творческій талантъ, но талантъ наблюденія и опи-

санія, по моему, огромный—фигура стараго козака въ началѣ чуть тронута, но что̀ важно, не обмельчена, любовь видна къ самой природѣ и птицѣ, а не къ описанію той и другой. Это вещь хорошая. Не знаю, насколько Левъ Н. поправилъ слогъ, но мнѣ показалось, что эта рука тверже владѣетъ языкомъ, чѣмъ самъ Л. Н. Далекость отъ литературныхъ кружковъ имѣетъ также свои достоинства. Я увѣренъ, что авторъ не созналъ, когда писалъ, многихъ чертъ, которыми я любовался, какъ читатель, а это не часто встрѣчаешь.

Я здѣсь часто видаюсь съ Сальясъ и Кудрявцевымъ. Послѣдній понесъ тяжелую потерю: у него во Флоренціи уморили въ нѣсколько дней здоровую, веселую и любимую жену. Жаль его бѣднаго очень—хорошій онъ человѣкъ, да горе совсѣмъ его сломило. Больно видѣть его.—Грановская совсѣмъ умираетъ. Вотъ наши римскія новости.—О себѣ нечего сказать: я теперь доволенъ однимъ открытіемъ, которое сдѣлалъ въ Неаполѣ: докторъ Циммерманъ объявилъ, что у меня разстроена печень. Итакъ, я дурю отъ разстроенной печенки! Слава Богу—хоть причина нашлась.

Будь здоровъ. Цалую тебя и кланяюсь Толстому.—Некрасовъ.

41.

27 мая 1857. Парижъ.

Вчера получилъ твое письмо. Сейчасъ видѣлъ Орлова—онъ завтра уѣзжаетъ, обѣщалъ прислать мнѣ всѣ журналы, какіе успѣетъ собрать,—со Щепкинымъ пришлю. Видѣлъ я Леметра, вотъ это столько же *то*, сколько не то Ристори. Въ немъ мало француза и много человѣка—великое достоинство! Получилъ письмо отъ Толстого—очень

умное, теплое и серьезное. Онъ проситъ тебѣ сказать, что если нельзя четыре собаки, то купи двѣ, самыя нужныя ему: борзая и гончая выжловка.

Лекарство я пью исправно и намѣренъ пить до 15-го іюня. На дняхъ пришлю тебѣ деньги на ружье и напишу больше. Будь здоровъ и духомъ бодръ. Цалую тебя. А. Я. тебѣ кланяется.—Н. Некрасовъ.

42.

31 мая. Воскр. [1857].

Посылаю тебѣ тысячу франковъ на ружье (съ М. Ѳ. Коршъ) и еще сто франковъ; не полѣнись пожалуйста, поищи, нѣтъ ли какихъ новыхъ и хорошихъ принадлежностей для охоты ружейной и особенно псовой (съ борзыми и гончими), именно: по части роговъ, сворокъ, арапниковъ, кинжаловъ для прикалыванія звѣря и т. под. Купи на эти сто франковъ—это для моего отца, которому я долженъ привезти подарокъ; если останется денегъ, то пріобрѣти усовершенствованные дробовикъ, пороховницу и пистонницу. Можетъ случиться, что я пріѣду на дняхъ въ Лондонъ, теперь у меня есть товарищъ для путешествія туда—Логинъ Лихачовъ, на дняхъ сюда прибывшій. Но это только *можетъ быть*. Лекарство мнѣ сильно испортило желудокъ и повергло меня въ физическую немочь—не знаю еще, на что рѣшусь—пойду на дняхъ къ Райе. Книгъ посылаю сколько могъ собрать Орловъ, который уже уѣхалъ отсюда. Статью Пинто, разумѣется, возьму съ удовольствіемъ. Будь здоровъ. Я дѣлаю, что̀ дѣлалъ и что̀ мнѣ предстоитъ до конца дней—*кое-какъ перемогаюсь*.—Некр.

43.

[1857].

Милый Тургеневъ, пожалуйста напиши опредѣлительно, долго ли ты пробудешь въ Лондонѣ и заѣдешь ли навѣрное въ Парижъ? Здѣсь появился Е. П. Ковалевскій—онъ говоритъ, что готовъ недѣлю или двѣ прожить лишнія, лишь бы тебя увидѣть въ Парижѣ. А я совѣтую ему ѣхать съ нами въ Лондонъ, на что онъ въ крайнемъ случаѣ тоже, кажется, подастся; онъ былъ очень веселъ въ Парижѣ, да увидалъ сонъ, предсказывающій ему смерть—и на немъ лица нѣтъ—„пусть-де Тургеневъ пріѣдетъ со мной проститься—умру скоро!—вы такъ ему и напишите“!

(Далѣе писано Е. П. Ковалевскимъ:)

Мнѣ снился такой сонъ, что я скоро умру: пріѣзжайте пожалуйста. Мнѣ очень, очень хочется васъ видѣть до смерти. Пробуду я здѣсь, если до тѣхъ поръ не умру, недѣли двѣ.

Весь и навсегда вашъ—Е. Ковалевскій.

M-me Миллеръ здѣсь и также хочетъ васъ видѣть.

Я сейчасъ только вспомнилъ, что нужно послать тебѣ мѣрку на ружье. Завтра объ этомъ похлопочу. Впрочемъ, обыкновенный размѣръ англійскихъ ложъ мнѣ удобенъ. Будь веселъ, голубчикъ, глажу тебя по сѣдой головкѣ. Безъ тебя, братъ, какъ-то хуже живется. Напиши же—ѣхать къ тебѣ въ Лондонъ или ты самъ сюда будешь.—Некр.

2 іюня.

44.

[1857].

Вчера получилъ твое письмо. Въ Лондонъ едва-ли поѣду, хотя все еще окончательно не рѣшился не ѣхать.

Правду сказать, въ числѣ причинъ, по которымъ мнѣ хотѣлось поѣхать, главная была увидѣть Герцена, но, какъ кажется, онъ противъ меня возстановленъ—чѣмъ не знаю, подозрѣваю, что извѣстной исторіей огаревск. дѣла. Ты лучше другихъ можешь знать, что я тутъ столько же виноватъ и причастенъ, какъ ты, напримѣръ. Если вина моя въ томъ, что я не употребилъ моего вліянія, то прежде надо бы знать, имѣлъ ли я его—особенно тогда, когда это дѣло разрѣшалось. Если оно и могло быть, то гораздо прежде. Мнѣ просто больно, что человѣкъ, котораго я столько уважаю, который кромѣ того когда-то оказалъ мнѣ личную помощь, который былъ первый послѣ Бѣлинскаго, привѣтствовавшій добрымъ словомъ мои стихи (я его записочку ко мнѣ, по выходѣ Петерб. Сборника, до сей поры берегу), что этотъ человѣкъ не хорошо обо мнѣ думаетъ. Скажи ему это (если найдешь удобнымъ и нужнымъ—ты лучше знаешь нынѣшняго Герцена) и прибавь къ этому, что если онъ на десять минутъ обѣщаетъ зайти ко мнѣ въ гостинницу (къ нему мнѣ итти неловко, потому что я положительно знаю лютую враждебность Огарева ко мнѣ), то я ни минуты не колеблясь пріѣду къ 11-му числу, чтобы 16-го вмѣстѣ съ тобою уѣхать обратно.—Кланяется тебѣ Ковалевскій и ждетъ нетерпѣливо. . . . . освобожденіе Бакунина дѣло нашего милаго генерала. Вотъ въ короткихъ словахъ его ходъ. Сначала о прощеніи его докладывалъ Долгорукій, по просьбѣ родныхъ. Государь наотрѣзъ отказалъ, послѣ многихъ совѣщаній и раздумья. Прошло мѣсяца три. Ковалевскій тѣмъ временемъ дѣйствовалъ на Горчакова, выписалъ сестру Бакунина (бывшую сестрой милосердія при Севастополѣ), повелъ ее къ Горчакову, общими силами

они разжалобили его, и онъ рѣшился вновь доложить государю, опираясь на то, что поступокъ Бакунина имѣлъ отношеніе къ иностр. министерству. Государь и тутъ отказалъ, сказавъ, что не видитъ со стороны Бак. раскаянья. Тогда убѣдили Бакунина написать письмо къ Горчакову. Горчаковъ это письмо показалъ государю—и государь простилъ. Резолюція: Бак. освободить, жить ему въ Омскѣ, съ дозволеніемъ прожить до излеченія въ деревнѣ у матери въ Тамб. губ. и съ правомъ поступить на службу. Ковалевскій говоритъ, что изъ Омска теперь легко и скоро можно будетъ нередвинуть Бакунина.—Достоевскій и проч. прощены навѣрно—и даже Спѣшневъ. Будь здоровъ. Весь твой—Некр.

[Письмо не лишено важности для объясненія „огаревскаго дѣла". Въ чемъ именно состояло это дѣло, не знаю; но противъ Некрасова выставлено было тяжелое обвиненіе въ присвоеніи и растратѣ чужихъ денегъ. Біографы приводили, въ связи съ этимъ дѣломъ, напримѣръ, цитату изъ воспоминаній П. В. Анненкова („Анн. и его друзья", стр. 116): цитата съ упоминаніемъ имени Грановскаго, очень ядовитая, но очень темная. Въ настоящемъ письмѣ къ Тургеневу любопытна ссылка Некрасова на самого Тургенева. Въ запискахъ г-жи Панаевой-Головачевой обвиненіе Некрасова по этому дѣлу съ негованіемъ отвергается (стр. 326).]

45.

30 іюня 1857. Дача близъ Петергофа.

Я прибылъ на дачу близъ Петергофа (нанятую для меня Васильемъ) 28 іюня рус. стиля. Ѣхалъ я отъ Кенигсберга дней восемь—оттого не очень усталъ, но собака, въ свою очередь, и меня состарила; денегъ на нее вышло очень много—мошенники рус. кондукторы разыгрывали со мною сцены въ родѣ слѣдующей: „Собака! Какъ, у васъ собака!!..."—Да.—Вы хотите ее везти въ

казенномъ экипажѣ.—Да!—Да знаете ли вы, что это запрещено... что я лишусь мѣста и пущу по міру жену и дѣтей...—Полноте, я вамъ заплачу—я всегда возилъ.—„Кто васъ возилъ съ собакой, у того видно было двѣ головы, а у меня одна". Я вамъ дамъ 5-ть цѣлк...—Ну, сажайте. — Такъ въ Тильзитѣ, въ Ригѣ, въ Дерптѣ и Нарвѣ, а въ Кенигсбергѣ честные нѣмцы сдули за собаку и еще больше, заставивъ взять особый экипажъ. Тутъ еще случилось горе. На одной станціи намъ дали открытую таратайку. Я положилъ цѣпь себѣ подъ сидѣнье,— и задремалъ, собака вздумала выскочить и ободрала себѣ заднюю ногу, а нереднюю ушибла. И такъ я всю дорогу имѣлъ удовольствіе время отъ времени выносить ее на рукахъ и любоваться, какъ она погуливала на двухъ ногахъ (лѣвой задней и лѣвой передней)... Надо впрочемъ отдать ей справедливооть: ...она вообще умна, терпѣлива, привязчива и спокойна. Въ Дерптѣ я ее возилъ въ скотоврач. клинику—тамъ ее перевязали, дали мнѣ лекарство мочить ей ноги—и теперь она поправляется; черезъ недѣлю будетъ здорова. Славный характеръ у собаки, нельзя ее не полюбить; жаль будетъ, если изъ нея ничего не выдетъ... Теперь тоже не хорошо, надо работать, а руки опускаются, точитъ меня червь, точитъ. Въ день двадцать разъ приходитъ мнѣ на умъ пистолетъ и тотчасъ дѣлается при этой мысли легче. Я сообщаю тебѣ это потому, что это фактъ, а не потому, чтобъ я имѣлъ намѣреніе это сдѣлать,—надѣюсь, никогда этого не сдѣлаю. Но нехорошо, когда человѣку съ отрадной точки зрѣнія поминутно представляется это орудіе. Правда, оно все нримиритъ и разрѣшитъ, да не хочу я этого разрѣшенія. Я поселился на дачѣ... съ Панаевымъ, котораго болѣзнь

подломила. Не знаю, такъ ли въ самомъ дѣлѣ, но онъ мнѣ кажется лучше... Разсказовъ-то, разсказовъ—Господи! Но вдругъ не разскажешь. Мнѣ понравился покуда одинъ. Гр. Р—на написала доносецъ въ стихахъ. Фельетонистъ С. П. Вѣд., говоря о ней, замѣчаетъ, что дѣятельность ея раздѣляется на три отдѣленія, въ 1-мъ она дѣлала то и то, во 2-мъ то и то, а нынѣ гр. Р. вступила въ третье отдѣленіе. Этимъ кончается статейка... Бѣда допускать людей до денегъ! [1]) И не радъ бы, а надо будетъ посмотрѣть... Вся литература, и публика за нею (сколько могъ замѣтить по Вульфу [2]) и Панаеву), круто повернула въ сторону затрогиванія обществ. вопросовъ и т. под. На Панаевѣ это можно видѣть очень ясно,—въ каждомъ его сужденіи такъ и видишь, подъ какимъ вѣтромъ эта голова стояла цѣлый годъ. Но собственно все тоже идетъ въ отношеніи цензуры и даже начало нѣсколько поворачивать вспять. Уже задерживаются статьи—за мрачное впечатлѣніе и т. п., то есть произволъ личности опять входитъ въ свои права. Про Г—ва какія гадости я узналъ! Напишу завтра еще письмо, побывавъ въ городѣ, куда поѣду утромъ. Въ 6 № „Совр.“ Ч. написалъ отличную статью по поводу Щедрина и „Замѣтки“ тоже очень умныя... Матеріаловъ для „Совр.“ нѣтъ. Я тебя прошу—для меня, для самого себя и для чести дѣла, къ 9-й кн. „Совр.“ напиши статью Гамлетъ и д.-Кихотъ и увѣдомь сейчасъ Толстого, чтобы къ этой книжкѣ онъ приготовилъ повѣсть. Это, господа, необходимо. Черезъ мѣсяцъ отъ этого письма рукописи ваши должны быть здѣсь.—Я ужасно

---

[1]) Рѣчь пошла дальше о конторскихъ дѣлахъ журнала.—А. П.

[2]) Вульфъ — владѣтель типографіи, гдѣ печатался „Современникъ“.—А. П.

радъ, что ты чувствуешь желаніе работать, радъ за тебя. Но смотри—обдумай, ѣхать ли тебѣ въ Парижъ. Вспомни, какъ ты трудно отрывался, и знай еще, что есть предѣлъ всякой силѣ. Право, и у меня ея было довольно. Никогда я не думалъ, что такъ сломлюсь душевно, а сломился. Не желаю тебѣ ничего подобнаго. Конечно, ты отъ этого далекъ, но все не худо—во время взяться за умъ. Горе, стыдъ, тьма и безуміе—этими словами я еще не совсѣмъ полно обозначу мое душевное состояніе, а какъ я его себѣ устроилъ? Я вздумалъ шутить съ огнемъ и пошутилъ черезъ мѣру. Годъ тому назадъ было еще ничего—я могъ спастись, а теперь... — Пріѣзжай сюда, не заѣзжая въ Парижъ. Цалую тебя.—Некр.

46.

20 іюля с. с. [1857].

Любезный Тургеневъ. Письмо твое (о деньгахъ) огорчило меня больше, чѣмъ бы слѣдовало огорчаться такими вещами. Зачѣмъ тебѣ Гер. написалъ, что я жалуюсь на тебя и проч.—я не понимаю [1]), а писалъ я ему вотъ что: „Причиною, что долгъ мой вамъ до сей поры не уплаченъ—неудобность сношеній съ вами, а главное:— моя непростительная безпечность, которая поддерживалась сначала надеждою на Вашу снисходительность, а въ

[1]) Сейчасъ я перечелъ твое письмо и увѣряю тебя честью, что о томъ, что *ты* заплатишь Герц. изъ денегъ, *которыя долженъ мнѣ*—въ моемъ письмѣ къ Гер. и рѣчи не было! Странно, что Гер. написалъ это, менѣе странно, что ты повѣрилъ этому и разсердился, но я повторяю: о томъ, будто бы ты заплатишь Герц. изъ денегъ, должныхъ будто бы мнѣ— *въ моемъ письмѣ нѣтъ ни слова, даже какого либо намека.* Это сущая выдумка—попроси Гер., пусть онъ пришлетъ тебѣ мое письмо! [Приписка Некр.]

1850 году Тург. передалъ мнѣ вашу записку, чтобъ деньги, должныя Вамъ, отдать ему. Признаюсь, съ этого времени я мало думалъ объ этомъ долгѣ, потому что съ Тургеневымъ я довольно близокъ и имѣлъ съ нимъ постоянные счеты". Затѣмъ я извѣщалъ его, что деньги ему пришлю изъ Россіи. Теперь вижу, что лучше бы мнѣ вовсе не упоминать о тебѣ, но, любезный другъ, когда на человѣка падаетъ обвиненіе въ присвоеніи чужой собственности, неужели ему не позволительно сослаться на фактъ, въ которомъ по моему мнѣнію нѣтъ ничего предосудительнаго для тебя? Мнѣ ужасно бы хотѣлось, чтобъ ты прочелъ то мое письмо къ Гер.,—ты увидѣлъ бы, что я всю вину бралъ прямо на себя, и у меня было только одно невинное желаніе сказать, что я менѣе виноватъ передъ Гер., чѣмъ онъ думаетъ, что не умышленное посягательство на чужое добро, а причины менѣе гадкія затянули уплату. Въ нашихъ дѣловыхъ отношеніяхъ я гораздо болѣе обязанъ тебѣ, чѣмъ ты мнѣ (кто этого не знаетъ?), но неужели ты отрицаешь у меня право сказать, что долгъ, переведенный на Тургенева, меня не безпокоитъ, что онъ подождетъ за мной, какъ иногда ждалъ я за нимъ и т. под.? Или находишь въ этомъ что-нибудь обидное для себя?.. Помѣщикъ 2 т. душъ! конечно ты щекотливъ въ такихъ дѣлахъ, но позволь и бѣдняку имѣть эту щекотливость и извини меня (чистосердечно), что желаніе сколько нибудь оправдаться передъ Гер. заставило меня употребить твое имя въ этомъ дѣлѣ. Скажу прямо, ты меня больно ударилъ по сердцу своимъ распоряженіемъ къ дядѣ о присылкѣ мнѣ денегъ. Ты видно не шутя раздражился, но подумай хладнокровно—слѣдуетъ ли такъ поступать... Нѣтъ, это похоже на упрекъ. При этомъ

найдешь записку, которую отошли къ Г., если найдешь нужнымъ. Что касается до „З. О.“, то—хоть я говорилъ и имѣлъ намѣреніе отдать тебѣ половину барыша,—дѣло это и въ такомъ случаѣ еще такъ выгодно, что отстаивать его за собою—мнѣ неудобно,—рѣшай самъ какъ знаешь. Всего лучше я думаю такъ: напечатаю я (во избѣжаніе сплетенъ, такъ какъ всѣмъ уже извѣстно, что ты мнѣ ихъ отдалъ), а деньги возьмешь ты — или еще лучше: отдадимъ ихъ дочери Бѣлинскаго.—Вопросъ о дозволеніи ихъ въ томъ же положеніи, какъ и былъ,—но дозволеніе вѣроятно.

Я хотѣлъ запечатать письмо, но не выдержалъ, чтобъ не приписать, что сердце у меня не на мѣстѣ. Я тогда только успокоюсь, когда ты мнѣ напишешь, что эта исторія ничего въ тебѣ не измѣнила относительно меня (разумѣется, если оно такъ на самомъ дѣлѣ).

Дядя твой не отличается, кажется, быстротою въ исполненіи твоихъ порученій; поэтому прошу тебя написать ему, чтобъ онъ не трудился высылать мнѣ деньги. Неужели ты думаешь, что я придаю этому важность и не знаю очень хорошо, что ты богаче меня и можешь имѣть деньги мимо меня?—Я всегда такъ доволенъ былъ, когда могъ кстати дать тебѣ мои 50 или 100 руб.—Зачѣмъ лишать меня этого удовольствія?

[Сюда относится нижеслѣдующее письмо къ Герцену.

Къ этому и другимъ письмамъ, гдѣ говорится о денежныхъ счетахъ, относится письмо Тургенева отъ 24—12 августа 1857, изъ Куртавнеля. „Р. Мысль“, тамъ же, стр. 121—122].

[1857].

Милостивый государь
Александръ Ивановичъ,

Въ письмѣ, посланномъ Вамъ недавно изъ Парижа, я вовсе не думалъ обвинять Тургенева въ неуплатѣ Вамъ моего долга; я прямо винилъ свою безпечность и говорилъ только, что съ той поры, какъ получилъ Вашу записку объ отдачѣ этихъ денегъ Тург.,—я мало думалъ объ этомъ долгѣ, имѣя съ Тург. постоянные счеты.

Я не сказалъ въ моемъ письмѣ, будто этотъ долгъ въ настоящее время числю за Тургеневымъ; я *не писалъ* (не писалъ!) Вамъ, что эти деньги заплатитъ Вамъ Тургеневъ, изъ денегъ, которыя онъ будто въ настоящее время мнѣ долженъ. Напротивъ, я писалъ прямо, что деньги вышлю вамъ *я*, по возвращеніи въ Россію.

Письмо мое однакоже послужило источникомъ нѣкоторыхъ недоразумѣній, которыя заставляютъ меня просить васъ 1) считать виновникомъ въ этомъ дѣлѣ единственно меня, а не Тургенева, который виноватъ передъ Вами развѣ въ томъ, что не взыскалъ съ меня этого долга посредствомъ полицейскихъ мѣръ; 2) послать Тург. или показать ему при случаѣ мое письмо къ Вамъ, писанное изъ Парижа; 3) извинить меня, что я вторично Васъ безпокою по дѣлу, въ которомъ непростительно виноватъ и которое въ весьма скоромъ времени наконецъ кончу высылкою Вамъ денегъ.—Н. Некрасовъ.

20 іюля с. с.

47.

21 іюля с. с. [1857].

Любезный Тургеневъ, на дняхъ я тебѣ написалъ письмо на тему въ родѣ: пожалуйста не вѣрь, что я та-

скаю платки изъ чужихъ кармановъ. Тамъ я вложилъ письмо къ Г., котораго не посылай, а пошли прилагаемое при семъ, ибо, къ счастію, мнѣ удалось добыть денегъ и такимъ образомъ дѣло это будетъ разомъ покончено, т.-е. вмѣстѣ съ деньгами отправь письмо—и конецъ!

Векселя на 3000 фр. написаны на твое имя, ты можешь сдѣлать на нихъ надпись и отослать по принадлежности [1]).

Говорятъ, пора ѣхать мнѣ на пароходъ. Письма къ Г. написать нѣкогда, пошли то, или не посылай никакого, или лучше вотъ что: у меня начато на дачѣ къ тебѣ письмо о разныхъ разностяхъ—я его допишу и въ него вложу и записку къ Г., гдѣ нужно будетъ между прочимъ приложить разсчетъ. Еслибъ ты зналъ, какъ мнѣ противно все это дѣло. Будь здоровъ. Обнимаю тебя.—Твой Н. Некр.

48.

27 іюля, с. с. 1857. Петергофъ.

Любезный Тургеневъ. Я получилъ твою записочку, но Дружинина еще не видалъ; мнѣ больно было узнать, что тебѣ не хорошо. Вчера я видѣлъ Шипулинскаго, разговоръ зашелъ о тебѣ; онъ говоритъ, что у тебя невральгія—вещь, съ которой можно прожить сто лѣтъ . . .

. . . . . .

Онъ говоритъ, что ты очень нервенъ и мнителенъ—вотъ твои болѣзни—и совѣтуетъ тебѣ поскорѣй воротиться домой и жить спокойнѣе, такъ какъ для твоего здоровья теплый климатъ не составляетъ необходимаго условія. Здѣсь ждетъ тебя жизнь сѣренькая, но ты ужь ее хорошо знаешь и

[1]) Послѣднія два слова написаны вмѣсто зачеркнутаго, кажется—„въ Лондонъ“.—А. П.

съумѣешь, какъ и встарь, брать съ нея лучшее. А надо правду сказать, какое бы унылое впечатлѣніе ни производила Европа, стоитъ воротиться, чтобъ начать думать о ней съ уваженіемъ и отрадой. Сѣро, сѣро! глупо, дико, глухо — и почти безнадежно! И все-таки я долженъ сознаться, что сердце у меня билось какъ-то особенно при видѣ „родныхъ полей“ и русскаго мужика. Вотъ тебѣ стихи, которые я сложилъ вскорѣ по пріѣздѣ:

Въ столицѣ шумъ—гремятъ витіи,
Бичуя рабство, зло и ложь,
А тамъ, во глубинѣ Россіи,
Что тамъ? Богъ знаетъ... не поймешь!
Надъ всей равниной безпредѣльной
Стоитъ такая тишина,
Какъ будто впала въ сонъ смертельный
Давно дремавшая страна.
Лишь вѣтеръ не даетъ покою
Вершинамъ придорожныхъ ивъ,
И выгибаются дугою,
Цалуясь съ матерью-землею,
Колосья безконечныхъ нивъ... [1]).

Что до меня, я доволенъ своимъ возвращеніемъ. Русская жизнь имѣетъ счастливую особенность сводить человѣка съ идеальныхъ вершинъ, поминутно напоминая ему, какая онъ дрянь,—дрянью кажется и все прочее, и самая жизнь,—дрянью, о которой не стоитъ много думать.

Въ литературѣ движеніе самое слабое. Всѣ новооткрытые таланты, о которыхъ доходили до тебя слухи, сущій пуфъ. Эти Водовозовы и пр. едва умѣютъ писать порусски. Геній эпохи — Щедринъ... Публика въ немъ видитъ нѣчто повыше Гоголя! Противно раскрывать журналы—все доносы на квартальныхъ да на исправниковъ,—

[1]) Варіантъ извѣстнаго стихотворенія.—А. П.

однообразно и бездарно! Въ „Русск. Вѣстн.“ впрочемъ появилась большая повѣсть Печерскаго „Старые годы“ — тоже таланта немного, но интересъ сильный и смѣлость небывалая. Выведенъ крупный русскій баринъ во всей ширинѣ и безобразіи старой русской жизни — злодѣйствующій надъ своими подвластными, закладывающій въ стѣну людей — личность, передъ которою Стенька Разинъ — герой добродѣтели, а разница та, что Стеньку преслѣдовали, а этотъ всю жизнь пользовался покровительствомъ законовъ и достигъ „степеней извѣстныхъ“. Еслибъ у автора побольше таланта — вышла-бы вальтеръ-скоттовская вещь. Я до сей поры еще не рѣшилъ, что дѣлать съ „Современникомъ“. Не могу повѣрить, чтобъ, набивая журналъ каждый годъ повѣстьми о взяткахъ, можно было не огадить его для публики, а другихъ повѣстей нѣтъ. Современное обозрѣніе, по плану, о которомъ мы съ тобой говорили, начнется съ 9 №. — Ч—скій малой дѣльный и полезный, но крайне односторонній, — что-то въ родѣ если не ненависти, то презрѣнія питаетъ онъ къ легкой литературѣ и успѣлъ въ теченіе года наложить на журналъ печать однообразія и односторонности. Бездна выходитъ книгъ, книжонокъ, новыхъ журналовъ, спекулирующихъ на публику — обо всемъ этомъ не говорится въ журналѣ ни слова! Не думаю, чтобъ это было хорошо. Вѣдь публика едва ли много поумнѣла со временъ Бѣл[инскаго], который умѣлъ ее учить и вразумлять, по поводу пустой брошюры. И много такихъ упущеній, обмертвившихъ журналъ. Пріѣзжай поскорѣе — надо подумать общими силами. Безъ тебя толку не будетъ. Говорю это не шутя. Только ты одинъ умѣешь и можешь навести меня на разумъ и заставить работать. — На дняхъ ты получишь

нѣчто въ родѣ циркуляра, какъ „участникъ“; къ тебѣ можно бы и не посылать, но я пошлю для формы. Другіе „участники“, не имѣющіе къ бездѣйствію такихъ уважительныхъ причинъ какъ ты, — тѣмъ не менѣе ничего не дѣлаютъ; девятая книжка (при которой должно выдать объявленіе о подпискѣ) на носу, а ни отъ одного мы не имѣемъ ни строки. — Толстой вытребовалъ изъ Бадена денегъ по телеграфу, проигравшись тамъ—вотъ послѣднее отъ него извѣстіе. Островскій прислалъ подобное требованіе изъ Ярославля. Григоровичъ въ деревнѣ и не даетъ вѣсти о себѣ. Всѣ наши сѣтованія на участниковъ—минуютъ тебя, ты и такъ много сдѣлалъ для „Совр.“, но все-таки, еслибъ ты теперь сдѣлалъ что-нибудь, то было бы лучше для тебя, а ужь о журналѣ и говорить нечего.—На дняхъ воротились изъ Одессы братья Колбасины. Анненковъ въ Симбирскѣ. Гончаровъ гдѣ-то въ Германіи на водахъ.—Поклонись, если будешь писать, отъ меня Орлову. Будь здоровъ. Напиши мнѣ. Собаку еще не пробовалъ на охотѣ, но думаю, что она будетъ не дурна. Она собака умная, догадливая и не упрямая.—Твой Н. Некр.

[По поводу упоминанія объ Орловѣ (кн. Н. А.), Тургеневъ говоритъ въ письмѣ отъ 9—21 сентября 1857:... „Я видѣлъ Орлова, который велитъ тебѣ кланяться. Вообрази, онъ много стиховъ твоихъ знаетъ наизустъ“ („Р. Мысль“, тамъ же, стр. 122).]

[Циркуляры:]

„Господину участнику Современника, Ивану Сергѣевичу Тургеневу.

„Милостивый Государь!

„Редакція Современника имѣетъ честь представить Вамъ къ свѣдѣнію вѣдомость о числѣ подписчиковъ на Современникъ въ 1857 г. и вмѣстѣ съ симъ считаетъ нужнымъ сообщить Вамъ слѣдующее:

„Значительное приращеніе подписчиковъ, происшедшее, какъ не сомнѣвается Редакція, преимущественно въ слѣдствіе объявленія объ исключительномъ участіи въ журналѣ четырехъ любимыхъ публикою

писателей, налагаетъ на нихъ обязанность о поддержаніи и оправданіи этого довѣрія. Между тѣмъ дѣятельность гг.. участниковъ до настоящаго времени весьма мало оправдывала ожиданія публики, слѣдствіемъ чего было:

а) Безчисленные толки въ публикѣ, неблагопріятные какъ для гг. участниковъ, такъ и для журнала.

б) Охлажденіе къ журналу.

в) Бѣдность беллетристическаго отдѣла въ журналѣ, сравнительно съ прежними его годами,—

„Что все вмѣстѣ можетъ привести журналъ къ паденію и потерѣ подписчиковъ, если настоящее положеніе дѣлъ будетъ продолжаться, то-есть: если гг. участники соединенными силами и не теряя времени не исправятъ 1-го отдѣла журнала и не докажутъ тѣмъ публикѣ, что недѣятельность ихъ была случайная, не угрожающая продолжаться постоянно, какъ теперь публика начинаетъ думать это.

„Въ настоящее время, когда скоро необходимо будетъ выпускать въ свѣтъ объявленія объ изданіи журнала въ слѣдующемъ году — время, когда публика издавна привыкла встрѣчать въ немъ произведенія любимыхъ своихъ писателей, редакція не имѣетъ не только ни строки ни отъ одного изъ господъ участниковъ, но даже ни одного вѣрнаго и срочнаго обѣщанія, на которое могла бы прочно разсчитывать. При увеличеніи числа журналовъ и мѣрахъ, принимаемыхъ другими редакціями къ обезпеченію себя, нынѣ невозможно, несмотря на готовность редакціи къ большимъ пожертвованіямъ, достать что-либо хорошее у другихъ интересующихъ публику писателей. Т. обр. журналъ въ виду приближающейся подписки находится въ самомъ жалкомъ положеніи. При недѣятельности гг. участниковъ онъ будетъ въ необходимости довольствоваться посредственными матеріалами и окончательно убѣдить публику во мнѣніи, что онъ лишился возможности поддерживать свое достоинство, утвержденное за нимъ многими годами.

„Для предупрежденія этого необходимы мѣры рѣшительныя и немедленныя, и эти мѣры находятся въ рукахъ гг. участниковъ. Редакціи необходимы для четырехъ послѣднихъ книжекъ нынѣшняго года и четырехъ первыхъ слѣдующаго *восемь* произведеній гг. участниковъ, т.-е. по два отъ каждаго, и въ такіе сроки, чтобъ эти произведенія непрерывно одно за другимъ являлись въ журналѣ, начиная съ сентябрьской книжки.

„Извѣщая о семъ, редакція покорнѣйше проситъ гг. участниковъ:

1) Нѣмедленно доставить то, что у нихъ изготовлено.

2) Опредѣлить точнѣе сроки доставленія своихъ дальнѣйшихъ произведеній.

„Употребляя съ своей стороны всѣ возможныя старанія къ под-

держанію журнала, дѣлая значительныя и непредвидѣнныя (при заключеніи условій съ гг. участниками) издержки на улучшеніе другихъ его отдѣловъ, редакція надѣется, что и гг. участники съ своей стороны позаботятся о поддержаніи журнала, съ достоинствомъ котораго, кромѣ матеріальныхъ выгодъ, связана ихъ собственная добрая слава, какъ людей, печатно обязавшихся передъ публикой содѣйствовать его успѣху".—Подписали: Иванъ Панаевъ. Ник. Некрасовъ.

С.-Петербургъ, іюля 30 дня 1857.

49.

[1857?].

Въ пятницу 18-го іюля высланы тебѣ двѣ пары сапоговъ—при нихъ мазь. Цѣна всему 39 р. 50, съ ящикомъ.

Василій проситъ написать, что ранѣе не могли быть высланы сапоги, ибо у Пеля всего одинъ работникъ.

Желаю тебѣ хорошо охотиться. Я пріѣхалъ въ городъ, чтобъ ѣхать (сегодня) въ Тверь, а оттуда на пароходѣ въ Ярославль. Я потомъ поѣду въ Москву, оттуда въ свою Владимір. деревню, а оттуда въ Нижній. На тебя надежды не имѣю, но если у васъ охота окажется изъ рукъ вонъ плоха, то можемъ съѣхаться въ Москвѣ и пред(примемъ) поѣздку вмѣстѣ.

Пиши, если вздумаешь, на мое имя въ Ярославль.—Твой Некр.

50.

[Письмо Панаева:]

Петергофъ. 14/26 Іюля. [1857].

Любезный другъ Тургеневъ, — я уже писалъ тебѣ о пріѣздѣ Некрасова и о полученіи твоего Грёза. Дай Богъ тебѣ силы для окончанія повѣсти,—а изъ четырехъ обязательныхъ до сихъ поръ никто ничего не прислалъ, и только время отъ времени получаются письма съ требованіемъ денегъ. Таковое получено мною сейчасъ отъ Остров-

ского, который упоминаетъ глухо, что пришлетъ *скоро*. Деньги тебѣ высланы Некрасовымъ 2 Іюля с. с.

При семъ прилагается вѣдомость о числѣ подписчиковъ на „Совр.“ по 30 іюня.

Будь здоровъ и пріѣзжай скорѣй.—Твой П.

[Письмо Некрасова:]

Дѣла „Современника“, любезный другъ, въ самомъ дѣлѣ не хороши. „Участники“ уже поставили себя передъ публикою въ комическое положеніе, а журналъ въ трагическое. Клятвопреступный Григоровичъ продолжаетъ врать и ничего не дѣлать, остальные отличаются отъ него только тѣмъ, что меньше врутъ. Пиши Толстому, чтобъ присылалъ что-нибудь; въ тебѣ я не сомнѣваюсь; если не заѣдешь въ Парижъ, то сдѣлаешь что нибудь, а если заѣдешь, то сдѣлаешь великую глупость. Я тебѣ на дняхъ напишу побольше. Собака поправилась, гуляетъ со мною по парку. Я хочу на дняхъ уѣхать куда нибудь на охоту. Будь здоровъ.—Некрасовъ.

„Вѣдомость № о числѣ подписчиковъ на „Современникъ“ 185 г. до 30 іюня 1857 года.

до 13-го іюля [1]).		Экземп.	Руб.	коп.
1431	Иногородные, по пакетамъ.	1701	—	—
	По книгѣ конторы:			
218	Съ пересылкою безъ уступки . .	256	—	—
319	съ уступкою. . .	470	—	—
143	Безъ пересылки, безъ уступки. . .	207	—	—
280	съ уступкою. . .	415	—	—
2391	Итого	3049	—	—

[1]) Эти отмѣтки на полѣ сдѣланы рукой того же Вульфа на другомъ экз. „Вѣдомости“, помѣченномъ № 13,—съ тѣми же цифрами въ рубрикахъ направо.—Этотъ второй экземпляръ подписанъ: К. Вульфъ.

7	Въ кредитъ: по пакетамъ	6	—	—
55	разнымъ лицамъ	5	—	—
157	По требованію Газетной экспедиціи . . .	134	—	—
146	По спискамъ Московской Конторы . . .	219	—	—
407	Московской Конторы „Современника“ . .	500	—	—
	Даровые:			
58	Съ доставкою	46	—	—
44	Безъ доставки.	33	—	—
3268	Всего	3992	—	—

51.

[1857].

Любезный Тургеневъ, наконецъ я получилъ твое письмо и очень тебѣ благодаренъ. Я хлопочу съ журналомъ, съ квартирой и ѣзжу на охоту, возвращаюсь домой только отсыпаться и наѣдаться, — поэтому нахожусь постоянно въ недосужномъ и нѣсколько усталомъ положеніи,—писать много нѣкогда. Поздравь Фета, поклонись В. Боткину и будь самъ здоровъ и спокоенъ.

Деньги отъ твоего дяди я получилъ.

Нелли имѣетъ отличное чутье, но непослушна и вообще не воспитана—я охочусь съ другой собакой; ружье твое употребляю бережно; оно убиваетъ на повалъ на 80 аршинъ. Пріѣхалъ П. Анненковъ. Третьяго дня я убилъ: 4 дупеля, 3 сѣр. кур., одного бекаса, 1 вальшнепа и чорнаго тетерева. Это впрочемъ самая удачная изъ моихъ охотъ нынѣшній годъ. Дупелей вообще очень мало, а завтра ужь Александровъ день! Видно, и не будетъ.

Я продолжаю бояться, что ты застрянешь въ Парижѣ. Не совѣтую, милый человѣкъ; не шути съ своими нервами и дѣйствуй рѣшительно, пока они въ порядкѣ; если развинтишь ихъ до такой степени, какъ они были развинчены прошлой зимой—такъ опять не уѣдешь.

По совѣсти однакожь говоря, здѣсь въ своемъ родѣ ужасно противно.

Будь же здоровъ и доволенъ жизнію.—Твой Н. Некрасовъ.

29 с. с. Авг. Спб.

52.

[1857?].

Любезный Тургеневъ. Мнѣ совѣстно, что мы такъ давно къ тебѣ не писали, и хоть сію минуту нѣкогда—однако напишу хоть нѣсколько строкъ. Во 1-хъ, спасибо тебѣ за твое письмо. Во 2-хъ, ради мы съ Боткинымъ, что ты повѣсть кончилъ, и нетерпѣливо желали бы ее прочесть поскорѣе (кстати: если нѣтъ особыхъ причинъ къ замедленію съ печатаніемъ, то 10 № „Современника“ жаждетъ принять ее въ свои объятія, или XI-ый) — но вотъ въ чемъ дѣло—мы въ сію минуту всѣ разъѣзжаемся: Боткинъ въ Нижній, я въ Ярославль; итакъ, если прежде печатанія вздумаешь прислать кому изъ насъ повѣсть на прочтеніе, то Боткина не найдешь въ Москвѣ ранѣе 1-ыхъ чиселъ сентября, я же къ 20 августа буду въ Петербургѣ. Рѣшительно не знаю, что́ съ собой дѣлать касательно поѣздки. Мнѣ предстоитъ или уѣхать какъ можно скорѣе за границу или на 8 мѣсяцевъ запереться въ четырехъ стѣнахъ. На дняхъ на что нибудь рѣшусь, и тебѣ напишу.—Если вздумаешь прислать мнѣ свою повѣсть лишь для прочтенія, то я съумѣю обуздать въ себѣ рвеніе журналиста и спишусь съ тобой и даже — если велишь—рукопись обратно вышлю.

Знаешь ли, теперь можно тиснуть твоего „Нахлѣбника“—да и „Постоялый Дворъ“,—а романъ-то твой? Ты, кажется, о немъ не думаешь, а я рѣшительно утвер-

ждаю, что первыя его четыре главы превосходны и носятъ на себѣ характеръ той благородной дѣльности, отъ которой къ прискорбію такъ далеко отошла русская литература. Я велѣлъ Базунову отослать тебѣ 2-й томъ „Мертвыхъ Душъ“. Вотъ честный-то сынъ своей земли! Больно подумать, что частныя уродливости этого характера для многихъ служатъ помѣхою оцѣнить этого человѣка, который писалъ не то, что могло бы болѣе правиться, и даже не то, что было легче для его таланта, а добивался писать то, что считалъ полезнѣйшимъ для своего отечества. И ложь въ этой борьбѣ, и талантъ, положимъ, свой во многомъ изнасиловалъ, но каково самоотверженіе! Какъ ни озлобляетъ противъ Гоголя все, что намъ извѣстно изъ закулиснаго и даже кой-что изъ его печатнаго, а все-таки въ результатѣ это благородная и въ русскомъ мірѣ самая гуманная личность—надо желать, чтобъ по стопамъ его шли молодые писатели въ Россіи. А молодые-то наши писатели болѣе наклонны итти по стопамъ Авдѣева. Грустно! И нѣтъ человѣка во всей литературѣ, нѣтъ критика, который хоть немного растолковалъ [бы], куда ведетъ путь, проложенный Авдѣевымъ и т. под.

Прощай, некогда... На дняхъ Бёрнса тебѣ послалъ.— Твой Н. Некр.

[Приписка Василія Боткина:]

12 Августа. Утро.

Сію минуту получилъ твое письмо,—а черезъ $^1/_2$ часа я ѣду въ Нижній—слѣд[овательно,] комисій твоихъ выполнить я теперь не въ состояніи. Я ворочусь въ Москву къ 1-му Сентября—и тогда все исполню и чай вышлю. Если тебѣ время не терпитъ, то ради Бога извини меня— и потерпи; а теперь же притомъ и пробнаго чаю нѣтъ.

Я нѣсколько дней назадъ послалъ тебѣ письмо съ квитанціей Бѣлинской. Получилъ ли ты его?—Весь твой В. Б.

53.

[1857, 10 сентября].

Милый Тургеневъ. Жизнь моя въѣхала въ обыкновенную колею,—цѣлый день чѣмъ-нибудь полонъ—хандрить некогда. Журналистика однакожь мало меня занимаетъ, при теперешнихъ требованіяхъ я и не могу быть хорошимъ журналистомъ; однако, дѣлать что нибудь мнѣ необходимо; главнымъ образомъ изъ этого, признаюсь, вытекло мое намѣреніе, которое прочтешь въ прилагаемомъ письмѣ и которое, не сомнѣваюсь, одобришь. Дочери Бѣлинскаго уже 15 лѣтъ, у ней и у матери ничего нѣтъ, кромѣ скуднаго жалованья и твоей пенсіи; намъ такъ легко сдѣлать что нибудь для нихъ, что стыдно не сдѣлать. Я имѣю уже обѣщаніе нѣсколькихъ порядочныхъ людей дать статьи для сборника; къ остальнымъ разошлю на дняхъ приглашеніе. Если ты желаешь, то, для усиленія довѣрія въ литераторахъ и публикѣ къ предпріятію, можно присоединить твое имя; во всякомъ случаѣ я избираю тебя контролеромъ моимъ по этому дѣлу. Пиши мнѣ свое мнѣніе, увѣдомь Боткина (куда къ нему писать?), Васинька вѣрно напишетъ, скажи также Фету. Въ твоемъ содѣйствіи я не сомнѣваюсь. Знаешь ли, если книжка будетъ изрядная, то можно выручить въ приданное дѣвицѣ тысячъ десять серебромъ! Боюсь только, какъ бы не умереть, не сдѣлавши этого дѣла—тогда ты его докончишь, правда?—Я въ этомъ сборникѣ напечатаю извѣстную тебѣ мою поэму [1]). Я былъ у Вяземскаго—онъ меня увѣрялъ,

[1]) А какъ названіе? Еслибъ можно *Памяти Бѣлин.*, Собр. соч. р. п. и пр. [Замѣтка на полѣ письма. Некр.].

что 2-е изданіе моей книги будетъ позволено и что меня не будутъ притѣснять. Посмотримъ!

До насъ въ Парижѣ доходили слухи, что твои повѣсти тихо идутъ. Это пустяки—осталось отъ 3000 всего 300 экз.!

Коршъ разошелся съ Катковымъ и будетъ издавать свою газету еженед. *Атеней*. Чичеринъ и нѣкоторые другіе сотрудники Рус. В. переходятъ къ нему; вина размолвки, по общему отзыву, лежитъ на Катковѣ.

Нашъ добрый все также милъ и мнѣ удалось подмѣтить, что долгая разлука развила въ немъ что-то въ родѣ нѣжности къ тебѣ.

Не увидишь-ли Орлова? Поклонись и скажи, что я бы написалъ ему, да не знаю, куда. За свѣдѣнія, присланныя имъ мнѣ черезъ Эшмана, я ему въ поясъ кланяюсь. Это будетъ мнѣ очень полезно.

Изъ опасенія, чтобъ тебѣ не наняли сырую квартиру, мы съ Колбасинымъ рѣшились оставить за собою квартиру Панаева въ Конюшенной—550 р.

Будь здоровъ и пріѣзжай скорѣе.—Весь твой Некр.

10 сент. 1857 (утромъ снѣгъ). Спб.

Послѣдняя охота: утромъ 7 дупелей и коростель, вечеромъ 4 сѣр. куроп.—Сѣлъ на ноги!

---

10 сент. 1857.

Милостивый государь,

Нижеподписавшійся, лично обязанный весьма многимъ Бѣлинскому и убѣжденный, что никто изъ знавшихъ покойнаго не откажется доказать свою память о немъ чѣмъ возможно въ настоящее время, — предпринялъ изданіе сборника въ пользу семейства Бѣлинскаго и обращается

къ Вамъ съ просьбою прислать статью для означеннаго Сборника.

Въ составъ Сборника войдутъ—статьи ученыя и беллетристическія, стихотворенія и замѣтки о жизни и дѣятельности Бѣлинскаго. — Къ изданію будетъ приложенъ портретъ Бѣлинскаго, его факсимиле и снимокъ съ его почерка.

Всѣ деньги, которыя выручатся, за исключеніемъ необходимыхъ на печать, бумагу и переплетъ, будутъ предоставлены дочери Бѣлинскаго. По окончаніи о распродажѣ изданія участникамъ будетъ доставлено свѣдѣніе о расходахъ и вырученной суммѣ [1]).—Ник. Некрасовъ.

54.

25 дек. 1858. Спб. 1857?

Милый Тургеневъ. Авось ты не сердишься, что я не писалъ тебѣ столько времени. Начать писать къ тебѣ для меня значило бы вывести себя изъ усыпленія, въ которое мнѣ удалось погрузиться, по крайней мѣрѣ я этого боялся, поэтому же единственно не писалъ я и В. Боткину. Пьяницѣ лиха бѣда подойти къ бутылкѣ! О, Италія! ты чуть меня не погубила! Ты разбудила во мнѣ идеальныя требованія отъ жизни, отъ себя, отъ—. Совсѣмъ плохо приходилось. То ли дѣло здѣсь? Сплю и играю — и здоровѣю. Миръ вамъ, поздніе отзывы молодости! Благо вы заснули, спите же мертвымъ сномъ—никогда больше не поѣду въ Италію. Ты не сѣтуй на меня за бездѣйствіе: оно мнѣ физически полезно. Играю безъ страсти, оттого въ хорошемъ выигрышѣ.

[1]) Послѣднимъ срокомъ доставленія статей назначается — 1 янв. 1858 года; срокомъ выхода книги—конецъ февр. 1858. (Прим. Некр.).

Обнимаю тебя за повѣсть и за то, что она прелесть какъ хороша. Отъ нея вѣетъ душевной молодостью, вѣдь она— чистое золото поэзіи. Безъ натяжки пришлась эта прекрасная обстановка къ поэтическому сюжету и вышло что-то небывалое у насъ по красотѣ и чистотѣ. Даже Ч—скій въ *искреннемъ* восторгѣ отъ этой повѣсти. Замѣчаніе одно, лично мое, и то не важное: въ сценѣ свиданія . . . . . герой неожиданно выказалъ ненужную грубость натуры, которой отъ него не ждешь, разразившись упреками: ихъ бы надо смягчить и поубавить, я и хотѣлъ, да не посмѣлъ, тѣмъ болѣе, что Анн. противъ этого.

О журналѣ скажу, что серьезная часть въ немъ недурна и нравится, но съ повѣстями бѣда. Нѣтъ ихъ. Островскій послѣ долгаго бездѣйствія прислалъ слабую вещь, а Толстой такую, что пришлось ему ее возвратить! Подписка пошла было плохо; чтобъ поддержать ее, изобрѣли мы Историч. Библіотеку. Вслѣдъ затѣмъ открылась возможность перевесть *Дядю Тома*. Я рѣшился еще на чрезвычайный расходъ — выдаю этотъ романъ даромъ при 1-мъ №. Какъ скоро было это объявлено, подписка поднялась. Надо замѣтить, что это пришлось очень кстати: вопросъ этотъ у насъ теперь въ сильномъ ходу, относительно нашихъ домашнихъ негровъ. Долженъ я тебѣ сказать, что обязат. союзъ меня начинаетъ тяготить, связывая мнѣ руки: всякій чрезвычайный расходъ обращается въ выгоду обязательныхъ и въ неизбѣжный убытокъ мнѣ. А теперь эти чрезвычайные расходы неизбѣжны, и избѣгать ихъ— лучшій способъ зарѣзать журналъ. Рѣшаюсь ждать тебя и надѣюсь, что ты мнѣ поможешь устроить такъ, чтобъ журналъ не кувырнулся окончательно. Читай въ „Совр.“ критику, Библіогр., Совр. Обозр. Ты тамъ найдешь мѣ-

стами страницы умныя и даже блестящія: они принадлежатъ Добролюбову, человѣкъ очень даровитый.

„Русскій Вѣстн.“ продолжаетъ шумѣть, хотя менѣе. „От. Зап.“ продолжаютъ падать—все быстрѣе и быстрѣе—подписка на нихъ очень плоха. Дружининъ болѣнъ—онъ представляетъ нѣчто похожее на меня, года два тому назадъ. Очень его жаль.

Нашъ добрый здоровъ, но вотъ чудо! Изъ-за обѣда въ клубѣ онъ нынѣ постоянно выскакиваетъ послѣ третьяго блюда, желудокъ ему измѣнилъ.

Послѣ (вѣроятно, извѣстнаго тебѣ) указа о трехъ губерніяхъ, нѣтъ, говорятъ, сомнѣнія, что „Зап. Ох.“ будутъ дозволены. Послѣ новаго года, Щербатовъ обѣщалъ поднять вопросъ о нихъ. Кстати разскажу тебѣ быль, изъ коей ты усмотришь, что благонамѣренность всегда пожнетъ плоды свои. По возвр. изъ-за границы тиснулъ я *Тишину*, а спустя мѣсяцъ мнѣ объявлено было, чтобъ я представлялъ свою книгу на 2-е изданіе. Но я до сей поры этого не собрался сдѣлать, за недосугомъ.

Пожалуйста поцалуй за меня Боткина. Я ему хочу писать.—Весь твой Некрасовъ.

PS. Отнынѣ безъ твоего разрѣшенія конечно не буду печатать ничего твоего въ „Легк. Чт.“. Но „Помѣщ.“ [„Помѣщика“] ты мнѣ дозволилъ самъ, а что до „Провинціалки“, то ты одно время предоставлялъ мнѣ всѣ свои драм. соч., и вотъ почему я счелъ себя въ правѣ ее тиснуть. За каждую изъ твоихъ вещей, тиснутыхъ въ „Л. Ч.“, слѣдуетъ тебѣ по 300 р., которые ты можешь вытребовать, когда тебѣ угодно.

55.

17 марта [1858].

Тотчасъ по полученіи твоего письма, любезный Тургеневъ, высылаю тебѣ 2.500 фр. Счетъ твой сдѣлаемъ завтра и пришлемъ. *Асю* посылаю съ этой-же почтой. Я такъ, должно быть, опустился, что даже Вульфъ меня не слушается—я своеручно вырѣзалъ и далъ ему отправить полтора мѣсяца тому назадъ экз. *Аси*, но оказывается, что онъ этого не сдѣлалъ — и ссылается на то, что онъ отправилъ тебѣ 1-ую книжку „Соврем.“ и полагалъ, что Ася давно уже у тебя въ рукахъ. „Соврем.“ точно отправленъ къ тебѣ около 10-го января въ Римъ, и Богъ знаетъ, отчего ты его не получилъ.—На дняхъ выѣхалъ отсюда Анненковъ, сокрушавшійся, гдѣ-то онъ тебя отъищетъ; теперь ему дано знать о твоемъ маршрутѣ. Онъ, можетъ быть, тебя удержитъ еще на мѣсяцъ за границей, но ты хоть къ охотѣ да пріѣзжай непремѣнно. Очень пора.

О себѣ говорить не хочется, скажу только, что спокойствіе душевное и здоровье тѣлесное у меня одинаково ненадежны; въ сущности мнѣ было, есть и будетъ кисло; я не слишкомъ нравлюсь самому себѣ, а при постоянствѣ этого чувства хорошо не живется.—Дѣла идутъ недурно, карты я бросилъ (не проигравшись), подписка на „Современникъ“ обѣщаетъ быть сотни на двѣ на три лучше прошлогодней,—это значитъ, что „Современникъ“ въ слѣдующемъ году освободится отъ долговъ и будетъ приносить (при самыхъ широкихъ расходахъ) до 15/т. дохода. Пожалуйста не думай, что корыстные разсчеты побудили меня къ уничтоженію обяз. соглашенія. Правда, и денежныя соображенія тутъ были, но такія, пренебречь ко-

торыми было бы неблагоразумно для самого дѣла; ты это увидишь изъ посылаемаго при *Актѣ* обращенія къ обязательнымъ сотрудникамъ. Толстой и Григоровичъ признали его справедливымъ, отъ Островскаго не имѣю отвѣта, въ тебѣ я не сомнѣвался, ибо зналъ, что ты хлопоталъ не для себя, а для меня и „Современника". Время покажетъ, что я не изъ жадности такъ распорядился, а изъ того, чтобъ заставить обяз. сотр. работать — и себѣ развязать руки. Прощай, будь здоровъ. Я тебѣ еще напишу въ Вѣну, на дняхъ. — Некр.

56.

. [1858?].

Спѣшу тебѣ написать, что на предложеніе твое я согласенъ, даже съ радостію, ибо никогда не гнался за барышомъ отъ „Зап. Ох.", о чемъ и тебѣ говорилъ.

Итакъ, я отступаюсь отъ права на „Зап. Охот.", но если въ повѣсти до 10-ти листовъ, то ты долженъ получить больше, чѣмъ получилъ за „Зап. Ох.", именно по 200 р. за листъ—цѣна, за которую продалъ свой романъ Гончаровъ *для журнала.*

Будь здоровъ и пріѣзжай къ намъ поскорѣе. Здѣсь все еще продолжаются хлопоты о твоей квартирѣ, въ коихъ я и принимаю участіе. Квартиру ты будешь имѣть въ Б. Конюшенной. Весь твой—Н. Некр.

57.

Воротившись недавно, я нашелъ у себя на столѣ письмо, которое при семъ посылаю. Я охотился хорошо, однако еще не наохотился досыта. Думалъ застать здѣсь

дупелей, анъ нѣтъ — сегодня уже 27 августа — хоть бы одинъ дупель гдѣ показался. Видно, совсѣмъ не будетъ. Меня сильно разбираетъ еще пошляться прежде чѣмъ засяду на зиму — да не знаю куда кинуться. Напиши пожалуйста, пробудешь ли ты вальшнепное время у себя и около какого именно времени надо пріѣхать на вальшневовъ. Я бы пріѣхалъ. Ну, будь здоровъ. Твой—Некрасовъ.

27 авг. 1858. Спб.

58.

[1858].

Я получилъ твое письмо и очень обрадовался тому, что ты работаешь. А я, грѣшный человѣкъ, подозрѣвалъ, что ты ничего не дѣлаешь, подобно мнѣ безпутному. Впрочемъ, я лѣтомъ немного написалъ, но поощренія со стороны ценсуры не встрѣтилъ.

На дняхъ я обѣдалъ съ недавно вернувшимися изъ-за границы Боткинымъ и Анненковымъ — новаго отъ нихъ ничего не узналъ, да и имъ не сообщилъ. Кажется, и точно ничего нѣтъ новаго на свѣтѣ и отнынѣ не будетъ.

Воротился еще Дружининъ — онъ нѣсколько поправился, брюшко опять наклевывается.

Елисей Колбасинъ не ѣдетъ—и не имѣется отъ него никакихъ извѣстій.

Милый Полонскій въ Петербургѣ — съ женой. Онъ зацѣпилъ ее въ Парижѣ,—прекрасное энергическое существо, судя по лицу. Полонскій, сватаясь, спрашивалъ ее, въ состояніи ли она будетъ жить на чердакѣ и питаться однимъ хлѣбомъ. Она отвѣчала: въ состояніи—и вѣрно не солгала. Въ настоящее время Полонскій готовится быть редакторомъ Кушелевскаго журнала, — журнала безъ со-

трудниковъ, безъ матеріаловъ и безъ денегъ. Послѣднее всего страннѣе, но *вѣрно*. Такъ Кушелевъ хотѣлъ купить романъ Гончарова, но скромный нашъ капиталистъ Краевскій внесъ наличныя деньги, и романъ остался за нимъ.

Кстати — романъ этотъ проданъ за адскую сумму 7-мь т. отъ Краевскаго за помѣщеніе въ журналѣ и 3 за отдѣльное изданіе,—всего 10-ть! Пишу объ этомъ для того, чтобъ сказать между прочимъ, что если ты будешь столь многомилостивъ, что отдашь намъ свое новое произведеніе, то назначеніе цѣны будетъ зависѣть отъ тебя.— Деньги у насъ есть, и во всякомъ случаѣ ты долженъ получить съ листа не менѣе Гончаровскаго, даже бы надо прибавить, принимая въ соображеніе, что ты не занимаешь должности, которая едва ли можетъ усилить интересъ романа въ глазахъ публики. Такъ, прелестнѣйшій обѣдъ въ тюремномъ замкѣ, я думаю, долженъ нѣсколько потерять. Сказать между нами, это была одна изъ главныхъ причинъ, почему я не гнался за этимъ романомъ, да и вообще молодому поколѣнію не много можетъ дать Гончаровъ, хоть и не сомнѣваюсь, что романъ будетъ хорошъ. Не нужно-ли тебѣ денегъ,—я наигралъ въ послѣднюю недѣлю тысячи четыре и половину могъ бы тебѣ дать.

Играю я впрочемъ мало, т.-е стараюсь возвращаться домой къ 12-ти часамъ—и не всякій день ѣзжу.

Журналъ нашъ идетъ относительно подписки отлично— во весь годъ подписка продолжалась, и мы теперь имѣемъ до 4.700 подп. Думаю, что много въ этомъ „Современникъ“ обязанъ Ч—скому. *Валленрода* я тиснулъ, соблазнившись открывшеюся возможностію печатать Мицкевича, а переводъ дубовый—точно. Но *Мазепу* хвалятъ, по крайней мѣрѣ русскій стихъ хорошъ.

Послѣдними книжками „С.“, 9 и 10, надѣюсь, ты будешь доволенъ.

Прощай. Будь здоровъ и, окончивъ повѣсть, пріѣзжай къ намъ. Мнѣ кажется, съ твоимъ пріѣздомъ я брошу подлыя карты, которыя губятъ мое здоровье. Весь твой— Некрасовъ.

59.

[1861].

Любезный Тургеневъ, желаніе услышать отъ тебя слово, писать къ тебѣ, у меня наконецъ дошло до тоски. Сначала я не писалъ потому, что не хотѣлось; потомъ потому, что думалъ, что ты сердишься; потомъ потому, чтобъ ты не принялъ моего писанія за желаніе навязываться на дружбу и т. д. Нѣтъ, ты этого не бойся—эти времена прошли, но все-таки выяснить дѣло не худо, чтобъ я могъ считать его порѣшеннымъ, а то мнѣ тысячу разъ ты приходилъ въ голову и всякій разъ неловкость положенія останавливала меня отъ писанія къ тебѣ. Передъ отъѣздомъ ты не нашелъ времени заѣхать ко мнѣ; сначала я приписалъ это случайности, а потомъ пришло въ голову, что ты сердишься. За что? Я никогда ничего не имѣлъ противъ тебя, не имѣю и не могу имѣть, развѣ припомнить то, что нѣкогда любовь моя къ тебѣ доходила до того, что я злился и былъ съ тобою грубъ. Это было очень давно и ты, кажется, понялъ это. Не могу думать, чтобъ ты сердился *на меня* за то, что въ „Современникѣ“ появлялись вещи, которыя могли тебѣ не нравиться. То-есть не то, что относится такъ лично къ тебѣ—увѣренъ, что тебя не развели бы съ „Соврем.“ и вещи болѣе рѣзкія о *тебѣ собственно*. Но ты могъ разсердиться за пріятелей

и, можетъ быть, иногда за принципъ — и это чувство, скажу откровенно, могло быть нѣсколько поддержано и усилено иными изъ друзей,— чтожь, ты, можетъ быть, и правъ. Но я тутъ не виноватъ; поставь себя на мое мѣсто, ты увидишь, что съ такими людьми, какъ Черн. и Добр. (людьми честными и самостоятельными, что бы ты ни думалъ и какъ бы сами они иногда ни промахивались)— самъ бы ты также дѣйствовалъ, т.-е. давалъ бы имъ свободу высказываться на ихъ собственный страхъ. Итакъ, мнѣ думается, что и не за это ты отвернулся отъ меня. Прошу тебя думать, что въ сію минуту хлопочу не о „Соврем.“ и не изъ желанія достать для него твою повѣсть—это, какъ ты хочешь—я хочу нѣкотораго свѣта относительно самого себя, и повторяю, что это письмо вынуждено неотступностью мысли о тебѣ. Это тебя насмѣшитъ, но ты мнѣ въ послѣднія нѣсколько ночей снишься во снѣ.

Чтобъ не ставить тебя въ неловкое положеніе, я предлагаю вотъ что: если я черезъ мѣсяцъ отъ этого письма не получу отъ тебя отвѣта, — то буду знать, что думать.

Будь здоровъ.—Твой Некрасовъ.

15 января 1861. Спб.

60.

[1861].

Любезный Тургеневъ, я долго не писалъ тебѣ отвѣта, это оттого, что написалъ было, да слишкомъ много, взяло раздумье, изорвалъ. „Не нужно придавать ничему большой важности“—ты правъ. Я на этомъ останавливаюсь, оставаясь по прежнему любящимъ тебя человѣкомъ, благо-

дарнымъ тебѣ за многое. Само собою разумѣется, что это ни къ чему тебя не обязываетъ. Будь здоровъ. Пред. тебѣ— Н. Некр.

5 апрѣля.

PS. Не попадешь ли въ Лондонъ, или нѣтъ ли въ Парижѣ готоваго ружья Ланкастера или Пёрдей, заряжаемаго сзади по новой системѣ. Если есть, я бы сейчасъ выслалъ тебѣ деньги, а дать знать можешь по телеграфу. Въ цѣнѣ можешь итти до 500 р. сер. Калиберъ побольше (12-й), тяжесть, длина ложи — все это такое, какое нужно для тебя самого. При этихъ ружьяхъ даютъ все, что нужно для дѣланія патроновъ. Если не полѣнишься исполнить эту просьбу, то очень обяжешь.

У насъ теперь время любопытное—но самое дѣло и вся судьба его впереди.

Обрати въ „Совр.“ вниманіе на романъ Потанина, прошу тебя объ этомъ, и на повѣсть Помяловскаго.

Писем. написалъ въ „Б. д. Ч.“ ужасную гадость, которая кабы касалась меня одного, такъ ничего бы. Объясняй и это какъ хочешь, но я и эту исторію оставилъ безъ послѣдствій. По моему всякая исторія, увеличивающая гласность дѣла, гдѣ замѣшана женщина, глупа и безсовѣстна. Но не всегда впрочемъ человѣкъ можетъ разсуждать такъ хладнокровно, и если онъ повторитъ что-нибудь подобное, не знаю, что будетъ. Я хотѣлъ сообщить это ему, но давать въ руки этого человѣка документъ, касающійся не меня одного, дѣло рискованное. Вотъ тебѣ наши литературныя новости. Изорви это письмо.

[При напечатаніи этого письма въ первый разъ я было поставилъ его, по предположенію, подъ 1858 годомъ (В. Е. 1903, дек., стр. 640); но Г. М. Малышенко обратилъ мое вниманіе на то, что упоминаемые здѣсь романъ Потанина и повѣсть Помяловскаго напечатаны были въ „Современникѣ“ 1861, № 2,—такъ что настоящее письмо можетъ представляться послѣднимъ...].

[illegible]ВОРЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

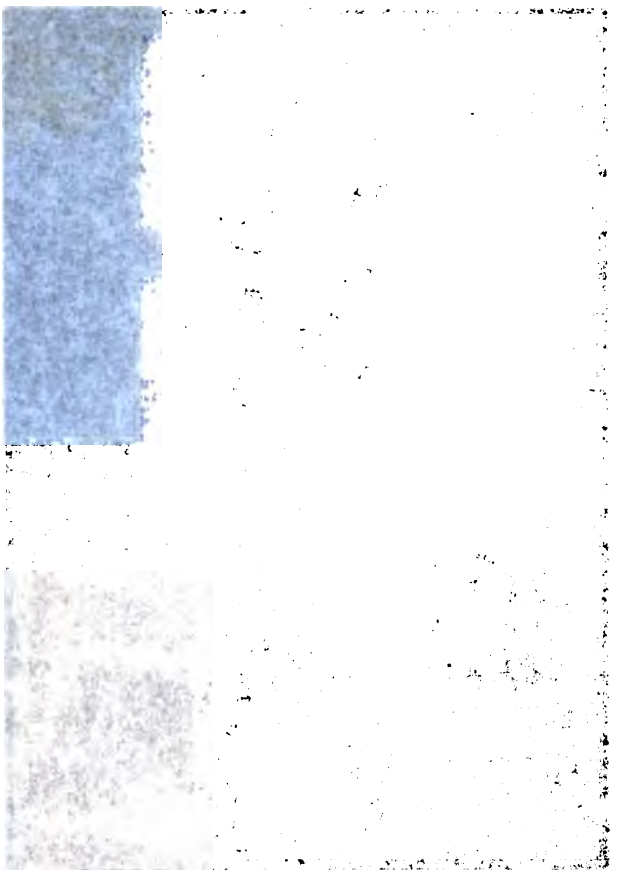
[illegible] смерти Некрасова, біографы, [illegible] [illegible]ческую дѣятельность, между прочимъ [illegible] [illegible] на самыхъ раннихъ его литературныхъ [illegible] [illegible] библіографическихъ подробностей разсказывали [illegible] когда были напечатаны его первыя стихотворенія [illegible] приводили въ извѣстность литературу о Некра[illegible]. Когда справлялись, въ 1893, юбилейныя по[illegible] Некрасовѣ, это опять вызвало [illegible] за пер[illegible] если не литературными, то книжными работами [illegible]а, къ которымъ онъ обратился какъ скудному [illegible] существованія по пріѣздѣ въ Петербургъ и послѣ [illegible] попытокъ продолжить свое образованіе въ уни[illegible] [2]). Наиболѣе обстоятеленъ, по этому [illegible]

---

[1]) [illegible]кова была, напримѣръ, книжка, собранная А. Голубевымъ: „Ник. Некрасовъ". Спб. 1879.

[illegible] стихотворенія Н. А. Некрасова. Посмертное изданіе, четыре тома. [illegible] 1879. Біографія, составленная А. М. Скабичевскимъ [illegible] была напеча[illegible] первоначально въ „Отечеств. Запискахъ" (1878, [illegible]), [illegible] для этого [illegible]ія исправлена и дополнена.

[2]) „Литературный Архивъ", г. Карпова. Спб. 1902 [illegible] [illegible]ческихъ разысканій и замѣтокъ въ „Литературном [illegible] [illegible]щенка; коллекція юбилейной Некрасовской [illegible] [illegible]лѣ, 1903.



ОБЗОРЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

По смерти Некрасова, біографы, излагая его жизнь и поэтическую дѣятельность, между прочимъ останавливались и на самыхъ раннихъ его литературныхъ трудахъ; любители библіографическихъ подробностей разсказывали, гдѣ и когда были напечатаны его первыя стихотворенія и статьи, приводили въ извѣстность литературу о Некрасовѣ [1]). Когда справлялись, въ 1893, юбилейныя поминки о Некрасовѣ, это опять вызвало поиски за первыми—если не литературными, то книжными работами Некрасова, къ которымъ онъ обратился какъ скудному средству существованія по пріѣздѣ въ Петербургъ и послѣ неудачныхъ попытокъ продолжить свое образованіе въ университетѣ [2]). Наиболѣе обстоятеленъ, по этому предмету,

[1]) Такова была, напримѣръ, книжка, собранная А. Голубевымъ: „Ник. Ал. Некрасовъ". Спб. 1878.

— Стихотворенія Н. А. Некрасова. Посмертное изданіе, четыре тома. Спб. 1879. Біографія, составленная А. М. Скабичевскимъ, была напечатана первоначально въ „Отечеств. Запискахъ" (1878, май), но для этого изданія исправлена и дополнена.

[2]) „Литературный Архивъ", г. Картавова. Спб. 1902; рядъ библіографическихъ разысканій и замѣтокъ въ „Литературномъ Вѣстникѣ", 1903, г. Лященка; коллекція юбилейной Некрасовской выставки въ Ярославлѣ, 1903.

остается до сихъ поръ трудъ В. П. Горленка о литературныхъ начинаніяхъ Некрасова [1]).

Самъ Некрасовъ впослѣдствіи никогда не хотѣлъ повторить изданіемъ свои „Мечты и звуки“,—какъ вообще писатели, достигшіе прочнаго развитія своихъ силъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и славы, не любятъ вспоминать своихъ юношескихъ опытовъ (Гоголь, Тургеневъ и т. д.),—и въ этомъ они были обыкновенно правы: въ первыхъ опытахъ имъ бросались въ глаза, какъ бросились бы теперь и другимъ, крупные недостатки,—неясность мысли и настроенія, неловкость формы,—которыми имъ не хотѣлось бы нарушать гармоніи своихъ зрѣлыхъ произведеній. Бѣлинскій нѣкогда негодовалъ на тѣ посмертныя „полныя“ собранія, гдѣ издатели старались собирать все, что̀ когда-нибудь, и въ самой ранней юности, было написано знаменитымъ (впослѣдствіи) писателемъ и что̀, по мнѣнію Бѣлинскаго, было только неумѣстнымъ хламомъ въ изданіи, гдѣ должно быть собрано только художественно цѣнное и любопытное. Но „потомство“ думаетъ обыкновенно иначе,—и особенно теперь больше, чѣмъ когда-нибудь, распространено мнѣніе, что намъ „драгоцѣнна каждая строка“ великаго писателя. Бывало, и бываетъ, что собиратели „драгоцѣнныхъ строкъ“ ведутъ слишкомъ далеко свое усердіе, и иное можно было бы просто сберегать какъ реликвію въ общественной библіотекѣ и музеѣ; но въ этомъ стараніи собирать сколько можно о писателѣ всякія подробности и даже незначительныя мелочи бываетъ

[1]) „Литературные дебюты Некрасова. Библіографическіе матеріалы“ въ „Отеч. Запискахъ“ 1878, № 12, стр. 149—165. Повторено въ большомъ изданіи Некрасова 1879, т. IV. Далѣе—нѣкоторыя поправки къ этому разысканію.

свое основаніе—всего чаще недостаточность біографическихъ данныхъ. Сами по себѣ, эти находки иногда не заключаютъ въ себѣ ничего художественно-интереснаго; но въ нихъ встрѣчается иногда немалый интересъ матеріала біографическаго.

Не будемъ повторять того, что собрано упомянутыми библіографами—какіе именно первые стихи, небольшіе разсказы, театральныя и иныя рецензіи, водевили, юмористическіе альманахи и пр. печатались Некрасовымъ въ журналахъ конца 1830-хъ и начала 1840-хъ годовъ, или отдѣльными книжками; но эти мелкія работы въ разныхъ отношеніяхъ любопытны. Во-первыхъ, онѣ могутъ служить иллюстраціей къ его тогдашнему матеріальному „быту“. Какъ извѣстно, Некрасову съ давнихъ поръ и до конца его жизни, и въ „потомствѣ“, привелось имѣть очень много враговъ, и враговъ упорныхъ. Некрасовъ въ своихъ стихахъ не однажды говорилъ о тяжкихъ испытаніяхъ и бѣдствіяхъ, перенесенныхъ имъ въ юности. Враги его, отвергая и унижая его поэзію, обвиняя его въ „фальши“, между прочимъ и эти показанія о тяжело проведенной юности подвергали иногда сомнѣнію, что-де его положеніе тогда не было такъ дурно, какъ онъ хотѣлъ увѣрить, что у него были свои заработки, и т. п. Были, однако, современники, которые знали этотъ періодъ жизни Некрасова и оставили о томъ свои свидѣтельства, какъ, напр., Григоровичъ; а затѣмъ, наличность мелкихъ литературныхъ работъ Некрасова за это время,—когда гонораръ былъ вообще очень умѣренный, а для отдѣльныхъ книжекъ Некрасова издателемъ былъ мелкій книго продавецъ-аферистъ,—наличность этихъ „трудовъ“ сама свидѣтельствуетъ, что его заработокъ не могъ быть сколько-

нибудь значителенъ. Разсказы Григоровича о тогдашней жизни Некрасова, и то, что̀ намъ случалось слышать отъ него самого, совершенно подтверждаютъ тотъ способъ выраженія, въ какомъ Некрасовъ вспоминалъ о своей молодости, въ стихахъ. „Петербургскіе углы“, которымъ онъ посвятилъ одинъ разсказъ въ „Физіологіи Петербурга“ (1845), очевидно, были ему извѣстны по собственному опыту; какъ и написанный раньше разсказъ: „Безъ вѣсти пропавшій піита“, съ подобными чертами жизни пролетарія, —по свидѣтельству Ѳ. А. Кони, который близко зналъ тогда положеніе Некрасова,—несомнѣнно имѣлъ подробности автобіографическія [1]).

---

[1]) Разысканія библіографовъ о первыхъ трудахъ Некрасова въ его ранней молодости безъ сомнѣнія весьма цѣнны, но онѣ еще нуждаются въ большей точности и провѣркѣ. Напримѣръ, г. Горленко (въ „Отеч. Зап.“ 1878, и въ большомъ изданіи Некрасова, 1879, т. IV, стр. CLXII, CLXVII) съ увѣренностью, на основаніи словъ Ѳ. А. Кони, приписываетъ Некрасову книжку „Дѣдушка Крыловъ“, 1845,—между тѣмъ мы читаемъ въ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“ Д. В. Григоровича (Полное собраніе сочиненій, изд. Маркса, т. XII. Спб. 1896, стр. 268) совсѣмъ иной и совершенно опредѣленный разсказъ:

Однажды—„утромъ, зимою, раздался сильный стукъ въ мою дверь; отворивъ ее, я увидѣлъ Некрасова съ толстою книжкой въ рукахъ“...

(Надо вспомнить, что Григоровичъ и Некрасовъ, оба очень молодые люди, были тогда въ весьма дружескихъ отношеніяхъ и иногда вмѣстѣ дѣлали свои „литературные дебюты“).

„—Григоровичъ,—сказалъ онъ, спѣшно входя въ комнату,—вчера умеръ нашъ знаменитый баснописецъ Крыловъ... Я принесъ вамъ сочиненіе Бантышъ-Каменскаго, матеріалы для біографіи Крылова: садитесь и пишите его біографію, но не теряйте минуты... Я уже прежде, чѣмъ быть у васъ, заѣхалъ въ литографію и заказалъ его портретъ.

„Дѣдушка Крыловъ,—продолжаетъ Григоровичъ,—книжка, написанная *мною* въ десять дней, немногимъ отличалась въ литературномъ отношеніи отъ предшествовавшихъ „Первое апрѣля“ и „Полька въ Петербургѣ“.

„Всѣ эти мелкія, плохія книжонки сбывались Некрасовымъ книгопродавцу Полякову, издававшему ихъ почти лубочнымъ образомъ, но умѣвшему сбывать ихъ съ замѣчательною ловкостью“...

Съ другой стороны эти первыя работы любопытны какъ образчикъ того, какъ складывалась тогдашняя литературная манера Некрасова, державшаяся долго и отчасти уцѣлѣвшая до послѣднихъ его годовъ.

Образованіе Некрасова было очень скудное. Онъ это очень ясно сознавалъ, и когда неудалось поступленіе въ университетъ, ему оставалось учиться чтеніемъ, и онъ съ жадностью читалъ; біографъ замѣчаетъ, что между прочимъ онъ особенно любилъ европейскихъ классиковъ, которыхъ читалъ, конечно, въ переводахъ, и едвали сомнительно, что здѣсь особенно положена была основа того замѣчательно тонкаго художественнаго вкуса, какимъ онъ послѣ отличался; въ русской литературѣ несомнѣнно онъ съ первыхъ сороковыхъ годовъ учился на Бѣлинскомъ, котораго,—какъ мы видѣли раньше,—Некрасовъ умѣлъ впослѣдствіи понимать серьезнѣе, чѣмъ понимали гораздо болѣе образованные его друзья въ кружкѣ „Современника“.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ Некрасовъ попалъ въ журнальный кругъ средняго уровня; но въ „Пантеонѣ“, „Литературной Газетѣ“ онъ встрѣчалъ людей умныхъ и образованныхъ, какъ Ѳ. А. Кони, который имъ заинтересовался и въ первое время руководилъ отчасти его работами. Собственныя небольшія работы Некрасова складывались съ тѣмъ содержаніемъ и манерою, какія были въ ходу въ этомъ среднемъ уровнѣ литературы; подвижной умъ, различно направлявшіеся интересы молодого человѣка, живость и находчивость, дѣлали его и разсказчикомъ, и рецензентомъ, и водевилистомъ, и вездѣ не безъ удачи. Его пьесы имѣли успѣхъ; уже вскорѣ его разсказы находили мѣсто въ серьезномъ журналѣ, какъ

„Отечественныя Записки"; здѣсь же его рецензіи (къ сожалѣнію, ихъ нелегко теперь выдѣлить) обратили на себя вниманіе Бѣлинскаго.

Замѣтимъ, что если, какъ находятъ собиратели первыхъ работъ Некрасова [1]), въ этихъ начинаніяхъ неопытнаго юноши бывало иногда явное и натянутое подражаніе (именно въ первыхъ разсказахъ), то, съ другой стороны, уже здѣсь была извѣстная доля оригинальности, которая принадлежала собственному характеру писателя, а также цѣлому характеру литературной эпохи. Не трудно видѣть, что складъ его разсказовъ образовался подъ тѣми вліяніями Гоголя, которыя породили такъ называемую тогда „натуральную школу". У противниковъ Гоголя, это названіе стало однозначительно съ бранью, но въ немъ все-таки осталось указаніе на желаніе изображать именно живую, а не мнимую и дѣланную дѣйствительность. Натуральная школа не задавалась широкими задачами, не имѣла притязаній на романъ и довольствовалась жанромъ. И Некрасовъ не сдѣлалъ здѣсь ничего крупнаго; но самый жанръ въ то время получилъ высокую художественную цѣнность—ему принадлежатъ „Записки Охотника" Тургенева, въ нашей живописи ему служилъ Ѳедотовъ; въ поэзіи сюда принадлежали вскорѣ потомъ у Некрасова многія изображенія крестьянскаго быта... Эта наклонность къ реально-правдивому содержанію (то, что̀ уже Бѣлинскій называлъ „дѣльностію" и одобрялъ) составляла одну изъ основныхъ особенностей въ литературномъ дарованіи Некрасова и не была она случайностью, навѣянной временемъ. Точно также, постоянной чертой была та шут-

[1]) В. П. Горленко.

ливая, комическая сторона его стихотворства, которая въ первое время, въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ, сказалась въ его охотѣ къ водевилю и водевильному куплету, въ охотѣ къ шуточному, почти шутовскому разсказу, въ родѣ разсказа „Необыкновенный завтракъ“ [1]), „Новоизобрѣтенная привиллегированная краска Дирлинга и К⁰“ [2]): это опять жанровыя картинки нравовъ. Сборникъ, изданный имъ подъ заглавіемъ „Физіологія Петербурга“, 1845, состоялъ изъ такихъ нравоописательныхъ разсказовъ. „Петербургскій Сборникъ“, 1846, былъ уже какъ бы приготовленіемъ къ изданію „Современника“.

Характеръ журнала сложился вполнѣ по вкусу и взгляду Некрасова. Общій типъ журнала уже былъ тогда выработанъ: со временъ „Телеграфа“ Полевого, „Телескопа“ Надеждина, „Московскаго Наблюдателя“ до „Отечественныхъ Записокъ“, для журнала была обязательна программа, гдѣ были бы отдѣлы „изящной словесности“, наукъ, критики, библіографіи, наконецъ „смѣси“. Такъ было и въ „Современникѣ“, но преобразованный послѣ издательства Плетнева журналъ все-таки явился новостью— во-первыхъ, по изящной внѣшности, во-вторыхъ по содержанію. Здѣсь, хотя и недолго, дѣйствовалъ еще Бѣлинскій; а затѣмъ, по его смерти „Современникъ“ продолжалъ оставаться лучшимъ литературнымъ журналомъ по характеру редакціи, о чемъ мы говорили уже раньше. Это былъ литературный кружокъ, гдѣ собрались лучшіе таланты того времени, гдѣ они чувствовали себя въ своей средѣ, гдѣ находили они и веселую дружескую бесѣду и гдѣ могли также обмѣняться мыслями по серьезнымъ

[1]) „Отеч. Записки“ 1843.
[2]) „Современникъ“ 1850.

интересамъ своей литературной работы. Вообще жилось и работалось дружно, и безъ сомнѣнія главная редакціонная заслуга принадлежала Некрасову.

Вообще поднять журналъ было нелегко, и съ внѣшней матеріальной стороны, и по существу дѣла. Чтобы поставить журналъ, обезпечить его движеніе, когда онъ самъ еще не могъ окупать себя, нужны были значительныя средства, а ихъ не было, и журналъ былъ начатъ на занятыя деньги; „Современникъ“ не скоро могъ расквитаться съ этимъ долгомъ. Некрасовъ, который еще раньше затѣвалъ небольшія издательскія предпріятія, и здѣсь показалъ свою практическую находчивость, и эта забота лежала исключительно на немъ. Ближайшіе друзья знали это положеніе вещей, и Некрасовъ (какъ мы видѣли это въ письмахъ къ Тургеневу) говорилъ имъ прямо, когда онъ былъ стѣсненъ въ средствахъ, но говорилъ прямо, когда его дѣла поправлялись, самъ предлагалъ деньги и увеличивалъ цифру гонорара: отношеніе было очень дружеское и не мелочное.

Какъ обыкновенно въ тѣ времена (да и донынѣ), другой крупной внѣшней заботой были хлопоты съ цензурой. Когда начинался журналъ, время было въ этомъ отношеніи очень безпокойное. Не будемъ разсказывать подробностей, потому что эта сторона существованія нашей литературы нашла въ послѣднее время цѣлый рядъ спеціальныхъ историковъ, къ которымъ и можемъ обратить читателя [1]): довольно сказать, что цензура была постояннымъ Дамокловымъ мечомъ, въ концѣ концовъ привычнымъ,—и Некрасовъ не однажды въ своихъ стихахъ го-

[1]) Книги и статьи гг. Скабичевскаго, Энгельгардта, Лемке; длинный рядъ статей въ „Р. Старинѣ“ 1901—1903.

ворилъ объ этомъ, иногда подшучивалъ, по старой манерѣ, и надъ писателемъ, угнетаемымъ цензурой, и надъ самимъ угнетающимъ цензоромъ. Бывали, впрочемъ, случаи, когда обоимъ было не до шутокъ.

По литературному содержанію „Современникъ“ былъ лучшимъ журналомъ того времени. Въ дружескомъ кружкѣ редакціи собрались и давали журналу свои труды самые сильные таланты,—какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Дружининъ, нѣсколько позднѣе гр. Л. Н. Толстой; изъ поэтовъ—Фетъ, Полонскій, Алексѣй Жемчужниковъ, наконецъ самъ Некрасовъ; въ пятидесятыхъ годахъ, какъ скажемъ далѣе, Некрасову посчастливилось издать, въ видѣ особаго приложенія къ журналу, цѣлый сборникъ стихотвореній Тютчева. Это было первое изданіе произведеній Тютчева, долго единственное. Наконецъ являлись здѣсь труды В. Боткина, очерки изъ иностранной литературы Дружинина; научныя статьи Кавелина, Соловьева, Грановскаго, Аѳанасьева, Ѳ. Корша, Владимира Милютина; провинціальныя письма Анненкова, и др. Большое вниманіе было направлено особенно на отдѣлъ литературный, и въ журналѣ всегда было обиліе беллетристики, русской и переводной: беллетристика являлась не только въ своемъ спеціальномъ отдѣлѣ, но также въ отдѣлѣ „смѣси“...

Но русскаго беллетристическаго матеріала бывало иногда недостаточно; не однажды цензура ставила журналъ въ безвыходное положеніе — на это иногда жаловался Некрасовъ въ письмахъ Тургеневу, — и это было для Некрасова однимъ изъ главныхъ побужденій предпринять, вмѣстѣ съ Станицкимъ, сочиненіе большихъ романовъ: „Три страны свѣта“ (1849) и „Мертвое озеро“

(1851). Первой цѣлью было дать занимательное чтеніе, которое, въ нравоописательномъ разсказѣ, должно было, по убѣжденію Некрасова, давать обществу и извѣстное поученіе—изображеніями дѣйствительной жизни.—Общій планъ и тонъ этихъ романовъ былъ данъ, конечно, Некрасовымъ [1]).

Оба романа производятъ теперь впечатлѣніе чего-то чрезвычайно старомоднаго. Современная критика,—а это была критика другихъ журналовъ, обыкновенно весьма враждебныхъ къ „Современнику", какъ сильному сопернику,—эта критика не преминула отмѣтить слабыя стороны этихъ произведеній, и отмѣтить правильно. Дѣйствительно, здѣсь не могло быть рѣчи о серьезной художественной задачѣ: романъ, писанный вдвоемъ, напоминалъ тѣ французскіе романы, писанные вдвоемъ (напр. Маке́ и Дюма), которые разсчитывались не на тонкихъ знатоковъ, а на массу искавшую чтенія и въ своихъ вкусахъ не весьма требовательную. Чтеніе было довольно занимательное: это были нравоописательные романы съ приключеніями, съ запутанными исторіями, эффектными сценами и развязками; критика указывала на подражаніе Диккенсу, Евгенію Сю даже Виктору Гюго, — хотя, говоря по справедливости подражаніе заключалось не въ повтореніи сюжетовъ характеровъ, а главнымъ образомъ только въ типѣ романа, который давалъ бы не картину одного даннаго положенія, а изображеніе цѣлыхъ біографическихъ исторій въ сложныхъ сплетеніяхъ общественной жизни..

---

[1]) Въ какихъ условіяхъ писались романы, объ этомъ очень обстоятельно разсказано въ воспоминаніяхъ А. Я. Панаевой (1890), стр. 197—204. Какъ разъ въ это время начиналось „дѣло Петрашевскаго", и сама цензура была въ переполохѣ.

Одинъ изъ біографовъ Некрасова правильно объяснилъ, что въ изображеніи главнаго героя въ романѣ „Три страны свѣта“ отразилось одно изъ тогдашнихъ движеній въ передовомъ русскомъ обществѣ. Одни, самые крайніе мечтатели, увлекались соціализмомъ: но это было нѣчто слишкомъ теоретическое, или даже фантастическое, что́ могло бы быть развѣ только отдаленнымъ призракомъ общественнаго благополучія. Но на другой сторонѣ стояла отталкивающая дѣйствительность крѣпостного права. „Съ [illegible] днемъ патріархально-крѣпостной складъ жизни все болѣе невыносимымъ. Въ оппозицію [illegible]спущенности нравовъ, у насъ явились новые [illegible]деалы бережливости, скопидомства, семейной [illegible]аживы путемъ индивидуальнаго труда или [illegible]ышленности. Въ русскомъ обществѣ подоб- [illegible]развились тѣмъ быстрѣе, что передъ нашими [illegible] уже готовый образецъ ихъ на Западѣ, гдѣ буржуазный строй достигъ апогея своего и поражалъ насъ своими успѣхами промыш- [illegible]едставляя бросающуюся въ глаза противопо- сонною неподвижностью и апатіею помѣ- [illegible]ии, день ото дня клонившейся къ полному [illegible]ъ силу этого въ литературѣ нашей и начали [illegible]ипы практическихъ Адуевыхъ, энергическихъ предпріимчивыхъ помѣщиковъ и купцовъ на [illegible]ійскихъ пропріетеровъ и негоціантовъ — въ [illegible]кность изнѣженнымъ, распущеннымъ, непрак- [illegible] лѣниво-соннымъ обитателямъ Обломовокъ“... „Романъ („Три страны свѣта“), въ цѣломъ своемъ составѣ, представляетъ собою не что иное, какъ апоѳеозъ честной наживы путемъ энергической, практической пред-

пріимчивости... На первыхъ же страницахъ этого романа рисуется передъ нами герой его Каютинъ въ видѣ интеллигентнаго пролетарія, въ образѣ котораго Некрасовъ вспоминаетъ свою молодость“ [1]).

Неточно, однако, сказать, чтобы имѣлся въ виду только „апоѳеозъ наживы“, хотя бы и честной, но „наживы“. Цѣлью была не нажива, а обезпеченіе семьи; а второю цѣлью былъ отказъ отъ обычнаго тогдашняго способа дворянскаго благополучія—закупанія деревень и крѣпостного труда; наконецъ, апоѳеозъ,—если ужъ говорить объ апоѳеозѣ,—личнаго труда, въ которомъ не было уже ничего лѣниво-барскаго и который, напротивъ, соединенъ былъ со всякими невзгодами и даже съ опасностью жизни. Самый трудъ указывался на почвѣ такъ называемыхъ „неизвѣданныхъ“ богатствъ, которыя въ дѣйствительности или лежали втунѣ, или разработывались грубымъ и хищническимъ образомъ,—и эти богатства предлагалось извѣдать. Далѣе, для разумнаго, болѣе или менѣе просвѣщеннаго и энергическаго человѣка молодыхъ поколѣній рекомендовался трудъ, при исполненіи котораго было бы необходимо знакомство съ обширными пространствами „отечества“, — которому, конечно, должно было быть не одной книжной отвлеченностью или школьной фразой, а живымъ представленіемъ для человѣка, желающаго сознательной дѣятельности личной и сознательной жизни самого общества. Естественно, что въ странствіяхъ по

---

[1]) Отъ одного свидѣтеля той поры жизни Некрасова мы слышали, что въ описаніи жизни Каютина въ Петербургѣ до начала его дѣловыхъ аферъ и приключеній (напр. даже въ описаніи его квартирнаго хозяина Доможирова) прямо передаются черты автобіографическія, т.-е. самимъ Некрасовымъ видѣнныя и испытанныя.

„тремъ странамъ свѣта“ герою романа неизбѣжно было встрѣтиться и съ „народомъ“.

Дѣйствительно, въ торговыхъ и промышленныхъ приключеніяхъ Каютина выходятъ на сцену и люди изъ народа, смѣтливые рабочіе и кущы, мореходы на Ледовитомъ океанѣ, отважные до геройства, выносливые промышленники и т. д. Это были люди изъ народа, способные внушать удивленіе. Герой романа и вынесъ изъ встрѣчи съ ними это удивленіе...

Эта черта опять любопытна. Тридцатые и сороковые годы поставили вопросъ о „народности“. Она была включена въ патріотическій символъ гр. Уварова; она стала предметомъ философскихъ истолкованій; различное пониманіе ея стало поводомъ къ раздору западниковъ и славянофиловъ; она стала предметомъ изученій этнографическихъ; со времени Пушкина вошла она какъ литературный элементъ въ русскую поэзію; въ разсказахъ Даля народные типы пролагаютъ себѣ путь въ повѣсть и разсказъ,—наконецъ, съ послѣднихъ сороковыхъ годовъ изображеніе народной жизни вполнѣ установилось какъ прочное пріобрѣтеніе цѣлой литературы... Къ послѣднимъ сороковымъ годамъ принадлежалъ и романъ Некрасова.

Отношеніе къ „народу“ было, однако, все еще неясное. Одинъ изъ первыхъ начинателей народническихъ исканій, Сахаровъ, говорилъ о народѣ въ сантиментально-напыщенномъ тонѣ и ему мерещилась только необходимость искоренить изъ русской жизни „нѣмцевъ“, по его мнѣнію единственную помѣху для нашего національнаго благополучія [1]); славянофилы впадали въ мистицизмъ; но

[1]) Въ томъ же духѣ обскурантный „Маякъ“ съ туповатой наивностью рекомендовалъ писать „маленько мужицкимъ языкомъ“.

надъ всѣмъ этимъ тяготѣло еще неприкосновенное крѣпостное право, и его вліяніе, также еще неприкосновенное въ умахъ и нравахъ владѣющаго класса, проводило особенный взглядъ на народную массу, съ которымъ еще надо было считаться: эта масса полагалась именно только грубой рабочей силой, для которой нужно было руководство крѣпостного права.

Герой романа, образованный дѣлецъ-промышленникъ, приходилъ къ такимъ впечатлѣніямъ и выводамъ:

„Въ моихъ странствованіяхъ, несчастіяхъ и трудахъ одна была у меня отрада, безъ которой, можетъ быть, я не вынесъ бы своей тяжелой роли. Не зналъ я русскаго крестьянина; готовыя истины были въ основѣ моего о немъ мнѣнія. Какъ всѣ мы, изъяснялъ я каждый поступокъ его по внѣшности факта, а еще чаще старался удаляться такихъ мыслей, такъ же какъ и столкновеній съ простымъ классомъ.

„Но необходимость свела меня съ нимъ, скука и общая доля сблизила; познакомился и породнился я съ русскимъ крестьяниномъ... среди моря, гдѣ равно каждому не разъ грозила смерть, въ снѣжныхъ степяхъ, гдѣ отогрѣвали мы другъ друга рукопашной борьбой, а подъ-часъ и дыханьемъ, въ сырой и тѣсной избѣ, гдѣ голодные и холодные жались мы другъ къ другу, шестьдесятъ дней не видя солнца Божьяго...

„Труденъ доступъ къ его сердцу. Онъ суровъ, неразговорчивъ, неохотно обнаруживаетъ свое чувство, глубоко запрятываетъ въ душу тяжелую кручину. Ошибается тотъ, кто иначе думаетъ; кто, побродивъ по базару въ праздничный день, увидавъ двѣ-три деревенскія сходки, поговоривъ, хоть и за чаркой, съ нѣсколькими мужиками, думаетъ знать всю ихъ подноготную... Жалокъ такой наблюдатель! Нѣтъ, сердце его открывается не всякому и не вдругъ. Вотъ ужъ, кажется, ты довольно сблизился съ нимъ: онъ воленъ съ тобой въ обращеніи, и за словомъ въ карманъ не ходитъ; ты думаешь, говоритъ онъ тебѣ свою подноготную... Погоди! она у самого у него неясна, а ты не настолько расположилъ его къ себѣ и расшевелилъ, чтобъ она у него выяснилась, облеклась въ слово.,. Ты самъ скоро убѣдишься, что не поймалъ еще истины, когда замѣтишь, что черезъ день онъ уже говоритъ не то, съ полнымъ равнодушіемъ, которое такъ часто тебя обманывало, приводя къ ложнымъ и неотраднымъ выводамъ! Будешь говорить ты съ нимъ еще разъ, узнаешь больше,

услышишь много опять новаго, но и тутъ часто не то еще, чего ищешь... Будь простъ и добръ, а главное — будь искрененъ, спрячь подальше чувство собственнаго превосходства, умѣй отстранить всѣ порывы неизбѣжной надменности, которая невольно пробивается въ подобныхъ отношеніяхъ, да еще не показывай, что ты стараешься подъ него подладиться, и тогда только можешь ждать его искренности.

„И тогда увидишь ты, что въ немъ есть душа, чувство, энергія и что, главное, въ немъ много иронiи, иронiи дѣльной и мѣткой, которая уже можетъ быть давно твою собственную особу пустила ходячей притчей по всему околодку...

„Ни въ комъ кромѣ русскаго крестьянина не встрѣчалъ я такой удали и находчивости, такой отважности, при совершенномъ отсутствiи хвастовства (замѣтьте, черта важная!) и, опять повторяю, такой удивительной насмѣшливости.

„Эти черты ужели мало говорятъ въ пользу его?

„Я много люблю русскаго крестьянина, потому что хорошо его знаю. И кто, подобно многимъ нашимъ юношамъ, послѣ обычной „жажды дѣлъ“, впалъ въ апатiю и сидитъ сложа руки, кого тревожатъ скептическiя мысли, безотрадныя и безвыходныя, тому совѣтую я, подобно мнѣ, прокатиться по раздольному нашему царству, побывать среди всякихъ людей, посмотрѣть всякихъ дивъ...

„Въ столкновенiи съ народомъ, онъ увидитъ, что много жизни, здоровыхъ и свѣжихъ силъ въ нашемъ миломъ и дорогомъ отечествѣ, увидитъ, что все идетъ впередъ... можетъ быть иначе, чѣмъ думали кабинетные теоретики, но совершенно согласно съ характеромъ народнымъ, съ его судьбами, древними и настоящими, и съ неизмѣннымъ закономъ историческимъ... Увидитъ и устыдится своего бездѣйствiя, своего скептицизма, и самъ, какъ русскiй человѣкъ, разохотится, расходится: откинетъ лѣнь и положитъ посильный трудъ въ сокровищницу развитiя, славы и процвѣтанiя русскаго народа“... [1]).

Не припомнимъ, какое впечатлѣнiе оставлялъ романъ въ массѣ читателей,—для которой онъ и предназначался; но мысль была оригинальна. Некрасову мечталось дать образчики промышленнаго дѣла, къ которому могли бы обратиться предпрiимчивые образованные люди, дѣла новаго, вводящаго въ самую горячую среду народнаго труда,

[1]) Три страны свѣта. Спб. 1849, VIII, стр. 9—11.

съ опасностію, рискомъ, но и громадною прибылью: здѣсь и хлѣбная торговля, и рыбные промыслы, и сѣверное звѣроловство: Каспій, Волга, Бѣлое море и Ледовитый океанъ, Камчатка и (нѣкогда) русская Америка. Сколько можно было по живымъ разсказамъ или по книгамъ, онъ хотѣлъ дать картину этихъ краевъ. Критики того времени ставили какъ бы въ упрекъ Некрасову, что онъ—описывая, напр., Новую Землю—пользовался книжными источниками, но въ этомъ не было ничего страннаго, и онъ, видимо, пересмотрѣлъ не мало книгъ, и кромѣ пейзажа онъ не безъ успѣха изображалъ типъ неустрашимаго поморскаго промышленника, какого, конечно, нельзя было встрѣтить ни на Невскомъ проспектѣ, ни въ ярославской деревнѣ. Любопытна для читателя должна была быть и картина волжскаго хлѣбнаго каравана, описаніе каналовъ, Боровицкихъ пороговъ, и т. п. Это не была выдуманная фантастика французскаго романа, а попытка вдвинуть въ рамку романа настоящую русскую дѣйствительность—все-таки мало кому извѣстную.

Въ первые годы въ „Современникѣ“ являлось мало стиховъ. Въ „Примѣчаніяхъ“ къ большому изданію Некрасова, 1879, это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что Некрасовъ въ тѣ годы занятъ былъ „Тремя странами свѣта“, отчасти тѣмъ, что „самъ „Современникъ“ возбудилъ гоненіе на стихи, въ лицѣ „Новаго поэта“ [1]).

„Новый поэтъ (собирательное имя, подъ коимъ писали Панаевъ, Некрасовъ, В. Гаевскій и др.) объявилъ себя непримиримымъ врагомъ всѣхъ посредственныхъ стихо-

[1]) Надо прибавить: на стихи плохіе и безсодержательные.

творцевъ и сталъ писать пародіи на всякую слабую вещь, даже у писателей первостепенныхъ, и печатать ихъ, съ единственною цѣлію доказать, что послѣ Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина, Лермонтова писать звучные стихи ровно ничего не значитъ, что это только небольшой механическій трудъ“ [1])...

Въ 1850, въ январьской книгѣ, Некрасовъ посвятилъ цѣлую статью вопросу о состояніи русской поэзіи [2]).

„Стиховъ нѣтъ, — начинаетъ авторъ. — Немногіе объ этомъ жалѣютъ, многіе этому радуются, бо́льшая часть ничего объ этомъ не думаетъ. Но отчего нѣтъ стиховъ? Причина очевидна. Въ этомъ родѣ литературы преимущественно и прежде всего обращаетъ на себя вниманіе форма. Чѣмъ труднѣе достиженіе чего-либо, тѣмъ болѣе въ нашихъ глазахъ выигрываетъ достигающій. Но трудность выраженія или формы обусловливается, разумѣется, кромѣ личности писателя, степенью развитія и обработанности языка...

„Наша литература, возникшая и укрѣпившаяся въ самое короткое время, находится уже на той степени, когда изящная форма почитается не достоинствомъ, а условіемъ необходимымъ. Лѣтъ десять тому назадъ, даже и меньше, весьма охотно прощали отсутствіе содержанія и даже смысла за нѣсколько удачныхъ выраженій, гладкость и благозвучіе. Стоитъ только припомнить времена

[1]) Стихотворенія, 1879, IV, стр. XXIV.

[2]) Русскіе второстепенные поэты. Н. Н., стр. 42—74. Здѣсь поставлены слѣдующія темы:—Современное состояніе русской поэзіи.—О стихотвореніяхъ, присылаемыхъ въ редакцію Современника.—Нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній.—Два новыя стихотворенія Н. Огарева.— Стихотворенія Т. Л.—Г. Ѳ. Т-въ и его стихотворенія (1836—1840).

Т. Л. были буквы И. С. Тургенева подъ его стихотвореніями; Ѳ. Т—въ былъ Ѳ. И. Тютчевъ.

гг. Марлинскаго и Бенедиктова... Пушкинъ и Лермонтовъ до такой степени усвоили нашему языву стихотворную форму, что написать теперь гладенькое стихотвореніе съумѣетъ всякій, владѣющій въ нѣкоторой степени механизмомъ языка; и потому гладкость и правильность стиха не составляетъ уже въ наше время ни малѣйшаго достоинства, а такъ какъ стихотворная форма непремѣнно стѣсняетъ автора, не выкупая недостатковъ его произведенія, то весьма понятно, что проза, болѣе доступная по формѣ, представляетъ болѣе простора его уму, взгляду на вещи и наблюдательности, на которыя обработанность языка не имѣетъ вліянія, и которыя составляютъ неотъемлемую, личную принадлежность писателя...

„Вотъ главная причина, почему нѣтъ стиховъ вообще. Почему нѣтъ хорошихъ стиховъ, тому другая причина: нѣтъ поэтическихъ талантовъ, или ихъ слишкомъ мало и они также обратились къ прозѣ... Теперь эпоха положительная. Каждый литераторъ естественно хочетъ извлечь наибольшую выгоду изъ своего таланта, а при всеобщемъ равнодушіи къ стихамъ и при невозможности много писать стихами, конечно, проза представляетъ болѣе удобствъ въ этомъ отношеніи“...

Авторъ жалѣетъ объ этомъ.

„Дѣло въ томъ, что у кого-нибудь изъ этихъ авторовъ, добровольно отказывающихся отъ поэтическаго поприща, можетъ быть, развился бы значительный и самобытный поэтическій талантъ, еслибъ они продолжали развивать свою поэтическую искру. *А поэтическій талантъ, хотъ и не обширный, стоитъ десяти талантовъ повѣствовательныхъ*, потому что такіе таланты рѣдки во всѣхъ литературахъ“...

Авторъ жалѣетъ, что журнальная критика часто такъ недружелюбно относится ко всякой книжкѣ стиховъ: можетъ случиться, что и человѣкъ умный и талантливый побоится при этой враждебности выступить на поэтическое поприще...

„А одна возможность подобнаго случая насъ пугаетъ. Какъ ни толкуютъ о положительности нашего времени, мы увѣрены, что хорошій поэтъ былъ бы совсѣмъ не лишній въ настоящей русской литературѣ; между любителями чтенія всегда есть люди (и мы имѣемъ слабость принадлежать къ числу ихъ), которымъ недовольно однихъ романовъ и повѣстей, какъ бы они ни были хороши, у которыхъ просто есть слабость, обратившаяся въ потребность, время отъ времени прочесть новое хорошее стихотвореніе; и которые, за недостаткомъ хорошихъ, радехоньки иногда прочесть даже чуть-чуть хорошенькое стихотвореніе... да и *въ какомъ сердцѣ не найдется струнки, которая не отозвалась бы на прекрасную поэтическую мысль, изящно выраженную?* Слушаемъ же мы Гризи и Маріо, наслаждаемся ими, даже говоримъ, что жить безъ нихъ не можемъ: вѣдь все это тѣ же стихи, поэзія, только въ другихъ формахъ,—и кто иначе думаетъ, тотъ не понимаетъ ни поэзіи, ни итальянской оперы и истинно не наслаждается ею.

„Итакъ, потребность стиховъ въ читателяхъ существуетъ несомнѣнно. Если есть потребность, то невозможно, чтобъ не было и средствъ удовлетворить ее. Поэтическихъ талантовъ даже не такъ мало у насъ, какъ многіе думаютъ, и настоящая цѣль этихъ статей есть именно показать, что еще недавно поэтовъ съ истиннымъ талантомъ у насъ явилось гораздо болѣе, чѣмъ привыкли думать“.

И авторъ приводитъ рядъ талантливыхъ стихотвореній, которыя на ту минуту нашлись въ запасѣ самой редакціи журнала. Не всѣ были равнаго достоинства; но иныя прямо указывали на возможность дальнѣйшаго совершенствованія; иныя говорили именно о сильномъ талантѣ,— авторъ указываетъ особенно стихотворенія Огарева, а также и Тургенева; а затѣмъ Некрасовъ переходитъ къ главному предмету своей статьи, къ произведеніямъ поэта, который при началѣ своего поприща „вовсе не былъ замѣченъ“ и который въ дѣйствительности имѣетъ право на одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ русской поэзіи. Это былъ Тютчевъ.

„Въ 1836 году Пушкинъ основалъ новый журналъ „Современникъ“. Основаніе этого журнала и появленіе первыхъ его книжекъ сопровождались въ нашей литературѣ весьма замѣчательными толками, спорами и событіями... Съ третьяго же тома въ „Современникѣ“ начали появляться стихотворенія, въ которыхъ было столько оригинальности мысли и прелести изложенія, столько, однимъ словомъ, поэзіи, что, казалось, самъ же издатель журнала могъ быть авторомъ ихъ. Но подъ ними весьма четко выставлены были буквы *„Ѳ. Т.“*; носили они одно общее названіе: *„Стихотворенія, присланныя изъ Германіи“*.

„Прежде всего скажемъ, что хотя они и присылаемы были изъ Германіи, но не подлежало никакому сомнѣнію, что авторъ ихъ былъ русскій: всѣ они написаны были чистымъ и прекраснымъ языкомъ, и многія носили на себѣ живой отпечатокъ русскаго ума, русской души. Подпись Ѳ. Т—въ, вмѣсто Ѳ. Т., появившаяся вскорѣ подъ однимъ изъ нихъ, окончательно подтвердила, что

авторъ ихъ нашъ соотечественникъ. Сдѣлавъ это замѣчаніе для тѣхъ, которыхъ могло бы испугать заглавіе стихотвореній [1]), мы продолжаемъ. Съ тѣхъ поръ (съ 1836 г.) время отъ времени продолжали появляться въ „Современникѣ“ стихотворенія за этою подписью, до 1840 года включительно. Съ 1841 года мы уже не встрѣчали этого имени въ „Современникѣ“; въ другихъ журналахъ оно также не появлялось, и можно сказать, что съ того времени оно вовсе исчезло изъ русской литературы. Неизвѣстно навѣрное, обратило ли оно на себя какое-нибудь вниманіе публики въ то время, когда появлялось въ печати, но положительно можно сказать, что ни одинъ журналъ не обратилъ на него ни малѣйшаго вниманія.

„Между тѣмъ стихотворенія г. Ѳ. Т. принадлежатъ къ немногимъ блестящимъ явленіямъ въ области русской поэзіи. Г-нъ Ѳ. Т. написалъ очень немного; но все написанное имъ носитъ на себѣ печать истиннаго и прекраснаго таланта, нерѣдко самобытнаго, всегда граціознаго, исполненнаго мысли и неподдѣльнаго чувства...

„Главное достоинство стихотвореній г. Ѳ. Т. заключается въ живомъ, граціозномъ, пластически вѣрномъ изображеніи природы. Онъ горячо любитъ ее, прекрасно понимаетъ, ему доступны самыя тонкія, неуловимыя черты и оттѣнки ея, и все это превосходно отражается въ его стихотвореніяхъ. Конечно, самый трудный родъ поэтическихъ произведеній—это тѣ произведенія, въ которыхъ повидимому нѣтъ никакого содержанія, никакой мысли; это пейзажъ, въ стихахъ, картинка, обозначенная двумя, тремя чертами. Уловить именно тѣ черты, по которымъ

[1]) Т.-е. „присланныя изъ Германіи“.

въ воображеніи читателя можетъ возникнуть и дорисоваться сама собою данная картина, дѣло величайшей трудности. Г-нъ Ѳ. Т. въ совершенствѣ владѣетъ этимъ искусствомъ"...

Въ подтвержденіе Некрасовъ указываетъ цѣлый рядъ стихотвореній Тютчева, и каждый разъ онѣ приводятъ его въ восхищеніе. Напримѣръ, по поводу стихотворенія „Осенній вечеръ" онъ говоритъ:

„Превосходная картина! Каждый стихъ хватаетъ за сердце, какъ хватаютъ за сердце въ иную минуту безпорядочные, внезапно набѣгающіе порывы вѣтра; ихъ и слушать больно, и перестать слушать жаль. Впечатлѣніе, которое испытываешь при чтеніи этихъ стиховъ, можно сравнить съ чувствомъ, какое овладѣваетъ человѣкомъ у постели молодой умирающей женщины, въ которую онъ былъ влюбленъ. Только талантамъ сильнымъ и самобытнымъ дано затрогивать такія струны въ человѣческомъ сердцѣ; вотъ почему мы нисколько не задумались поставить г. Ѳ. Т. рядомъ съ Лермонтовымъ; жаль, что онъ написалъ слишкомъ мало"...

Очень жаль, что въ изданіяхъ Некрасова не собрано писанное имъ въ прозѣ: въ этомъ было, конечно, многое, что имѣло только временный, случайный смыслъ и интересъ, но нашлось бы и нѣчто, не лишенное значенія для его литературной характеристики, какъ, напримѣръ, указанная сейчасъ статья о русскихъ поэтахъ... Она можетъ служить и образчикомъ литературныхъ сужденій Некрасова, о которыхъ сохранилось у насъ впечатлѣніе, упомянутое въ разсказанныхъ раньше воспоминаніяхъ; эти сужденія вообще бывали интересны и иногда дѣйствительно привлекательны.

Онъ любилъ литературу, литературное дѣло, любилъ поэзію, какъ высшее въ литературѣ, какъ выраженіе благороднѣйшихъ стремленій человѣческой мысли и чувства и отвѣтъ на подобные запросы въ отдѣльномъ лицѣ и въ обществѣ. Какъ человѣкъ реальнаго ума и литературнаго дѣла, онъ ставитъ, въ началѣ статьи, вопросъ о русской поэзіи на практическую почву, указываетъ историческія условія, въ которыхъ находилась она въ данную минуту, когда послѣ Жуковскаго, Крылова, Пушкина, Лермонтова, Кольцова литературная форма была доведена до совершенства и одни внѣшнія достоинства, сдѣлавшись обязательными, переставали удовлетворять выработавшемуся вкусу,—что̀ и произвело охлажденіе къ новымъ, обыкновенно менѣе удачнымъ поэтическимъ опытамъ, и какъ будто охлажденіе къ самой поэзіи; онъ объясняетъ усиленіе прозы и возростаніе матеріальной стороны литературной дѣятельности,—но онъ настойчиво говоритъ о высокомъ значеніи поэзіи въ цѣлой жизни литературы, соединяя въ этомъ значеніи чувство изящнаго и чувство нравственное. Въ Тютчевѣ онъ съ горячими сочувствіями указываетъ обществу мало замѣченнаго поэта, въ произведеніяхъ котораго онъ видитъ высокое созданіе русской поэзіи,—онъ готовъ поставить его рядомъ съ Лермонтовымъ... Въ недавнихъ историческихъ воспоминаніяхъ о Ѳ. И. Тютчевѣ, по поводу столѣтней годовщины его рожденія, и въ объясненіяхъ блестящихъ красотъ его поэзіи, забыли сказать, что первое сильное объясненіе Тютчева дано было именно Некрасовымъ.

Въ слѣдующей книгѣ 1850 года этотъ вопросъ о современной русской поэзіи былъ продолженъ статьею В. Боткина о стихотвореніяхъ Фета.

Въ 1854 году Некрасовъ издалъ цѣлую книжку стихотвореній Ѳ. И. Тютчева, въ приложеніи къ „Современнику“ и отдѣльно. Это было первое изданіе Тютчева.

Кромѣ стихотвореній,—которыя составили Некрасову широкую славу особенно съ половины пятидесятыхъ годовъ,—онъ много писалъ въ „Современникѣ“ прозой. Раньше, въ „Отечественныхъ Запискахъ“, онъ написалъ повѣсть „Опытная женщина“ (1841), разсказъ „Необыкновенный завтракъ“ (1843); въ „Современникѣ“—упомянутый разсказъ „Новоизобрѣтенная привилегированная краска Дирлинга и К⁰“ (1850); „Тонкій человѣкъ“ (1855); два большихъ романа, писанныхъ вмѣстѣ съ Н. Станицкимъ (А. Я. Панаевой): „Три страны свѣта“ и „Мертвое Озеро“. О первомъ мы говорили; во второмъ Некрасовъ принималъ мало участія. Затѣмъ, біографъ замѣчаетъ: „вся проза Некрасова состоитъ изъ критики, рецензій, журналистики, фельетоновъ, носившихъ въ то время характеристическое названіе „Смѣси“ и т. п. Какъ на болѣе выдающіяся и позднѣйшія его критическія статьи, мы можемъ указать на „Журнальныя Замѣтки“ въ „Современникѣ“ 1856 года, которыя онъ писалъ по случаю отъѣзда за границу И. Панаева, завѣдывавшаго этимъ отдѣломъ“ [1])...

Эти указанія остаются, однако, весьма неясны, а частію совсѣмъ невѣрны. До сихъ поръ не было отмѣчено съ точностью (или даже только предположено), какія именно „рецензіи“, „критики“, „фельетоны и т. п.“ были написаны Некрасовымъ въ „Современникѣ“ пяти-

[1]) Стихотворенія, 1879, т. I, стр. LXVI—LXVII.

десятыхъ годовъ. По поводу приведенныхъ словъ біографа можно замѣтить, что собственно „критическихъ“ статей (въ отдѣлѣ „критики“) у Некрасова не было. Единственной статьей подобнаго рода была упомянутая сейчасъ статья о второстепенныхъ поэтахъ и о Тютчевѣ, помѣщенная въ „Смѣси“. Эта послѣдняя рубрика вовсе не означала „фельетона“, а представляла цѣлый отдѣлъ журнала, и очень большой, гдѣ помѣщались самыя разнообразныя статьи, напр. цѣлые разсказы (небольшого объема), напр. Диккенса, изложенія большихъ сочиненій иностранныхъ („Поэзія и правда“ Гете, „Жизнь“ Жоржа Занда, книга Ломени о Бомарше, изложенія большихъ путешествій), новости иностранной литературы, фельетоны о русской литературѣ (напр. „Письма иногороднаго подписчика“—Дружинина), о петербургской жизни, наконецъ „Литературный Ералашъ“, юмористическая проза и стихотворство, конечно сборникъ, гдѣ между прочимъ появлялись первыя произведенія Кузьмы Пруткова и гдѣ былъ первый поводъ позднѣйшаго „Свистка“. Сказать, что Некрасовъ былъ авторомъ „фельетоновъ, носившихъ названіе смѣси“—значитъ, сказать нескладицу.

Что касается „Журнальныхъ замѣтокъ“ 1856 года, полагаемыхъ „болѣе выдающимися изъ критическихъ статей“ Некрасова, то здѣсь въ словахъ біографа опять заключается цѣлый рядъ неточностей.

Объ этихъ „Замѣткахъ“ въ первый разъ говорилъ г. Горленко въ статьѣ „Литературные дебюты Некрасова“, въ 1878 [1]). Онъ указываетъ, что Некрасовъ писалъ эти замѣтки съ конца 1855 и до августа 1856 года (біо-

[1]) „Отеч. Записки“, 1878, кн. 12, стр. 149—163.

графъ приписываетъ Некрасову „замѣтки“ 1856 года вообще) и также придаетъ „замѣткамъ“ очень важное значеніе для опредѣленія литературныхъ идей Некрасова, и видитъ въ этихъ идеяхъ одно изъ лучшихъ достоинствъ Некрасова, какъ журнальнаго дѣятеля...

Можетъ показаться страннымъ одно обстоятельство.

Въ большомъ изданіи Некрасова, 1879, гдѣ біографическій и библіографическій комментарій данъ былъ г. Скабичевскимъ и С. И. Пономаревымъ, была также повторена статья г. Горленка о литературныхъ дебютахъ Некрасова, но не повторенъ (или исключенъ) конецъ этой статьи, гдѣ именно идетъ рѣчь о „журнальныхъ замѣткахъ“ и ихъ великомъ достоинствѣ. Повидимому комментаторы усомнились объ этомъ концѣ статьи г. Горленка, гдѣ Некрасову приписывалось такое, что̀ едва-ли онъ могъ написать [1]); но были не въ состояніи разрѣшить этого противорѣчія.

Авторъ біографіи прибавляетъ замѣчаніе, что въ этихъ „Замѣткахъ“ 1856 года статьи Некрасова „можно легко отличить по тому, что *всѣ онѣ* начинаются со словъ [2]) „читатель“—на это отличіе есть письменное указаніе въ бумагахъ Некрасова“ [3]). Но здѣсь опять

---

[1]) Напримѣръ, Горленко, въ „Отеч. Запискахъ“ 1878, стр. 165: „Эти „Замѣтки“ (онѣ не подписаны) вообще обличаютъ въ поэтѣ,—т.-е. авторѣ ихъ,—безпредѣльную любовь къ литературѣ и удивительное художественное чутье... Есть тамъ и полемика съ славянофилами, и полемика все съ тѣмъ же (?) Чичеринымъ объ историческомъ значеніи русской сельской общины“. Въ изданіи Некрасова, 1879, это опущено. Дѣйствительно, вопросъ объ историческомъ значеніи общины былъ и не по силамъ Некрасову, и находился внѣ его интересовъ. Объ этомъ въ „Замѣткахъ“, очевидно, писалъ не онъ.

[2]) Т.-е.: со слова?

[3]) Изданіе 1879, I, стр. LXII.

является недоумѣніе: въ „Замѣткахъ“ 1856 года словомъ „читатель“ начинается только *одна* статья [1]), изъ дссятка; всѣ другія начинаются иначе.—Наконецъ, есть еще противорѣчіе показаніямъ біографа и г. Горленка, и самое крупное: „Замѣтки о журналахъ“, съ 3-й книги „Современника“ (за февраль) 1856 по 7-ю книгу (за іюнь) 1857 года вошли въ составъ изданія сочиненій Н. Г. Ч—скаго [2]). Сколько помню, принадлежность статей этого и другихъ томовъ тогдашняго изданія Н. Г. Ч—му была опредѣлена не только по памяти и преданію, но и по справкѣ со старыми редакціонными книгами (находившимися тогда въ рукахъ Иш. Ал. Панаева), и наконецъ по сохранившимся „оригиналамъ“, въ числѣ которыхъ были и „оригиналы“ „Замѣтокъ о журналахъ“. Дальше скажемъ объ этомъ подробнѣе...

Фактъ—тотъ, что лишь *немногое* въ статьяхъ, печатавшихся подъ этой рубрикой въ „Современникѣ“ 1856—1857 года, принадлежало Некрасову; большая часть была написана Н. Г. Ч—скимъ.

Въ редакціи „Современника“ журнальная работа шла вообще очень дружно, и тогда, когда дѣйствовалъ въ ней прежній кружокъ, и когда послѣ разрыва Тургенева съ Некрасовымъ вступила въ журналъ новая группа лицъ, также болѣе или менѣе связанныхъ общими взглядами и стремленіями. Въ обоихъ положеніяхъ журнала главнымъ

---

[1]) Въ мартовской книжкѣ 1856, за февраль того года; и еще развѣ за февраль 1857 года.

[2]) Замѣтки о современной литературѣ 1856—1862 гг. („Современникъ“ 1856—1862 гг.). Изданіе М. Н. Чернышевскаго. Спб. 1894.

связующимъ звеномъ былъ Некрасовъ: прежніе друзья, или остатки ихъ, сохранили близость къ нему по старому преданію; писатели новые и молодые цѣнили въ немъ уже очень популярнаго въ то время поэта и замѣчательнаго представителя стараго поколѣнія.

Дѣйствительно, работа шла дружно. Она была такова не по какой-либо регламентаціи, а просто въ силу общаго живого интереса къ дѣлу: кружокъ беллетристовъ,—иногда и не принадлежавшихъ къ ближайшему дружескому кругу,—предпочиталъ отдавать свои труды именно „Современнику", потому что здѣсь была наиболѣе оживленная и авторитетная литературная атмосфера; внѣ собственной беллетристики было общимъ интересомъ — слѣдить за литературными явленіями, которыя бывали вообще единственными проявленіями жизни общественной. Въ „Современникѣ" велась наиболѣе живая хроника литературныхъ явленій—въ видѣ „журнальныхъ замѣтокъ", „Писемъ иногороднаго подписчика" и т. п. Эти обзоры писались разными лицами, но въ нихъ всегда одинаково господствовалъ одинъ тонъ — любящее отношеніе къ литературѣ, постоянное представленіе объ ея достоинствѣ нравственномъ и общественномъ, объ ея потребностяхъ въ области знанія и въ области искусства; тонъ этихъ рѣчей о литературѣ былъ всегда далекъ отъ какого-нибудь педантизма — никакихъ задатковъ къ этому не было и въ самихъ людяхъ; — къ редакціи бывали близки и настоящіе ученые люди (какъ Соловьевъ, Кавелинъ, Рѣдкинъ, Грановскій, Костомаровъ, Аѳанасьевъ, Влад. Милютинъ), но эти ученые не были односторонніе спеціалисты—имъ были, напротивъ, близки живые общественные вопросы; обычные дѣятели журнала бывали просто образованные люди, руководившіеся въ

своихъ работахъ личными литературными вкусами и желаніемъ служить просвѣтительнымъ потребностямъ общества,—уровня котораго они себѣ не преувеличивали, такъ что изложеніе было общедоступное и популярное. Въ противоположность нѣкоторой книжной сухости, отличавшей другія изданія, напримѣръ и „Отеч. Записки“, „Современникъ“ не былъ прочь и отъ веселой шутки. Эта шутка была не чужда самой бесѣдѣ редакціоннаго кружка, — обстоятельства складывались такъ, что редакція не усумнилась дать ей мѣсто въ самомъ журналѣ: таково было „Путешествіе Ивана Чернокнижникова по петербургскимъ дачамъ“, безобидная шутка, доходившая до шутовства и принадлежавшая спеціально Дружинину; таковы были стихотворенія „Новаго поэта“, — подъ именемъ котораго соединялись главнымъ образомъ Панаевъ, а также, какъ говорятъ, Некрасовъ, В. П. Гаевскій, — стихотворенія, явившіяся въ связи съ упомянутой реакціей противъ излишествъ тогдашняго стихотворства; таковъ былъ „Литературный Ералашъ“, составившій своего рода прибавленіе къ литературной хроникѣ: въ наличной литературѣ и журналистикѣ встрѣчалось не мало вещей, которыя не стоили серьезной критики, но бросались въ глаза, и для нихъ достаточно было одной шутки или прямой насмѣшки. „Ералашъ“, какъ стихотворенія „Новаго поэта“, былъ опять вещью сборной, и между прочимъ, какъ было раньше упомянуто, здѣсь нашли мѣсто первые дебюты Кузьмы Пруткова...

Совмѣстная или очередная работа складывалась легко при дружномъ характерѣ редакціи. Литературную хронику велъ то Панаевъ, то Дружининъ, то Некрасовъ; или къ работѣ одного лица легко прибавлялись допол-

ненія другого, потому что общіе взгляды были однородны.

Такъ начались и „Замѣтки о журналахъ“ 1856—1857 года. Біографъ замѣчаетъ, что періодъ времени съ 1856 года былъ—„періодомъ наибольшаго развитія силъ и дѣятельности Некрасова. Умственный и нравственный горизонтъ поэта значительно раздвинулся подъ вліяніемъ того сильнаго движенія, какое началось въ обществѣ, и тѣхъ новыхъ людей, которые окружили его. Прежніе идеалы оттѣсняются новыми. Это просвѣтлѣніе отразилось и въ творчествѣ поэта. Изъ прежде горячаго, но крайне неопредѣленнаго протеста противъ пошлости, насилія, рабства и всяческаго угнетенія, онъ теперь обращается въ пѣвца народнаго горя—въ широкомъ и глубокомъ, но вполнѣ опредѣленномъ смыслѣ. Все лучшее и наиболѣе сильное написано имъ въ этотъ второй періодъ его журнальной дѣятельности... Въ то же время не перестаетъ онъ принимать дѣятельное участіе и въ изданіи журнала: и своимъ руководительствомъ, и своими практическими совѣтами, и связями, и, наконецъ, личными трудами“ [1])...

Въ это время и были задуманы тѣ „Замѣтки о журналахъ“, которыя должны были продолжить прежніе литературные обзоры, но уже съ нѣсколько инымъ характеромъ. Наступавшая эпоха въ нашей общественной жизни, въ связи съ возникавшими новыми теченіями въ жизни государственной, выдвигала и мало-по-малу дѣлала доступными литературѣ новые вопросы, въ прежнее время совсѣмъ въ ней не появлявшіеся. Это были, главнымъ образомъ, вопросы внутренняго быта, тѣ самые, которые,

[1]) Стихотворенія, 1879, т. I, біографія, стр. LXX — LXXI. Дальше приводимъ нѣкоторыя поправки къ этому изложенію.

нѣсколько лѣтъ спустя, были рѣшены реформами Александра II. Насколько было возможно, литература въ общихъ чертахъ, съ приблизительными указаніями на русскую дѣйствительность, вводила эти вопросы въ кругъ общественныхъ интересовъ, разъясняла необходимость преобразованій, обращалась къ исторіи, политической экономіи, къ комментаріямъ юридическимъ, къ реальнымъ картинамъ народнаго быта,—послѣднее, въ области художественной беллетристики, уже раньше затронуто было въ произведеніяхъ Тургенева, Григоровича, частію и другихъ... Прежнія хроники заняты были почти исключительно литературно-художественными интересами и новостями; теперь, такую же важность получила прямая публицистика. Некрасовъ сохранилъ старое влеченіе къ вопросамъ литературы, въ которой онъ дорожилъ художественными отголосками дѣйствительной жизни и въ которой онъ видѣлъ также важную силу для художественно-нравственнаго воспитанія общества; но онъ не бралъ на себя предметовъ спеціальной публицистики, исторіи, политической экономіи, и эту сторону дѣла онъ предоставилъ Н. Г. Ч—му. Повидимому, и сколько мнѣ помнится, они думали составлять „Замѣтки“ вдвоемъ, и дѣйствительно, въ уцѣлѣвшихъ рукописяхъ сохранился слѣдъ совмѣстной работы: страница была написана, или продиктована, Некрасовымъ; остальное написано Ч—мъ. Вполнѣ указать эти доли писаннаго Некрасовымъ я затрудняюсь; но во многихъ случаяхъ ясно, что̀ *не могло* быть написано имъ. Въ нѣкоторыхъ эпизодахъ можно было бы предположить именно долю Некрасова, напр. въ томъ, что̀ говорилось въ „Замѣткахъ“ о Гоголѣ: Некрасовъ всегда высоко цѣнилъ Гоголя, и въ самыхъ его заблужденіяхъ видѣлъ въ основѣ

рѣдкую преданность дѣлу искусства и долгу писателя;— но то же самое отношеніе къ Гоголю было и у Ч—го, такъ что оба могли бы написать тѣ сочувственныя слова о Гоголѣ, какія были сказаны въ „Замѣткахъ". Вообще же можно съ увѣренностью сказать, что „Замѣтки о журналахъ" 1856—1857 г. на три четверти были написаны Ч-мъ, если не на девять десятыхъ [1]).

---

[1]) Къ тому, что̀ сказано было выше о литературной принадлежности „Замѣтокъ о журналахъ", прибавимъ нѣсколько подробностей.

По отмѣткѣ, найденной въ бумагахъ Некрасова, г. Скабическій указывалъ, что въ „журнальныхъ замѣткахъ" принадлежатъ Некрасову тѣ статьи, которыя начинаются обращеніемъ: „читатель". Въ изданіи сочиненій Н. Г. Ч. („Замѣтки о современной литературѣ", Спб. 1894) мы встрѣтили только одинъ или два случая подобнаго обращенія; но это изданіе 1894 было уже провѣренное, и чтобы точнѣе опредѣлить упомянутую отмѣтку Некрасова, надо было обратиться къ самому тексту „Современника".

Дѣйствительно, обращеніе къ „читателю" есть въ „Замѣткахъ" за апрѣль 1856 (въ майской книжкѣ этого года); но по сохранившемуся „оригиналу" этой статьи, рукой Ч—го, видно, что Некрасову принадлежитъ только одно начало статьи (стр. 105—109; въ „оригиналѣ" отмѣчено, видимо впослѣдствіи: „писано подъ диктовку Некрасова", и писано это карандашомъ); а дальше, статья до конца писана обычной манерой Ч—го. И начало статьи состоитъ всего изъ немногихъ строкъ, а затѣмъ — изъ большихъ выписокъ: стихотвореній Ив. Аксакова и Хомякова, изъ начавшей тогда выходить „Русской Бесѣды" и вступительной статьи этого журнала.—Далѣе, обращеніе къ „читателю" есть въ „Замѣткахъ" за май 1856 (напечатанныхъ въ 1856, іюнь); но и здѣсь Некрасову могло принадлежать только начало (стр. 235 — 244); остальное написано Ч—мъ, какъ показываетъ сохранившійся „оригиналъ". Этотъ оригиналъ уцѣлѣлъ не сполна, но онъ имѣется для наибольшей части „Замѣтокъ о журналахъ" 1856—1857.

Такимъ образомъ, авторство „Замѣтокъ" опредѣляется несомнѣнно. Единственная статья, относительно которой возможно недоумѣніе, есть первая статья „Замѣтокъ" въ изданіи 1894, статья за февраль 1856 г. (въ мартовской книгѣ „Современника" того года) — „оригиналъ" этой статьи не сохранился. Намъ представляется возможнымъ участіе здѣсь

Возвращаемся къ рецензіямъ Некрасова за прежнее время. Выдѣлить ихъ изъ другихъ статей тогдашнихъ журналовъ довольно трудно, за неимѣніемъ прямыхъ указаній. Приведемъ нѣсколько предположеній болѣе или менѣе прочныхъ, а также фактовъ, не подлежащихъ сомнѣнію.

Такъ, по всей вѣроятности, надо приписать Некрасову довольно обширную рецензію книги: „Дамскій альбомъ, составленный изъ отборныхъ страницъ русской поэзіи. Съ десятью рисунками, гравированными въ Лондонѣ. Спб. 1854“ [1]). О принадлежности этой статьи Некрасову можно съ большой вѣроятностью заключать изъ всего ея содержанія: рецензія сполна посвящена вопросу, который близко занималъ Некрасова и о которомъ онъ пространно говорилъ въ упомянутой раньше статьѣ „о русскихъ второстепенныхъ поэтахъ“. Это—вопросъ о современной русской поэзіи и ея судьбѣ, ея недостаткахъ и упадкѣ, и о надеждахъ на ея новое желаемое развитіе. Статья намъ лично памятна съ тѣхъ поръ по одному ея шутливому или шутовскому эпизоду, когда авторъ, имѣя въ виду начавшееся тогда гоненіе на стихотворство, какъ будто беретъ на себя защиту старинаго стихотворства — съ точки зрѣнія его прежнихъ любителей, читателей-старо-

---

Некрасова, какъ въ упомянутой выше статьѣ за апрѣль: между прочимъ, та же любовь къ стихамъ и тѣ же большія выписки. Въ выпискахъ находятся извлеченія изъ писемъ Гоголя (къ Погодину 1832—1840), напечатанныхъ въ „Москвитянинѣ“; выписки сопровождены объясненіемъ ихъ важнаго біографическаго значенія, и отношеніе къ Гоголю есть та высокая оцѣнка, которую мы имѣли уже случай указывать у Некрасова. Выше было сказано, что въ этомъ пунктѣ между Некрасовымъ и Ч—мъ не было никакого разнорѣчія.

[1]) „Современникъ“ 1854, январь, библіографія.

жиловъ. Приводимъ эту шутливую элегію, которая не вошла въ большое изданіе Некрасова, 1879:

Мнѣ жаль, что нѣтъ теперь поэтовъ,
Какіе были въ оны дни—
Нѣтъ Тимофеевыхъ, Бернетовъ
(Ахъ, отчего молчатъ они?).
Съ семьей забвенныхъ старожиловъ
Скорблю на склонѣ дней моихъ,
Что лирой пренебрегъ Стромиловъ,
Что Печенѣговъ пріютихъ,
Что умеръ бѣдный Якубовичъ,
Что дремлетъ Константинъ Петровичъ,
Что о другихъ пропалъ и слѣдъ,
Что нѣту госпожи Падерной,
У коей былъ талантъ примѣрной,
И Розена барона нѣтъ;
Что нѣтъ Туманскихъ и Трилунныхъ,
Не пишетъ больше Бороздна,
И намъ отъ лиръ ихъ сладкострунныхъ
Осталась память лишь одна [1])...

Подборъ этихъ архаическихъ именъ взятъ изъ старыхъ журналовъ, отъ двадцатыхъ и до сороковыхъ годовъ: имена Стромилова, Печенѣгова, г-жи Падерной и т. д. украшали „Библіотеку для Чтенія“, „Маякъ“, „Москвитянинъ“ и т. д. Подъ „Константиномъ Петровичемъ“ разумѣлся К. П. Масальскій, очень извѣстный писатель тридцатыхъ годовъ [2]). О „Трилунномъ“, вѣроятно по этому стихотворенію, вспоминалъ потомъ Тургеневъ въ письмѣ къ Фету, въ 1860 [3]).

Въ этой же статьѣ, изъ „Альбома“ приведено, между прочимъ, „прекрасное“ стихотвореніе, „принадлежащее какому-то г. Н. Н.“.

[1]) „Современникъ“, 1854, январь, стр. 11—12.

[2]) Намъ припоминается и цензурный варіантъ въ 10-мъ стихѣ элегіи: вмѣсто „дремлетъ“ было—„запилъ“.

[3]) Воспоминанія Фета I, 348. 349.

Приводимъ это давно забытое стихотвореніе, съ которымъ соединены и другія литературныя воспоминанія.

Розы.

Какъ хороши, какъ свѣжи были розы
Въ моемъ саду, какъ взоръ плѣняли мой!
Какъ я молилъ весенніе морозы
Не трогать ихъ холодною рукой!

Какъ я берегъ, какъ я лелѣялъ младость
Моихъ цвѣтовъ завѣтныхъ, дорогихъ;
Казалось мнѣ, въ нихъ разцвѣтала радость,
Казалось мнѣ, любовь дышала въ нихъ.

Но въ мірѣ мнѣ явилась дѣва рая,
Прелестная какъ ангелъ красоты,
Вѣнка изъ розъ искала молодая,
И я сорвалъ завѣтные цвѣты.

И мнѣ въ вѣнкѣ цвѣты еще казались
На радостномъ челѣ красивѣе, свѣжѣй,
Какъ хорошо, какъ мило сплетались
Съ душистою волной каштановыхъ кудрей.

И за одно онѣ цвѣли съ дѣвицей,
Среди подругъ, средь плясокъ и пировъ,
Въ вѣнкѣ изъ розъ она была царицей,
Вокругъ ея вилась и радость, и любовь.

Въ ея очахъ—веселье, жизни пламень;
Ей счастье долгое сулилъ, казалось, рокъ.
И гдѣ-жъ она?... Въ погостѣ бѣлый камень,
На камнѣ—розъ моихъ завянувшій вѣнокъ [1]).

„Несмотря на устарѣлость нѣкоторыхъ словъ и преувеличенный драматизмъ окончанія, это стихотвореніе до сей поры прекрасно. Его тихо и сердечно-грустный тонъ невольно трогаетъ, какъ нрекрасная и печальная музыка“ [2]).

---

[1]) „Современникъ“, тамъ же, стр. 18.

[2]) Отмѣтимъ кстати, для любителей библіографіи, что въ той же книжкѣ „Современника“ (стр. 32) находится рецензія Тургенева, безъ подписи, не вошедшая въ собраніе его сочиненій, о книжкѣ Григорія Данилевскаго: „Слобожане. Малороссійскіе разсказы. Спб. 1854“ (нѣсколько строкъ).

Эта пьеса вспоминалась Тургеневу въ одномъ изъ его послѣднихъ „Стихотвореній въ прозѣ“—подъ заглавіемъ изъ перваго стиха этой пьесы.

Упомянутая элегія о забытыхъ поэтахъ сопровождается въ рецензіи размышленіями объ этой давнишней поэзіи, о которой сожалѣютъ „старожилы“: имъ эта поэзія доставляла удовольствіе; правда, она была плоха, да вѣдь и читатели были плохи, и для нихъ она могла служить съ нѣкоторой пользой...

Далѣе, по всей вѣроятности, Некрасову принадлежитъ разборъ книжки: „Деревенскій случай. Повѣсть въ стихахъ, Н. Д. Хвощинской. Спб. 1853 [1])... Біографъ Некрасова, упоминая о его рецензіяхъ, указываетъ, что вообще онѣ отличались большою мягкостью: „каждаго писателя онъ, прежде чѣмъ выразить свое несогласіе съ нимъ, старается осыпать лестными похвалами, въ каждой разбираемой вещи старается открыть свои [2]) хорошія стороны и достоинства“. Біографъ затрудняется объяснить причину этой мягкости. Быть можетъ, думаетъ онъ, происходило это оттого, что тогдашней цензурѣ одинъ задорный тонъ казался уже подозрительнымъ, или здѣсь были личные мотивы и соображенія: можетъ быть, „это зависѣло оттого, что въ то время количество литературныхъ силъ было еще крайне ограничено, всѣ литераторы, болѣе или менѣе знакомые между собою, не раздѣлялись еще на такіе непримиримо враждебные лагери, какъ впослѣдствіи,.. наконецъ, въ рѣдкомъ изъ нихъ Некрасовъ не подозрѣвалъ человѣка, который завтра же *могъ пригодиться* (!), въ качествѣ сотрудника „Современника“;

[1]) „Современникъ“ 1854, январь, библіографія, стр. 7—10.
[2]) Т.-е. ея.

такъ, что здѣсь руководилъ Некрасовымъ особенный *тактъ журналиста* (?), хотя, конечно, мягкость Некрасовской критики могла обусловливаться и благодушными чертами его характера“ [1]). Эти психологическія соображенія, и въ томъ числѣ соображенія о „тактѣ журналиста“, очень похожемъ здѣсь на „тактъ“ лавочника, въ данномъ случаѣ совершенно излишни: мягкость критики у Некрасова очень просто объясняется его собственными словами въ упомянутой статьѣ „о русскихъ второстепенныхъ поэтахъ“. Онъ очень дорожилъ проблесками поэтическаго дарованія, какіе встрѣчались и въ ту минуту, когда шли жалобы на оскудѣніе поэзіи; онъ именно осуждалъ излишнюю строгость тогдашней журнальной критики, строгость, которая могла отпугнуть и людей талантливыхъ отъ поэтическаго поприща, и самъ убѣждалъ людей съ задатками дарованія беречь и развивать свою поэтическую искру... У Некрасова были, дѣйствительно. и благодушныя черты характера, но здѣсь прямо сказывалась его любовь къ русской поэзіи и желаніе успѣшнаго ея развитія [2])... Но затѣмъ при всемъ „благодушіи“ Некрасовъ, когда встрѣчалъ явную бездарность, не останавливался назвать ее.

Какъ выше замѣчено, выдѣлить рецензіи Некрасова въ критическомъ матеріалѣ „Современника“ довольно трудно, за недостаткомъ прямыхъ данныхъ. У меня сохранилось нѣсколько рукописей съ подобными указаніями.

Такъ одна рукопись удостовѣряетъ, что Некрасову принадлежитъ рецензія книжки: „Осада Севастополя или таковы русскіе! Москва. 1855“.

---

[1]) Стихотворенія, 1879, I, LXVII—LXVIII.

[2]) Наконецъ, біографъ и не указалъ ближе тѣхъ „рецензій Некрасова“, изъ которыхъ онъ выводилъ свои соображенія.

Статья начинается такъ:

„Осада Севастополя! Тотъ темный именемъ и не блистающій талантомъ авторъ, который выставилъ это громкое заглавіе надъ нѣсколькими страницами плохихъ виршей,—вѣроятно, и не подозрѣвалъ всего величія избраннаго имъ заглавія. Этимъ только можно извинить смѣлость бѣднаго писаки, который разсказываетъ въ своей брошюрѣ одинъ изъ эпизодовъ этой колоссальной эпопеи,—смерть адмирала Корнилова,—эпопеи, развязка которой находится еще въ рукахъ судебъ.

„Нѣтъ надобности говорить, что стихи неизвѣстнаго сочинителя нисколько не соотвѣтствуютъ предмету. — Но это было бы и тогда, еслибы онъ имѣлъ дарованіе; можно сказать утвердительно, что ни одинъ изъ существующихъ нынѣ талантовъ не въ одной Россіи, но и во всей Европѣ не въ состояніи произвесть что-либо равняющееся величію совершающихся передъ нами событій. — Нѣсколько времени тому назадъ корреспондентъ газеты „Times“ сравнилъ осаду Севастополя съ осадою Трои. Онъ употребилъ это сравненіе только въ смыслѣ продолжительности осады, но мы готовы допустить его въ гораздо болѣе обширномъ смыслѣ, именно—въ смыслѣ героизма, которымъ запечатлѣны дѣянія защитниковъ Севастополя, въ смыслѣ громадности борьбы и великихъ, неожиданныхъ случайностей и катастрофъ, которыми запечатлѣна она, наконецъ, въ смыслѣ того глубокаго и страстнаго интереса, съ которымъ приковано къ этой борьбѣ вниманіе цѣлаго свѣта. Иліада, содержаніе которой составляетъ осада Трои греками, не принадлежитъ къ временамъ историческимъ; время, въ которое совершаются эти событія,—время миѳическое, когда еще боги принимали явное участіе въ

дѣлахъ смертныхъ... Можно думать, что эта отдаленность эпохи, это участіе боговъ невольно увеличиваютъ въ глазахъ читателя колоссальность событій Иліады;—но совершающееся нынѣ передъ нами и безъ участія боговъ, и безъ того покрова таинственности, которую сообщаетъ предмету дальность,—развѣ все это лишено величія и колоссальности?

„Мы рѣшительно утверждаемъ, что только одна книга въ цѣломъ мірѣ соотвѣтствуетъ величію настоящихъ событій—и эта книга Иліада. Въ обыкновенное, такъ сказать, будничное время, не всегда и не вдругъ возбуждаетъ она въ читателѣ сочувствіе къ своимъ воинственнымъ событіямъ, но теперь, когда вниманіе всѣхъ трепетно приковано къ театру войны, когда каждая удача, каждая неудача отзываются во всѣхъ сердцахъ радостію или скорбью—въ это великое время Иліада, какъ полнѣйшее выраженіе героическаго настроенія, читается съ наслажденіемъ и сочувствіемъ невыразимымъ.—Въ какое иное время, какъ не теперь, когда воображеніе по-неволѣ наполнено представленіемъ адскаго бомбардированія, кроваваго поля, усѣяннаго трупами,—въ какое время можно сильнѣе почувствовать, напримѣръ, слѣдующую сцену“...

[Слѣдуетъ цитата изъ Иліады Гнѣдича, пѣснь 20-я, стихъ 395 и далѣе].

„Или смерть Астеропея, погибшаго также отъ руки Ахиллесовой“...

[Пѣснь 21-я, стихъ 179 и дал.; стихъ 200 и далѣе].

„Или эту мольбу о жизни сына Пріамова Ликаона къ Ахиллесу“...

[Пѣснь 21-я, стихъ 64 и далѣе; стихи 90—127].

„Можетъ быть, болѣе трехъ тысячъ лѣтъ прошло съ

созданія Иліады, но найдется ли въ настоящее время хоть одно сердце, которое не сочувствовало бы слѣдующему превосходному прощанію Гектора съ Андромахой"...

[Пѣснь 6-я, стихъ 393 и далѣе].

„Мы заключимъ наши выписки отрывкомъ изъ посѣщенія Пріамомъ непріятельскаго лагеря, съ цѣлью выпросить у Ахиллеса трупъ убитаго имъ Гектора, напомнивъ при этомъ читателямъ, что вся эта сцена — одна изъ величайшихъ въ самой Иліадѣ".

[Пѣснь 24-я, стихи 480—526].

„Многіе даже изъ образованнаго класса гораздо болѣе уважаютъ Иліаду по преданію, нежели любятъ читать ее. Если эти люди и въ настоящее время не поймутъ величія ея, — то съ сожалѣніемъ скажемъ, что значеніе ея навсегда останется для нихъ закрытымъ"... [1]).

Эта любопытная статья указываетъ, до какой степени вниманіе самого Некрасова было „приковано" къ великимъ событіямъ Севастопольской осады и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ его впечатлѣнія переносили его въ героическую поэзію, какъ несравненный образецъ которой вспомнилась ему Иліада. Въ это время онъ началъ хлопоты о томъ, чтобы журналу разрѣшено было (объ этомъ надо было особо хлопотать!) сообщать хронику военныхъ событій; въ это время написано было простое, но трогательное стихотвореніе: „Внимая ужасамъ войны"; въ это время писалъ онъ приведенное нами раньше письмо къ Тургеневу, какъ сильно хотѣлось ему отправиться въ Севастополь...

Далѣе, нашлась еще рукопись одной рецензіи Некрасова отъ 1855 года, посвященной слѣдующимъ книжкамъ:

[1]) Эта рецензія книжки „Осада Севастополя" помѣщена была въ „Современникѣ" 1855, т. LII, библіографія, стр. 33—41.

— Антипъ Иванычъ Пошехонинъ. Четыре части. Изданіе Алексѣя Ушакова. Москва. 1855.

— Черепъ Святослава, дума. Вильно. 1855.

— Святки, соч. Василія Маркова. Вильно. 1855.

Все это было стихотворство, и очень плохое. Если прежде Некрасовъ жалѣлъ, что суровость журнальной критики можетъ отпугнуть и талантливыхъ людей отъ поэтическаго поприща, то теперь онъ пришелъ въ нѣкоторый ужасъ... Въ прежнее время онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ шутливой элегіи немного смѣялся надъ обильной (и довольно нелѣпой) поэзіей „старожиловъ“, — теперь онъ видѣлъ на яву ея возвращеніе.

„...Всѣ стихотворныя произведенія Лермонтова не составятъ такихъ двухъ томовъ (какъ томы Ушакова), и весь „Онѣгинъ“—самое обширное стихотворное произведеніе Пушкина — умѣстится въ одинъ такой томъ!... Въ послѣднее время это (стихотворное) богатство изумительно! Можетъ быть, читатели „Современника“ помнятъ напечатанный въ нашемъ журналѣ полтора года тому назадъ „Плачъ“ одного изъ старыхъ, замолчавшихъ поэтовъ, который сѣтовалъ на бездѣйствіе русской музы (см. „Современ.“ 1854 года, № 1, Новыя книги). Теперь, черезъ полтора года — этотъ плачъ былъ бы ужаснымъ анахронизмомъ, и мы рады случаю утѣшить почтеннаго старожила слѣдующимъ посланіемъ, котораго справедливость конечно признаетъ каждый читатель:

Посланіе къ поэту-старожилу.

Въ крылахъ отяжелѣвшій грачъ,
Когда-то на Парнассъ летавшій!
Давно ли намъ прислалъ ты „Плачъ“
О русской Музѣ—задремавшей?

И чтоже? Не прошло двухъ лѣтъ,
Какъ все вверхъ дномъ перевернулось:
И поднялъ голову поэтъ,
И вновь поэзія проснулась!

Намъ Музу новую свою
Представилъ авторъ „Арлекина“
И тотъ, кто равенъ соловью—
Природу намъ воспѣлъ Щербина!

Никитинъ, мѣщанинъ-поэтъ,
Различныхъ пробуетъ Пегасовъ,
Какъ птица распѣваетъ Фетъ,
Стихи печатаетъ Некрасовъ.

Лѣнивый даже Огаревъ
И тотъ пустилъ въ печать отрывокъ;
Стаховичъ намъ поетъ коровъ
И вкусъ густыхъ и свѣжихъ сливокъ.

Поэтовъ новыхъ всѣхъ родовъ
Фаланга цѣлая готова,
И даже старыхъ голосовъ
Два-три услышали мы снова.

Чтожъ? въ добрый часъ! Смѣлѣе, маршъ!...
Проснулись Солоницынъ, Грековъ,
И, можетъ быть, проснется Шаршъ
И отзовется Печенѣговъ!..

„Все это очень хорошо. Стихотворному движенію послѣдняго года обязаны мы нѣсколькими прекрасными явленіями, которыя, при прежнемъ охлажденіи къ поэзіи, можетъ быть, пролежали бы въ портфеляхъ своихъ авторовъ, но пишущій эти строки осмѣливается напомнить, что крайность во всякомъ дѣлѣ вещь опасная. Не хорошо было безотчетное гоненіе на стихи, но и безотчетное покровительство имъ — едва ли можетъ привести къ чему-нибудь хорошему“...

И критикъ убѣждается на многотомныхъ твореніяхъ новыхъ стихотворцевъ, что благосклонность къ поэзіи не создаетъ даровитыхъ поэтовъ: объ указанныхъ имъ книгахъ серьезно говорить не стоитъ...

Предоставимъ дальнѣйшимъ разысканіямъ опредѣлять другія рецензіи, замѣтки и т. д., которыя могли принадлежать Некрасову въ старомъ „Современникѣ“. Несомнѣнно, что таковыя были кромѣ того, что здѣсь указано: въ журнальныхъ замѣткахъ бывали вставлены стихотворенія Некрасова; могли здѣсь принадлежать ему какія-либо части самаго текста [1]); ему принадлежали, сполна или частію, тогдашнія полемическія статьи противъ „Отечественныхъ Записокъ“.

Надо желать, чтобы повторено было большое изданіе Некрасова, съ болѣе подробными комментаріями, для которыхъ появляется уже отчасти новый матеріалъ, и чтобы въ этомъ изданіи нашли мѣсто прозаическія статьи Некрасова. Изъ приведенныхъ примѣровъ можно видѣть, что здѣсь находится не лишенный интереса матеріалъ для опредѣленія его литературныхъ взглядовъ.

Приводимъ наконецъ нѣсколько замѣтокъ, вызванныхъ „біографическими свѣдѣніями“ и „примѣчаніями“ въ посмертномъ изданіи 1879 и сообщенныхъ мнѣ со-

---

[1]) Напр. въ журнальныхъ замѣткахъ, „Совр.“ 1855, т. LII, могли принадлежать Некрасову разсужденія о Диккенсѣ и Тэккереѣ: онъ былъ очень увлеченъ этими писателями, какъ видно и изъ тогдашнихъ писемъ къ Тургеневу.

временникомъ, который близко зналъ Некрасова. Цитируемъ его собственными словами.

(О „Біографическихъ свѣдѣніяхъ“).

„На стран. XVIII и XIX приведена выписка изъ воспоминаній Достоевскаго о Некрасовѣ. Это такой мутный источникъ, которымъ не слѣдуетъ пользоваться. Для примѣра тому, какъ вздорны разсужденія Достоевскаго о Некрасовѣ, возьму изъ выписки полторы строки. Однажды, Некрасовъ сталъ разсказывать Достоевскому о своемъ дѣтствѣ, и въ этомъ разсказѣ „обрисовался“ передъ Достоевскимъ „этотъ загадочный человѣкъ самой затаенной стороною своего духа“; а самая затаенная сторона его духа была — то, что его дѣтство оставило въ немъ грустныя воспоминанія. — Какимъ образомъ это могло быть „затаенною“, даже „самой затаенной“ стороною духа „загадочнаго человѣка“, когда онъ въ столькихъ лирическихъ пьесахъ и столькихъ эпизодахъ поэмъ передавалъ всей русской публикѣ тяжелыя впечатлѣнія своего дѣтства?— Да и чего было бы таить въ нихъ? — Какъ любилъ онъ передавать ихъ публикѣ, точно такъ же любилъ и пересказывать ихъ въ разговорахъ.—Послѣ этого, натураленъ вопросъ: былъ ли „загадоченъ“ человѣкъ, который такъ таилъ „самую затаенную сторону своего духа“, который столько разъ говорилъ о ней публикѣ, и любилъ подробно разсказывать о ней каждому знакомому, желающему слушать? — Ровно ничего „загадочнаго“ въ Некрасовѣ не было. Онъ былъ хорошій человѣкъ съ нѣкоторыми слабостями, очень обыкновенными; при своей обыкновенности, эти слабости не были нимало загадочными сами по себѣ; не было ничего загадочнаго и въ томъ, почему онѣ развились въ немъ: общеизвѣстные факты его жизни очень

отчетливо объясняютъ это.—А если кому-нибудь изъ его знакомыхъ не ясно было, почему онъ поступалъ такъ, а не иначе въ какомъ-нибудь случаѣ, то надобно было только спросить у него, почему онъ поступилъ такъ, и онъ отвѣчалъ прямо, ясно; я не помню ни одного случая, когда-бъ уклонился отъ прямодушнаго объясненія своихъ мотивовъ,—ни одного такого случая не было, не то что лишь въ разговорахъ его со мною, но и во всѣхъ тѣхъ разговорахъ съ другими, какіе происходили при мнѣ. Онъ былъ человѣкъ очень прямодушный.

(Стр. XXVII).

„Кѣмъ была внушена Некрасову мысль поступить въ университетъ?—По разсказу его мнѣ, матерью.

„Дѣло было, по его разсказу мнѣ, такъ:

„Мать хотѣла, чтобы онъ былъ образованнымъ человѣкомъ, и говорила ему, что онъ долженъ поступить въ университетъ, потому что образованность пріобрѣтается въ университетѣ, а не въ спеціальныхъ школахъ. Но отецъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ; онъ соглашался отпустить Некрасова не иначе, какъ только для поступленія въ кадетскій корпусъ. Спорить было безполезно, мать замолчала. Отецъ послалъ Некрасова въ Петербургъ для поступленія въ кадетскій корпусъ; въ Петербургъ, а не въ Москву, потому что въ Петербургѣ у отца былъ человѣкъ, который могъ быть полезенъ успѣху просьбы о принятіи въ корпусъ (Полозовъ). Некрасовъ поѣхалъ въ Петербургъ, посланный отцомъ въ кадетскій корпусъ, съ письмомъ объ этомъ Полозову. Но онъ ѣхалъ съ намѣреньемъ поступить не въ кадетскій корпусъ, а въ университетъ. Письмо отца къ Полозову онъ не могъ не отдать. И пошелъ отдать. Полозовъ, прочитавъ письмо, безъ

всякихъ разспросовъ сказалъ Некрасову, что представитъ его Ростовцеву. Отказаться было невозможно. Некрасовъ побоялся и начать разговоръ о намѣреніи поступить въ университетъ: что̀ сказалъ бы на это Полозовъ?—„Мечта, другъ, не выдержишь экзамена“,—и что́ могъ бы отвѣчать Некрасовъ? Онъ дѣйствительно былъ не подготовленъ къ экзамену для поступленія въ университетъ. Онъ разсудилъ, что долженъ молчать передъ Полозовымъ объ университетѣ, пока будетъ въ состояніи сказать, что надѣется выдержать экзаменъ. Промолчавъ объ университетѣ, ие имѣлъ возможности отказаться отъ представленія Ростовцеву, и былъ представленъ. Когда нѣсколько подготовился къ экзамену, сказалъ Полозову о своемъ намѣреніи.

„Итакъ, употребленное въ „Біограф. свѣдѣніяхъ“ выраженіе, что „случайная встрѣча съ Глушицкимъ перерѣшила всю судьбу“ Некрасова, и все соотвѣтствующее этому выраженію въ изложеніи дѣла о поѣздкѣ Некрасова въ Петербургъ—ошибочныя слова. Если въ тѣхъ разговорахъ, по которымъ написанъ разсказъ „Біограф. свѣдѣній“, попадались выраженія, заставлявшія полагать, что мысль о поступленіи въ университетъ внушена была Некрасову Глушицкимъ, это были выраженія не достаточно полныя; но вѣроятнѣе, что мысль о перемѣнѣ намѣренія Некрасова вслѣдствіе встрѣчи съ Глушицкимъ—только догадка, порожденная горячимъ чувствомъ признательности, съ какимъ говорилъ Некрасовъ о заботливости Глушицкаго доставить ему возможность приготовиться къ экзамену. Вѣрояно, это были разговоры собственно о петербургской жизни Некрасова, потому и попадали въ нихъ только отношенія къ Глушицкому, не попадали воспоминанія о разговорахъ съ матерью передъ отъѣздомъ въ Петербургъ“.

(Стр LXVII и LXVIII).

„По перечисленіи мотивовъ, изъ которыхъ могла происходить „мягкость“—то-есть, снисходительность, доброжелательность — тона рецензій Некрасова, говорится, что кромѣ этихъ соображеній „мягкость Некрасовской критики могла обусловливаться и благодушными чертами его характера“; безъ сомнѣнія, собственно ими она и „обусловливалась“; другія причины, если были, то были только очень второстепенными мотивами; главное дѣло было въ томъ, что Некрасовъ былъ человѣкъ очень добрый.

(Стр. LXX).

„Въ характеристикѣ начинающагося 1856 годомъ „второго періода журнальной дѣятельности“ Некрасова говорится, между прочимъ, что „умственный и нравственный горизонтъ поэта значительно раздвинулся подъ вліяніемъ того сильнаго движенія, какое началось въ обществѣ, и тѣхъ новыхъ людей, которое окружили его“.—Дѣло было не въ расширеніи „умственнаго и нравственнаго горизонта поэта“, а въ томъ, что цензурныя рамки нѣсколько „раздвинулись“ и „поэтъ“ получилъ возможность писать кое о чемъ изъ того, о чемъ прежде нельзя было ему писать.—Когда дошло и до крайняго своего предѣла расширеніе цензурныхъ рамокъ, Некрасовъ постоянно говорилъ, что пишетъ меньше, нежели хочется ему; слагается въ мысляхъ пьеса, но является соображеніе, что напечатать ее будетъ нельзя, и онъ подавляетъ мысли о ней; это тяжело, это требуетъ времени, а пока онѣ не подавлены, не возникаютъ мысли о другихъ пьесахъ; и когда онѣ подавлены, чувствуешь усталость, отвращеніе отъ дѣятельности, слишкомъ узкой.—Я говорилъ ему: „еслибъ у меня былъ поэтическій талантъ, я дѣлалъ бы

не такъ; я писалъ бы и безъ возможности напечатать теперь ли, или хоть черезъ десять лѣтъ; писалъ бы и оставлялъ бы у себя до поры, когда будетъ можно напечатать; хотя бы думалъ, что и не доживу до той поры, все равно: когда жь нибудь, хоть послѣ моей смерти, было бы напечатано". Онъ отвѣчалъ, что его характеръ не таковъ, и потому онъ не можетъ дѣлать такъ; о чемъ онъ думалъ, что этого невозможно напечатать скоро, надъ тѣмъ онъ не можетъ работать.

„Причина невозможности всегда была цензурная.

„Онъ былъ одушевляемъ на работу желаніемъ быть полезнымъ русскому обществу; потому и нужна ему была для работы надежда, что произведеніе будетъ скоро напечатано; если бы онъ заботился о своей славѣ, то могъ бы работать и съ мыслью, что произведеніе будетъ напечатано лишь черезъ двадцать, тридцать лѣтъ: право на славу заработано созданіемъ пьесы; когда оно будетъ предъявлено, все равно; даже выгоднѣе для славы, если оно будетъ предъявлено черезъ десятки лѣтъ: посмертныя находки цѣнятся дороже даваемаго поэтомъ при жизни. Но онѣ служатъ только славѣ поэта, а не обществу, вопросы жизни котораго ужь не тѣ, какіе разъясняются посмертною находкою.

„Итакъ, писать безъ надежды скоро увидѣть произведеніе напечатаннымъ Некрасовъ не имѣлъ влеченія. Потому содержаніе его поэтическихъ произведеній сжималось или расширялось соотвѣтственно измѣненіямъ цензурныхъ условій. Изъ того, что оно послѣ крымской войны стало шире прежняго, нимало не слѣдуетъ, что за три, за четыре года до начала войны умственный и нравственный горизонтъ его былъ менѣе широкъ.

„Имѣла ль большое вліяніе на образъ мыслей перемѣна въ настроеніи массы образованнаго общества, произведенная крымской войной? (по выраженію „Біогр. свѣдѣній“, „горизонтъ“ его „раздвинулся“ отчасти подъ вліяніемъ этой перемѣны). Припомнимъ, въ чемъ состояла перемѣна. Было сознано массою общества, что надобно отмѣнить крѣпостное право, улучшить судопроизводство и провинціальную администрацію, дать нѣкоторый просторъ печатному слову. Только. Что̀ новаго для Некрасова могло быть въ этихъ мысляхъ, повыхъ для массы образованнаго общества?—Задолго до крымской войны онѣ были ясными и твердыми мыслями—только ли того литературнаго передового круга, въ которомъ жилъ Некрасовъ съ 1846, если не съ 1845 года?—Нѣтъ, не этому только кругу онѣ были ужь привычны въ 1846 году и раньше того; около 1845 онѣ были уже вполнѣ усвоены большинствомъ той части образованнаго общества, мнѣнія которой рано или поздно пріобрѣтаютъ владычество надъ мыслями другой, болѣе многочисленной части его; вполнѣ усвоены большинствомъ тѣхъ людей, которые сами чувствовали разницу таланта между Пушкинымъ и Бенедиктовымъ, Шекспиромъ и Коцебу и т. д.,—которые чувствовали эту разницу сами, и съ голоса которыхъ научились говорить о ней менѣе развитые образованные люди.—Перемѣна, произведенная крымской войною въ настроеніи русскаго общества, нимало не была перемѣною въ мысляхъ той части русской публики, которая до крымской войны любила Жоржа Занда и Диккенса; она состояла лишь въ томъ, что другая, болѣе многочисленная часть образованнаго общества,—та, которая любила Александра Дюма̀,—примкнула къ болѣе развитой части по вопросамъ

о русскомъ бытѣ; это и дало возможность развитымъ людямъ заговорить о надобности преобразованій, издавна составлявшихъ предметъ ихъ затаенныхъ желаній; поддерживаемые новыми своими многочисленными союзниками, они доставили нѣкоторый просторъ печати,—и Некрасовъ, подобно другимъ передовымъ дѣятелямъ печатнаго слова, получилъ возможность расширить содержаніе своей дѣятельности; вотъ этимъ онъ дѣйствительно обязанъ „тому сильному движенію, которое началось въ обществѣ“,— обязанъ точно также, какъ и всѣ талантливые ли, не особенно ли даровитые, поэты, беллетристы, драматурги, его сверстники или старшіе его, имѣвшіе прогрессивный образъ мыслей: всѣмъ имъ можно стало писать кое о чемъ изъ того, о чемъ желали, не могли они писать прежде.

„Итакъ, перемѣна въ настроеніи большинства многочисленнѣйшей части образованнаго общества не „раздвинула умственный и нравственный горизонтъ“ Некрасова, потому что онъ гораздо раньше этой перемѣны имѣлъ понятія, болѣе широкія, нежели какія могли быть внесены въ его мысли овладѣвшими тогда этою частью общества желаніями, не очень широкими, или, вѣрнѣе сказать, очень узкими; но, все-таки, это „сильное движеніе“, начавшееся въ обществѣ, имѣло большое вліяніе на его поэтическую дѣятельность: нимало не „раздвигая его умственный и нравственный горизонтъ“, оно раздвинуло внѣшнія ограниченія, сжимавшія прежде дѣятельность его, дало ему возможность писать о томъ, о чемъ не дозволялось писать до той поры; это вліяніе перемѣны въ настроеніи общества дѣйствительно обнаружилось въ содержаніи поэтическихъ произведеній Некрасова“...

Переходя къ вопросу о томъ, имѣли ли какое-нибудь вліяніе на поэзію Некрасова тѣ „новые люди, которые окружили его“, авторъ замѣтокъ отвѣчаетъ на вопросъ отрицательно. Можно было бы думать, что отвѣтъ вызванъ скромной уклончивостью (такъ какъ самъ авторъ замѣтокъ принадлежалъ къ этимъ „новымъ людямъ“); но таково было дѣйствительно мнѣніе автора: Некрасову нечего было у нихъ заимствовать. Правда, у новыхъ людей „но нѣкоторымъ отдѣламъ знанія было больше свѣдѣній; по многимъ вопросамъ были мысли болѣе опредѣленныя, чѣмъ у него; но это были свѣдѣнія и мысли, болѣе спеціальныя, чѣмъ какія нужны для поэта; а то, что нужно было ему знать какъ поэту, онъ зналъ отчасти хуже, отчасти не хуже новыхъ людей“. Нѣкоторые частные взгляды были даже совсѣмъ различны... Добролюбовъ былъ самымъ молодымъ изъ новыхъ друзей Некрасова: еще меньше было возможности заимствованія.

„Любовь къ Добролюбову могла освѣжать сердце Некрасова; и я полагаю, освѣжала. Но это совсѣмъ иное дѣло, не расширеніе „умственнаго и нравственнаго горизонта“, а чувство отрады. Чувство отрады благотворно. Оно укрѣпляетъ душевныя силы. За десять лѣтъ до знакомства съ Добролюбовымъ подобное благотворное вліяніе имѣло на Некрасова знакомство съ тою женщиною, которая была предметомъ многихъ его лирическихъ пьесъ.

„Перехожу къ слѣдующимъ строкамъ характеристики „второго періода“ дѣятельности Некрасова.

„Въ чемъ же состояло расширеніе „умственнаго и нравственнаго горизонта поэта?“ — Въ томъ, поясняютъ „Біографическія свѣдѣнія“, что „прежніе идеалы“ его „отчѣснялись“ „новыми“. Какъ Бѣлинскій не любилъ,

чтобъ ему напоминали о его статьяхъ въ родѣ „Бородинской годовщины“ или „Менцеля“, такъ и Некрасовъ „неохотно потомъ вспоминалъ“ о грѣхахъ своей молодости въ родѣ „Трехъ странъ свѣта“,—говорится въ „Біограф. свѣдѣніяхъ“. Дѣйствительно ли онъ „неохотно вспоминалъ“ о „Трехъ странахъ свѣта“? — Это замѣчаніе произошло, вѣроятно, изъ недоразумѣнія. Некрасовъ былъ не охотникъ говорить о своихъ произведеніяхъ. Вѣроятно, ему случилось устранить вопросъ о „Трехъ странахъ свѣта“ выраженіемъ недостатка охоты говорить объ этомъ романѣ; человѣку, не знавшему, что онъ не любитъ разсуждать ни о какихъ своихъ произведеніяхъ, должно было показаться, что онъ не любитъ говорить объ этомъ романѣ.

„Главною причиною его неохоты говорить о своихъ произведеніяхъ была скромность. Онъ былъ очень скромный человѣкъ. Другая—второстепенная—причина состояла въ томъ, что онъ слишкомъ хорошо зналъ по опыту, какъ скучна и смѣшна для слушателя слабость большинства беллетристовъ и поэтовъ разглагольствовать о своихъ произведеніяхъ. Человѣкъ съ сильной волей, онъ легко удерживался отъ этой слабости.

„Три страны свѣта“ и другія прежнія слабыя произведенія Некрасова („грѣхи его молодости“, по выраженію „Біограф. свѣдѣній“) вовсе не находятся въ такомъ отношеніи къ послѣдующимъ его произведеніямъ, какъ статьи Бѣлинскаго о Бородинской годовщинѣ и Менцелѣ къ позднѣйшимъ статьямъ. Бѣлинскій выражалъ въ тѣхъ прежнихъ статьяхъ мысли, которыя послѣ стали казаться ему ошибочны, дурны, ненавистны. Въ „Трехъ странахъ свѣта“ нѣтъ ничего такого, что̀ казалось бы впослѣдствіи Некрасову дурнымъ съ нравственной или общественной точки

зрѣнія. И, сколько мнѣ помнится, тамъ и не было ничего такого. Въ анализѣ этого романа, даваемомъ „Біограф. свѣдѣніями", проводится мысль о противоположности успѣшной житейской (въ данномъ случаѣ, коммерческой) дѣятельности благу народа. Точка зрѣнія фантастическая. Мнѣ она всегда казалась фантастической. Мнѣ всегда было тошно читать разсужденія о „гнусности буржуазіи" и обо всемъ тому подобномъ; тошно потому, что эти разсужденія, хоть и внушаемыя „любовью къ народу", вредятъ народу, возбуждая вражду его друзей противъ сословія, интересы котораго, хоть и могутъ часто сталкиваться съ интересами его (какъ сталкиваются очень часто интересы каждой группы самихъ простолюдиновъ съ интересами всей остальной массы простолюдиновъ), но въ сущности одинаковы съ тѣми условіями національной жизни, какія необходимы для блага народа, потому въ сущности тожественны съ интересами народа.

„Біографическія свѣдѣнія" продолжаютъ: прежде (до 1856 года) у Некрасова былъ только „горячій, но крайне неопредѣленный протестъ противъ рабства и угнетенія" — если протестъ былъ неопредѣленнымъ, по недостатку ль опредѣленности въ мысляхъ Некрасова или по цензурной невозможности писать опредѣленнѣе?—припомнимъ тогдашнія цензурныя условія, и не будетъ ровно никакой надобности пускаться въ предположенія о расширеніи умственнаго и нравственнаго горизонта Некрасова для объясненія тому обстоятельству, что какъ только нѣсколько раздвинулись цензурныя рамки, онъ сталъ писать то, что̀ не дозволялось писать прежде, и сталъ „пѣвцомъ народнаго горя",—пѣвцомъ котораго былъ онъ и прежде, насколько то было возможно.

„Онъ и прежде писалъ произведенія одинаковыя по мысли съ тѣми, за которыя „Біографическія свѣдѣнія“ называютъ его „пѣвцомъ народнаго горя“. Приведу заглавія нѣкоторыхъ изъ пьесъ этого содержанія, написанныхъ раньше (до начала и движенія въ обществѣ и сближенія со мною):

1846. Тройка.

1848. Вино.

1850. Проводы. (Вторая пьеса въ ряду соединенныхъ общимъ заглавіемъ: „На улицѣ“).

1853. Въ деревнѣ.

1853. Отрывки изъ путевыхъ записокъ графа Гаранскаго.

„Пьесы „Въ деревнѣ“ и „Отрывки изъ записокъ Гаранскаго“ написаны Некрасовымъ тоже не только до начала „сильнаго движенія въ обществѣ“, но и до сближенія съ новыми людьми, которое началось лишь въ 1854 году.

„Въ началѣ выписки изъ разсказа доктора Бѣлоголоваго о болѣзни Некрасова находится (стр. LXXVIII) выраженіе: „При всей скрытности своего характера и необыкновенномъ умѣньѣ владѣть собою“ (Некрасовъ не могъ не выражать, что проявленія симпатіи общества къ нему трогаютъ его).—Очень большое умѣнье владѣть собою дѣйствительно было у Некрасова. Но „скрытенъ“ онъ не былъ. Онъ только не былъ охотникъ говорить о себѣ, отчасти по скромности (это главное), отчасти потому, что зналъ изъ собственнаго опыта, какъ скучно и утомительно и смѣшно слушать охотниковъ много толковать о себѣ; онъ не хотѣлъ быть скучнымъ и смѣшнымъ. Но—когда видѣлъ, что человѣкъ желаетъ слушать, то го-

ворилъ съ полною откровенностью, лишь бы человѣкъ, желающій слушать, казался ему заслуживающимъ его откровенности.

(*„Примѣчанія къ стихотвореніямъ Некрасова*).

„По поводу „отрывковъ изъ путевыхъ записокъ графа Гаранскаго" „Примѣчанія" говорятъ (стран. XXXV, XXXVI): „Несмотря на примѣчаніе автора" (цитирующаго заглавіе французской книги графа Гаранскаго), „едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что это — оригинальная пьеса, а не переводъ". Еще бы сомнѣваться въ этомъ! Но для полнаго убѣжденія охотниковъ до подобныхъ выраженій, „едва ли можно" и т. д., когда и толковать тутъ было-бъ не о чемъ, если бы не было употреблено кѣмъ-нибудь такое выраженіе, скажу, что переводъ заглавія книги Гаранскаго на французскій языкъ Некрасовъ поручилъ сдѣлать мнѣ; у него оно было написано по-русски; я сдѣлалъ, а Тургеневъ поправилъ".

„Примѣчаніе къ пьесѣ: „Тяжелый крестъ достался ей на долю". (Стран. XLVI).

„Содержаніе, повидимому, имѣетъ ближайшее отношеніе къ поэмѣ „Мать".—Ровно никакого; дѣло идетъ о совершенно иной женщинѣ, о той, любовь къ которой была темою столькихъ лирическихъ пьесъ Некрасова.

„Вообще, по поводу „Примѣчаній" должно пожалѣть о претензіи составителя ихъ поправлять стихи Некрасова, кажущіеся ему неправильными. Напрасно онъ испортилъ текстъ своими поправками; обыкновенный поводъ къ поправкамъ подаетъ ему „неправильность размѣра"; а на самомъ дѣлѣ, размѣръ стиха, поправляемаго имъ, правиленъ. Дѣло въ томъ, что Некрасовъ иногда вставляетъ двусложную стопу въ стихъ пьесы, писанной трехслож-

ными стопами; когда это дѣлается такъ, какъ дѣлаетъ Некрасовъ, то не составляетъ неправильности.

„Приведу одинъ примѣръ. Въ „Пѣснѣ Странника“ (въ „Коробейникахъ“) Некрасовъ написалъ:

Ужъ я въ третью: мужикъ! Что ты бабу бьешь?

„Въ „Посмертномъ изданіи“ стихъ поправленъ:

...Что ты бабу-то бьешь?

„Некрасовъ не по недосмотру, а преднамѣренно сдѣлалъ послѣднюю стопу стиха двусложною; это даетъ особенную силу выраженію.—Понравка портить стихъ.

„Такъ и въ другихъ случаяхъ.

„Авторъ „Примѣчаній“ дѣлаетъ двѣ-три замѣтки о невѣрности выраженій (напримѣръ, о томъ, что нельзя сказать „женщина входила на Аѳонскія высоты“, потому что женщинамъ воспрещенъ входъ въ Аѳонскіе монастыри). Въ этихъ двухъ-трехъ случаяхъ онъ, быть можетъ, правъ; но слѣдовало ограничиться замѣткой о неправильности выраженія, а не поправлять стихъ. — Впрочемъ, что касается „Аѳонскихъ высотъ“, то надобно было бы справиться, нѣтъ ли на перешейкѣ Аѳонскаго мыса за стѣною, отдѣляющею монастыри отъ сѣверной части полуострова, какихъ-нибудь монастырей, церквей или вообще мѣстъ поклоненія, доступныхъ женщинамъ.

(*Замѣтка къ „Своду статей о Некрасовѣ“*).

„На стран. CLXXV говорится, что помѣщенное въ „Современникѣ“ за 1856 годъ, въ томѣ LXX, на страницахъ 1—12 (по нумераціи библіографическаго отдѣла) „краткое извѣстіе о выходѣ собранія стихотвореній“ (Некрасова) съ выпискою нѣкоторыхъ пьесъ—„статья самого

Некрасова"; нѣтъ, эта статья написана мною, и пьесы, приведенныя въ ней, выбраны для помѣщенія въ ней мною.

„Это дѣло моей неопытности и несообразительности имѣло чрезвычайно тяжелое вліяніе и на „Современникъ", и на судьбу „Стихотвореній" Некрасова" (навлекли на нихъ цензурное гоненіе)... Цѣлые четыре года цензура оставалась лишенною возможности дозволить второе изданіе его „Стихотвореній"; оставалась бы лишена и дольше, если бы по счастію не принялъ на себя заботу о разрѣшеніи цензурѣ этого дозволенія графъ Адлербергъ (графъ А. В. А., о которомъ говорится на стр. LXXII „Біограф. свѣдѣній").

„Прибавлю къ прежнимъ замѣткамъ еще двѣ.

„1) Для всѣхъ очевидно, что въ пьесѣ „На Волгѣ (Дѣтство Валежникова)" есть личныя воспоминанія Некрасова о его дѣтствѣ.—Однажды, разсказывая мнѣ о своемъ дѣтствѣ, Некрасовъ припомнилъ разговоръ бурлаковъ, слышанный имъ, ребенкомъ, и передалъ; пересказавъ, прибавилъ, что онъ думаетъ воспользоваться этимъ воспоминаніемъ въ одномъ изъ стихотвореній, которыя хочетъ написать. Прочитавъ черезъ нѣсколько времени пьесу „На Волгѣ", я увидѣлъ, что разсказанный мнѣ разговоръ бурлаковъ переданъ съ совершенною точностью, безъ всякихъ прибавленій или убавленій; перемѣны въ словахъ сдѣланы лишь такія, которыя были необходимы для подведенія ихъ подъ размѣръ стиха; онѣ нимало не измѣняютъ смысла рѣчи, и даже часто съ грамматической и лексикальной стороны не многочисленны и не важны. Вмѣсто—

„а кабы умереть къ утру, такъ было бъ еще лучше", —.

въ пьесѣ сказано:

„А кабы къ утру умереть,
Такъ лучше было бы еще“;

только такими пятью, шестью перемѣнами и отличается передача разговора въ пьесѣ отъ воспоминанія объ этомъ разговорѣ, разсказаннаго Некрасовымъ мнѣ. Когда я читалъ пьесу въ первый разъ, у меня въ памяти еще были совершенно тверды слова, слышанныя мною.

„2) О пьесѣ: „Размышленія у парадnаго подъѣзда“ могу сказать, что картина:

„Созерцая, какъ солнце пурпурное
Погружается въ море лазурное“ и т. д.

— живое воспоминаніе о томъ, какъ дряхлый русскій грѣлся въ коляскѣ на солнцѣ, „подъ плѣнительнымъ небомъ“ южной Италіи (не Сициліи).

„Вторая замѣтка: въ концѣ пьесы есть стихъ, напечатанный Некрасовымъ въ такомъ видѣ:

„Иль судебъ повинуясь закону“,—

этотъ печатный стихъ—лишь замѣна другому“...

Вопросъ о значеніи поэзіи Некрасова до сихъ поръ остается открытымъ. Немногіе изъ нашихъ писателей вызывали столъ противоположныя сужденія съ разныхъ сторонъ и разныхъ точекъ зрѣнія,—вызывали не только при жизни, когда къ сужденію о писателѣ могли присоединяться личная дружба или вражда,—но и до сихъ поръ. Разнорѣчіе—рѣшительное. По однимъ, говорить о поэтическомъ талантѣ Некрасова — нельзя, потому что этого таланта совсѣмъ не было; съ другой стороны этому

противополагаются многочисленныя и несомнительныя свидѣтельства о сильномъ впечатлѣніи, какое производили его стихотворенія, и не только въ свое время, но и на пространствѣ нѣсколькихъ поколѣній. Какъ объяснить это?

Что въ этомъ враждебномъ отношеніи къ Некрасову, именно къ его поэзіи, участвовало враждебное отношеніе къ лицу, это едва ли подлежитъ сомнѣнію. Въ приведенныхъ раньше „историческихъ справкахъ“ можно видѣть, какъ даже въ ближайшемъ дружескомъ кругу Некрасова находилъ мѣсто мелочной капризъ, выставлявшій противъ него придирчивыя и въ существѣ несправедливыя обвиненія; по раздражительной невоздержности такія обвиненія выходили за предѣлы близкаго круга и, конечно, получали вѣру, потому что ихъ можно было подтверждать авторитетомъ самихъ „друзей“. При этомъ можно было бы только дивиться тому, какъ могли строгіе судьи столь долго раньше поддерживать дружбу съ такимъ недостойнымъ и коварнымъ человѣкомъ, какимъ они его потомъ изображали. Тѣ, кто прочиталъ письма Некрасова къ Тургеневу,—какъ мы могли убѣдиться, — выносили изъ нихъ впечатлѣніе, вовсе не отвѣчавшее тому, что говорили о Некрасовѣ его бывшіе друзья, потомъ враги... Фетъ, который, по сказаніямъ біографовъ, очень враждебно относился къ Некрасову, но близокъ съ нимъ не былъ,— могъ заимствовать эту вражду прежде всего отъ упомянутыхъ „друзей“ и долженъ былъ окончательно убѣдиться въ дурныхъ качествахъ Некрасова, когда послѣдній не воспрепятствовалъ появиться въ „Современникѣ“ довольно добродушно насмѣшливымъ статьямъ Салтыкова противъ крѣпостническихъ статей Фета въ „Р. Вѣстникѣ“. Мы видѣли раньше, что знакомство съ Салтыковымъ самого

Тургенева Фетъ считалъ прямо недостаткомъ благовоспитанности. Въ своемъ кругу Фетъ, конечно, не воздерживался отъ самыхъ суровыхъ осужденій Некрасова, которыя у почитателей Фета сошли за авторитетныя показанія свѣдущаго человѣка... До какой степени, однако, увлеченія самого Фета въ шестидесятыхъ годахъ превышали всякую мѣру, о томъ свидѣтельствуютъ отзывы даже Тургенева, расположеннаго къ нему очень дружественно.

Была ли въ стихотвореніяхъ Некрасова поэзія? Мы видѣли, что Тургеневъ,—особенно въ минуты каприза,—утверждалъ, что у Некрасова поэзіи нѣтъ никакой,—хотя съ этимъ приговоромъ мало вяжется его другое впечатлѣніе, что стихотворенія Некрасова, собранныя въ одинъ фокусъ, „жгутся“. Что же могло въ нихъ имѣть такое дѣйствіе?.. Противники Некрасова обыкновенно говорили, что поэзія Некрасова не настоящая, а „тенденціозная“, разсчитанная на „либеральную толпу“, сухая и придуманная, и т. п. Но „либеральной толпы“ еще не было въ серединѣ сороковыхъ годовъ, когда появились первыя характерныя произведенія Некрасова; въ тѣхъ его вещахъ, гдѣ изображались тяжелыя бытовыя черты изъ народной жизни, ему нечего было придумывать,—мы видѣли сейчасъ примѣры, что стихотвореніе прямо передавало видѣнный фактъ и слышанныя слова, которыя становились стихотвореніемъ, потому что, пройдя черезъ фантазію, превращались въ картину.

Обвиненія въ „тенденціозности“ обыкновенно бываютъ чрезвычайно произвольны, и между прочимъ въ предѣлахъ новѣйшей русской литературы было отмѣчено, что именно защитники такъ называемаго чистаго искусства сплошь и рядомъ сами впадали въ несомнѣнную тенден-

ціозность. Эти защитники всего чаще—люди консервативныхъ понятій, или равнодушные къ общественнымъ вопросамъ; и ни они сими, ни ихъ союзники не замѣчаютъ, что ихъ романы, повѣсти, поэмы и проч. выходятъ всего чаще именно тенденціозными, какъ только касаются предметовъ нашей общественности, а не витаютъ въ древней Эллядѣ, въ среднихъ вѣкахъ, или въ изображеніяхъ природы, нѣжнаго чувства и т. п.

„Тенденціознымъ“ въ этой школѣ считается всего чаще извѣстное критическое отношеніе къ дѣйствительности, которое полагается „либерализмомъ“... Поэтому Некрасовъ считается особенно тенденціознымъ, такъ какъ въ его стихотвореніяхъ нерѣдко сказывается такое направленіе его мысли, и такой тонъ его картинъ и разсказовъ. Очевидно, какъ скоро къ дѣлу привлекается либерализмъ, или такъ-называемое „отрицательное направленіе“, вопросъ объ „искусствѣ“ запутывается до послѣдней степени.

Было бы долго разбираться въ этой путаницѣ. Ограничиваясь Некрасовымъ, замѣтимъ, во-первыхъ, что въ большой массѣ его стихотвореній совсѣмъ нѣтъ того, что самые усердные изъ его противниковъ могли бы назвать тенденціознымъ. Таковы лирическія стихотворенія, выражающія чисто личное чувство и которыя въ свое время производили впечатлѣніе оригинальной силой выраженія безъ всякой тѣни тенденціи. Таковы простыя изображенія деревенской жизни, то печальныя, какъ „Забытая деревня“, когда писатель видѣлъ передъ собой безпомощную заброшенность, то мягкія, почти идиллическія. Въ эпоху крымской войны Некрасовъ написалъ небольшое стихотвореніе („Внимая ужасамъ войны), которое выдѣли-

лось среди „подражаній Державину“ теплымъ и безхитростнымъ выраженіемъ простого человѣческаго чувства.

Но „отрицательное“ направленіе!

Вооружаясь противъ него, защитники „чистаго искусства“ покушаются на самую сущность. Очевидно, что „искусство“, которое полагается всеобъемлющимъ и „свободнымъ“, обнимаетъ *всѣ* настроенія—и въ личной, и въ общественной жизни человѣка—требуется только, чтобы форма выраженія была художественная. Чувства и стремленія общественныя, по самому ихъ содержанію, имѣютъ такое же право на мѣсто въ „искусствѣ“, какъ чувства и стремленія личныя; можетъ быть лирика общественная, какъ лирика личная; можетъ быть гимнъ Тиртея, какъ и личная идиллія или элегія, „подражаніе Державину“, какъ сатира; если возможна комедія и трагедія, то нѣтъ никакого основанія исключать идею ихъ содержанія изъ личной поэзіи: знаменитая тирада маркиза Позы могла быть отдѣльнымъ произведеніемъ поэта, или общественной лирикой... Въ настроеніи поэта, именно въ возбужденныя, тревожныя эпохи, чувство общественное можетъ быть сильнѣе личнаго, можетъ заглушать эгоистическія ощущенія, и имѣетъ всѣ права на художественное выраженіе. Никакія требованія „искусства“ не могутъ обособить поэта отъ настроеній, тревогъ, порывовъ общества, которому онъ принадлежитъ: поэтъ имѣетъ полное право быть не только мечтателемъ, живописателемъ, но и „пророкомъ“,—не даромъ тема „пророка“ увлекала и поражала двухъ, самыхъ могущественныхъ русскихъ поэтовъ; наконецъ, если не считаетъ себя призваннымъ пророчествовать, поэтъ можетъ только размышлять,—сколько прекрасныхъ размышленій разсѣяно въ художественныхъ

произведеніяхъ Пушкина, размышленій не только о личной судьбѣ человѣка, но и о ближайшихъ интересахъ общества,—можетъ стать моралистомъ и сатирикомъ.

Такимъ образомъ, Некрасовъ нисколько не нарушалъ требованій „искусства“, когда многія изъ своихъ произведеній посвящалъ именно этимъ интересамъ общественнымъ. Противники его утверждали, что это—вещи придуманныя, тенденціозныя и т. п. Но, во-первыхъ, сильное впечатлѣніе, которое испытывали и современники, и слѣдующія поколѣнія, само свидѣтельствуетъ, что здѣсь было нѣчто жизненное и искреннее,—иначе это забылось бы, какъ проваливались въ Лету намѣренно собираемые „гражданскіе мотивы“. Во-вторыхъ, Некрасову нечего было здѣсь придумывать. Онъ безспорно принадлежалъ къ числу людей, очень хорошо знавшихъ народную жизнь—отъ деревенскаго мужика, его спутника и помощника на охотѣ, до высокопоставленныхъ лицъ, съ которыми онъ игралъ въ англійскомъ клубѣ или отъ которыхъ ему приводилось слушать цензурныя наставленія и угрозы; онъ давно хорошо зналъ положеніе русской литературы, въ которой съ юности дѣйствовалъ какъ мелкій сотрудникъ, потомъ какъ издатель лучшаго журнала. При этомъ обширномъ жизненномъ опытѣ, ему нечего было придумывать: факты жизни и литературы всегда были на лицо передъ нимъ или передъ его памятью... Что касается склада его мыслей, его біографія (въ томъ числѣ сообщаемыя нами свѣдѣнія) указываетъ, что его основныя мысли по литературнымъ и общественнымъ вопросамъ складывались уже давно, въ началѣ и половинѣ сороковыхъ годовъ, когда онъ въ первый разъ видѣлъ Бѣлинскаго и когда завязалась первая дружба съ

Тургеневымъ. Какъ горячо онъ принималъ къ сердцу интересы русской литературы и какъ особенно были дороги ему пріобрѣтенія русской поэзіи, можно видѣть между прочимъ по указаннымъ здѣсь статьямъ о „русскихъ второстепенныхъ поэтахъ“, о стихотвореніяхъ Тютчева, приводившихъ его въ восхищеніе: какъ въ этихъ стихотвореніяхъ онъ умѣлъ понимать самыя тонкія красоты поэтической фантазіи и выраженія, такъ въ статьѣ объ „осадѣ Севастополя“ очень любопытно поэтическое сближеніе событій этой осады съ Иліадой,—живая дѣйствительность напомнила ему древнюю эпопею, и эпопея находила для него живое истолкованіе въ этой дѣйствительности... Мы видѣли выше, что общественное возбужденіе временъ Крымской войны вовсе не „расширило умственный горизонтъ“ Некрасова, какъ говорили біографы,—оно не расширило горизонта и другихъ людей того времени съ тѣмъ же взглядомъ на вещи, потому что этотъ взглядъ (напр. мысли о необходимости отмѣны крѣпостного права и необходимости другихъ реформъ) созрѣлъ гораздо раньше, — и эпоха Крымской войны только расширила рамки литературы и дала возможность говорить о предметахъ, которые прежде были для нея совершенно закрыты. Отсюда понятно, что не изъ какого-либо мелкаго тенденціознаго побужденія, не изъ исканія популярности, произошли стихотворенія, какъ „Поэтъ и гражданинъ“ и другія подобнаго характера,— а произошли они изъ глубокой потребности высказать, какъ только являлась къ этому возможность, давно накопившіяся мысли и чувства. Есть разсказы о томъ, какъ писалъ Некрасовъ, какъ происходилъ процессъ

„творчества“ [1], — это было чрезвычайное нервное возбужденіе.

Возвратимся еще къ „отрицательному направленію“. На него обрушиваются обыкновенно люди направленія консервативнаго, и также партизаны „чистаго искусства“ (нерѣдко одни и тѣ же люди). Послѣднимъ кажется, что истинная поэзія та, которая остается совершенно чужда внѣшнимъ интересамъ, заботамъ и тревогамъ дня,—„заботамъ суетнаго свѣта“ противополагается священное жертвоприношеніе Аполлону. Но защитники такого „чистаго“ искусства не хотятъ видѣть, что это было бы, такъ сказать, стерилизованное искусство, насильственно удаленное отъ жизненнаго пульса общественности; что въ тревогахъ и заботахъ дня заключаются не только „низменные“ матеріальные интересы, но и самыя возвышенныя стремленія общества и самой націи. Если только поэтъ—не эгоистическій мечтатель, чуждый жизни, а напротивъ живой человѣкъ, раздѣляющій заботы и идеалы того общества, котораго онъ есть дѣтище, этотъ поэтъ едва ли можетъ остаться безучастнымъ зрителемъ общественной и національной жизни, не желать внести въ нее того творческаго священнаго огня, какой получилъ онъ какъ драгоцѣнный даръ. Поэты-мечтатели, углубленные въ чисто субъективныя движенія мысли и чувства, дѣйствительно бываютъ; но считать ихъ исключительными представителями „искусства“—нѣтъ ни логической, ни исторической возможности. Тотъ самый Гёте, который говорилъ: „ich singe wie der Vogel singt“, хотѣлъ этимъ выразить только свободу своего поэтическаго творчества,

[1]) Воспоминанія Панаевой. Спб. 1890.

въ которомъ сознавалась имъ геніальная самобытность, свое поэтическое самодержавіе (какъ у Пушкина: „ты—царь, живи одинъ“); но, конечно, Гёте никакъ не хотѣлъ сказать, что подъ этими словами онъ разумѣлъ и *содержаніе* своей поэзіи (...*was* der Vogel singt!..). Такая птичья поэзія была бы жалкой для разумнаго существа. „Была ему звѣздная книга ясна и съ нимъ говорила морская волна“, но его высшимъ стремленіемъ было стремленіе—если не рѣшить, то сказать свое могущественное слово для рѣшенія великихъ вопросовъ человѣческаго сознанія. И это не были вопросы чисто отвлеченные: это были насущные вопросы для лучшихъ умовъ эпохи, и особенно въ Германіи, гдѣ—въ это самое время—совершалось грандіозное развитіе нѣмецкой философіи, отъ Канта до Гегеля. Потому Гёте и вызываетъ до сихъ поръ въ Германіи (и внѣ Германіи) безконечные комментаріи, не столько съ эстетической, сколько именно съ философской и культурно-исторической точки зрѣнія. Гёте не остался чуждъ и ближайшимъ интересамъ своего отечества, именно политическимъ, какъ и Пушкинъ живо принималъ къ сердцу русскіе общественные интересы,—и не легко рѣшить, принадлежали ли, въ собственныхъ глазахъ Пушкина, мечты его, напр., объ освобожденіи крестьянъ къ „заботамъ суетнаго свѣта“ или къ „священной жертвѣ“. Думаемъ, что—къ послѣднему.

Порицатели „отрицательнаго направленія“ всего чаще дѣлаютъ одинъ и очень крупный недосмотръ. А именно: само по себѣ, осужденіе „отрицательнаго направленія“ не имѣетъ смысла безъ указанія того, что̀ отрицалось. И если собрать всѣ прямыя или подразумѣваемыя отрицанія Не-

красова, то окажется, что предметомъ его сожалѣній, негодованія, обличенія, а затѣмъ надежды, ожиданій, было то самое, что̀ составляло тогда предметъ заботы и ожиданій всей лучшей части русскаго общества, всѣхъ истинно просвѣщенныхъ и благожелательныхъ людей—безъ различія „партій“. Это было ожиданіе реформъ и желаніе возможно широкаго распространенія просвѣщенія и простора для литературы. Съ тѣхъ поръ, многое въ этомъ отношеніи было пріобрѣтено, и эти пріобрѣтенія справедливо считаются славою царя-реформатора и исполнителей его воли, принадлежавшихъ именно къ тому кругу просвѣщенныхъ и благожелательныхъ людей... [1]).

Входить въ подробности содержанія поэзіи Некрасова не будемъ: оно извѣстно и много разъ обозрѣвалось его историками; но должно сказать объ его стилѣ и формѣ, которые такъ существенны въ поэтическомъ произведеніи и которыя, между прочимъ, у Некрасова опять давали его противникамъ мнимое основаніе къ осужденію его поэзіи.

Некрасовъ, — какъ мы видѣли, — большой любитель поэзіи и стихотворной формы, обладавшій тонкимъ художественнымъ вкусомъ,—былъ также очень умный человѣкъ и уже въ силу этого способный къ прямому сужденію о своихъ собственныхъ твореніяхъ безъ мелочного самолюбія, которымъ со временъ античной древности (а вѣроятно и раньше) отличался gens irritabile vatum. У

[1]) Facit indignatio versum,—писалъ древній Ювеналъ. Самоновѣйшій писатель, странный человѣкъ, но тонкій эстетикъ, говоритъ: „...l'on n'a pas de talent si l'on n'aime avec passion ou si l'on ne hait de même; l'enthousiasme et le mépris sont indispensables pour créer une oeuvre; le talent est aux sincères et aux rageurs, non aux indefférents et aux lâches“ (Huysmans, Certains, 1898).

него не было самомнѣнія о своихъ работахъ. Онъ съ великимъ уваженіемъ относился къ славнымъ именамъ создателей русской поэзіи, но никогда не присчитывалъ себя даже къ скромнымъ „ученикамъ“ ихъ. Онъ безъ всякой претензіи желалъ для своихъ новыхъ стиховъ суда, напр., отъ Тургенева и отъ такихъ судей, которымъ вѣрилъ, готовъ былъ совершенно искренно принять самый строгій судъ, — потому что мелочности у него вообще не было. Итакъ, онъ вовсе не преувеличивалъ своего „творчества“, но вмѣстѣ очень дорожилъ имъ: была все-таки доля личнаго поэтическаго самозабвенія, свойственнаго творчеству; когда приходила минута, его влекло къ риѳмованнымъ звукамъ, въ которыхъ могло сказаться долго сдержанное чувство, опредѣлившаяся мысль, сложившаяся шутка или иронія. Раза два-три онъ говорилъ о своей „музѣ“: недруги поспѣшили увидѣть въ этомъ притязаніе; но дѣло было довольно просто и скромно. Некрасовъ вспомнилъ о своей „музѣ“ въ разгарѣ его поэтической дѣятельности, когда въ самомъ дѣлѣ складывался его особенный стиль и вмѣстѣ большая популярность [1]). Ему хотѣлось отдать себѣ отчетъ въ этой своей дѣятельности, и „муза“ была еще слишкомъ привычнымъ символомъ, къ которому можно было привязать и долю своихъ воспоминаній о томъ, какъ жизнь направляла его поэзію, и объясненіе, почему его поэзія приняла этотъ невеселый, даже мрачный характеръ. Послѣдній мало имѣлъ общаго съ обычнымъ настроеніемъ нашей лирики; въ его поэзіи недоставало цѣлаго ряда ощущеній жизнерадостныхъ, не было нѣжныхъ ласкающихъ тоновъ, и Некрасовъ прямо указываетъ эту

[1]) Чрезвычайный успѣхъ перваго сборника его стихотвореній былъ для него нѣкоторой неожиданностью.

особенность, которую считалъ повидимому не столько своей оригинальностью, сколько недостаткомъ; онъ видѣлъ и сознавалъ неровности своей формы и самаго стиха: „нѣтъ въ тебѣ поэзіи свободной—мой суровый, неуклюжій стихъ...—нѣтъ въ тебѣ творящаго искусства". Потомъ свою не ласковую и не любимую „музу" Некрасовъ вспомнилъ уже на смертномъ одрѣ.

Но, сознавая въ себѣ недостатокъ „свободной поэзіи", „творящаго искусства", Некрасовъ настойчиво и опредѣлительно указываетъ въ своей поэзіи другую черту, дѣйствительно ей принадлежавшую и составившую ея отличительную особенность: въ его стихѣ „кипитъ живая кровь". Онъ—поэтъ дѣйствительной жизни: у него нѣтъ заоблачныхъ мечтаній, нѣтъ сантиментальныхъ порывовъ, нѣтъ эгоистической идилліи; передъ нимъ всегда дѣйствительность съ ея господствующими чертами, а эти черты (напомнимъ историческія условія времени) всего чаще суровыя и безотрадныя, и для свободныхъ запросовъ личности, и для общества, и для народной массы. Некрасовъ очень рано почувствовалъ тѣ настроенія, которыя онъ высказывалъ потомъ въ „Поэтѣ и гражданинѣ"... Особенные почитатели Некрасова хотятъ возвеличивать его, называя „пѣвцомъ народнаго горя": не говоря о томъ, что выраженіе: „пѣвецъ горя" заключаетъ какую-то нескладную двусмысленность, намъ кажется, что опредѣленіе, которое желаютъ дать поэзіи Некрасова этими словами, не указываетъ въ точности ея содержанія. Правда, въ этой поэзіи не мало такихъ унылыхъ (иногда—точно плаксивыхъ) нотъ, но онѣ вовсе не господствуютъ: цѣлое настроеніе Некрасова вообще бодрое, вовсе не малодушное, а негодующее, и его основной интересъ — не спеціально

народный, а народно-общественный. Въ существѣ, его поэзія представляетъ развитіе тѣхъ прежнихъ возбужденій, какія получилъ онъ въ первые годы своей литературной дѣятельности: въ ранней молодости, въ первыхъ стихотвореніяхъ онъ прошелъ извѣстный романтическій періодъ, но затѣмъ овладѣло имъ сильное движеніе реализма, поддержанное въ немъ личностью и мыслями Бѣлинскаго,— къ которому до конца онъ питалъ благодарную память. Этотъ реализмъ заключалъ въ себѣ два основныхъ стремленія: во-первыхъ, онъ давалъ рѣшительный (и необходимый) противовѣсъ слишкомъ отвлеченному, искусственному и мечтательному романтизму, который грозилъ стать совсѣмъ безсодержательнымъ [1]); во-вторыхъ, обращая умы отъ фантастики къ дѣйствительности, онъ указывалъ множество жизненныхъ явленій, которыя были раньше совсѣмъ не замѣчаемы, но требовали изображенія, — это были часто мелкія явленія скромной обыденной жизни, но въ которыхъ было столько же, какъ въ жизни шумной и блестящей, матеріала для художественнаго изображенія—здѣсь была и идиллія, и юморъ, и трагедія, — наконецъ для пробужденія нравственнаго долга, для подъема общественнаго сознанія. Гоголь далъ для всего этого высокіе образцы и поученія,—и мы видѣли, что Некрасовъ также навсегда сохранилъ высокое представленіе о Гоголѣ; несмотря на „Выбранныя мѣста“, вызвавшія общее сужденіе, Некрасовъ продолжалъ видѣть въ Гоголѣ восторженнаго служителя искусства и проповѣдника нравственнаго долга писателя,—и это возвышенное представленіе о Гоголѣ есть очень характерная черта литературныхъ идей Некра-

[1]) Дѣло было о нашихъ тридцатыхъ и частію сороковыхъ годахъ.

сова. Съ новымъ реалистическимъ изображеніемъ дѣйствительной жизни, для общества и самихъ писателей разъяснялся смыслъ этой жизни и ея тяжелыхъ сторонъ, именно смыслъ соціальный. Если уже Гоголь вызвалъ ожесточенныя нападенія консерваторовъ, которые, между прочимъ, чуяли въ „Мертвыхъ душахъ“ намекъ на нелѣпость крѣпостного права—въ рукахъ такихъ помѣщиковъ, какіе тамъ изображены (I часть); то впослѣдствіи та же категорія судей нападала на „натуральную школу“ за „грубость вкуса“, въ которой подозрѣвала какъ бы соціальное вольнодумство. Подобныя обвиненія унаслѣдовалъ и Некрасовъ. По основѣ своего общественнаго взгляда онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія Гоголя, въ истолкованіи Бѣлинскаго, какъ Тургеневъ, поклонявшійся Пушкину, въ „Запискахъ охотника“ несомнѣнно находился въ настроеніи, которое пробуждено было Гоголемъ. — Понятно, что здѣсь не можетъ быть рѣчи о какомъ-нибудь „подражаніи“: предъ нами, напротивъ, одно изъ любопытнѣйшихъ явленій процесса внутренняго литературнаго развитія. Въ произведеніяхъ писателя ярко выразилась, наконецъ, идея, внушенная инстинктами общества, создалось настроеніе, которое, съ одной стороны, научало презирать житейскую пошлость, съ другой — научало серьезной человѣчности, особенно научало видѣть въ приниженномъ и страдающемъ человѣкѣ—„брата“. Это настроеніе, мысль, возведенныя великимъ талантомъ „въ перлъ созданія“, становятся стихіей, которая овладѣваетъ новыми поколѣніями: въ чуткихъ дарованіяхъ иного поколѣнія это настроеніе продолжаетъ развиваться подъ вліяніемъ новыхъ условій личнаго характера, въ иной обстановкѣ нравовъ, умственныхъ интересовъ; дальнѣйшее художественное развитіе идеи

обогащается новыми красотами, и въ результатѣ передъ обществомъ картина жизни расширяется, общественное сознаніе пріобрѣтаетъ бо́льшую глубину. Прежнее „настроеніе“ переходитъ въ опредѣленный принципъ: такъ Гоголевское преданіе перешло и въ реальный протестъ противъ крѣпостного права, и въ соціальную рефлексію, и въ психологическій анализъ,—и въ суровое, ироническое настроеніе Некрасова.

Первыя возбужденія обыкновенно забываются въ дальнѣйшей дѣятельности писателя, какъ нѣчто привычное, и затѣмъ все больше выступаютъ его личныя особенности, когда вмѣстѣ съ тѣмъ умножаются новыя впечатлѣнія и опыты жизни. Основной чертой у Некрасова осталось стремленіе къ реалистическому изображенію, отвѣчавшее самому складу его ума, трезвому и дѣловому. Раньше, чѣмъ появились его главныя характерныя стихотворенія, онъ былъ авторомъ „Петербургскихъ угловъ“, потомъ реалистическихъ повѣстей и романовъ. Еще раньше повѣстей, онъ былъ авторомъ водевилей и шуточныхъ стихотвореній, которыя иногда приближались къ сатирѣ. Эта наклонность къ шуткѣ, похожей на сатиру, сохранилась у него до послѣднихъ годовъ; но предметъ шутки становился важнѣе и она чаще переходила въ сатиру, которая уже не была шуткой.

Въ зрѣлую пору жизненнаго опыта и таланта написаны были произведенія Некрасова, которыя всего больше создали его популярность и гдѣ дѣйствительно его мысли нашли яркое выраженіе: для ихъ опредѣленія достаточно назвать, напр., „Музу“ и „Поэта и гражданина“. Но рядомъ шли простыя и тепло написанныя картинки народной, именно деревенской жизни. На пространствѣ отъ

желчнаго тона его сатиры до этихъ идиллій идетъ рядъ оттѣнковъ: въ сатирѣ находятъ мѣсто лирическіе эпизоды, въ идиллію примѣшивается слегка насмѣшливая шутка, въ элегіи иногда прорывается иронія; но въ деревенскихъ картинкахъ, какъ вообще, Некрасовъ нигдѣ не впадаетъ въ тонъ слащавой чувствительности. Однажды онъ задумалъ издавать небольшія книжки для народнаго чтенія—изъ своихъ стихотвореній и постороннихъ разсказовъ, доступныхъ народному читателю (напр. извѣстнаго въ свое время Погосскаго),—и дѣйствительно, стихотворенія о деревенскихъ предметахъ едва ли у кого-нибудь изъ нашихъ поэтовъ выдержаны въ такомъ вѣрномъ и простомъ тонѣ, какъ у Некрасова: эту деревенскую рѣчь онъ зналъ сполна, а нѣкоторыя стихотворенія—точно бесѣды его съ деревенскими пріятелями...

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

ЛИТЕРАТУРЫ О НЕКРАСОВѢ, СЪ ЕГО СМЕРТИ.

1877. „Биржевыя Вѣдомости", № 326, 19 декабря (о болѣзни Некрасова).

„„Веч. Почта" передаетъ, что въ послѣднее время Н. А. Некрасовъ сильно страдалъ и постоянно жаловался на тягостное состояніе своего здоровья. Хотя со времени операціи, произведенной надъ нимъ извѣстнымъ вѣнскимъ хирургомъ Бильротомъ, и прошло уже восемь мѣсяцевъ, но Николай Алексѣевичъ только весьма недолго чувствовалъ нѣкоторое облегченіе, и именно весною, когда онъ могъ немного прохаживаться пѣшкомъ. Больной истощенъ до крайности, и результатомъ этого истощенія было то, что въ четвергъ, 15 декабря, около 7 часовъ вечера, его постигъ апоплексическій ударъ, причемъ отнялся языкъ, правая нога и лѣвая рука. Больной говоритъ крайне невнятно, и состояніе его здоровья, при общемъ истощеніи организма, внушаетъ самыя серьезныя опасенія"...

1877. „Новое Время", 28 декабря (о смерти Некрасова).

„Съ глубокою грустью сообщаемъ мы печальное извѣстіе о великой утратѣ, понесенной русской литературой: сегодня. 27 декабря, въ 8 часовъ вечера, послѣ долгой и мучительной агоніи, продолжавшейся почти пятнадцать часовъ, скончался Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Вѣсть о кончинѣ этого поэта отзовется по всей Россіи, которая знала наизусть его энергическія и прочувствованныя пѣсни — задушевные

отголоски и горя и мощи русскаго народа. Николай Алексѣевичъ родился 22 ноября 1821 года, стало быть, прожилъ всего 56 лѣтъ. Въ теченіе неутомимаго, долгаго служенія русской поэзіи, покойный сдѣлалъ такъ много, что, безъ сомнѣнія, этого слишкомъ довольно для сохраненія за нимъ славы крупнаго поэта, достойнаго стать рядомъ съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ. Кромѣ поэтическихъ заслугъ Некрасовъ имѣлъ продолжительное и большое вліяніе въ русской журналистикѣ, въ которой онъ былъ самымъ опытнымъ и энергическимъ дѣятелемъ. И все-таки, несмотря на долгіе и плодотворные труды покойнаго, невольно сжимается сердце при мысли о томъ, что роковой недугъ, преслѣдовавшій его въ послѣдній годъ его жизни, слишкомъ рано отнялъ этого человѣка у его родины. Некрасовъ, судя по его предсмертнымъ стихотвореніямъ, не утратилъ своего энергическаго таланта и вѣроятно могъ бы еще пропѣть такія пѣсни, которыя отозвались бы во всѣхъ сердцахъ и прибавили бы новые лавры къ сумрачному терновому вѣнцу музы мести и печали. Но судьба судила иначе: смерть отняла у русскаго народа его лучшаго поэта преждевременно“...

1877. „Биржевыя Вѣдомости“, № 334, 29 декабря. „Некрологъ“.

„Во вторникъ, 27 декабря, въ 8½ часовъ вечера, окончились для Некрасова его тяжкія, невыносимыя муки. Онъ умеръ послѣ тяжелой агоніи, продолжавшейся болѣе полусутокъ.

„Россія потеряла въ немъ поэта, который первый съумѣлъ заглянуть въ сердце простого русскаго человѣка и въ сильныхъ, невольно запечатлѣвающихся въ памяти каждаго стихахъ высказать подавляющую его скорбь и его убогія упованія.

„Молодое поколѣніе прежде всего запоминало стихи Некрасова и по нимъ училось сочувствовать народному горю и сознавать свои гражданскія къ народу обязанности.

„Скорбное извѣстіе о смерти Некрасова проникнетъ въ самые отдаленные углы нашего отечества и вызоветъ искреннее соболѣзнованіе о немъ какъ о могучемъ общественномъ дѣятелѣ.

„Выступая на поприще своего гражданскаго служенія, поэтъ, оглядываясь вокругъ себя, имѣлъ полное право сказать глубоко выстраданныя слова:

Въ насъ подъ кровлею отеческой
Не запало ни одно
Мысли чистой, человѣческой
Плодотворное зерно.

„Это-то зерно человѣческой мысли и насаждалъ Некрасовъ всею своею литературною дѣятельностью.

„Некрасовъ умеръ 56 лѣтъ отъ роду. Два года тому назадъ это былъ еще человѣкъ бодрый, крѣпкій, обладавшій такимъ здоровьемъ, что никому не приходила въ голову мысль объ его близкой кончинѣ.

„Болѣзнь быстро сокрушила его крѣпкій организмъ. Но даже и подъ гнетомъ тяжелыхъ страданій Некрасовъ не прекращалъ своего общественнаго служенія и какъ-бы ловилъ всякую минуту облегченія отъ боли, чтобы выражать то, что̀ ему казалось еще невысказаннымъ.

„Въ одну изъ такихъ минутъ онъ завѣщалъ друзьямъ своимъ:

Вамъ же не праздно, друзья благородные,
Жить и въ такую могилу сойти,
Чтобъ широкіе лапти народные
Къ ней проторили пути.

„Ударъ, постигшій Некрасова въ четвергъ на прошедшей недѣлѣ, ускорилъ его кончину. Онъ умеръ отъ задушенія. Выносъ тѣла покойнаго назначенъ въ пятницу. По его желанію, онъ будетъ похороненъ въ Ново-дѣвичьемъ монастырѣ“.

1877. „Биржевыя Вѣдомости“, № 334, 29 декабря. „Николай Алексѣевичъ Некрасовъ“, ст. А. Плещеева.

„27 декабря, въ 8 часовъ 50 минутъ вечера, скончался Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Почти два года продолжалась мучительная болѣзнь, сведшая поэта въ могилу. Она до такой степени истощила его, что этотъ дорогой всѣмъ намъ образъ неузнаваемъ... Отпечатокъ глубокаго страданія лежитъ на немъ... Въ послѣдніе дни недуга Н. А. уже не принималъ никакой пищи... Одинъ изъ пользовавшихъ его врачей говорилъ, что ему никогда не случалось видѣть больного, до такой степени исхудавшаго.

„Хотя эта скорбная вѣсть не является для нашего общества неожиданностью, но тѣмъ не менѣе она не можетъ не произвести глубоко потрясающаго впечатлѣнія на всѣхъ, кому дороги судьбы русской литературы, теряющей въ покойномъ

поэтѣ одного изъ великихъ своихъ представителей,—не говоря уже о людяхъ, имѣвшихъ счастіе знать его лично, находиться съ нимъ въ близкихъ и частыхъ сношеніяхъ. Для тѣхъ, кто посвятилъ себя поэтической дѣятельности, утрата эта особенно чувствительна, скажемъ болѣе—незамѣнима... Поэты, приносившіе къ нему свои произведенія, всегда могли разсчитывать на его сочувственное, ободряющее слово, на полезный и добрый совѣтъ. Часто случается, что даровитые писатели бываютъ плохими цѣнителями чужихъ произведеній, но къ покойному Н. А. никакъ нельзя было примѣнить этого; совершенно напротивъ, онъ обладалъ необыкновенной критической способностью, и отзывы его всегда были въ высшей степени вѣрны... Вообще это былъ человѣкъ сильнаго, выдающагося ума, и та же самая вѣрность и ширина взгляда замѣчалась у него при оцѣнкѣ людей и фактовъ.

„Заслуги Некрасова какъ журналиста точно такъ же огромны. Онъ умѣлъ сгруппировать около себя въ „Современникѣ“ самыя крупныя литературныя силы той эпохи,— и кому неизвѣстно вліяніе, которое имѣлъ на тогдашнее общество этотъ журналъ? Трудно, почти невозможно быть долгіе годы журналистомъ и не нажить себѣ враговъ, и у Некрасова было ихъ много..., распускавшихъ о немъ часто самые нелѣпые слухи, лишенные всякаго основанія. Къ нимъ, разумѣется, принадлежали всѣ тѣ, чье самолюбіе было задѣто выраженнымъ въ журналѣ мнѣніемъ объ ихъ дѣятельности; но люди, постоянно работавшіе въ журналѣ и близко стоявшіе къ редакціи, засвидѣтельствуютъ, насколько было правды въ отзывахъ этихъ доброжелателей, часто даже заподозрѣвавшихъ искренность его поэтическаго настроенія, его сочувствія ко всему страждущему и угнетенному и той горячей любви къ народу, которою проникнуты лучшія созданія угасшаго поэта...

„И не только добрымъ совѣтомъ и сочувственнымъ словомъ готовъ былъ всегда помочь Некрасовъ пишущей братіи, приносившей къ нему на судъ свои произведенія. Имѣя вполнѣ обезпеченныя средства къ жизни, но пройдя въ юности школу нужды, онъ никогда не оставался глухъ къ нуждамъ своихъ сотоварищей по профессіи, умѣлъ войти въ положеніе писателя и не только оказать ему помощь, но оказать ее такъ, что она не оскорбляла самолюбія одолженнаго. Еще много голосовъ безъ сомнѣнія раздастся въ подтвержденіе моихъ словъ.

„Спи мирно, нашъ дорогой, горячо любимый поэтъ... „На-

родная тропа не заростетъ къ тебѣ". И пока на Руси будетъ биться хоть одно сердце, желающее блага своей родинѣ и въ которомъ не изсякла любовь къ поэзіи,—твое имя, твои выстраданныя пѣсни не умрутъ"...

1877. „Биржевыя Вѣдомости", № 335, 30 декабря.

„Первая панихида по кончинѣ Некрасова совершилась въ среду, 28 декабря, въ 7 часовъ вечера. Грустная вѣсть о смерти любимаго поэта быстро разнеслась по городу и собрала на эту панихиду большое количество публики изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества".

1877. „Голосъ", № 321, 31 декабря (О похоронахъ Некрасова).

„Сегодня, въ пятницу, 30 декабря, ровно въ 9 часовъ утра, тѣло Николая Алексѣевича Некрасова было вынесено изъ его квартиры для препровожденія на кладбище Новодѣвичьяго монастыря. Проводить поэта собрались его многочисленные знакомые изъ разныхъ слоевъ общества, почитатели его таланта, представители науки, литературы, журналистики, много молодежи, воспитанниковъ не только высшихъ учебныхъ заведеній, но и гимназій, гражданскихъ и военныхъ. Бренные останки Некрасова были положены въ гробъ, обитый золотымъ позументомъ, на крышкѣ лежало нѣсколько роскошныхъ вѣнковъ изъ живыхъ и искусственныхъ цвѣтовъ. Приготовленная для перевезенія тѣла траурная колесница подъ балдахиномъ ѣхала позади печальной процессіи, такъ какъ до самаго кладбища гробъ былъ несенъ на плечахъ усердствующихъ. Впереди процессіи шли пѣвчіе, за ними несли громадные лавровые вѣнки съ различными надписями изъ мелкихъ цвѣтовъ: „Отъ русскихъ женщинъ", „Пѣвцу народныхъ страданій", „Безсмертному пѣвцу народа", „Слава печальнику горя народнаго", „Некрасову—студенты". Во время шествія кортежа, масса народа, окружавшая гробъ, стройнымъ хоромъ пѣла „святый Боже"; общее настроеніе было самое сочувственное памяти поэта. У церквей, процессія останавливалась для краткой надгробной литіи и затѣмъ медленно продолжала путь среди сплошной массы народа.

„Въ рѣчи, произнесенной въ церкви надъ гробомъ умершаго, профессоръ университета, священникъ М. П. Горчаковъ, указалъ на значеніе покойнаго, какъ народнаго поэта, носителя и выразителя страдальческихъ чувствъ и думъ

русскаго народа, соединенныхъ съ крѣпкою надеждою и вѣрою въ истину, добро и правду, и на отношеніе воззрѣній поэта къ отечественной церкви. Ораторъ говорилъ, что въ мощныхъ стихахъ поэта, вмѣстѣ съ сильными звуками народнаго горя, сильно и громко звучатъ тоны твердой надежды и вѣры народной, вѣры въ истину, правду и добро; и что Некрасовъ былъ выразителемъ не одного какого-нибудь класса народа и не кружка, но общій, народный поэтъ. Отношенія поэта къ отечественной церкви ораторъ изобразилъ превосходными стихами самого поэта, извлеченными изъ извѣстнаго произведенія „Рыцарь на часъ".

Не блѣднѣть предъ правдой-царицею
Научила ты музу мою...
Сколько разъ я надъ бездной стоялъ,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падалъ...
Выводи на дорогу тернистую.

„Изъ рѣчей, произнесенныхъ на кладбищѣ, надъ гробомъ поэта, обратила на себя вниманіе, между прочимъ, рѣчь В. А. Панаева, который, на основаніи своего 38-лѣтняго знакомства съ Н. А. Некрасовымъ, обрисовалъ его какъ человѣка, нравственность котораго выше всякихъ сомнѣній. Такой талантъ,—сказалъ г. Панаевъ,—могъ быть только въ человѣкѣ высокихъ нравственныхъ качествъ.

„Опустивъ гробъ въ могилу, бросивъ на нее послѣднюю слезу, родные, друзья, знакомые и почитатели таланта Н. А. Некрасова, уходя съ кладбища, уносили съ собою сознаніе исполненнаго послѣдняго долга къ поэту, пѣсня котораго получитъ должную оцѣнку лишь тогда, когда народъ, для котораго слагалась она, самъ прочтетъ ее, а не будетъ, какъ теперь, распѣвать съ чужого голоса"...

1877. „Биржевыя Вѣдомости", № 336, 31 декабря. „Похороны Н. А. Некрасова".

„Вчера, въ пятницу, 30 декабря, похоронили нашего дорогого незабвеннаго поэта Н. А. Некрасова. День былъ ясный, но чрезвычайно морозный. Выносъ тѣла былъ назначенъ въ 9 часовъ утра. Громадная толпа самаго пестраго народа сгруппировалась съ ранняго утра около квартиры, въ которой болѣе 20 лѣтъ жилъ Некрасовъ. Молча, спокойно, съ соблюденіемъ должной торжественности ожидала публика

гроба на улицѣ, около самаго подъѣзда. Ровно въ 9 часовъ толпа молодыхъ людей вынесла гробъ на рукахъ. Впереди гроба несли вѣнки съ девизами изъ стиховъ покойнаго, и процессія двинулась по Литейной къ Загородному проспекту. Громадная масса народа, скучившаяся вначалѣ на одномъ мѣстѣ, стала постепенно растягиваться и, по мѣрѣ движенія процессіи, раздѣлилась на двѣ главныя группы. Во главѣ процессіи шла молодежь; сзади гроба двигалась толпа, собранная изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ нашего общества. Въ передовой группѣ молодежи можно было видѣть представителей почти всѣхъ учебныхъ заведеній: студентовъ университета, медицинской академіи и другихъ спеціальныхъ заведеній и воспитанницъ женскихъ курсовъ и гимназій. Молодежь, схватившись за руки, образовала цѣпь четыреугольникомъ. Въ серединѣ этой цѣпи впереди другихъ шли двѣ крестьянки въ полушубкахъ и несли небольшой вѣнокъ изъ зелени съ надписью: „Отъ русскихъ женщинъ“, высоко подпявъ его надъ головою. По временамъ ихъ смѣняли другія женщины. За ними слѣдовали студенты и воспитанницы съ громадными вѣнками изъ живыхъ цвѣтовъ. На одномъ вѣнкѣ была надпись: „Слава печальнику горя народнаго“, на другомъ: „Некрасову студенты“, на третьемъ: „Безсмертному пѣвцу Некрасову“ и на четвертомъ: „Некрасову сотрудники“. Сейчасъ же сзади цѣпи шелъ хоръ студентовъ, пѣвшихъ, не переставая, вплоть до могилы молитвы и духовныя пѣсни. По обѣимъ сторонамъ этой группы ѣхало по одному жандарму. Затѣмъ шелъ священникъ съ дьякономъ, и наконецъ та же молодежь несла гробъ, постоянно смѣняя другъ друга. Сзади гроба двигалась толпа, состоявшая, кажется, изъ всѣхъ находящихся въ Петербургѣ литераторовъ, артистовъ и художниковъ, адвокатовъ, профессоровъ и пр. Нѣтъ такого органа печати, отъ котораго не было бы своего представителя. Большинство редакцій присутствовали въ полномъ составѣ. Наконецъ были люди самыхъ разнообразныхъ профессій. Вся эта масса людей, нескончаемый рядъ экипажей, оригинальная цѣпь студентовъ—все вмѣстѣ взятое представляло такую своеобразную картину, которую очень рѣдко можно видѣть на улицахъ Петербурга. Выходившіе навстрѣчу примыкали къ толпѣ, провожали гробъ, отходили, снова примыкали и снова отходили, и такъ вплоть до могилы. Процессія двигалась чрезвычайно тихо и торжественно сперва по Литейной, по Загородному проспекту и потомъ по Большому Царскосельскому проспекту. Почти

всѣ экипажи были пусты, публика провожала пѣшкомъ своего любимца. Замѣчательный порядокъ соблюдался безъ всякаго посторонняго вліянія. Процессія останавливалась около церквей и снова подвигалась далѣе. Гробъ внесли въ большую церковь Ново-дѣвичьяго монастыря въ концѣ перваго часа по-полудни, во время совершенія литургіи. Церковь была переполнена молящимися, на хорахъ помѣщалась также большая толпа народа; не попавшіе въ церковь направились прямо къ могилѣ. Послѣ обѣдни и панихиды о. Горчаковъ (профессоръ здѣшняго университета) произнесъ надгробную рѣчь, въ которой прекрасно выяснилъ значеніе умершаго поэта въ русской литературѣ. Рѣчь эта произвела на всѣхъ трогательное впечатлѣніе. На клиросахъ пѣли монахини. Послѣ рѣчи о. Горчагова толпа хлынула на могилу. Здѣсь, послѣ краткой литіи, тѣло опустили въ могилу. Толпа еще тѣснѣе надвинулась къ могилѣ. Многіе изъ присутствующихъ читали стихи и произносили рѣчи. Каждый изъ ораторовъ старался обрисовать ту или другую сторону поэтической дѣятельности покойнаго и опредѣлить мѣсто Некрасова въ ряду другихъ поэтовъ и писателей. Одинъ изъ близкихъ друзей покойнаго обрисовалъ характеристику Некрасова какъ человѣка. Долго толпа не расходилась отъ могилы, много тутъ говорилось, много вспоминалось. Безконечнымъ числомъ вѣнковъ забросали свѣжую могилу, и публика начала расходиться только съ первыми признаками наступающаго вечера.

„Съ давнихъ поръ Петербургъ не видѣлъ похоронъ, которыя производили бы такое впечатлѣніе, какъ похороны Некрасова. Поэту суждено было даже и самою смертью своею возвысить значеніе поэтическаго творчества въ глазахъ русскаго народа“.

[Тамъ же помѣщено стихотвореніе г-жи М. Ватсонъ „На смерть Некрасова“, начинающееся словами: „—Замолкла муза мести и печали,—угасъ могучій нашъ поэтъ.—Его стихамъ съ восторгомъ мы внимали“, и пр.]

1877. „Новое Время“, 31 декабря. «Похороны Н. А. Некрасова“.—Тамъ же: „Болѣзнь и послѣдніе дни жизни Н. А. Некрасова (письмо въ редакцію)“, д-ра Бѣлоголоваго. (Къ этому послѣднему см. „Врачебныя Вѣдомости“, 1877, 5 (17) мая, № 33: „Colotomia“... произведенная вѣнскимъ профессоромъ Бильротомъ у нашего поэта Н. А. Некрасова).

1877. Ѳ. Достоевскій. „Дневникъ писателя“, № 12.

1878. „Застава“ (сербская газета въ Новомъ Садѣ), февраль-мартъ, въ нѣсколькихъ нумерахъ, статья о Некрасовѣ, П. Остоича.

1878. „Сѣверный Вѣстникъ“, № 58, 28 февраля—„Некрасовъ и его критики“, Читателя, — разборъ нѣсколькихъ высказанныхъ тогда взглядовъ на поэзію Некрасова, а именно — г. Скабичевскаго, въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“, 1878, № 6 (панегирикъ); Евгенія Маркова, въ „Голосѣ“, 1878, № 42, 46, 47 (полное осужденіе); Ѳ. Достоевскаго, въ „Новомъ Времени“, № 681 (середина).

1878. „Недѣля“, № 10, 12, 13; 5, 19, 25 марта. „Н. А. Некрасовъ—литературный портретъ“, С. Венгерова.

1878. „Отечественныя Записки“, мартъ и апрѣль, библіографическій трудъ С. И. Пономарева о Некрасовѣ, повторенный въ книжкѣ Голубева, 1878, а также въ 1-мъ посмертномъ изданіи (см. ниже).

1878. „Отечественныя Записки“, май, біографическій очеркъ, составленный А. М. Скабичевскимъ и повторенный съ исправленіями и дополненіями въ 1-мъ посмертномъ изданіи, 1879.

1878. „Н. А. Некрасовъ. Біографія. Критическій обзоръ поэзіи. Собраніе стихотвореній, посвященныхъ памяти поэта. Сводъ (точнѣе: списокъ) статей о Некрасовѣ съ 1840 года. Составилъ А. Голубевъ.—Къ книгѣ приложенъ портретъ поэта, исполненный съ негатива С. А. Левицкаго фотографіею Лемерсье въ Парижѣ.—Чистый сборъ отъ этого изданія назначается на лучшее устройство школы, пользовавшейся при жизни Н. А. Некрасова особымъ его попеченіемъ“. Спб. VIII и 154 стр.

1878. „Голосъ“, № 42, 46, 47, 54, 88, 89, ст. Евг. Маркова.

1878. „Новое Время“, № 783, 5 мая. „Къ воспоминаніямъ о Н. А. Некрасовѣ“.

„Въ сороковыхъ годахъ имя Н. А. Некрасова было еще мало извѣстно. Онъ работалъ въ разныхъ журналахъ и въ томъ числѣ въ „Пантеонѣ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ“, издававшемся книгопродавцемъ В. Поляковымъ.

По условію съ издателемъ Н. А. Некрасовъ обязанъ былъ въ каждой книжкѣ журнала поставить извѣстное число строкъ стихотвореній и прозы. За этотъ трудъ Н. А. получалъ отъ 2 до 3 тысячъ рублей ассигнаціями въ годъ. Повѣсти и стихи въ „Пантеонѣ“ Н. А. Некрасовъ подписывалъ „Н. Перепельскій“ и „Бобъ“. Въ Пантеонѣ за май мѣсяцъ 1840 г. мы нашли слѣдующее стихотвореніе Н. А. Некрасова, не вошедшее въ собраніе его сочиненій:

Офелія.

Въ нарядѣ странность, безпорядокъ,
Глаза—двѣ молніи во мглѣ,
Неуловимый отпечатокъ
Какой-то тайны на челѣ;
Въ лицѣ то дерзость, то стыдливость,
Полупечальный, дикій взоръ,
Въ движеньяхъ стройность и красивость—
Все чудно въ ней!.. По высямъ горъ,
Въ долинахъ, въ рощахъ безъ боязни
Она блуждаетъ, но, какъ звѣрь,
Дичится друга, изъ пріязни
Ей отворяющаго дверь.
Порою любитъ дни и ночи
Бродить на сумрачныхъ гробахъ,
И все груститъ, и плачутъ очи,
Покуда слезы есть въ очахъ.
Порой на лодкѣ въ непогоду,
Влетая въ бунтъ морскихъ зыбей,
Обезоруживаетъ воду
Геройской дерзостью своей.
На брегъ выходитъ; какъ Русалка,
Полощетъ волосы въ волнахъ,
То вдругъ смиренно, какъ Весталка,
Предъ небомъ падаетъ во прахъ.
Невольно грустное раздумье
Наводитъ на душу она,
Какъ много отняло безумье!
Какъ доля немощной страшна!
Нѣтъ мысли, рѣчи безразсудны,
Душа въ бездѣйствіи нѣмомъ,
Въ ней сонъ безумья непробудный
Царитъ надъ чувствомъ и умомъ.

Онъ все смѣшалъ въ ней безъ различья,
Лишь дышутъ мыслію черты,
Какъ отблескъ прежняго величья
Ея духовной красоты...
Такъ иногда покой природы
Смутитъ нежданная гроза:
Кипятъ взволнованныя воды,
Отъ вѣтра ломятся лѣса,
То неестественно блистаетъ,
То въ мракѣ кроется лазурь,
И все, смутивъ, перемѣшаетъ
Въ нестройный хаосъ сила бурь.

„Одинъ изъ петербургскихъ театраловъ намъ разсказываетъ, что къ тому же времени, т.-е., къ сороковымъ годамъ. относится и начало славы В. В. Самойлова, которой такъ много помогъ Н. А. Некрасовъ. В. В. Самойловъ дебютировалъ въ 1833 г. въ оперѣ въ роли Іосифа Прекраснаго, пробылъ на оперной сценѣ не долго и никакимъ особеннымъ успѣхомъ не пользовался. Затѣмъ онъ перешелъ на драматическую сцену, гдѣ игралъ роли вторыхъ любовниковъ безъ всякаго успѣха. По просьбѣ Самойлова Н. А. Некрасовъ написалъ для него водевиль „Актеръ“, въ которомъ Самойловъ являлся итальянцемъ и еще въ нѣсколькихъ видахъ. Эта была едва-ли не первая роль (актера Стружкина), въ которой Самойловъ имѣлъ случай показать свой разнообразный талантъ. Водевиль „Актеръ“ напечатанъ въ „Пантеонѣ“; тамъ же помѣщенъ другой водевиль Н. А. Некрасова „Шила въ мѣшкѣ не утаишь“, заимствованный изъ повѣсти Нарѣжнаго и переводъ драмы „La nouvelle Fanchon“ подъ названіемъ „Материнское благословеніе“ “.

— Въ томъ же нумерѣ „Н. Времени“—„Литературные очерки“, В. Буренина, гдѣ между прочимъ о Некрасовѣ:

„...Позвольте мнѣ сказать нѣсколько предварительныхъ словъ о томъ, какое качество, по моему мнѣнію, наиболѣе способно дать цѣну поэтическимъ произведеніямъ въ наше время, какъ давало имъ во всякія времена и во всѣхъ литературахъ.

„Качество это, безъ сомнѣнія, одно: оригинальность формы и содержанія. Поэтъ, желающій отозваться въ сердцахъ читателей, желающій сдѣлаться для насъ чѣмъ-нибудь повыше простого слагателя болѣе или менѣе гладкихъ риѳмованныхъ строкъ, долженъ непремѣнно сказать какое-нибудь „новое

слово" и непремѣнно въ новой, своеобразной формѣ. Пусть онъ скажетъ это слово шероховато, даже грубо, пусть онъ выразитъ его не Богъ вѣсть какъ широко и глубоко, но только пусть скажетъ по-своему и скажетъ дѣйствительно нѣчто такое, чего его предшественники въ поэзіи не говорили, — и онъ тотчасъ же заслужитъ вниманіе читателей и сдѣлается ихъ любимцемъ. Примѣровъ въ подтвержденіе этой извѣстной истины, я полагаю, приводить не стоитъ, но если бы потребовались примѣры, то намъ не зачѣмъ далеко ходить: вспомните покойнаго Некрасова. Вотъ поэтъ, у котораго форма въ техническомъ отношеніи очень часто неизящна, даже плоха, содержаніе порой далеко не отличается истинной глубиной, но самостоятельность, своеобразность этой формы и этого содержанія конечно внѣ всякаго сомнѣнія. То, что̀ сказалъ въ своей поэзіи Некрасовъ, и такъ, какъ онъ сказалъ, не говорили до него ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ, ни второстепенные поэты пушкинской школы, ни послѣдовавшіе за ними подражатели Лермонтова. Могутъ быть различныя мнѣнія относительно объема таланта Некрасова, художественныхъ достоинствъ и величины значенія его поэзіи; но никакихъ сомнѣній не можетъ быть на счетъ того, что эта поэзія въ свое время была новымъ словомъ, новымъ и по внутренней сущности и по внѣшности; никакихъ сомнѣній не можетъ быть на счетъ того, что эта поэзія сразу завоевала себѣ массу поклонниковъ и заняла свое оригинальное мѣсто въ ряду поэтическихъ вдохновеній геніальныхъ предшественниковъ Некрасова и ихъ болѣе или менѣе талантливыхъ подражателей. Можетъ быть, чисто-поэтическаго и эстетическаго дарованія у Некрасова не болѣе, чѣмъ, напримѣръ, у такихъ подражательныхъ поэтовъ, каковы — Майковъ, Полонскій, Фетъ, Толстой, Мей и другіе; но по оригинальности своей поэзіи онъ возвышается среди нихъ, какъ титанъ между обыкновенными людьми. Пусть исчезнутъ всѣ произведенія названныхъ подражательныхъ поэтовъ и останутся только произведенія Пушкина и Лермонтова, особаго ущерба для русской поэзіи отъ этого не воспослѣдуетъ: она лишится только нѣсколькихъ хорошихъ произведеній, варьирующихъ или продолжающихъ болѣе или менѣе изящно формы и темы созданій двухъ великихъ учителей. Но уничтожьте произведенія Некрасова—и русская поэзія станетъ неполною: изъ нея исчезнетъ нѣчто такое, чего образцовъ вы не отыщете ни у Пушкина, ни у Лермонтова, или отыщете въ случайныхъ, такъ сказать, еще

зародышевыхъ намекахъ. Цѣлая новая полоса развитія русской жизни у Некрасова получила свое поэтическое воплощеніе—худое или хорошее, слабое или сильное—это подлежитъ, можетъ быть, спорамъ; но не можетъ быть спора о томъ, что только поэзія музы „мести и печали“ воплощаетъ эту полосу, только въ этой поэзіи найдутся мотивы новаго развитія русской жизни, а у геніальныхъ предшественниковъ этой музы сказанныхъ мотивовъ не имѣется. И оттого-то Некрасовъ, какъ бы ни критиковали его творчества съ эстетической стороны и со всякихъ иныхъ сторонъ, навсегда останется такимъ поэтомъ, котораго изъ исторіи русской литературы не выкинешь, который никогда не забудется, въ произведеніяхъ котораго всегда будутъ искать то, что́ можно найти лишь у него и ни у кого другого больше. Подражательные поэты не только бываютъ безполезны въ искусствѣ, они иногда даже бываютъ вредны: они портятъ вкусъ публики, возводя въ своихъ произведеніяхъ манеру великихъ образцовъ въ манерность, они надолго водворяютъ рутину школы, уже отжившую, чуждую потребностямъ жизни. Оригинальные поэты, даже и не особенно крупные по объему творчества (напримѣръ, Кольцовъ), не особенно изящные (напримѣръ, Некрасовъ), всегда полезны: они вносятъ въ развитіе искусства новые элементы, они бросаютъ плодотворныя зерна для всходовъ будущаго. Подражательные поэты обыкновенно пользуются успѣхомъ въ кружкахъ аматеровъ, смакующихъ ихъ мелкія красоты и цѣнящихъ ихъ изысканныя достоинства. Оригинальные поэты пользуются всегда успѣхомъ у массы и имѣютъ на нее сильное вліяніе. А удовлетвореніе потребной массы, конечно, въ тысячу разъ выше удовлетворенія праздныхъ аматерскихъ вкусовъ“.

1878.—„На память о Некрасовѣ, съ портретомъ, снятымъ съ покойнаго Н. А. во время его болѣзни. Спб. 1878. (Чистая выручка съ изданія — на образованіе стипендіи имени поэта при Спб. университетѣ)“. Цѣна 1 руб.

1878. „The Athenaeum“. January 26. № 2622, стр. 125.

1878. „Отеч. Записки“, № 10, статья Н. А. Бѣлоголовaго (о болѣзни Некрасова).

1878. „Отеч. Записки“, декабрь, статья В. П. Горленка: „Литературные дебюты Некрасова“, повторенная (съ невполнѣ

исправленными ошибками) въ большомъ посмертномъ изданіи Некрасова.

1878. „Современныя Извѣстія", № 286. Горемыкинъ. „Душа поэта. Біографія Н. А. Некрасова".

1879. Стихотворенія Н. А. Некрасова. Посмертное изданіе. Спб. Томъ I. 1845—1860. Томъ II. 1861—1872. Томъ III. 1873—1877. Томъ IV. Приложенія—примѣчанія и пр.—указатели.

При I томѣ: предисловіе издательницы (А. А. Буткевичъ); біографическія свѣдѣнія (стр. XIII—LXXXI)—статья А. М. Скабичевскаго, явившаяся первоначально въ „Отеч. Запискахъ" (1878, май) и здѣсь исправленная и дополненная. Портретъ и факсимиле „Пѣсни Гришиной".

Въ IV томѣ:

Часть первая. Приложенія. Стихотворенія, не вошедшія въ составъ первыхъ трехъ томовъ. 1842—1846, и нѣкоторыя стихотворенія изъ 1851—1877.

Часть вторая: I. Примѣчанія (ко всѣмъ четыремъ томамъ, составленныя С. И. Пономаревымъ). II. Перечень прежнихъ изданій (1. Стихотворенія; 2. Проза, издательская дѣятельность: а) Водевили; б) Повѣсти, разсказы, мелкія статьи; в) Сборники и періодическія изданія; 3. Литературные дебюты Некрасова—упомянутая выше статья—В. П. Горленка изъ „Отеч. Записокъ" 1878 (стр. CLI—CLXX). III. Сводъ (вѣрнѣе: списокъ) статей о Некрасовѣ: при жизни поэта,—некрологи и посмертныя статьи, — сочиненія, посвященныя Некрасову,—пародіи на его стихи,—стихотворенія на смерть его,—портреты Некрасова,—рисунки къ стихотвореніямъ,—автографы и псевдонимы,—музыка къ стихотвореніямъ,—переводы на иностранные языки. — Указатели къ стихотвореніямъ: предметный, алфавитный.

1879. „Новое Время", 25 февраля, замѣтка изъ „Голоса", объ одномъ стихотвореніи Розенгейма, приписанномъ Некрасову.

1879. „Новое Время", № 1134, 27 апрѣля. — По поводу замѣтки „Отечественныхъ Записокъ" объ отношеніяхъ Тургенева къ Некрасову.

1879. „Новое Время", 3 августа, „Литер. очерки", В. Буренина, съ отзывомъ о статьѣ Скабичевскаго и о критикахъ Некрасова, появившихся послѣ смерти поэта.

1881. Рисунки къ стихотвореніямъ Н. А. Некрасова. Содержаніе: 9 рисунковъ къ поэмѣ „Морозъ Красный носъ“, 1 рисунокъ къ стихотворенію „Рыцарь на часъ“. Изданіе М. П. и С. П. Савостьяновыхъ. 1881 годъ (Москва). Цѣна за 10 рисунковъ 1 р. 20 к.

1882. „Голосъ“. 22 февраля. Некрологъ сестры Некрасова, Анны Ал. Буткевичъ.

1882. Стихотворенія Н. А. Некрасова. Спб. 1882, мал. форм., 42 стр. (Изданіе Спб. Комитета грамотности). Цѣна 10 коп.

1883. Сумцовъ, Н. Ѳ. „Н. А. Некрасовъ. (Чтеніе для народа. Выпускъ II“). Составилъ и издалъ Н. Ѳ. С. Харьковъ. 31 стр. Ц. 5 коп.

1883. „Новости и Биржевая Газета“, № 43, 15 мая. „Была ли мать Н. А. Некрасова полька?“ Андрея Комарницкаго.

1887. Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ. Часть третья 1874—1877. Составилъ В. Зелинскій. Москва.— Здѣсь, между прочимъ, приведены (стр. 197—238) некрологи и посмертныя статьи.

[Первыя двѣ части „Сборника“, за 1840—1864 и за 1865—1873, изданы были М. 1886—1887. Способъ указанія статей здѣсь, какъ въ другихъ подобныхъ сборникахъ г. Зелинскаго, весьма нескладный и библіографически непригодный: г. З. помѣщаетъ статьи подъ-рядъ, точно какую-то хрестоматію,—а то, что̀ характерно: время появленія статьи, имя автора, названіе изданія,—прячетъ внизъ, въ мелкій шрифтъ сноски, вмѣсто того, чтобы, какъ разъ наоборотъ, поставить это въ начало и въ крупный шрифтъ].

1888. „Новое Время“, 29 сентября, изъ „Развлеченія“, № 22—23, 18 сентября, о Некрасовѣ и Ник. Успенскомъ,— съ замѣткой.

1889. „Новое Время“, 18 января. „О Н. А. Некрасовѣ“. Ипполита Панаева.

1889. „National-Zeitung“, № 130, 27 февраля. „Ein russischer Freiheitsdichter“. A. Golant.

1890. Воспоминанія А. Я. Головачевой-Панаевой. Русскіе писатели и артисты 1824—1870. Спб.—Эти воспоминанія не однажды вызывали сомнѣніе въ ихъ безпристрастіи и достовѣрности; выше было замѣчено, что это сомнѣніе кажется мнѣ несправедливымъ.—См. между прочимъ Воспоминанія Юрія Арнольда. М. 1892, вып. II, стр. 176, 191.

1890. Воспоминанія Фета. М. 1890. 2 тома.

1891. „Русская Мысль", № 4, „Литературныя воспоминанія" Н. Михайловскаго о Некрасовѣ, гдѣ приведена также рукописная замѣтка покойнаго Елисѣева о Некрасовѣ.

1891. „Саратовскій Дневникъ", 25 апрѣля (выписка изъ предыдущаго).

1892. „Новости и Биржевая Газета", № 208, 30 іюля, № 215, 6 августа. Литературная хроника. „Кое-что изъ моихъ литературныхъ воспоминаній". А. Скабичевскаго.

1892. Барро, М. „Забытое. („Мечты и звуки" Н. А. Некрасова). Критическій очеркъ" М. Б. Спб. 24 стр. Ц. 40 к.

1892. Воспоминанія Юрія Арнольда. Выпускъ II. Москва.—Арнольдъ зналъ Некрасова съ начала сороковыхъ годовъ; въ воспоминаніяхъ есть черты, пригодныя для біографа, но безпристрастіемъ и особенно вѣрнымъ пониманіемъ характера писателя онѣ не отличаются, и отношеніе къ Некрасову вообще недружелюбное. См. стр. 172—180 (очень сочувственная характеристика Ѳ. А. Кони; объ его отношеніи къ начинающему Некрасову), 184—195, 214.

1892. Письма К. Д. Кавелина и Пв. С. Тургенева къ Ал. Ив. Герцену. Съ объяснительными примѣчаніями М. Драгоманова. Genève. H. Georg, libraire éditeur (Женева, украинская типографія). Упоминанія о Некрасовѣ.

1892. П. В. Анненковъ и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка 1835—1885 годовъ. Спб.—Упоминанія о Некрасовѣ.

1893. „Русск. Богатство", сентябрь, ст. Г. З. Елисѣева.

1893. С. Андреевскій, „Литературныя чтенія". Спб.

1896. „Новости и Биржевая Газета", 9 мая. Выписка изъ „Черниговскихъ Губ. Вѣдомостей" о присылкѣ командиромъ 18-го пѣхотнаго вологодскаго полка полковникомъ Н. А. фонъ-Фохтъ на имя начальника Черниговской губ. для помѣщенія въ историческій музей двухъ рукописей покойнаго Н. А. Некрасова, относящихся къ 1853 и 1857 гг. Въ рукописяхъ этихъ помѣщены его три стихотворенія: „Изъ автобіографіи генералъ-лейтенанта Ѳедора Илларіоновича Рудометова 2-го, уволеннаго въ числѣ прочихъ въ 1857 году", „Передъ зеркаломъ" и „Явно родственны съ землею".

1897. „Русскія Вѣдомости", № 357, 28 декабря; № 359, 29 декабря: „Памяти Н. А. Некрасова". В. Якушкина.

1897. „Энциклопедическій Словарь", Брокгауза и Ефрона, т. XX, s. v., статья С. Венгерова, стр. 857—861.

1897. „Новое Время", № 7841, 24 декабря (иллюстрир. приложеніе): „Памяти Ник. Ал. Некрасова", А. Голубева.

1898. „Сибирь", № 1, 1 января. „Памяти Н. А. Некрасова (27 декабря 1877—27 декабря 1897 г.)", Р. (стихотвореніе).—„По поводу двадцатилѣтія со дня смерти Н. А. Некрасова", М. С.

1898. „Н. А. Некрасовъ и его поэзія". Г. Александровскаго. Публичная лекція. Кіевъ. 50 стр. Ц. 35 к.

1898. „Читатель", № 12, мартъ. „Поэзія Некрасова". Публичная лекція, проф. И. И. Иванова, стр. 48—64. Москва.

1898. „Сынъ Отечества", еженедѣльное приложеніе, № 1, 4 января: „Н. А. Некрасовъ";—№ 4, 5 января. Изъ газеты „Уралъ": „Дворянское собраніе и Н. А. Некрасовъ", съ замѣткой;—№ 10, 12 января: „Черниговъ. Вечеръ въ память Некрасова". М.

1898. „Нива", февраль, литературныя приложенія: четыре письма Некрасова къ гр. Л. Н. Толстому (относящіяся къ первымъ произведеніямъ гр. Толстого, явившимся въ „Современникѣ" 1852 г. и д.).

1898. „Новое Время", 22 февраля, замѣтка объ этихъ письмахъ въ отдѣлѣ „Среди газетъ и журналовъ".

1898. „Русское Богатство",—январь, апрѣль. Въ апрѣльской книгѣ, въ отдѣлѣ „Литература и жизнь", слѣдующая замѣтка Н. Михайловскаго:

„Въ январской книжкѣ „Русскаго Богатства" я перепечаталъ изъ „Степного Края" замѣтку г. Мельшина объ одномъ изъ предсмертныхъ стихотвореній Некрасова, собственноручный списокъ котораго былъ подаренъ студентамъ петербургскаго университета самимъ поэтомъ. Автографъ висѣлъ въ студенческой читальнѣ, потомъ куда-то исчезъ. Оказалось однако, что послѣднее невѣрно. Оказалось также, что память объ этомъ маленькомъ предсмертномъ подаркѣ поэта сохранилась у многихъ тогдашнихъ студентовъ, какъ и списки самого стихотворенія. Кто-то прислалъ такой списокъ г. Мельшину, который и напечаталъ его. По этому поводу я получилъ нѣсколько писемъ, подтверждающихъ вѣрность списка, а двое изъ корреспондентовъ сообщаютъ, кромѣ того, что студенческая депутація, поднесшая Некрасову, по случаю его тяжкой болѣзни, адресъ, получила отъ него въ подарокъ не одно, а два стихотворенія; оба корреспондента сообщаютъ совершенно тождественные списки обоихъ стихотвореній, изъ чего можно заключить, что ихъ дѣйствительно было два. Многимъ весь этотъ эпизодъ можетъ казаться слишкомъ незначительнымъ, чтобы стоило къ нему возвращаться. Но съ другой стороны, вотъ вѣдь двадцать лѣтъ хранятъ у себя люди списки съ стихотвореній и при первомъ представившемся случаѣ заявляютъ свою благодарную память поэту. Да и наконецъ, разъ зашелъ объ этомъ разговоръ, надо его кончить. И, конечно, не я одинъ поблагодарю профессора С. Ѳ. Ольденбурга за слѣдующее сообщеніе:

„Автографъ,—пишетъ мнѣ уважаемый профессоръ,—вмѣстѣ съ книгами студенческой читальни переданъ въ университетскую библіотеку, гдѣ онъ и хранится. Стихи, какъ увидите изъ сообщаемаго ниже списка, не посвящены студенческой депутаціи, а должны были составить посвященіе читателямъ, предполагавшееся для сборника стихотвореній поэта подъ заглавіемъ „Въ черные дни". Оригиналъ написанъ на листѣ обыкновенной писчей бумаги, карандашомъ, въ двѣ строфы. Онъ помѣщенъ подъ стекломъ, туда же вложенъ билетикъ, на которомъ написано чернилами (не рукой

Некрасова): „Автографъ Н. А. Некрасова, подаренный имъ студентамъ С.-Петербургскаго университета".

„Изъ сообщенной мнѣ проф. Ольденбургомъ точной копіи съ автографа дѣйствительно ясно видно, что это — черновикъ первой страницы предполагавшагося къ печати сборника стихотвореній подъ заглавіемъ: „Въ черные дни". Вотъ эта страница:

ВЪ ЧЕРНЫЕ ДНИ [1])

Новыя стихотворенія Н. А. Некрасова

(1874—1877 гг.).

Изданіе съ портретомъ автора

Типографія А. Кр. [2]).

1877.

другая страница

Посвящаю моимъ друзьямъ-читателямъ [3])

Посвященіе.

Вамъ мой даръ любившимъ и цѣнившимъ
Вамъ ко мнѣ участье заявившимъ [4])
Въ черный годъ, простертый надо мной [5])
Посвящаю трудъ послѣдній мой!
Я примѣру русскаго народа
Вѣренъ: *„въ горѣ жить*
Некручинну быть".—
И больной работаю полгода,
Я трудомъ смягчаю свой недугъ:
Ты не будешь строгъ читатель-другъ!

Н. Некрасовъ.

Спб. 1 февраля 1877 года.

„Сборникъ „Въ черные дни" не состоялся и вмѣсто него вышелъ извѣстный сборникъ „Послѣднія пѣсни". Что касается другого стихотворенія („Смолкли честные, доблестно павшіе"), о которомъ мнѣ пишутъ двое изъ корреспондентовъ и которое, очевидно, тоже предназначалось для „Чер-

[1]) Подчеркнуто два раза. [2]) Зачеркнуто. [3]) Сбоку приписка „крупно" и слова „моимъ друзьямъ-читателямъ" подчеркнуты два раза. [4]) Вмѣсто „заявившимъ" стояло сперва, а потомъ зачеркнуто: „сохранившимъ". [5]) Сперва стояло, потомъ зачеркнуто; „до моей годины роковой".

ныхъ дней", то подлинникъ его, надо думать, затерялся въ чьихъ нибудь частныхъ рукахъ".

1898. „Новое Время", 26 апрѣля, выписка о предыдущемъ изъ „Р. Богатства".

1899. „Новое Время", 13 апрѣля. „Ѳ. М. Достоевскій о любви Пушкина къ народу", А. Сальникова. Передача разговора съ Достоевскимъ, съ несочувственнымъ отзывомъ послѣдняго о Некрасовѣ.

— Тамъ же, 14 апрѣля: „Юбилейныя воспоминанія", Василія Си—ло—вича.

Въ объясненіе взгляда Достоевскаго на Некрасова, В. С. напоминаетъ слова его въ „Дневникѣ" и замѣчаетъ:

„Своей бѣглой „юбилейной" замѣткой авторъ укололъ Некрасова и потревожилъ покой двухъ великихъ русскихъ писателей. Именно „въ виду приближающагося юбилея", изъ особаго уваженія къ Пушкину, не желательно сводить теперь счеты, вередить раны, принижать кого-либо, не желательно слышать по поводу великаго поэта споры и пререканія.

„Некрасовъ изъ скромности сказалъ—

„Не тужи, какъ умремъ,
Кто-нибудь и объ насъ проболтается
Добрымъ словцомъ".

„И Достоевскій былъ изъ тѣхъ, который не проболтался, а рѣшительно и вѣско выступилъ печатно въ своемъ дневникѣ съ характеристикой поэта и съ горячимъ словомъ въ защиту его отъ разныхъ толковъ".

Иной взглядъ на отзывы Достоевскаго былъ приведенъ выше.

1899. „Спб. Вѣдомости", „Саратовскій Дневникъ". Въ послѣднемъ, № 103, май, помѣщена изъ „Спб. Вѣдомостей"— „историческая справка" П. Панкратьева, что прошло 35 лѣтъ со времени появленія въ „Современникѣ" (1865, № 10) извѣстнаго стихотворенія Некрасова „Желѣзная дорога",— за которое тогда журналу дано было второе предостереженіе. Приведены нѣкоторыя подробности дѣла.

1899. А. Липовскій, „О поэзіи Некрасова“ (5 стран.).

(1899—1902). Русская словесность съ XI по XIX столѣтія включительно. Библіографическій указатель произведеній русской словесности въ связи съ исторіей литературы и критикой. Составила А. В. Мезіеръ. Двѣ части. Спб.—См. ч. II, стр. 246—251, или № 12661—12771: указанія фактовъ старыхъ и новыхъ, вообще полезныя для изученія литературы о Некрасовѣ.

1900. Н. К. Михайловскій. „Литературныя воспоминанія и современная смута“. Изданіе редакціи журнала „Русское Богатство“. Спб. Томъ I.—Въ главѣ второй дана характеристика Некрасова какъ человѣка; въ 3-й главѣ имѣетъ отношеніе и къ нашему предмету эпизодъ: „Фетъ и Салтыковъ“.

1900. „Журналъ мин. просвѣщенія“, августъ. „Пѣвецъ скорби и упованій“, Н. Аммона.

1900. „Новое Время“, № 8652, 29 марта (илл. приложеніе), разборъ книжки Г. Александровскаго; см. выше.

[1900—1902]. Мод. Чайковскій. „Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. По документамъ, хранящимся въ архивѣ имени покойнаго композитора въ Клину“. М. s. a. (указанные годы—на цензурномъ разрѣшеніи).—О Некрасовѣ, т. II, 131, 132, 144—146. Ср. далѣе книжку г. Рыстенка).

1901. Сочиненія графа Петра Ивановича Капниста. М. Два тома.

См. т. I, стр. CXVII, CXX—CXXI; во 2-мъ томѣ, стр. 320 и д., находится „Очеркъ направленія русской лирической поэзіи съ 1854 по 1864 включительно“, и здѣсь, стр. 408—419, о Некрасовѣ. Это была статья, составленная Капнистомъ оффиціально, по службѣ въ цензурномъ вѣдомствѣ...

1901. „Новое Время“ № 8991, 10 марта (иллюстр. приложенія). „Измайловъ и Некрасовъ“, Чтеца.

1901, „Россія“, 6 іюня. „Въ Некрасовской усадьбѣ“ (изъ „Сѣв. Края“) по поводу устройства школы въ бывшей усадьбѣ Некрасовыхъ.

1901. „Россія", 22 ноября. „Н. А. Некрасовъ". П. Быкова.

1901. „Россія", 12 декабря. „На собраніи Неофилологическаго Общества" передается сообщеніе П. И. Вейнберга о Некрасовѣ и Добролюбовѣ.

[1901]. Д. Михайловъ. Лирика К. Р. въ связи съ исторіей русской поэзіи во вторую половину XIX вѣка. Спб. в. а. (Цензурное дозволеніе 17 апрѣля 1901).—Враждебное отношеніе къ Некрасову (и къ Салтыкову!),—напр. стр. 14, 16, 27, 28,—но и полное непониманіе состоянія общества въ половинѣ XIX вѣка.

1902. „Русская Мысль", декабрь. „Русскіе писатели въ ихъ перепискѣ: Н. В. Гоголь, Т. Г. Шевченко, Д. П. Григоровичъ, А. И. Герценъ, Н. А. Некрасовъ; переписка о домѣ Кетчера". Стр. 164—182. Есть упоминаніе объ „огаревскомъ" дѣлѣ Некрасова.

1902. „Новое Время", 15 ноября. Характеристика личности и дѣятельности Н. А. Некрасова, В. Боцяновскаго, въ Библіологическомъ Обществѣ, 12 декабря.

1902. „Новое Время", 22 ноября, изъ „Сѣв. Края", о полномъ равнодушіи ярославцевъ къ проекту общества распространенія народнаго образованія въ Ярославской губ. ознаменовать наступающее 25-лѣтіе со дня смерти Некрасова пріобрѣтеніемъ части его усадьбы для учрежденія библіотеки или школы, и т. п.

1902. „Петербургская газета", № 345, 16 декабря: „Къ литературному юбилею", С. С. О.; „Къ Некрасовскимъ днямъ; Воспоминанія о Н. А. Некрасовѣ. II, У академиковъ...", Паспарту.

1902. „Петербургская газета", № 355, 27 декабря: „Памяти Н. А. Некрасова. Изъ жизни поэта. Некрасовъ—поэтъ Петербурга", Н. Г-е;—„М. И. Писаревъ о Н. А. Некрасовѣ", Spectator;—„Воспоминанія о Некрасовѣ", Homo novus.—„Изданія стихотвореній Н. А. Некрасова"; „Панихида по Некрасовѣ".

1902. „Литературный Архивъ", издаваемый П. А. Картавовымъ". Октябрь. Спб. 40 стр. „Неизданныя произведенія Ник. Ал. Некрасова (посвящается памяти Ѳедора Алексѣевича Кони)"; „Н. А. Некрасовъ. Юность Ломоносова. Драматическая фантазія въ стихахъ въ одномъ дѣйствіи съ эпилогомъ".

1902. „Русскія Вѣдомости", 29 января. „Памяти Некрасова. Къ 80-лѣтней годовщинѣ его рожденія. (Изъ личныхъ воспоминаній)", П. Боборыкина.

1902. „Русское Богатство", ноябрь, стр. 1—44; декабрь, стр. 1—37: „Муза мести и печали", П. Ф. Гриневича.

1902. Friedrich Fiedler. Gedichte von Nikolai Alexeiewitsch Nekrassow. Im Versmass des Originals. Leipzig.
— Объ этихъ переводахъ Фидлера см. въ „Р. Богатствѣ", 1902, кн. 12, стр. 58—61.

1902. Ѳ. Смирновъ. „Передъ Некрасовскими днями". Посвящается памяти Н. А. Некрасова". Ярославль.—[Въ „Некрасовщинѣ". Что нужно сдѣлать въ память Н. А. Некрасова? Почитателямъ Н. А. Некрасова. Дворянство или общество?]. 50 стр. Ц. 25 коп.

1902. „Русская Старина", январь, стр, 73—93. „Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ и Николай Алексѣевичъ Некрасовъ", Н. Гутьяра (враждебно къ Некрасову и съ отсутствіемъ исторической осмотрительности).

1902. „Биржевыя Вѣдомости", 6 ноября. Изъ „Сѣвернаго Края"—о томъ, какъ ярославцы готовятся чествовать память своего земляка—Некрасова. („О чемъ говорятъ и пишутъ").

1902. „Биржевыя Вѣдомости", № 358, 17 декабря. „Къ Некрасовскимъ днямъ. IV. Беллетристика Н. А. Некрасова", А. Измайлова.

1902. „Приазовскій Край", 19 декабря. „Къ Некрасовскимъ днямъ" (о портретахъ Некрасова, между прочимъ вопросъ о портретѣ матери Некрасова).

1902. „Новости", 21 декабря. „Встрѣчи съ Н. А. Некрасовымъ; у П. И. Вейнберга", М. Г-цкаго.

1902. Н. И. Соловьевъ. „Православное духовенство. Очерки, повѣсти и разсказы изъ жизни приходскаго духовенства". Изд. второе. Спб. 1902 (стр. 180).

...„Ты говоришь, что тяжесть доли и житья русскаго духовенства не только угнетаетъ само духовенство, но и чувствуется лицами свѣтскими. Я самъ... недавно читалъ творенія Некрасова и заучилъ одно мѣсто изъ его стиховъ, гдѣ онъ такъ характеризуетъ житье-бытье мужицкаго попа:

„Напутствуешь усопшаго
И поддержать въ оставшихся
По мѣрѣ силъ стараешься
Духъ бодръ. А тутъ къ тебѣ
Старуха—мать покойника,
Глядь, тянется съ костлявою
Мозолистой рукой;
Душа переворотится,
Какъ звякнутъ въ этой рученькѣ
Два мѣдныхъ пятака!
Конечно, дѣло чистое:
За требу воздаяніе—
Не брать—такъ нечѣмъ жить,
Да слово утѣшенія
Замретъ на языкѣ
И, словно, какъ обиженный
Уйдешь домой".

„Все это, душа моя, какъ есть святая правда. Талантливый стихотворецъ воспроизвелъ и изобразилъ картину быта сельскаго духовенства такъ, какъ лучше нельзя"...

Эти слова говоритъ въ книгѣ сельскій священникъ. Г. Соловьевъ, въ описаніи быта сельскаго духовенства, есть въ своемъ родѣ авторитетъ, и его указаніе любопытно какъ черта къ опредѣленію цѣнности изображеній народнаго быта у Некрасова.

1902. „Новости", 22 декабря. „Новое въ поэзіи Некрасова", М. Энгельгардта.

1902. „Иллюстрація. художественно-литер. журналъ, издав. при Биржевыхъ Вѣдомостяхъ", 23 декабря, № 51.

Между прочимъ: портретъ Некрасова въ молодости и факсимиле его рукописи.

1902. „Спб. Вѣдомости", 15 декабря. „Наканунѣ поминокъ Некрасова", Ѳ. Батюшкова.

1902. „Новое Время", 24 декабря. „25-лѣтіе кончины Некрасова", В. Розанова. Приводимъ нѣсколько отрывковъ изъ этой замѣчательной статьи.

„Особенностями его біографіи, личнаго сложенія ума и характера Некрасовъ въ высшей степени пришелся къ своему времени, какъ и его время въ высшей степени пришлось къ нему. Отъ этого совпаденія онъ до рѣдкости полно выразился и принесъ родинѣ плодъ своего таланта, какъ и самъ собралъ съ родины полную кошницу славы,—нѣтъ, выше и лучше: любви, слезъ и восторговъ. Были ли они заслужены и именно въ этой мѣрѣ? Смѣшной вопросъ: кто умѣлъ подымать сердце родины стихомъ,—а Некрасовъ несомнѣнно это дѣлалъ,—заслужилъ и то, что получилъ онъ, и даже больше. Заслужилъ чего угодно. Все время около него шипѣла зависть (немногіе имѣли тактъ скрыть ее) людей отчасти болѣе литературныхъ, болѣе образованныхъ, но безъ спеціальнаго отношенія къ своему времени и народу. Здѣсь мы снова возвращаемся къ „руссизму" Некрасова, о которомъ не хотѣли говорить больше: „Забытая деревня", „Коробейники", „Крестьянскія дѣти", „Орина, мать солдатская", „Тройка", „О чемъ думаетъ старуха", „Морозъ красный-носъ", „Власъ", „Притча о Ермолаѣ трудящемся" (замѣчательное совпаденіе въ моральной темѣ съ „Много ли человѣку земли надо" гр. Л. Н. Толстого), „Дума" (Сторона наша убогая, выгнать некуда коровушки), „Деревенскія новости" и еще многія другія, будучи очень не ровны въ поэтическомъ отношеніи, принадлежатъ къ такимъ, которыя будутъ существовать въ нашей памяти, пока въ ней существуетъ какъ милое и родное—русское лицо. Это какъ поэтическій паспортъ, гдѣ прописаны „примѣты" народныя и который придется предъявить иностранцу или далекому потомку всякій разъ при вопросѣ: „Кто и что такое русскій народъ". Здѣсь мѣстами есть прелесть Кольцова, но уже углубленная исторически поздними думами; есть выразительность Толстого и Достоевскаго; а нѣкоторыя вещи, какъ „Власъ" и „Крестьянскія дѣти", суть единственныя по колоритности и задушевности, суть перлы русской поэзіи, ни-

чѣмъ не замѣнимыя, не замѣстимыя. Ихъ ни на что не захочется обмѣнять, изъ русской ли поэзіи, или изъ иностранной, если бы такой невозможный обмѣнъ кто-нибудь предложилъ, если бы его можно представить себѣ...

„...Легко, свободно, невыразимо могуче Некрасовъ, какъ бы захвативъ пригоршнями двѣ волны, деревенско-мужицкую и школьно-интеллигентную, плеснулъ ихъ другъ на друга, къ взаимному оплодотворенію, къ живому союзу въ любви и помощи. Никто столько какъ онъ не сдѣлалъ, что сельская учительница стала другомъ деревни, ея же другомъ сталъ земскій врачъ: мы говоримъ конечно объ идеалѣ, о мечтѣ, которая однако влечетъ за собою огромную дѣйствительность, хотя и не отвѣчаетъ за бывающія исключенія.

Сѣятель знанья на ниву народную,
Почву ты, что-ли, находишь безплодную;
Худы-ль твои сѣмена?
Робокъ-ли сердцемъ ты? Слабъ-ли ты силами?
Трудъ награждается всходами хилыми,
Добраго мало зерна!
Гдѣ-жъ вы умѣлые, съ бодрыми лицами,
Гдѣ-же вы, съ полными жита кошницами?
Трудъ засѣвающихъ робко, крупицами,
Двиньте впередъ!
Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте, спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ...

„Это зоветъ какъ знамя, воиновъ; это годно какъ флагъ развиться надъ русскою школою. Некрасовъ пережилъ ея счастливѣйшую пору, когда она не знала около себя сомнѣній, не слышала укоровъ и заподозрѣванья. Мы входимъ въ юбилейные Петровскіе дни; въ 60-ые годы мы перешли Петровскіе по свѣжести дни около школы, дни творческіе, зачинающіе. И этому зачинанію Некрасовъ сказалъ неувядающія по истинѣ и воодушевленію слова.

„Вся сумма его публицистики, куда входятъ и журнальныя водянистыя стихотворенія, имѣли совершить и совершили этотъ синтезъ русскаго ученаго или полу-ученаго человѣка и русскаго простого, неграмотнаго почти человѣка. Конечно, надъ темой этой трудилось кромѣ Некрасова очень много людей; вообще это было темою приблизительно двухъ десятилѣтій литературы и общественности. Но когда тема

времени получаетъ надъ собою стихъ поэта—она прививается вдохновенно. И вотъ это-то и совершилъ Некрасовъ, не только соединивъ деревню и русскаго „интеллигента", но какъ бы гальванопластически спаявъ ихъ. Образованіе русское не осталось отвлеченнымъ, а налилось сокомъ народности и практицизма, а деревня перестала быть французско-русской идиллією, предметомъ стиховъ Державина или Майкова. Мы произнесли слово „интеллигентъ", почти смѣшное. Смѣшныхъ эпитетовъ и названій нужно усиливаться избѣгать. Слово „интеллигенція" многіе годы, особенно восьмидесятые, не было лестнымъ: около него колебались чувства, было множество гримасъ и оно почти готово было перейти въ кличку, весьма мало уважительную. Но колебанія туда и сюда въ смыслѣ этого эпитета улеглись; теперь онъ распространенъ, не маретъ того, къ кому прилагается, и одинъ талантливѣйшій въ наши дни историкъ (П. Милюковъ) уже написалъ безъ смущенія на заголовкѣ новѣйшаго труда своего: „Очерки исторіи русской интеллигенціи". Такимъ образомъ терминъ укрѣпился, сталъ почетнымъ, имѣетъ поползновеніе исторически укрѣпиться. „Интеллигенція" тѣмъ отличается отъ „культурнаго слоя", что послѣднее понятіе есть болѣе аристократическое и обнимаетъ родовитые слои русскаго образованнаго класса. Между тѣмъ коренной нервъ образованности русской проходитъ не по родовитымъ верхнимъ слоямъ, напримѣръ, стараго образованнаго дворянства, а по слою низшему, куда рѣшительно тянетъ и лучшая часть собственно культурнаго слоя. Далѣе, если взять другой синонимическій терминъ: „русская образованность", „русскіе образованные люди",—то въ обоихъ ихъ мы не найдемъ того нервнаго движенія, того динамическаго, живого, кругообращающагося, растущаго момента, который содержится въ терминѣ: „интеллигенція", „интеллигентъ". Послѣднее слово примѣняется къ просвѣщенному русскому человѣку, который дары просвѣщенія не сохраняетъ, какъ драгоцѣнный фруктъ, завернутый въ бумажку,—а, напротивъ, обильно его расточаетъ вокругъ, такъ сказать, даетъ „душу свою" въ снѣдь ближнему, нуждѣ, всякому жаждущему. „Культурный человѣкъ" или „образованный"—сохраняется; „интеллигентъ"—сгораетъ: и въ этомъ ихъ разница. Моментъ-то горѣнія и есть здѣсь главный, ибо его процессъ и образуетъ „интеллигентную жизнь", учителя, лекаря, писателя, сестры милосердія, ученаго землевладѣльца, кого угодно, которые всѣ объединяются въ „умномъ горѣніи". Оно, какъ мы замѣтили,

могло бы у насъ вспыхнуть отвлеченной кабинетной наукой, какъ въ Германіи, или сухимъ политическимъ пламенемъ, какъ во Франціи, культурнымъ комфортомъ, какъ въ Англіи, или художественнымъ эстетизмомъ, какъ въ лучшіе дни старой Италіи. Въ 40-е года тенденція, напримѣръ, къ послѣднему была и у насъ. Но у насъ вышло „пламя ума“ совсѣмъ въ новой формѣ, самобытной, намъ лишь присущей; гдѣ сострадательный, нравственный, человѣколюбивый моментъ едва ли не составляетъ „душу“, но душа эта одѣта плотью, и нарядами и собственно философіи, и эстетики, и политики, въ замѣчательной и гармоничной связи. Типъ добраго русскаго интеллигента (вспомнимъ покойнаго доктора Бѣлоголоваго)—чрезвычайно добротный, такъ добротный, что всмотрѣвшись въ него внимательно и потомъ долго думая, наконецъ рѣшаешь: „и не надо лучше; нечего передѣлывать: вышло хорошо“. Я говорю о безсознательныхъ нѣдрахъ и токахъ исторіи, вырабатывающихъ типы людей, какъ бы творящихъ еще и еще „форму человѣка“.

„Въ эту форму Некрасовъ влилъ чрезвычайно много своего. Онъ какъ бы посыпалъ ее пшеничнымъ зерномъ (деревенскія его темы), а вмѣстѣ далъ суровый и сатирическій закалъ горожанина, рѣзкій очеркъ души, которую формировали злѣйшіе вѣтры каменныхъ улицъ. Некрасовская поэзія—синтезъ нѣжности въ ея крайнемъ выраженіи („Баюшки-баю“, „Рыцарь на часъ“), съ насмѣшливостью и даже грубостью тоже крайне выразившейся („Подражаніе Лермонтовской колыбельной пѣснѣ“, „Юбиляры и тріумфаторы“, „Герои времени“). Точно замерзающій человѣкъ: внутри—тепло, поэзія, грезы; снаружи—ледяныя сосульки, окоченѣлый и недвижный видъ.

„Были ли у него общечеловѣческія темы? Да, хотя и въ формѣ столь личной, „Некрасовской“, что ихъ общечеловѣчность не была даже замѣчена.

Великое чувство! у каждыхъ дверей,
Въ какой сторонѣ ни зайдемъ,
Мы слышимъ, какъ дѣти зовутъ матерей
Далекихъ, но рвущихся къ дѣтямъ.
Великое чувство! Его до конца
Мы живо въ душѣ сохраняемъ.
Мы любимъ сестру, и жену, и отца,
Но въ мукахъ мы мать вспоминаемъ.

„Все стихотвореніе—слабо и блѣдно, и представляетъ неискусное предисловіе къ двумъ послѣднимъ строчкамъ. Не въ нихъ прорвалась такая буря настоящаго чувства, испытаннаго и лично поэтомъ, а вмѣстѣ и всемірно-истиннаго, что ради нихъ все стихотвореніе входитъ необходимѣйшимъ нравственнымъ звеномъ въ русскую литературу. Взять изъ нея эти двѣ строчки значитъ вдругъ обѣднить ея смыслъ. Есть также упрекъ, что Некрасовъ не пѣлъ любви, „которую поютъ всѣ поэты“. Между тѣмъ часть пятой главы „Коробейниковъ“, отъ стиха:

Хорошо было дѣтинушкѣ
Сыпать ласковы слова,
Да трудненько Катеринушкѣ
Парня ждать до Покрова,—

и до стиха:

Думы дѣвичьи, завѣтныя,
Гдѣ васъ всѣ-то угадать?
Легче камни самоцвѣтные
На днѣ моря сосчитать.
Ужъ овечка опушается
Чуя близость холодовъ,
Катя пуще разгорается...
Вотъ и праздничекъ Покровъ!

возвышается до Кольцовской простоты и прелести. „Буря“, „Огородникъ“, „Ты всегда хороша несравненно“, „Когда изъ мрака заблужденья“ и наконецъ почти предсмертное: „З—нѣ“ даютъ полную гамму любовныхъ и любящихъ звуковъ, и въ ея краткихъ эпизодахъ, и въ художественныхъ, и въ высочайше-нравственныхъ. Невозможно безъ волненія, почти безъ слезъ перечитать послѣднее:

Двѣсти ужъ дней,
Двѣсти ночей
Муки мои продолжаются;
Ночью и днемъ
Въ сердцѣ твоемъ
Стоны мои отзываются
Темные зимніе дни,
Ясныя зимнія ночи...
З—на! закрой утомленные очи,
З—на! усни!

„Это потрясаетъ какъ зрѣлище спальни и постели умирающаго; читаешь стихъ—какъ болѣешь самъ. Также чувство родины,—не лучше ли, чѣмъ въ отвлеченной, абстрактной одѣ, съ припоминаніемъ латъ Рюрика, оно сказалось въ этомъ краткомъ напутствіи Салтыкову, при его отъѣздѣ за границу, умирающаго поэта:

О нашей родинѣ унылой
Въ чужомъ краю не позабудь
И возвратись, собравшись съ силой,
На оный путь—журнальный путь.

Право же, эта „любовь журналиста“ стоитъ и любви офицера, да она не меньше и любви пахаря-крестьянина къ своей землѣ-родинѣ. Но Некрасовъ въ краткомъ, небрежномъ и отъ этого такъ искреннемъ четверостишіи, вычеканилъ какъ бы „медаль въ память“ и любви журналиста къ землѣ своей,—и съ какимъ отличительнымъ, характернымъ колоритомъ!..“

1902. Въ томъ же № „Новаго Времени“ стихотвореніе Д. Коковцова: „На могилѣ Некрасова“.

1902. „Новости“, 24 декабря. „Чествованіе памяти К. Д. Ушинскаго и Н. А. Некрасова“ (въ годичномъ собраніи коммиссіи Ушинскаго).

1902. „Новости“, 23 декабря. „Встрѣчи съ Н. А. Некрасовымъ; у П. В. Засодимскаго“. Рах.—(Тоже), 25 декабря. „Встрѣчи съ Н. А. Некрасовымъ; у М. И. Писарева“, Рах.

1902. „Новое Время“, 28 декабря (иллюстр. приложеніе). Изображеніе памятника на могилѣ Некрасова въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

1902. „Новое Время“, 30 декабря,—съ выпиской изъ „Сѣвернаго Края“, гдѣ весь № 340, 27 декабря, былъ посвященъ статьямъ и воспоминаніямъ о Некрасовѣ. Между прочимъ помѣщена была обширная статья П. В. Засодимскаго, очевидца, о погребеніи Некрасова; разсказчикъ говорилъ, что мало слышалъ рѣчь Панаева, который въ теченіе почти 40 лѣтъ былъ близокъ съ Некрасовымъ,—и „Н. Вр.“ замѣчаетъ, что „очевидецъ“ и не могъ въ 1877 г. слышать

„сотрудника“ Некрасова—Панаева, который умеръ въ 1862 г. Но у Засодимскаго шла рѣчь вовсе не о „сотрудникѣ“, а о давнемъ пріятелѣ Панаевѣ, который и дѣйствительно говорилъ на похоронахъ: это былъ не Иванъ Ив., а Валеріанъ Ал. Панаевъ (впослѣдствіи строитель Панаевскаго театра),—воспоминанія котораго недавно печатались въ „Р. Старинѣ“.

1902. „Крестьянинъ“. Романъ Вильгельма фонъ-Поленца. Съ предисловіемъ графа Льва Николаевича Толстого. Изданіе второе. М. (изданіе „Посредника“ для интеллигентныхъ читателей). Въ предисловіи, указывая, за послѣднія 50 лѣтъ, „поразительное пониженіе вкуса и здраваго смысла читающей публики... по всѣмъ отраслямъ литературы“, гр. Л. Н. Т., въ ряду строгихъ,—и частію впрочемъ вѣрныхъ,—осужденій новѣйшей русской поэзіи, упоминаетъ о „совершенно лишенномъ поэтическаго дара Некрасовѣ“ (стр. X).

1902. Полное собраніе стихотвореній Н. А. Некрасова въ 2-хъ томахъ. 1845—1877. Съ портретомъ, факсимиле и біографическимъ очеркомъ.

1903. „Спб. Вѣдомости“, 6 января. „Некрасовскій праздникъ въ Берлинѣ“, И. С.

1903. „Научное Обозрѣніе“, январь. „Некрасовъ“, М. Филиппова, стр. 239—263.

1903. „Народное Благо“, № 6, 15 февраля. „I. „Памяти Н. А. Некрасова. Жизнь и сердце поэта“, В. Ермилова, стр. 6—8. „II. Некрасовъ, какъ охотникъ (по разсказамъ крестьянъ)“, В. Михеева, стр. 8—9. „Изъ родного прошлаго. Воспоминанія г-жи Литвиновой о Некрасовѣ“, стр. 28.

1903. „Журналъ для всѣхъ“, февраль. „Изъ воспоминаній о Н. А. Некрасовѣ“, М. Антоновича, столб. 193—218. Рисунокъ: Н. А. Некрасовъ передъ смертью.

1903. П. А. Заболотскій. О гуманныхъ мотивахъ поэзіи Н. А. Некрасова. Варшава. 38 стр.

1903. „Историческій Вѣстникъ“, февраль, стр. 699—722. „Некрасовскіе дни“, В. Ѳ. Боцяновскаго. [Въ объявленіяхъ Р: Библіологическаго Общества, 12 декабря 1902—назначенъ былъ докладъ В. Ѳ. Боцяновскаго: „Памяти А. Н. Некрасова“].

1903. „Сибирскій Наблюдатель". Томскъ, кн. I, стр. 142—145. „Н. А. Некрасовъ", Вс. Долг—кова.

1903. „Р. Богатство", февраль. „Къ воспоминаніямъ М. А. Антоновича о Некрасовѣ", Ник. Михайловскаго.

1903. „Вѣстникъ Европы", апрѣль, стр. 445—482. „Н. А. Некрасовъ". Очеркъ А. М. Бобрищева-Пушкина.

Приводимъ изъ этой статьи нѣсколько отрывковъ:

„...Ходячее представленіе о Некрасовѣ, какъ о человѣкѣ двойственномъ, въ значительной степени обязано своимъ происхожденіемъ тому, что современники его въ шестидесятыхъ годахъ никакъ не могли отрѣшиться отъ оцѣнки его дѣятельности съ точки зрѣнія чисто сословной. Онъ все представлялся имъ помѣщикомъ, пишущимъ о мужикѣ. Съ другой стороны, люди послѣдующихъ поколѣній почти до нашихъ дней знакомились съ родной литературой исключительно по хрестоматіямъ, благодаря чему въ общественное сознаніе Некрасовъ вошелъ, собственно говоря, только своими народническими произведеніями. Не только вся проза его (до трехсотъ печатныхъ листовъ), но и сложная боевая литературная дѣятельность въ качествѣ редактора оставались и остаются почти въ сторонѣ.

„Какъ поэтъ, онъ, разумѣется, наиболѣе ярокъ въ произведеніяхъ, посвященныхъ крестьянскому быту; но было бы большою ошибкою понимать его узко, въ качествѣ какъ бы спеціалиста, „пѣвца народнаго горя". Только съ такой точки зрѣнія, только приписывая Некрасову ограниченный кругозоръ его эпигоновъ-народниковъ, можно было судить его не только по поводу отдѣльныхъ поступковъ, очевидно выходившихъ за предѣлы такой спеціальности, но даже и за стиль и идею литературныхъ работъ въ родѣ, напримѣръ, „Медвѣжьеи охоты", и рядъ удачныхъ и неудачныхъ сатиръ на современниковъ, гдѣ онъ говоритъ, разумѣется, не какъ пѣвецъ вообще и въ частности не какъ пѣвецъ крестьянства. Не слѣдуетъ забывать, что долгое и близкое общеніе съ литературными кружками, начиная съ середины сороковыхъ годовъ, близость къ такимъ лицамъ, какъ Бѣлинскій, Тургеневъ, Достоевскій и Аполлонъ Майковъ, не могли не отразиться на Некрасовѣ, пропитавшемся европейскими вліяніями, на которыхъ воспитались петрашевцы. Скорѣе слѣдуетъ удивляться тому, что въ то время, какъ образованная Россія сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ жила въ лицѣ

представителей землевладѣльческихъ классовъ чуждыми русской жизни крохами, перепадавшими къ ней съ европейскаго стола, Некрасовъ, можно сказать, первый ребромъ поставилъ въ литературѣ вопросъ о крестьянахъ, какъ людяхъ, о мужикѣ, какъ о человѣкѣ. Краснорѣчивымъ доказательствомъ справедливости моей оцѣнки этого времени могъ бы служить хотя бы тотъ фактъ, что публицистъ Писаревъ совсѣмъ не интересовался въ своихъ работахъ русскимъ крестьянствомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что уже Бѣлинскій къ концу жизни, спускаясь съ высотъ гегельянства, сдѣлалъ первые шаги на томъ пути, на которомъ затѣмъ такъ твердо стоялъ мало жившій и много сдѣлавшій Добролюбовъ. Это былъ путь раскрытія правды жизни, жизни дѣйствительной, повседневной. Въ этомъ направленіи шла вся литературная работа Некрасова. Съ одинаковой любовью передаетъ онъ въ „Кому на Руси жить хорошо“ и скорбныя рѣчи попа, и нервное, порывистое повѣствованіе толстенькаго барина, рисуетъ времяпровожденіе Послѣдыша, наконецъ поетъ и „Бурлацкую“, и „Соленую“. Съ большой высоты смотрѣлъ онъ на современную жизнь и, чуждый всякихъ сословныхъ предразсудковъ, видѣлъ, какъ—

„Порвалась цѣпь великая,
Порвалась, разскочилася,
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ по мужику“...

„Въ самомъ началѣ своей дѣятельности, въ первомъ своемъ стихотворномъ сборникѣ „Мечты и Звуки“, семнадцатилѣтній Некрасовъ романически-высоко опредѣляетъ призваніе поэта—

Кто духомъ слабъ и немощенъ душою,
Ударовъ жребія могучею рукою
Безстрашно отразить въ чьемъ сердцѣ силы нѣтъ...
. . . . . .
Тотъ не поэтъ!
На Божій міръ кто смотритъ безъ восторга,
. . . . . .
Кто у одра страдающаго брата
Не пролилъ слезъ, въ комъ состраданья нѣтъ,
Кто продаетъ толпѣ себя за злато,
Тотъ не поэтъ!“

„Много спустя, во вступленіи къ „Пѣснямъ" 1876—77 годовъ, почти наканунѣ смерти, онъ такъ вспоминаетъ свою музу, своего „друга" въ теченіе всей жизни:

„Ты силу чудную дала, въ колючій тернъ вплетая розы,—
ты пытку вынесть помогла"...

„Приди на мой послѣдній зовъ!"—восклицаетъ онъ. И въ этомъ прощальномъ уже настроеніи не оставляетъ его глубокая вѣра въ свое поэтическое призваніе, и звучатъ въ немъ тѣ же мотивы мести и печали, которыми онъ началъ свое литературное поприще:

„Могучей силой вдохновенья
Страданья тѣла побѣди,
Любви, негодованья, мщенья,
Зажги огонь въ моей груди!"

„Какъ онъ глубоко понималъ типъ Рудина, переданный имъ, одновременно съ Тургеневымъ, въ поэмѣ „Саша"; и несомнѣнно скептическое отношеніе къ этому пустоцвѣту не мѣшало ему, однако, находить въ томъ же лагерѣ людей, которыхъ онъ чтилъ и которыхъ вспоминаетъ въ „Медвѣжьей охотѣ", говоря о „либералѣ-идеалистѣ".

„Честенъ мыслью, сердцемъ чистъ", съ „безпредѣльной печатью унынья на челѣ", рисовался ему этотъ разъѣзжавшій по Европѣ верхоглядъ, картинно позировавшій затѣмъ у себя на родинѣ:

„Грозный дѣятель въ теоріи,
Безпощадный радикалъ,
Онъ на улицѣ исторіи
Съ полицейскимъ избѣгалъ".

„И однако, поэтъ любилъ ихъ даже такими и требовалъ къ нимъ уваженія во имя прошлаго ихъ:

„Но кто твое держалъ когда-то знамя,
Тѣхъ не пятнай!
Не предали они, они устали
Свой крестъ нести,
Покинулъ ихъ духъ Гнѣва и Печали
На полпути!"

„Въ самый блестящій періодъ своего творчества, когда появились уже всѣ пьесы, создавшія ему славу, Некрасовъ спѣшитъ, въ „Медвѣжьей охотѣ", „добромъ помянуть тог-

дашнюю литературу", вспоминаетъ Бѣлинскаго, Грановскаго, Гоголя, и прибавляетъ, что „еще найдется славныхъ двое, трое,—у нихъ тогда училось все живое". Именно здѣсь говоритъ онъ въ прочувствованныхъ строкахъ о Бѣлинскомъ, называя его учителемъ, прокладывавшимъ новыя стези:

„Въ тѣ дни, какъ все коснѣло на Руси,
Дремля и раболѣпствуя позорно",—

„Едва-ль не первый,—обращается онъ къ памяти своего учителя, — ты заговорилъ о равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ".

„Этими строками нашъ поэтъ чрезвычайно рельефно выдѣляетъ общее направленіе того, кто въ „святомъ недовольствѣ" шелъ въ жизни „волнуясь и спѣша", и отличіе его отъ не менѣе свѣтлаго образа Грановскаго, котораго называетъ „другомъ Истины, Добра и Красоты".

„Въ этой поэмѣ, имѣющей въ значительной степени такъ называемый гражданскій характеръ, и потому неохотно читаемой, находится, однако, кромѣ приведенныхъ трогательныхъ воспоминаній, чисто публицистическія по содержанію строки. Строки эти полны такого лиризма и глубины настроенія, что могутъ служить прекраснымъ образцомъ спеціально Некрасовскаго стиля, который я назвалъ бы стилемъ лирической публицистики:

„Не понимаемъ мы глубокихъ мукъ,
Которыми болитъ душа иная,
Внимая въ жизни вѣчно ложный звукъ
И въ праздности невольной изнывая.
Не понимаемъ мы—и гдѣ же намъ понять?—
Что бѣлый свѣтъ кончается не нами,
Что можно личнымъ горемъ не страдать
И плакать честными слезами!"

„Этотъ мотивъ міровой скорби не представляетъ собою перепѣва тѣхъ же европейскихъ мотивовъ; глубокая грусть, которая сквозитъ въ этой чисто русской печали, непосредственно связана съ содержаніемъ всего монолога Миши; авторъ, стараясь, устами Миши, пободрѣе закончитъ эпизодъ, завершить идейно это трогательное въ своей сердечности изліяніе, вызванное въ немъ чистыми образами своихъ учителей, вспоминаетъ о „богатыряхъ до-историческаго вѣка", спасавшихъ Россію, и съ горькой иронією убѣждаетъ не сомнѣваться въ ихъ существованіи,—

„Когда и въ наши дни выносятъ на плечахъ
Все поколѣнье—два, три человѣка".

„Глубокая любовь къ родинѣ, характеризующая Некрасова, можетъ быть, именно потому такими же глубокими корнями держалась въ его сердцѣ, что онъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, пострадалъ въ дѣтствѣ и юности отъ остраго противорѣчія между идеалистическимъ настроеніемъ, переданнымъ ему матерью, и грубой дѣйствительностью, угнетавшею молодую жизнь въ отцовскомъ домѣ и на улицахъ холоднаго Петербурга. „Muss man sich nicht erst hassen, wenn man sich lieben muss", — говоритъ великій нѣмецкій индивидуалистъ. Этотъ психическій законъ въ полной мѣрѣ оправдался на Некрасовѣ: трудно указать на другого поэта, въ строфахъ котораго любовь къ родинѣ и ненависть къ проникающему ее злу звучали бы столь глубокими созвучными аккордами, какъ у него, напримѣръ, въ стихотвореніи „Неизвѣстному другу". Горько сѣтуетъ онъ, вспоминая здѣсь о мучительной борьбѣ дѣтства и молодости, о томъ, что долгій гнетъ поселяетъ въ душѣ „привычки робкой тишины":

„Какъ мало зналъ свободныхъ вдохновеній,
О, родина, печальный твой поэтъ!"

„Богатый синтезъ въ этомъ словѣ *тишина*, за которою на громадномъ пространствѣ тогдашней Россіи не слышно было страданій „терпѣніемъ изумляющаго народа". Съ болью останавливается поэтъ на той мысли, что онъ „шелъ къ цѣли колеблющимся шагомъ, прикованный привычкой и средой" къ минутнымъ благамъ жизни, что онъ не жертвовалъ собой для достиженія цѣли, почему, какъ онъ думаетъ, пѣснь его пролетѣла безслѣдно и не дошла до народа.

„Мы теперь знаемъ, что тишина не заглушила этой пѣсни, какъ не заглохла въ Некрасовѣ и любовь къ родинѣ, когда онъ, ища примиренья съ горемъ, бродилъ за „дальнимъ Средиземнымъ моремъ", подъ яркимъ южнымъ небомъ:

„Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль".

„Стихотвореніе, которое мы цитировали, подъ этимъ многоговорящимъ заглавіемъ „Тишина", было написано въ

1857 году, послѣ крымскаго разгрома, когда поэтъ имѣлъ полное основаніе, при видѣ убогаго храма, среди широкихъ нивъ, сказать, что—

„Тяжеле стоновъ не слыхали
Ни римскій Петръ, ни Колизей!“

И эта роль сельскаго храма не была преувеличена, если вспомнить тѣ жертвы, которыя принесъ тогда русскій народъ. Широкая картина русской равнины нарисована съ любовью и правдой: тихія деревеньки, оврагъ съ полуживымъ мостомъ, который ямщикъ, бывалый парень русскій, объѣзжаетъ, спускаясь на дно оврага, озёра и ровная скатерть луговъ, и уходящая въ даль дорога между густыми березами,—все это не позволяетъ сомнѣваться, что „Тишина“ принадлежитъ къ „свободнымъ вдохновеніямъ“ Некрасова; эта духовная свобода поэта чрезвычайно наглядно сказывается въ сопоставленіи двухъ основныхъ идей, которыми онъ кончаетъ стихотвореніе:

„Надъ всею Русью тишина,
Но—не предшественница сна:
Ей солнце правды въ очи блещетъ,
И думу думаетъ она“.

„Здѣсь дана первая идея разсвѣта. какъ бы мимоходомъ иллюстрируется тѣми правдивыми мыслями, которыя проносятся въ умѣ поэта послѣ того, какъ тройка, проѣхавъ подъ мостомъ, несется дальше по лугамъ; мысли его спѣшатъ туда, въ родную глушь, гдѣ будетъ стыдно унывать въ праздной грусти въ виду пахаря, бредущаго съ пѣснью за сохой несмотря на то, что—

„Его ли горе не скребетъ!“

Въ виду этого стоицизма безпросвѣтнаго существованія, въ виду примѣра простого человѣка, который „живетъ безъ наслажденья“ и „безъ сожалѣнья умираетъ“, поэтъ твердо рѣшаетъ, какъ ему быть, ставя, такъ сказать, лозунгомъ русской жизни:

„За личнымъ счастьемъ не гонись
И Богу уступай,—не споря“.

„Итакъ, вотъ вторая, заключительная идея, вотъ дума Руси, которой „блещетъ въ очи солнце правды“. Вотъ какую

истину освѣтило ей это солнце. „Надъ всею Русью тишина“ и—никто, какъ Богъ.

„Эта глубина охватывающаго всю русскую жизнь пессимизма Некрасова, рѣшившагося, въ самый разгаръ реформъ, признать насъ „неготовыми къ трудной борьбѣ“ въ это „трудное время“, съ особенной силой обнаружила неготовность того слоя русской земли, который впервые былъ выброшенъ наружу. Обыкновенно читатели и критики останавливаются только на тѣхъ Некрасовскихъ произведеніяхъ, которыя имѣютъ въ виду страданія крѣпостного періода. Между тѣмъ „пѣсня, подобная стону“, разливается въ стихотвореніяхъ Некрасова не только по долямъ, лѣсамъ и равнинамъ, но звучитъ и въ городахъ; она распространяется не только въ пространствѣ, но и во времени, захватываетъ дѣйствительность русскую, какъ до освобожденія такъ и послѣ освобожденія крестьянъ. Оборванная чернь появилась у парадnаго подъѣзда въ городѣ въ 1858 году, а „Ермолай трудящійся“, который „тужитъ, что землицы ему недостаточно“, работаетъ въ 1864 году, уже по освобожденіи, а дальше дѣло Ермолая пошло такъ:

„Сила межъ тѣмъ въ мужикѣ убавляется,
Старость подходитъ, частенько хворается,—
Стало хозяйство тогда поправлятися,
Стало земли отъ сѣмянъ оставатися“.

А знаменитый „Выборъ“ повѣствуетъ въ 1867 г. о томъ, какъ „русская дѣвица, дѣвица красная“ выбирала между тремя суженымъ: царемъ водянымъ, выглянувшимъ изъ проруби, воеводою Морозомъ, обѣщавшимъ ей бѣлый вѣнокъ на голову, и наконецъ выбрала Лѣшаго, который, расхваливая лѣсъ, уговариваетъ ее влѣзть на дерево, прельщая тѣмъ, что—

„Съ каждаго дерева броситься можно
Внизъ головой!“

А въ 1874 году написана волжская быль—„Горе стараго Наума“, который—

„Былъ сердцемъ суховатъ,
Любилъ однѣ деньжонки“,

—и полвѣка прожилъ—работая „житейскимъ умомъ“, причемъ, сравнивая его съ паукомъ и предвидя, что онъ пройдетъ въ купцы, поэтъ такъ описывалъ его времяпровожденіе:

„Съ утра спускался онъ не разъ
По тонкой паутинкѣ,
Какъ по канату водолазъ,
Къ какой-нибудь личинкѣ".

„То комара подстерегалъ
И жадно влекъ въ объятія,
А пообѣдавъ, продолжалъ
Обычныя занятія".

Наконецъ... поэма „Кому на Руси жить хорошо", охватываетъ всю русскую жизнь за весь періодъ дѣятельности Некрасова...

„Ненавидя тѣ обломки старой русской жизни, которые испортили его дѣтство и мѣшали тогда, какъ и нынѣ мѣшаютъ родинѣ подняться, Некрасовъ завѣщалъ намъ настоящій патріотизмъ, ту плодотворную любовь, которая ожесточенно борется противъ несовершенствъ жизни въ своей неутолимой жаждѣ идеала. Именно на этой почвѣ Некрасовъ справедливо не просилъ, а требовалъ отъ общества примиренія съ его музой:

„Примиритесь же съ музой моей!
Я не знаю другого напѣва.
Кто живетъ безъ печали и гнѣва,
Тотъ не любитъ отчизны своей".

„Это широкое, общечеловѣческое въ своемъ значеніи, исповѣданіе любви къ тому, что̀ этой любви дѣйствительно стоитъ, и ненависти къ неправдѣ, къ царящему злу, прекрасно выражено Плещеевымъ въ строфахъ, обращенныхъ къ памяти Некрасова. Это — лучшая эпитафія покойному поэту. Онъ,—пишетъ Плещеевъ,—

„Пѣлъ о желанныхъ лучшихъ дняхъ,
Народа прозрѣвая силы...
И пѣснь его въ людскихъ сердцахъ
Къ неправдѣ ненависть будила"...

1903. Н. А. Некрасовъ и его поэзія. Историко-литературный очеркъ (съ портретомъ Некрасова). Г. В. Александровскаго. Изданіе третье. Кіевъ. 42 стр. Цѣна 40 коп. [См. выше, 1-е изд. 1902].

1903. А. В. Рыстенко. Два слова о Н. А. Некрасовѣ и его поэзіи. Сказанныя на литературно-музыкальномъ утрѣ въ Одесской женской гимназіи Г. Р. Березиной 27 апрѣля 1903 года. 30 стр.

[1902—1903]. А. Басаргинъ. „Поэзія Некрасова, по поводу двадцатипятилѣтія со дня смерти поэта". Москва s. a. 54 стр. Цѣна 30 коп.

1903. „Живая Мысль" (галицко-русскій журналъ во Львовѣ), № 5. „Пѣсня Ерёмушкѣ. Стихотвореніе. Н. А. Некрасова", текстъ съ удареніями, стр. 121—123; „Н. А. Некрасовъ, поэтъ-гражданинъ", съ портретомъ, стр. 128—136, И. С—го.

1904. В. П. Батуринскій. „А. И. Герценъ, его друзья и знакомые. Матеріалы для исторіи общественнаго движенія въ Россіи. Томъ I. Съ приложеніемъ двухъ портретовъ А. И. Герцена, портрета Н. П. Огарева и снимка съ памятника Герцену въ Ниццѣ". Спб. 1904. 309 стр.

[Собрано не мало частныхъ подробностей, но работа только компилятивная; многое изъ приведенныхъ подробностей осталось не провѣреннымъ, и не объясненнымъ, иногда, кажется, и не понятымъ].

1904. „Биржевыя Вѣдомости", № 173, 6 апрѣля.

Въ „Литер. замѣткахъ" А. Измайлова, по поводу стихотворенія „Какъ хороши, какъ свѣжи были розы", упомянутаго въ указанной мною рецензіи Некрасова („В. Евр." 1904, апрѣль, стр. 529—530), авторъ Замѣтокъ соображаетъ: „иниціалы Н. Н." (которые поставлены подъ этимъ стихотвореніемъ въ „Дамскомъ Альбомѣ" 1854) „стоятъ подъ нѣкоторыми ранними работами самого Некрасова. Ими была прикрыта и первая книжка его стиховъ „Мечты и звуки". Можетъ, такимъ образомъ, шевельнуться мысль, что это стихотвореніе принадлежитъ самому Некрасову". И авторъ наставительно объясняетъ, что стихотвореніе принадлежитъ извѣстному Мятлеву. Принадлежность этихъ стиховъ Мятлеву указана была еще раньше; а здѣсь „мысли" не было никакой надобности „шевелиться" такъ некстати, потому что изъ всей рецензіи Некрасова ясно, что онъ говоритъ о *чужомъ* стихотвореніи.

1904. „Русскія женщины“ Некрасова въ новомъ освѣщеніи, А. Горнфельда. „Р. Богатство“, апрѣль, стр. 20—52.

[S. a.] Nékrassov. Poésies populaires traduites par E. Halpérine-Kaminsky et Ch. Morice et précedées d'une étude sur Nekrassov par le v-te E. M. de Vogüé. Paris. Perrin et C-ie. S. a.

„Quelle est la place de Nékrassof dans la poésie russe? Une place secondaire: ses compatriotes le mettent au-dessous des grands lyriques de la période romantique, de Pouchkine et de Lermontof. Il n'a ni la sérénité du premier, ni la passion du second, surtout il n'a pas leur don d'expression musicale, le *quid divinum*, et il le sait bien: „Je ne me flatte pas que, dans la mémoire du peuple, quelque chose de mes vers se conserve... Il n'y a pas en toi de libre poésie, mon vers farouche et gauche, il n'y a pas d'art créateur!“ — Ce vers manque de spontanéité et d'harmonie; il est vigoureux, il dit bien ce qu'il veut dire, mais il est acquis, il ne tombe pas du ciel, comme chez les poètes de la vraie race divine. Par contre, Nékrassof ne doit rien aux maîtres étrangers, il doit fort peu à ses devanciers, bien moins que ceux-ci ne devaient à Schiller et à Byron. Venu avec la génération d'après 1840, qui inventa le réalisme, il mit dans la poésie ce que ses contemporains mettaient dans le roman: la description des misères et le sentiment de souffrances du peuple. Dans la pièce intitulée *Pensées devant un perron d'honneur*, il y a une belle invocation à ce gémissement du peuple russe qu'on entend partout, dans les champs et sur les routes, dans les tavernes et dans les mines, sous la meule et sous le chariot, au bivouac des bergers de la steppe et sur les eaux du Volga, „qui submerge notre terre comme ces eaux du grand fleuve, débordées au printemps“. Ainsi ce gémissement est répandu sur l'œuvre du poète. Réaliste par le choix de ses sujets, par la manière de les voir et de les peindre, il est idéaliste par sa façon de les achever brusquement en légende ou en rêve, par ses élans de fantaisie désordonnée. Si je devais le définir d'un mot, je dirais de lui, comme de beaucoup parmi ses compatriotes, qu'il est un réaliste exalté. Aussi bien, plus on se promène à travers la foule des esprits, plus on reconnaît l'insuffisance et le trompe-l'oeil de nos classifications d'école; nous en avons deux ou trois, et nous prétendons ranger sous ces pauvres étiquettes toute la merveilleuse diversité de ces esprits, faits de mille contradictions (стр. 3—5).

„L'originalité est sa qualité maîtresse. Aucune littérature

européenne n'a donné depuis cinquante ans un poète plus personnel, plus inattendu dans ses visions, mieux affranchi de toute imitation. Qui ne l'a pas approché, ignore une des faces caractéristiques du génie russe. Puisqu'on paraît désireux aujourd'hui de bien connaître ce génie, il était indispensable d'introduire les poésies de Nékrassof dans notre bibliothèque de traductions. Je ne conseillerais pas de tenter cette épreuve avec ses illustres prédécesseurs; leurs grâces romantiques paraîtraient un peu fanées pour le goût actuel; en passant dans une prose étrangère, ils perdraient le meilleur d'eux mêmes, l'enchantement de la forme. On nous donnerait les paroles d'une partition sans la musique. Nékrassof résistera mieux; ce n'est pas un musicien, il vaut par le sens et par les images... (стр. 8—9).

„Et maintenant, pourne pas être in juste envers notre poète, il me reste à nommer celles de ses compositions qui forcent l'admiration, ces petites épopées de la vie populaire dont il agrandit le cadre, en y jetant des trésors d'observation et d'imagination Le procédé est habituellement celui-ci: il prend un coin de cette nature russe, qu'il connaît et sent à merveille, il y place quelques pauvres êtres, il les décrit exactement, il les fait vivre d'une vie très intense; peu à peu, sous la main qui les pétrit, ces hommes grandissent et s'enflent comme la boule d'argile sous la main du potier, ils deviennent allégoriques, mythiques, ils sont le peuple entier; autour d'eux, la nature s'élargit en même temps, la vaste Russie se déroule, ses tableaux variés passent sous nos yeux, selon le caprice du magicien; insensiblement et sans secousse, l'image réelle se métamorphose en fiction légendaire (стр. 27).

„S'il me fallait décider quel est le chef-d'œuvre de Nékrassof, j'opterais pour le poème qui porte un titre diffiicilement traduisible en français, le *Gel au nez rouge* C'est tout ensemble la plus touchante complainte de la souffrance des pauvres et l'hymne le plus magnifique à l'hiver russe, au terrible seigneur qui règne sur cette souffrance.

„Et c'est aussi le morceau le plus épique, au sens complet du mot, qui se soit rencontré sous la plume d'un poète moderne. Rien de si lugubre, de si simplement vrai dans le détail, que la mort du paysan Procle. L'apostrophe au petit cheval qui porte son maître à la dernière demeure, après avoir longtemps travaillé avec lui, est une merveille d'émotion et de grâce délicate. Daria, la femme du défunt, va couper du bois pour ses enfants dans la forêt hivernale; l'engourdis-

sement du froid la saisit, sous le sapin où elle est tombeé de lassitude. Quel art consommé dans la liaison des souvenirs et des rêveries qui occupent cet humble cerveau, délirant sous la griffe glacée qui l'étreint! Son mari regretté, son fils pour qui elle craint la conscription, sa course au couvent où elle alla chercher l'image sainte qui devait guérir Procle, enfin son dernier cauchemar, la lutte héroïque avec le seigle, au temps de la moisson, avec ces épis changés en armée vivante, innombrable, contre lesquels elle a combattu sa vie durant, avant de s'affaisser, vaincue par cette lutte inégale! La gelée roidit la pauvre créature abandonnée, et la gelée c'est le seigneur *Moroz*, le Gel au nez rouge, le vieil enchanteur qui personnifie sur cette terre la suprême puissance de la nature. *Moroz* n'est pas un roi de féerie, c'est un dieu d'Homère; l'invocation du poète nous le montre seul dans son empire de glace, au milieu de son luxe cruel, acharné sur cette misérable sujette qui symbolise toutes les autres. Mais j'essayerais en vain d'analyser cette conception grandiose, qui ne ressemble à rien de connu et qui saisira, je crois, toutes les imaginations. Je me borne à la signaler, et il me plaît de terminer cette critique par un hommage de franche admiration.

„Quand on lit ces pages éblouissantes, on se demande si ce n'est pas là du génie, et de quoi donc est fait le génie. Dieu le sait! Nous savons seulement que le génie n'est pas fait en entier, tant qu'on n'aperçoit pas au fond de l'âme ces eaux sereines, lumineuses et limpides, qui reflètent la vie sans la déformer et sans se laisser troubler par elle; on peut les simuler, on ne les remplace pas avec des larmes amères, violentes et voulues, comme furent trop souvent celles du malheureux Nékrassof“ (стр. 32—35).

Отзывы о Некрасовѣ, напр., относительно „Русскихъ женщинъ“, повторены въ книгѣ де-Вогюэ: Regards historiques et littéraires. Его ошибки отмѣчены въ слѣдующей книгѣ.

1904. „Записки княгини Маріи Николаевны Волконской, съ предисловіемъ и приложеніями издателя князя М. С. Волконскаго.—Mémoires de la Princesse Marie Wolkonsky“, etc. Спб. 4°. XXXV и 212 стр.. съ портретами и рисунками.

Приводимъ изъ предисловія издателя этой замѣчательной книги любопытныя сообщенія о Некрасовѣ по поводу поэмы „Русскія женщины“—„въ виду чрезвычайной близости ея къ Запискамъ княгини Волконской“.

„Съ Некрасовымъ,—говоритъ кн. Волконскій,—я былъ знакомъ долгіе годы. Насъ сблизила любовь моя къ поэзіи и частыя зимнія охоты, во время которыхъ мы много бесѣдовали, причемъ я, однако же, обходилъ разговоры о сосланныхъ въ Сибирь, не желая, чтобъ они проскользнули несвоевременно въ печать. Однажды, встрѣтивъ меня въ театрѣ, Некрасовъ сказалъ мнѣ, что написалъ поэму: „Княгиня Е. И. Трубецкая". и просилъ меня ее прочесть и сдѣлать свои замѣчанія. Я ему отвѣтилъ, что нахожусь въ самыхъ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ семьею Трубецкихъ и что, если впослѣдствіи найдутся въ поэмѣ мѣста, для семьи непріятныя, то, зная, что поэма была предварительно сообщена мнѣ, Трубецкіе могутъ меня, весьма основательно, подвергнуть укору; поэтому я готовъ сообщить свои замѣчанія въ томъ лишь случаѣ, если авторъ ихъ приметъ. Получивъ на это утвердительный отвѣтъ Николая Алексѣевича, а на другой день и самую поэму въ корректурномъ еще видѣ, я тотчасъ ее прочелъ и свезъ автору съ своими замѣтками, касавшимися, преимущественно, характеровъ описываемыхъ лицъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, для красоты мысли и стиха, онъ измѣнилъ характеръ этой высокодобродѣтельной и кроткой сердцемъ женщины, на что я и обратилъ его вниманіе. Многія замѣчанія онъ принялъ, но отъ нѣкоторыхъ отказался и, между прочимъ, отказался выпустить четырехстишіе, въ которомъ княгиня бросаетъ кускомъ грязи въ только-что покинутое ею высшее петербургское общество, къ которому принадлежали ея родные и близкіе друзья, и къ которому она, въ дѣйствительности, стремилась душою изъ далекой ссылки до конца своихъ дней...

„Поэма имѣла громадный успѣхъ, и Некрасовъ задумалъ другую. Разъ онъ, пріѣхавъ ко мнѣ, сказалъ, что пишетъ о моей матери, и просилъ меня дать ему ея „Записки", о существованіи которыхъ ему было извѣстно; отъ этого я отказался наотрѣзъ, такъ какъ не сообщалъ до тѣхъ поръ этихъ „Записокъ" никому, даже людямъ, мнѣ наиболѣе близкимъ. „Ну, такъ прочтите мнѣ ихъ", сказалъ онъ мнѣ. Я отказался и отъ этого. Тогда онъ сталъ меня убѣждать, говоря, что данныхъ о княгинѣ Волконской у него гораздо меньше, чѣмъ было о княгинѣ Трубецкой, что образъ ея выйдетъ искаженнымъ, невѣрными явятся и факты, и что мнѣ первому это будетъ непріятно и тяжело, а опроверженіе будетъ для меня затруднительно. При этомъ онъ давалъ мнѣ слово принять всѣ мои замѣчанія и не выпускать поэмы безъ

моего согласія на всѣ ея подробности. Я просилъ дать мнѣ нѣсколько дней на размышленіе, еще разъ перечелъ „Записки“ моей матери и, въ концѣ концовъ, согласился, несмотря на то, что мнѣ была крайне непріятна мысль о появленіи поэмы весьма интимнаго характера и основанной на разсказѣ, который въ то время я не предполагалъ предавать печати.

„Некрасовъ по-французски не зналъ, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы понимать текстъ при чтеніи, и я долженъ былъ читать, переводя по-русски, при чемъ онъ дѣлалъ замѣтки карандашомъ въ принесенной имъ тетради. Въ три вечера чтеніе было закончено. Вспоминаю, какъ при этомъ Николай Алексѣевичъ по нѣскольку разъ въ вечеръ вскакивалъ и съ словами: „Довольно, не могу“, бѣжалъ къ камину, садился къ нему и, схватясь руками за голову, плакалъ, какъ ребенокъ. Тутъ я видѣлъ, насколько нашъ поэтъ жилъ нервами, и какое мѣсто они должны были занимать въ его творчествѣ.

„Когда поэма была кончена, онъ принялъ мои замѣчанія и просилъ лишь оставить ему сцену встрѣчи княгини Волконской съ мужемъ не въ тюрьмѣ, какъ изложено въ „Запискахъ“, а въ шахтѣ: „Не все ли вамъ равно, съ кѣмъ встрѣтилась тамъ княгиня: съ мужемъ ли или съ дядею Давыдовымъ; они оба работали подъ землею, а эта встрѣча у меня такъ красиво выходитъ“. Я уступилъ, но уѣзжая изъ Петербурга, просилъ выслать мнѣ, для просмотра, еще послѣднюю корректуру. Поэтъ этого не исполнилъ, и я получилъ отъ него при письмѣ, полномъ извиненій, поэму, уже выпущенную („Отечественныя Записки“, генварь 1873 года). Этимъ объясняется то, что въ поэмѣ проскользнуло нѣсколько выраженій, не отвѣчающихъ характеру воспѣтой имъ женщины.

„Я нашелъ необходимымъ изложить подробно предшествующее, чтобы выяснить, почему поэма Некрасова оказывается такою близкою къ подлиннымъ „Запискамъ“.

„Не могу оставить здѣсь безъ возраженія критики на эту поэму Некрасова виконта Мельхіора де-Вогюэ. Въ своей книгѣ „Взгляды историческіе и литературные“ („Regards historiques et littéraires, 3-me ed.“, pp. 282 et 283) онъ говоритъ о поэмѣ „Русскія женщины“ слѣдующее: „Сюжетъ поэмы тотъ же, на который написалъ Альфредъ де-Виньи одну изъ своихъ посмертныхъ поэмъ „Банда“: прославленіе добровольныхъ изгнанницъ, которыя послѣдовали за мужьями,

сосланными въ Сибирь послѣ революціонной попытки 1825 г. Но когда Некрасовъ съ любовью описываетъ двухъ мученицъ, онъ имъ придаетъ черты самыя трогательныя, его цѣль слишкомъ явная: онъ насъ трогаетъ по отношенію къ нимъ для того только, чтобы лучше служить своей политической ненависти; вся поэзія, которою онъ ихъ окружаетъ, обращается въ оружіе противъ Императора Николая; возбуждаемый этимъ чувствомъ, писатель употребляетъ всѣ пріемы своего искусства; съ восторгомъ будутъ читаться эти трогательныя повѣствованія, второе—въ особенности: тяжкое путешествіе княгини Волконской, ея спускъ въ подземныя шахты, ея встрѣча съ мужемъ—все это незабываемыя картины. Но читатель будетъ мною недоволенъ, если я его предварю, что эти красивыя видѣнія не имѣютъ ничего общаго съ холодной дѣйствительностью. Эта послѣдняя, въ томъ видѣ, въ какомъ она мнѣ передана лицами пережившими эту эпоху, далека отъ мелодрамы: *Липранди, приставленный Царемъ къ декабрьскимъ сосланнымъ, получилъ приказаніе ничего не жалѣть для смягченія ихъ участи. Ихъ жены не могли сойтись съ ними въ подземной шахтѣ по той простой причинѣ, что они сами никогда туда не спускались. Эти дамы нашли вновь на берегахъ Лены роскошь элегантной жизни и свѣтскихъ удовольствій, къ которымъ онѣ были пріучены.* Сосланные вернулись изъ этого испытанія безъ дурныхъ воспоминаній; нѣкоторые изъ нихъ дожили до глубокой старости, и, кому случалось встрѣтиться съ ними, слышали *разсказы ихъ объ изгнаніи, которые вовсе не согласовались съ эпизодами, измышленными Некрасовымъ.*

„Насъ не касаются воззрѣнія виконта де-Вогюэ на поэзію Некрасова, а касаются лишь приводимые имъ факты. Мы не знаемъ, отъ какихъ именно лицъ, „пережившихъ эту эпоху", онъ могъ почерпнуть все вышеприведенное, но не подлежитъ сомнѣнію, что въ четырехъ, подчеркнутыхъ нами, краткихъ періодахъ, заключается пять извращеній именъ и событій.

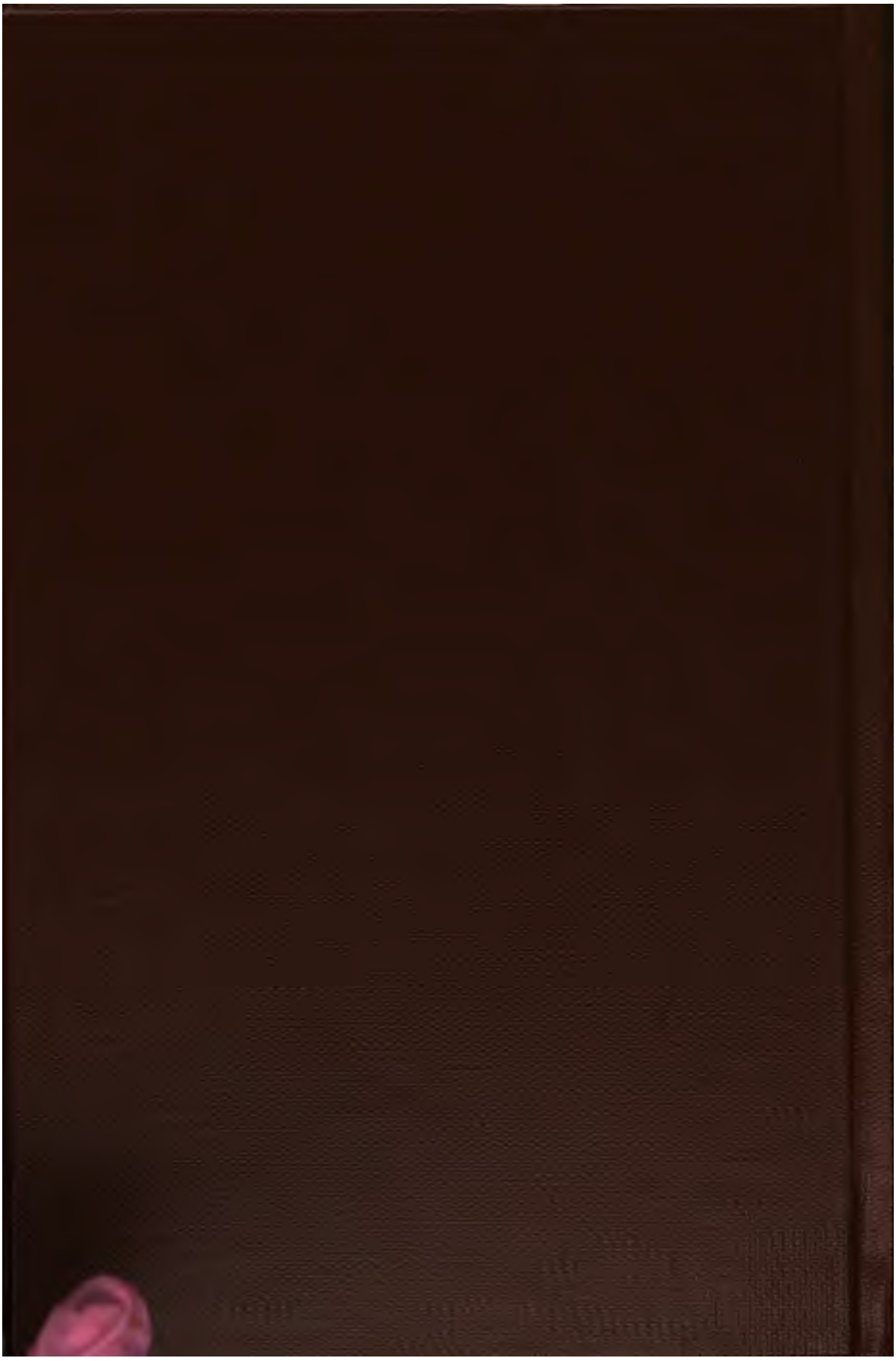
„Прежде всего, вымысла въ поэмѣ Некрасова нѣтъ, что доказывается самыми „Записками" княгини Волконской. Доказывается и многочисленными Записками декабристовъ (Розена, Трубецкого, Якушкина, Басаргина, Оболенскаго, Горбачевскаго и другихъ).

„Никакого Липранди въ Сибири не было"...

[Очевидно, Вогюэ смѣшалъ съ Липранди то, что онъ слыхалъ о генералѣ Лепарскомъ].

1904. Н. К. Михайловскій. Отклики. Изданіе редакціи журнала „Русское Богатство". Спб. Томъ II, стр. 219—234, 323—324.

1904. Бальмонтъ, ст. о Некрасовѣ, въ журналѣ „Новый путь", № 9.

1904. В. Богучарскій. Изъ прошлаго русскаго общества. Спб. О Некрасовѣ, стр. 231, 247, 256, 369.

1904. Литературные образы и мнѣнія. Евгеній Аничковъ. Спб., стр. 58—59.